

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations
№ 2 (53) 2017

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: РИНЦ, Google scholar,
список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 44,525 усл. п.л. Заказ № 636.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/ fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание 2•2017

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Индия в международных отношениях

- 7 Ивашенцов Г.А. – Россия-Индия: новые горизонты давнего партнёрства
- 24 Лунёв С.И. – Советско-индийские отношения (1955 - 1971 гг.): рождение дружбы
- 52 Зайцев М.С. – О военной стратегии Индии
- 71 Галищева Н.В. – Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы
- 90 Баронов В.И., Костюнина Г.М. – Участие Индии в региональных торговых соглашениях
- 109 Ибрагимова К.А. – Электрификация сельской Индии как фактор развития и борьбы с бедностью
- 131 Немова А.А. – Значение опыта Западной Бенгалии для преодоления бедности в Бангладеш
- 147 Бойко А.А. – Влияние антиядерных общественных движений на энергетическую политику Индии
- 160 Кулик Л.В. – Индийская диаспора в Великобритании

Северная Америка и Вест-Индия

- 184 Martynov B., Moloeznik M.P. – Mexico On A Criminal Traffic Scenario
- 195 Улугова Х.Ш. – Трамп и «кубинское наследие» Обамы
- 208 Мамедова А.О. – Американско-британские отношения и переговоры о заключении соглашения о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (2013 – 2016 гг.)

Прогнозы и теории

- 226 Безруков А.О., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. – Прогноз угроз международной безопасности России в 2017 г.
- 254 Смирнов В.А. – К вопросу о теоретических аспектах изучения политических элит малых государств

РЕЦЕНЗИИ

- 266 Александров-Деркаченко П. – Такая глобальная Европа

Table of Contents 2• 2017

RESEARCH ARTICLES

India in international relations

- 7 Ivashentsov G.A. Russia-India: New Horizons for Historical Partnership
- 24 Lounev S.I. Soviet-Indian Relations (1955 - 1971): The Birth of a Friendship.
- 52 Zaitsev M.S. Military Strategy of India
- 71 Galistcheva N.V. Globalization of the Indian Economy: The Main Trends and Perspectives
- 90 Baronov V.I., Kostyunina G.M. India's Participation in the Regional Trade Agreements
- 109 Ibragimova K.A. Energy Sector of India: Past and Present
- 131 Nemova A.A. The Significance of Experience of West Bengal for Poverty Alleviation In Bangladesh
- 147 Boyko A.A. The Nuclear Energy Factor in Indian Politics
- 160 Kulik L.V. Indian Diaspora in the UK

North America and the West Indies

- 184 Martynov B., Moloeznik M. P. Mexico On A Criminal Traffic Scenario
- 195 Ulugova Kh.Sh. Trump and Obama's "Cuban Legacy"
- 208 Mamedova A.O. U.S.-UK Relations and Transatlantic Trade and Investment Partnership Negotiations (2013 - 2016)

Forecasts and theories

- 226 Bezrukov A.O., Silaev N.I., Sushentsov A.A. Forecast of International Security Threat of Russia in 2017
- 254 Smirnov V.A. Theoretical Aspects of Political Elite In Small States

BOOK REVIEWS

- 266 Aleksandrov-Derkachenko P.P. Such a Global Europe

РОССИЯ – ИНДИЯ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ДАВНЕГО ПАРТНЁРСТВА

Г.А. Ивашенцов

Российский совет по международным делам

Отношения нашей страны с Индией на протяжении десятилетий были близки к союзническим. Вместе с тем перемены, произошедшие в России и на мировой арене в целом, мощный экономический подъём и усиление на этой основе геополитических амбиций Индии не могли не привести в эти отношения новые акценты.

Приход к власти в Индии в 2014 г. «Индийской Народной партии», или «Бхаратия Джаната Парти» (БДП), идеологией которой служит Хиндутва – национализм, основанный на религиозных традициях индуизма, придавал международной деятельности Индии большую уверенность и напористость. Нынешний премьер-министр Н. Моди прямо заявил о своём плане сделать Индию ведущей силой на международной арене.

Важным моментом индийской внешней политики последнего времени стало деятельное наведение мостов с США, которые рассматривают Индию прежде всего как один из потенциальных противовесов Китаю. Свою роль в индийско-американском сближении сыграла трёхмиллионная индийская диаспора в США. Вместе с тем Нью-Дели сохраняет ставку на «привилегированное стратегическое партнёрство» с Россией. Интересы Индии в глобальном и региональном масштабе чаще совпадали и совпадают с интересами России, а не других великих держав. Со своей стороны у нас никогда не было, нет и не предвидится конфликта интересов с Индией. Три основополагающих столпа двустороннего партнёрства за пределами международной политики – это энергетика, в т.ч. атомная, военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в космосе. Эти сферы составляли, составляют и будут составлять базис нашего стратегического партнёрства. Российско-индийское партнёрство убедительно доказывает свою жизнеспособность и эффективность, содействует укреплению всеобщего мира и безопасности.

Ключевые слова: Россия, Индия, стратегическое партнёрство, Н. Моди, Хиндутва, индийская диаспора.

JEL F5 УДК 327

Поступила в редакцию 26.03.2017 г.

Принята к публикации 07.04.2017 г.

Когда сегодня говорят о сдвигах в расстановке сил на глобальной арене, среди «новых» крупных игроков в международных делах неизменно упоминают Индию. Индия – давний партнёр нашей страны, отношения с которым на протяжении десятилетий были близки к союзническим. Вместе с тем произошедшие в России перемены, общее изменение международной обстановки, мощный экономический подъём и усиление на этой основе геополитических амбиций Индии, которая не скрывает своих намерений войти в число мировых лидеров, не могли не привести в эти отношения новые нюансы и акценты.

Основы внешней политики Индии

Индия изначально стремилась выступать в качестве деятельного участника международных процессов. Особая роль в этом принадлежала Дж. Неру, который ещё до независимости в качестве вице-премьера и министра иностранных дел Временного правительства инициировал шаги по установлению дипломатических отношений с рядом ведущих государств. В 1945 г. Индия стала членом Организации Объединённых Наций, а в 1946–1947 гг. установила дипломатические отношения с Китаем, Советским Союзом, США и другими странами.

На протяжении первых десятилетий независимости возможности Индии были крайне ограничены, и главной целью её политики неприсоединения было не допустить, чтобы американо-советское противостояние в ходе холодной войны нанесло ущерб безопасности, независимости и благосостоянию относительно слабой страны.

Свою роль сыграл раздел на Индию и Пакистан в 1947 г., приведший к непрекращающемуся конфликту с Исламабадом и острым противоречиям между индусами и мусульманами в самой Индии. Раздел физически отделил Индию от исторически связанных с ней стран, таких как Афганистан, Иран и государства Юго-Восточной Азии. Оторванная от своих естественных рынков и культурно-родственных территорий, Индия оказалась жёстко ограничена в свободе политического манёвра даже в ближайшем географическом окружении. Появление исламского пакистанского государства создало барьер для участия Нью-Дели в делах Ближнего Востока.

И хотя при Дж. Неру Индии удавалось весьма активно участвовать в решении широкого круга вопросов — от прав человека до контроля над ядерными вооружениями, продолжительное время она могла подкрепить свои выступления на международной арене лишь моральным авторитетом и поддержкой дружественных ей государств Азии, Африки и Латинской Америки – участников Движения неприсоединения. Для вхождения в «высшую мировую лигу» требовался мощный экономический научно-технический и военный потенциал. Такой потенциал Индия обрела к началу XXI в.

При том что сегодня 41,6% индийцев живут на сумму менее 1,25 долл. в день, по величине ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способно-

сти (8 трлн долл. в 2015 г.¹), Индия занимает третье место в мире после Китая и США. Нынешняя Индия – это страна, собственными усилиями создавшая ядерное оружие и реакторы для атомных электростанций, запустившая спутник на орбиту Марса и разрабатывающая полёты космонавтов на отечественных космических кораблях. Быстрыми темпами развиваются наукоёмкие отрасли, особенно информационные технологии. IT-сегмент индийской экономики составляет от 80 до 90 млрд долл. в год. На Индию приходится порядка 18,5% мирового рынка программных продуктов². Эта страна занимает третье место в мире после Китая и США по числу находящихся в пользовании мобильных телефонов – 1,0 млрд³, а по числу пользователей интернета – 354 млн человек⁴ – опережает США, уступая только Китаю.

Успешно решена поставленная в 2000 г. задача удвоить доход на душу населения к 2010 г. Сейчас цель – вновь удвоить этот показатель к 2020 г. Ещё одна цель: превратить Индию в супердержаву знаний, развивать наукоёмкие технологии. В правительственной программе «Индия: Видение-2020» определены такие стратегические направления развития индийской экономики, как энергетика, включая атомную, кластер информационных технологий, оборонно-промышленный комплекс, аэрокосмический сектор, авиастроение, электроника высшей степени сложности и т.д. Развитие этих направлений объявлено национальным приоритетом.

Всё это не могло не внести корректив во внешнеполитические установки Индии. Традиционная роль Нью-Дели как центра неприсоединившегося «третьего мира», проводящего политику вне блоков Восток – Запад, с завершением холодной войны осталась в прошлом. Беспокойство в связи с усилением мощи Китая обусловило определённое сближение Нью-Дели с Вашингтоном в вопросах безопасности. Индия – желанный для Запада партнёр ещё и потому, что она – в отличие от большинства государств третьего мира – устойчивая демократия.

Индия, однако, отнюдь не «уходит на Запад». Эта великая древняя страна следует собственной социально-политической философии и неуклонно утверждает свою независимость. Располагая более чем миллиардным населением и будучи расположенной на стыке нескольких регионов мирового стратегического значения, она видит себя одним из мировых центров и поэтому для неё неприемлем однополярный мировой порядок и союзы, ограничивающие свободу действий каждого из их участников. Индия обладает достаточной экономической и военной мощью, чтобы следовать в международных делах самостоятельной

¹ Сайт Мирового банка - Gross domestic product 2015, PPP. URL: http://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

² Индия — самый быстроразвивающийся онлайн-рынок в мире. URL: roem.ru/23-09-2015/207711/india-sea/ (дата обращения: 20.03.2017).

³ List of countries by number of mobile phones in use. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_number_of_mobile_phones_in_use (дата обращения: 20.03.2017).

⁴ Internet Users In India: 354M, 60% Access From Mobile. Report. URL: <http://dazeinfo.com/2015/09/05/internet-users-in-india-number-mobile-iamai/> (дата обращения: 20.03.2017).

линии и заставить партнёров с такой линией считаться, наглядным примером чему служит признание международным сообществом ядерной программы Нью-Дели и его позиции по вопросу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Политический индуизм

Последнее десятилетие отмечено нарастанием утверждения национальной идентичности во многих государствах в разных регионах мира. Этот процесс имеет место в Китае, Японии, Иране, Турции. Усилились правые движения в Европе, показательны Брексит и, наконец, победа Д. Трампа в США.

Рост националистических настроений в полной степени проявился и в Индии. В 2014 г. внушительную победу на парламентских выборах одержала «Бхаратия Джаната Парти» (БДП), или «Индийская Народная партия» (так её название переводится на русский язык), для которой идеологией служит *Хиндутва* – национализм, основанный на религиозных традициях индуизма.

Успеху БДП и её лидера Н. Моды, занявшего пост премьер-министра Индии, способствовал целый ряд факторов. С одной стороны, страна добилась существенного прогресса в своём развитии, но с другой – этот прогресс обострил социальные противоречия. А что, как не обращение к религиозной общности – лучшее средство приглушить социальную рознь, сплотить нацию? Для последователей индуизма, составляющих более 80% индийцев, лозунги верховенства *Хиндутвы* прозвучали и как своего рода ответ на усиление исламского радикализма в сопредельных Индии регионах, да и в мусульманской общине самой Индии.

Приход к власти индусских националистов не изменил направлений внешней политики Нью-Дели; по главным вопросам этой политики между ведущими индийскими политическими партиями уже более полувека существует определённый консенсус. Вместе с тем международной деятельности Индии были приданы большая уверенность и напористость.

Н. Моди прямо заявил о плане сделать Индию ведущей силой на международной арене. В осуществлении этого плана, как представляется, нынешнее индийское руководство исходит из двух постулатов. Во-первых, из того, что рост экономики и обеспечение национальной безопасности Индии в условиях глобализации невозможны без участия страны в решении общемировых проблем. Сегодня, когда объём внешней торговли приближается к 50% ВВП, Нью-Дели должен деятельно влиять на международную среду, чтобы защитить интересы страны при создании новых глобальных правил. Пассивность в данном вопросе может дорого обойтись. Во-вторых, при ведении многосторонних переговоров Индия должна учитывать международную политическую иерархию – твёрдо добываясь своего, одновременно проявлять гибкость и стремиться к разумному компромиссу.

Пока глобальная роль Индии не приобрела законченных очертаний. Если использовать известное выражение великого русского дипломата А.М. Горчакова, в настоящее время Индия сосредотачивается. По большинству острых международных вопросов Нью-Дели воздерживается от резких высказываний, прячась за общими формулировками. «В ряде случаев, – как отмечает Ф. Лукьянов, – это выигранно, поскольку позволяет ни с кем не портить отношения, но контрастирует и с внешними ожиданиями от Индии, и с повышенной самооценкой. Тем более что Дели мечтает о месте постоянного члена Совета Безопасности ООН, а такой статус предусматривает необходимость высказываться более чётко и определённ»⁵.

Три кольца большой стратегии Индии

Большая стратегия Индии, как пишет видный индийский политолог Ч. Раджа Мохан, делит мир на три концентрических кольца [1]. Первое охватывает непосредственных соседей, второе включает в себя так называемое расширенное соседство в Азии и вдоль побережья Индийского океана, а третье представляет собой всю мировую арену.

Нью-Дели ведёт напряжённую работу, дабы изменить отношения с непосредственными соседями, а также найти и восстановить позиции в «ближнем зарубежье» – в Центральной и Юго-Восточной Азии, в регионах Персидского залива и Индийского океана. На это нацелено деятельное участие Индии в работе Южно-Азиатской Ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), Инициативы Бенгальского залива по многоотраслевому технико-экономическому сотрудничеству (БИМСТЭК), Регионального форума АСЕАН, Восточно-Азиатского саммита, вступление Индии в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Сознавая, что стабильность на субконтиненте позволит Индии играть более весомую роль в глобальном плане, Н. Моди активнее, чем это делали его предшественники, пошёл на сближение с Пакистаном. Правда, ему не удалось достичь существенных перемен к лучшему, но ответственность за это лежит, прежде всего, на Исламабаде. Пакистан, видимо, и дальше будет создавать проблемы для индийской внешней политики. Н. Моди принял это как данность, решил не тратить силы понапрасну и направить их на другие, не столь очевидные направления. Так, Индия впервые в истории заключила партнёрство с Японией, принципиально важное для оживления индийской экономики и создания противовеса Китаю внутри Азии. Параллельно Индия развивает взаимодействие, прежде всего, в торгово-экономической области и с Китаем, который к настоящему времени занял первое место среди её торговых партнёров. В 2014–2015 ф.г. оборот двусторонней торговли соста-

⁵ Лукьянов Ф. Разборчивая невеста // Российская газета, 20.02.2013, с. 8.

вил 70,7 млрд долл. при отрицательном для Индии сальдо торгового баланса в 52,7 млрд долл.⁶

Что касается ближневосточной политики Индии, то в отличие от своих предшественников, Н. Моди публично заявил о том, что Индия поддерживает прочные отношения с Израилем в области торговли и обороны и что это сотрудничество, которое развивается ещё с 1990-х гг., должно стать стратегическим. Индия в одно и то же время тесно взаимодействует с Ираном и Объединёнными Арабскими Эмиратами и завязала тесные контакты с Саудовской Аравией.

Выдвинутая предшественниками Н.Моди инициатива «Гляди на восток», направленная на укрепление связей со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, при Н. Моди получила логическое продолжение в виде политики «Действуй на востоке», хотя на этом направлении ещё предстоит сделать очень многое. Индия хочет, чтобы в Юго-Восточной Азии её воспринимали как активного игрока: она заявляет, что заинтересована в сохранении свободы судоходства в Южно-Китайском море, и одновременно укрепляет связи с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) перед лицом нарастающего давления на блок со стороны Китая. Возобновившийся интерес Индии к ситуации на её восточном фланге демонстрирует намерение стать гарантом безопасности расположенных там островных государств, вопреки китайскому присутствию в Индийском океане. Таковое намерение подкрепляется наращиванием мощи океанского «флота голубой воды». Не забывает Н. Моди и о таких важных партнёрах, как Франция, Германия и Великобритания.

Индия – США

Важнейшим направлением внешней политики Индии последнего времени стало деятельное наведение мостов с США. В предшествующие десятилетия индийско-американские отношения характеризовались неустойчивостью и нестабильностью. США не рассматривали Индию как влиятельное государство. Неприятие Вашингтона вызывала и проводившаяся Индией политика неприкосновенности, направленная на неучастие в военных блоках, возглавляемых США и СССР, и на противодействие ущемлению Западом интересов развивающихся стран. После проведённых Индией в 1998 г. ядерных испытаний США остановили оказание помощи Индии, проголосовали против предоставления ей кредитов Мировым банком и Азиатским банком развития и призвали другие государства последовать их примеру.

Вместе с тем уже тогда в американских публикациях начали говорить об Индии как о «колеблющемся стержневом государстве» [2, с. 132]. Такая характеристика отводила Индии в глобальной политике роль государства-противовеса. То есть, не обладая могуществом, которое позволило бы ей стать самостоятель-

⁶ Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce. Export Import Data Bank. URL: <http://dgft.delhi.nic.in/> (дата обращения: 20.03.2017).

ным центром силы, Индия своим участием в той или иной международной коалиции могла эту коалицию значительно усилить.

Поэтому с 2000-х гг. Соединённые Штаты сознательно способствовали повышению статуса Индии, рассматривая её, прежде всего, как один из потенциальных противовесов Китаю. Американцы понимали, что Индия станет вести независимую внешнюю политику, которая, как они надеялись, будет отвечать стратегическим интересам США в Индо-Тихоокеанском регионе.

Уже во время визита Б. Клинтона в Индию в марте 2000 г. в американо-индийских отношениях наметились перемены. С приходом в Белый дом Дж. Буша-мл. Вашингтон впервые заявил о готовности признать Индию в качестве ядерной державы, а в декабре 2006 г. подписал закон о сотрудничестве США и Индии в мирной атомной энергетике. По своей сути закон отменил проводимую десятилетиями политику Вашингтона в ядерной сфере, позволив Индии получать от США ядерные технологии и ядерное топливо для гражданских целей, несмотря на то, что Индия не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия и испытала такое оружие в 1974 и 1998 гг.

Обращение к индийской диаспоре за рубежом

Показательная черта внешней политики нынешнего премьер-министра Н. Моди – прямое обращение к индийской диаспоре за рубежом. Присутствующая в 130 странах и насчитывающая более 27 млн человек,⁷ индийская зарубежная диаспора уступает китайской по численности (число зарубежных китайцев хуацяо в мире порядка 40 млн чел.⁸), но отнюдь не по экономическому и политическому влиянию. В дополнение к 3,1 млн в США, 1,5 млн этнических индийцев проживают в Великобритании, 1 млн в Канаде, 1,2 млн в Южной Африке, 6 млн в государствах Ближнего Востока. Совокупные активы зарубежной индийской диаспоры оцениваются приблизительно в 1 трлн долл., из которых половина – финансовые активы, а половина – недвижимая и движимая собственность. В то время как номинальный ВВП Индии в 2012 г. составлял 2,0 трлн долл., годовой доход диаспоры оценивался в 400 млрд долл., или более 20% ВВП Индии⁹.

Индийский национальный конгресс (ИНК) проводил в государственных делах секуляристскую линию, согласно которой правительство должно существовать отдельно от любого типа религий и религиозной веры. Поэтому в годы правления ИНК вопрос индийских общин за рубежом не был приоритетным во внешней политике страны. Однако согласно *Хиндутве* Индия служит центром «индусского мира», и тесные связи матери-Индии с зарубежной индийской диа-

⁷ Брагина Е.А. Усиление роли диаспоры в модернизации экономики Индии. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1805 (дата обращения: 20.03.2017).

⁸ Хуацяо. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/хуацяо> (дата обращения: 20.03.2017).

⁹ The Indian Diaspora: A Unique Untapped Global Asset for India // Greater Pacific. March 2013. URL: <http://greaterpacificcapital.com/march-2013/> (дата обращения: 20.03.2017).

спорой сегодня рассматриваются как неотъемлемая часть великой индийской цивилизации.

В странах расселения члены индийской диаспоры отличаются высокими доходами, высоким образовательным уровнем, заметной ролью в научно-технической сфере, политическим и общественным влиянием. Если взять наиболее показательную индийскую общину в США, численность которой в 2013 г. составляла 1% населения Штатов, то по душевому доходу её члены опережают все другие этнические общины страны: в 2010 г. ежегодный доход домохозяйств индийцев, проживавших в США, составлял 88 тыс. долл. по сравнению с 49,8 тыс. долл. в среднем по США¹⁰. 80% индийцев старше 25 лет в США имеют высшее образование¹¹ по сравнению с общеамериканским показателем в 31%¹². Три нобелевских лауреата индийского происхождения Хар Гобинд Кхорана (1968 г. – физиология и медицина), Субраманиан Чандрасекхар (1983 г. – физика) и Венкатраман Рамакришнан (2009 г. – химия) сделали свои научные открытия в США. Лишь в Кремниевой долине в США работает порядка 300 тыс. выходцев из Индии. Этнические индийцы занимали посты губернаторов штатов, в частности Луизианы и Южной Каролины, избирались членами Конгресса США.

В Великобритании общий объём инвестиций более 600 индийских компаний превышает 9 млрд ф. ст. Сегодня индийская Tata Industries – крупнейший в стране частный производственный конгломерат, на предприятиях которого занято 60 тыс. человек¹³. Индийцы составляют пятую часть британских медиков. Выходцам из Индии братьям Хиндуджа, занимающимся многопрофильными операциями, с личными активами 13 млрд ф. ст. в британском списке богачей принадлежит второе место, а скупающему по всем миру заводы чёрной металлургии Лакшми Митталу с 9,2 млрд ф. ст. – седьмое. Весьма примечательная фигура среди британских мультимиллионеров – член палаты лордов, телевизионный магнат барон Вахид Алли¹⁴. Родившийся в индийском Пенджабе, сикх Харджит Саджан, в прошлом генерал-лейтенант Вооружённых сил Канады сегодня занимает пост министра обороны этой страны. Этнический индиец Ананд Сатьянанд в 2006–2011 гг. был генерал-губернатором Новой Зеландии. Уроженец Калькутты Пракаш Лохиа с личным состоянием 3 млрд долл. – президент созданной им в Индонезии нефтехимической и текстильной компании Indorama Corporation, поставляющей свою продукцию в 90 стран мира, – шестой в списке индонезийских богачей¹⁵.

¹⁰ DeSilver D. 5 facts about Indian Americans. Pew Research Center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/30/5-facts-about-indian-americans/> (дата обращения: 20.03.2017).

¹¹ Indian Americans most Educated, Richest, Says Pew Report. URL: <http://newamericamedia.org/2012/07/indian-americans-most-educated-richest-says-pew-report.php> (дата обращения: 20.03.2017).

¹² Zong J. and Batalova J. Indian Immigrants in the United States/ Migration Policy Institute. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/indian-immigrants-united-states> (дата обращения: 20.03.2017).

¹³ The British Indian Community // Conservative Friends of India. URL: <http://www.conservativefriendsofindia.co.uk/british-indian-community> (дата обращения: 20.03.2017).

¹⁴ Brinded L. These are the top 25 richest people in Britain (and none of them are the Queen). URL: <http://uk.businessinsider.com/sunday-times-rich-list-2015-top-25-richest-people-in-britain-2015-4?op=1> (дата обращения: 20.03.2017).

¹⁵ Sri Prakash Lohia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Sri_Prakash_Lohia (дата обращения: 20.03.2017).

Из 6 млн индийцев в странах Персидского залива большинство (60%) составляют люди физического труда – строители и обслуживающий персонал, но остальные – это белые воротнички, представители предпринимательских, профессиональных и банковских кругов. В этом регионе в дополнение к десяткам тысяч индийцев-долларовых миллионеров, а таковых, по данным Merrill Lynch, лишь в ОАЭ в 2005 г. насчитывалось 33 тыс.¹⁶, присутствует по меньшей мере 10 долларовых миллиардеров индийского происхождения с личными состояниями от 1,1 до 4,0 млрд долл.¹⁷.

Зарубежная индийская диаспора поддерживает самые тесные связи с Индией. Характерное отличие осевших за границей индийцев – сохранение вокруг себя особого «индийского мира», в котором, например, практически исключено вступление в смешанные браки. Женихов и невест для своей молодёжи члены зарубежной индийской диаспоры обычно подыскивают в Индии, воскресные приложения всех индийских газет наполнены соответствующими объявлениями. Зарубежные индийцы активно помогают своим родственникам на родине. В 2014 г. они перевели в Индию 70,39 млрд долл., больше, чем хуацяо в Китай – 64,14 млрд долл.¹⁸. Частные денежные переводы диаспоры равны примерно 3,5% ВВП Индии¹⁹ и превосходят объём прямых иностранных инвестиций в индийскую экономику – 44,9 млрд долл. в 2015 г.²⁰.

«Мы меняем контуры дипломатии и ищем новые пути укрепления интересов Индии за рубежом, – говорит Рам Мадхав, нынешний генеральный секретарь правящей партии. – Они могут быть голосом Индии, даже будучи лояльными гражданами тех стран, где они живут. Это долгосрочная цель дипломатии в отношении диаспоры. Это подобно тому, как еврейская община заботится в США об интересах Израиля»²¹. И, похоже, такая поддержка работает. Английский журнал «Экономист» со ссылкой на Шившанкара Менона, бывшего советника по делам национальной безопасности Индии, сообщал, что индийская диаспора в США сыграла, например, весомую роль в том, чтобы в 2008 г. добиться одобрения в Конгрессе США американо-индийского соглашения по ядерному сотрудничеству²².

Но и индийская община в США оказывает растущее влияние на внешнюю политику Индии. Несомненно, это во многом сказалось на принятии принци-

¹⁶ Indians in the United Arab Emirates. URL: http://www.wikiwand.com/en/Indians_in_the_United_Arab_Emirates (дата обращения: 20.03.2017).

¹⁷ 50 Richest Indians in GCC. URL: <http://www.arabianbusiness.com/50-richest-indians-in-gcc-488856.html> (дата обращения: 20.03.2017).

¹⁸ John I. Half of remittances from UAE go to India // Khaleej Times, 13.08.2015. URL: <http://www.khaleejtimes.com/business/economy/half-of-remittances-from-uae-go-to-india> (дата обращения: 20.03.2017).

¹⁹ Whitehead A. Why Indians abroad succumb to «Modimania» // BBC News, 10.11.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-34709354> (дата обращения: 20.03.2017).

²⁰ Foreign Direct Investment // India Brand Equity Foundation. URL: <http://www.ibef.org/economy/foreign-direct-investment.aspx> (дата обращения: 20.03.2017).

²¹ Lakshmi R. Narendra Modi urges the Indian diaspora to become an extension of foreign policy // The Guardian, 02.03.2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/mar/02/narendra-modi-india-overseas-diaspora-united-states> (дата обращения: 20.03.2017).

²² India: The diaspora. The worldwide web // The Economist, 23.05.2015. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/21651331-india-should-make-more-valuable-asset-abroad-worldwide-web> (дата обращения: 20.03.2017).

пиальных решений об общей переориентации на США внешнеэкономической стратегии Индии; о сдвиге вектора военно-технического сотрудничества в направлении США; о взаимодействии с Соединёнными Штатами в «сдерживании экспансии» Китая в Азии.

На зарубежных индийцев в своих отношениях с Индией рассчитывает и Вашингтон. В этом плане показательны назначения в октябре 2013 г. этнической индианки Ниши Десаи Бисвал заместителем госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии, а в сентябре 2014 г. этнического индийца Р. Вермы послом США в Индии.

Россия – Индия

Новая индийская элита считает определяющими моментами нынешнего международного развития сохраняющееся экономическое и военно-техническое преобладание США над остальными странами, а с другой стороны, энергичное возвышение Китая – основного стратегического противника Индии. Вряд ли стоит индийцев за это осуждать. Мало кто станет отрицать, что по международному влиянию современная Россия – это не прежний Советский Союз.

Исторически, однако, получилось и получается так, что интересы Индии в глобальном и региональном масштабе чаще совпадали и совпадают с интересами России, а не других великих держав. И для Москвы, и для Нью-Дели двусторонние российско-индийские отношения имеют самостоятельную ценность. Поэтому официальная установка Нью-Дели на «привилегированное стратегическое партнёрство» с Россией сохраняется. Наиболее важные и сложные вопросы внешней политики Индии касаются отношений с Китаем и Пакистаном, с которыми страна имела в прошлом военные конфликты. У Индии вызывает серьёзную обеспокоенность линия США в отношении Ирана. Индия заинтересована в свободной от экстремизма и терроризма Центральной Азии, в том числе в плане доступа к энергетическим ресурсам этого региона. В Нью-Дели сознают, что все эти вопросы нельзя решить без участия России.

С Индией – в отличие от США, западноевропейских государств и Китая – у нашей страны никогда не было, нет, и не предвидится конфликта интересов. Повышение роли дружественной Индии в международных делах, будь то в глобальном плане или применительно к Ближнему, Среднему и Дальнему Востоку – с учётом наличия во всех этих регионах весомого экономического присутствия Индии и многочисленной индийской общины – объективно снижало бы остроту внешнеполитических вызовов для России.

Индия традиционно с пониманием относится к действиям нашей страны на международной арене. В советское время Нью-Дели не осудил ввод советских войск в Афганистан, сейчас он не примкнул к хору осуждающих присоединение Крыма к России и поддержал российскую позицию по Сирии. В нынешней ситуации, когда против России действуют санкции, дружественный нейтралитет

Нью-Дели имеет особое значение. Индия, всегда категорически выступающая против любых санкций, заявила, что никогда не поддержит санкции против России.

При всей внешней несхожести России и Индии перед ними стоит немало весьма схожих задач. Это два многомиллионных и многонациональных государства, которые на опыте Кашмира и Чечни лучше и прежде других познали то зло, которое несут терроризм и сепаратизм. Это два многоконфессиональных государства, где живёт немало последователей ислама, и чьи исторические связи и соседство с исламским миром диктуют их особую роль в решении таких вопросов, как афганское, иракское и ближневосточное урегулирование. Это два демократических государства, приверженность которых демократии во внутренних делах предопределяет их обоюдное стремление к демократическому ведению и дел международных – построению равноправного полицентричного мирового порядка и противодействию рецидивам «блоковой» политики.

Двустороннее российско-индийское взаимодействие по ключевым международным вопросам подкрепляется их работой в рамках «тройки» Россия – Индия – Китай и «пятёрки» БРИКС (Бразилия – Россия – Индия – Китай – Южная Африка), члены которой ведут дело к её постепенной трансформации в полноформатный механизм взаимодействия по важнейшим вопросам мировой экономики и политики. Москва поддержала присоединение Индии к Шанхайской организации сотрудничества и постоянно подтверждает свою линию на предоставление Индии места постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также на её вступление в форум АТЭС. Обсуждается и вопрос о создании зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Индией.

Российско-индийское общение сохраняет для нашей страны большое прикладное значение также в том, что касается изучения и использования индийского опыта по решению целого ряда проблем, которые стоят перед нашей страной и нашим обществом с начала 1990-х гг.

Тогда две страны практически одновременно приступили к экономической либерализации. ВВП Индии с тех пор дважды удвоился. Реформы в Индии не носили характера «шоковой терапии». Здесь не было, например, обвальноей приватизации предприятий госсектора. В течение короткого периода 2001–2003 гг. из предприятий госсектора были изъяты лишь небольшие пакеты акций, что позволило выявить их реальную стоимость и сделать активы госкомпаний ликвидными на рынке. Был сохранён государственный контроль над национализированной в 1969 г. банковской системой, что позволило Индии в 2009 г. выдержать удар мирового финансового кризиса куда успешнее, чем, например, США и Западной Европе. В отличие от других стран, в Индии речь шла не о падении производства, а лишь о сокращении темпов роста ВВП – с 9% до 6,5% в год. В собственности государства остались энергетика и оборонка. Были сохранены правительственные социальные программы, направленные на борьбу с бедностью, строительство школ и дорог в деревне, субсидирование стоимости

электроэнергии, семян и удобрений для крестьян и многое другое, благодаря чему экономические реформы были поддержаны самыми широкими народными слоями. За более чем двадцать лет не сорвалась ни одна реформа, хотя сменились восемь правительств и семь премьер-министров.

Были и есть и другие направления, где изучение индийского опыта видится полезным для нашей страны. В частности, Индия, как и Россия – федеративное государство. Разделение полномочий центральных и местных властей чётко зафиксировано в Конституции Индии. Никто из творцов нашего Основного закона, который в 1993 г. едва ли не под копирку был списан с текста французского, Конституцию Индии наверняка не смотрел. А там множество интересных моментов, которые могли бы и предотвратить не один внутрirosсийский конфликт 90-х гг., и содействовать решению наших текущих проблем.

При всех трудностях сегодняшняя Россия является не только ведущим мировым поставщиком нефти и газа, но и сохраняет мощный военно-промышленный комплекс, высокоразвитую атомную энергетику, передовые позиции в освоении космического пространства, энергетическом машиностроении и авиастроении. В этих областях Индия настоятельно заинтересована в сотрудничестве с Россией. Три основополагающих столпа нашего партнёрства за пределами международной политики – это энергетика, в т.ч. атомная, военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в космосе. Эти сферы составляли, составляют, и будут составлять базис нашего стратегического партнёрства.

В энергетике Индия строит свой прогресс на очень сложной ресурсной базе: 33% потребляемых ею энергоносителей импортируются. Поэтому страна по-крупному инвестирует в разработку энергетических ресурсов России. Долевое участие индийской государственной нефтегазовой корпорации ONGC в проекте «Сахалин-1» (1,7 млрд долл.) – одно из самых весомых капиталовложений Индии за рубежом. Индия также – один из немногих рынков за пределами Северо-Восточной Азии, где может быть конкурентоспособен российский сжиженный природный газ (СПГ). Поэтому вполне резонно приглашение индийских компаний во все новые российские СПГ-проекты от Ямала до Сахалина.

Индия остро нуждается в развитии атомной энергетики, и Россия сегодня – единственное государство, строящее в Индии атомные электростанции. Столь важное решение в пользу страны, не входящей в Договор о нераспространении ядерного оружия, было принято Россией в силу того, что она доверяет Индии и ценит партнёрство с ней. Первый блок АЭС «Куданкулам» на сегодняшний день – самый мощный в Индии и соответствует всем современным требованиям безопасности. Кроме того, тариф на электроэнергию, действующий на «Куданкулам», почти вдвое ниже заложенного в проектах, предлагавшихся американскими компаниями.

Индийцы делают важную ставку на вклад сотрудничества с Россией в реализацию своей военно-политической доктрины. Вооружённые силы Индии на 70% оснащены боевой техникой российского производства или произведённой

в Индии по российским лицензиям. Аналогично вся космическая техника Индии разрабатывалась и создавалась на начальном этапе при активной поддержке и участии Советского Союза, а затем России.

Индия вряд ли бы позволила этой зависимости достичь такого уровня, если бы она не оценивала свои отношения с Россией со стратегической точки зрения. Когда после распада СССР российский оборонный комплекс оказался в очень стеснённых обстоятельствах, Индия облегчила ситуацию, сделав крупные оборонные заказы. В каком-то смысле Индия даже подтолкнула российский оборонный комплекс к модернизации, заказывая оборудование с очень высокими техническими требованиями.

Только Индии наша страна оказала содействие в разработке проекта атомной подводной лодки, передала в аренду атомную подводную лодку, поставила самолёты АВАКС российско-израильского производства. Для Индии был модернизирован тяжёлый авианесущий крейсер «Адмирал Горшков», получивший индийское название «Викрамадитья». Совместными усилиями создана высокоэффективная крылатая ракета «Брамос» и разрабатывается боевой истребитель пятого поколения. Только Индии предусматривается предоставление высокоточного сигнала в целях обороны и безопасности российской глобальной навигационной спутниковой системой ГЛОНАСС.

Общие задачи

Сегодня, когда мир подошёл к порогу перехода к новому порядку – с многовалютной экономической системой, с многоцентричной политической системой, с суверенными государствами и их объединениями, руководствующимися национальными интересами каждого из своих членов, а не догмами глобальной гегемонии США, российско-индийское партнёрство призвано дополниться новым стратегическим содержанием.

Значительное воздействие на нынешнее развитие обстановки в Азии и мире в целом оказывает состояние отношений между США и Китаем, в которых одновременно присутствуют взаимозависимость и взаимонеприятие. Растущее возвышение Китая Вашингтон воспринимает как вызов. Поэтому фактор Китая будет во многом определять внешнюю политику президента Трампа. Перспективы разрешения противоречий между Вашингтоном и Пекином пока неясны ни по срокам, ни по содержанию. Если в американо-китайских отношениях обладает тенденция к конфронтации, другим государствам и в Азии, и за её пределами придётся выбирать между расширением экономического партнёрства с КНР и развитием военно-политического взаимодействия с США.

Эти процессы прямо затрагивают интересы России и Индии. В создавшихся условиях необходимо купировать возникающие угрозы и искать такие формы организации систем глобальной политической, военной и экономической безопасности, в которых могли бы принять участие и США, и Китай. Рос-

сия и Индия объективно заинтересованы в сотрудничестве с США и Китаем в вопросах безопасности, но, естественно, не в рамках американоцентричной или китаеццентричной системы. Учитывая приверженность Д. Трампа переговорам, сейчас подходящий момент, чтобы начать предметную дискуссию на этот счёт.

Первым шагом на этом пути представляется объединение усилий России, Индии, Китая и США в противостоянии ближневосточному исламскому терроризму, прежде всего «Исламскому государству» ДАИШ (запрещено в России). Радикальный исламизм – общая угроза и для России, и для Индии, и для Китая, и для США. Однако должная координация усилий основных центров силы в борьбе с террористами отсутствует. Восприятие исламизма как конъюнктурной проблемы, решаемой военным путём и демократизацией обществ, – стратегический просчёт западных партнёров России.

Похоже, что Д. Трамп действительно намерен бороться с «Исламским государством». Надо полагать, есть реальный шанс, что Россия, Индия, Китай и США найдут способ договориться по вопросу борьбы с ИГ. Рациональной была бы ведомая четырьмя странами линия на поддержку существующих государств и режимов на Ближнем Востоке. Любое ослабление государственности, особенно в столь уязвимом регионе – доказанное зло.

России и Индии нужно строить конструктивную альтернативу разрушенному биполярному порядку и заканчивающему свой срок однополярному миру. Одной из несущих основ будущего мира призвано стать формирующееся партнёрство или сообщество Большой Евразии – общее поле экономического, логистического, информационного сотрудничества, мира и безопасности от Шанхая до Лиссабона и от Дели до Мурманска.

Движущей силой евразийской интеграции могла бы стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Это крупнейшая в мире не-западная международная структура, в число членов которой сегодня входят Россия, Китай, Индия, Пакистан и центральноазиатские государства с общей численностью населения более 3 млрд человек, а через какое-то время неизбежно войдёт и Иран – по завершении процесса снятия с него санкций, наложенных в связи с его ядерным досье.

ШОС и проект Большой Евразии коренным образом отличаются от инициатив Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП) и Транстихоокеанского партнёрства (ТПП), выдвинутых Соединёнными Штатами при президенте Б. Обаме. Первое из них было изначально задумано как экономический базис НАТО, а второе – как реакция на стремительное экономическое возвышение Китая. Проект же Сообщества Большой Евразии не имеет конфронтационной направленности. С одной стороны, происходящее расширение ШОС за счёт Индии и Пакистана снимает любые подозрения относительно её возможной трансформации в российско-китайский военно-политический альянс. С другой стороны, движение к созданию сообщества Большой Евразии

уравновесило бы рост мощи Китая, поместив его в широкие рамки. Это, видимо, было бы выгодно и самой КНР, позволяя избежать сплочения против неё обеспокоенных её мощью соседей.

Инициатива Большой Евразии не сопровождается какими бы то ни было предложениями политического или институционального порядка, которые априори могли бы быть отрицательно или хотя бы настороженно встречены теми или иными государствами, включая союзников США. На первое место в ней выходит инфраструктурная и транспортная составляющая, дополняемая различными интеграционными механизмами. Важно, что эти механизмы открыты для всех заинтересованных сторон.

Проект архитектуры Большой Евразии мог бы, видимо, распространиться и на Индо-Тихоокеанский регион, включая новое экономическое пространство, которое будет создаваться по мере реализации Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства (РВЭП), продвигаемого Китаем и АСЕАН с участием Индии, Японии и Южной Кореи. России с её партнёрами по Евразийскому экономическому союзу предстоит решать, в какой форме стоит присоединиться к строительству этой мягкой экономической группировки.

Вполне реально и последующее подключение к проекту части нынешних членов Европейского союза. В результате выхода Великобритании из Евросоюза последний столкнулся с серьёзной угрозой сохранению своего единства, тем более что Д. Трамп назвал Брексит моделью для других членов ЕС: новый американский президент явно предпочитает экономическому партнёрству США с Евросоюзом двусторонний американско-британский блок. Идею выхода из ЕС активно пропагандируют националистические партии, набирающие силу во Франции, Италии и других западноевропейских странах.

Естественно, что проект партнёрства Большой Евразии должен оставаться открытым для мира, для всех стран и континентов, в том числе и для США. А на вопрос о том, захотят ли США участвовать в проекте, и если да, то в каком формате, должен ответить Вашингтон.

Для отношений «привилегированного стратегического партнёрства» между Россией и Индией есть достаточно оснований глобального и регионального порядка. Нью-Дели ценит отношения с Москвой — ни одна страна не пользуется в Индии таким доверием, как Россия. Но речь идёт именно о партнёрстве, не о союзе. Индия – самодостаточная величина на глобальной арене, устремления которой в том или ином конкретном случае могут не совпадать с устремлениями России так же, как, скажем, с устремлениями США или Китая. Подобным образом Индия никогда не станет чьим-либо младшим партнёром. Эти два обстоятельства следует постоянно учитывать при определении наших подходов к Индии.

Шаг за шагом Индия превращается в ведущую региональную, а в перспективе – глобальную державу. «А раз так, – отмечает В. Трубников, российский посол в Индии в 2004–2009 гг., – то можно задаться вопросом: какая страна с

такими амбициями позволит себе иметь единственного поставщика, к примеру, военной техники, тем более из-за рубежа?»

За прошедшую четверть века давнее российско-индийское партнёрство приобрело во многом новое качество. Ушёл в прошлое показатель «бхай-бхайзм». Без ритуальных взаимных здравниц две великие державы взаимодействуют в конкретных делах по обеспечению интересов – как обоюдных, так и каждого из партнёров – в весьма непросто региональном и международном окружении. Охватывая практически все сферы международной деятельности, российско-индийское партнёрство убедительно доказывает свою жизнеспособность и эффективность, содействует укреплению всеобщего мира и безопасности.

Список литературы

1. Раджа С.М. Индия и политическое равновесие // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36125> (дата обращения: 20.03.2017).
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Аст, 2003. 576 с.

Об авторе:

Глеб Александрович Ивашенцов – чрезвычайный и полномочный посол России, член Российского совета по международным делам. 119180, Москва, ул. Большая Якиманка, д. 1.
E-mail: ivagleb1@googlemail.com.

RUSSIA-INDIA: NEW HORIZONS FOR HISTORICAL PARTNERSHIP

G.A. Ivashentsov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-7-23

Russian International Affairs Council

Russia's relations with India have been close to those of an alliance. However the changes that have taken place in Russia and in the general global situation as well as India's mighty economic upswing and the rise of its geopolitical ambitions on that basis have introduced new accents and nuances to these relations.

With the coming to power in 2014 of Bharatiya Janata or Indian People's Party whose ideology is Hindutwa, the nationalism, based on Hindu religious traditions, India's foreign policy has acquired a new assertiveness. The present Prime Minister N.Modi has declared his plan to make India a leading power on the international arena.

An important feature of India's foreign policy of recent years is its active building bridges with the US which it view first of all as a potential counterweight to China. The Indian diaspora in the US of 3Million has played its role in that process.

However New Delhi maintains the line of the privileged strategic partnership with Russia. India's global and regional interests coincide more often with those of Russia than with other

great powers. As for Russia, it never had any conflict with India in the past. Three main pillars of our partnership beyond the foreign affairs framework are those of cooperation in energy, including nuclear power, military technologies and space exploration. Russia-India partnership has proved its viability and efficiency. It helps to promote global peace and security.

Key words: Russia, India, strategic partnership, N. Modi, Hindutwa, Indian diaspora.

References

1. Raja S.M. Indiya i politicheskoe ravnovesie [India and Political Balance]. Perspektivy. Fond istoricheskoy perspektivy – Perspectives. The Foundation of Historical Perspectives. Available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36125> (Accessed 20.03.2017).
2. Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsiy [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 576 p. (In Russian)

About the author:

Gleb A. Ivashentsov – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia; Member of the Russian International Affairs Council. 1, Bolshaya Yakimanka str., Moscow, Russia, 119180. E-mail: ivagleb1@googlemail.com.

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1955 - 1971 гг.): РОЖДЕНИЕ ДРУЖБЫ

С.И. Лунёв

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена важнейшему этапу во взаимоотношениях нашей страны и Индии (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.), когда были реализованы объективные факторы, способствовавшие превращению двух государств в естественных стратегических союзников. В работе проанализирована эволюция внешней политики СССР и Индии в упомянутый период и влияние экзогенных и эндогенных факторов на внешнеполитическую стратегию стран. Анализ единичного, особенного и общего в парастратегии двух государств позволяет получить новое знание в оценке направленности их геоэкономических и геополитических интересов, в выделении внутренних и внешних измерений, способствовавших / ограничивавших реализацию этих интересов.

Рассматриваются основные подсистемы двусторонних отношений: политическая, экономическая, военно-политическая и культурно-цивилизационная – в их взаимосвязях. В ходе анализа политического блока изучались переговоры на высшем уровне, политические консультации по самому широкому кругу вопросов, сотрудничество между СССР и Индией по решению глобальных проблем, а также региональных (прежде всего, в отношении напряжённости в Южной Азии). Выявлялось значение становления «надпартийного» согласия в Индии, предметом которого с середины 1950-х гг. стал и внешнеполитический курс. Данный консенсус касается основных направлений и макрозадач, тогда как существуют расхождения в методах их достижения, что связано и с политико-идеологическими платформами различных сил, и, в первую очередь, с глобальными изменениями.

При анализе советско-индийских экономических отношений особое внимание уделялось росту торгового оборота и изменению его структуры, сотрудничеству в сфере тяжёлой промышленности и энергетики, поставкам советских машин и оборудования. Исследовалось становление военно-политических взаимосвязей, которые зародились именно в указанный период, а в настоящий момент являются основной базой развития двусторонних отношений. При изучении культурной сферы было обращено внимание на определённую схожесть двух стран при всех колоссальных различиях цивилизаций: для них свойственен срединный путь цивилизационного развития, а духовность, имманентно присущая двум цивилизациям, противостоит материализму и духу потребительства развитых государств.

Особым вопросом исследования стал анализ перемен на глобальном уровне международных отношений, который во многом определял эволюцию советско-индийских отношений.

Ключевые слова: СССР, Индия, двусторонние политические и экономические отношения, военные связи, Дж. Неру, геополитика, глобальный и региональный уровень, США, Китай.

JEL F5 УДК 327

Поступила в редакцию 01.04.2017 г.

Принята к публикации 05.04.2017 г.

Методологической базой исследования являются теории неореализма, неоклассического реализма, неолиберализма и либерального институционализма, а также постмодернизма (в части исследований проблем глобального управления), что позволяет проводить комплексный анализ существующих между государственными и негосударственными акторами взаимосвязей на различных уровнях и по отдельным направлениям (в области экономики, внутренней и внешней политики, военной деятельности и др.).

В качестве основных методов в исследовании использовались как общенаучные аналитические методики, так и ряд методов, характерных непосредственно для проведения исследований по международным отношениям, политологии и экономике, в том числе, базирующихся на системном подходе. Совокупность методов включает в себя анализ различного рода источников и аналитических материалов, синтез информации, сопоставление данных. Основной упор был сделан на историко-генетическом методе.

На состояние системы международных отношений в Южной Азии и место в ней Индии самое существенное воздействие оказывали такие долговременные факторы, как соотношение сил между Западом и Востоком на мировой арене, основополагающие тенденции и направленность мирового общественного развития, изменения в системе международных отношений на глобальном уровне.

Дипломатические отношения между СССР и Индией были установлены в апреле 1947 г., до официального провозглашения независимости азиатского гиганта. Существовало асимметричное взаимовоздействие Советского Союза и Индии. В этих условиях основные этапы эволюции внешнеполитического курса СССР (и России) в регионе были связаны в первую очередь с а) изменениями в системе международных отношений на глобальном уровне и б) внутривнутриполитическими переменами в СССР (России). Можно выделить восемь этапов советско/российско-индийских отношений после завоевания независимости южноазиатским государством: 1) 1947 – 1955 гг.; 2) 1955 – 1971 гг.; 3) 1971 – 1979 гг.; 4) 1979 – 1988 гг.; 5) 1988 – 1991 гг.; 6) 1991 – 1996 гг.; 7) 1996 – 2000 гг.; 8) с 2000 г. – по настоящее время.

Первое правительство независимой Индии во главе с Джавахарлалом Неру с самого начала стремилось придерживаться принципов внешней политики, выработанных Индийским национальным конгрессом (ИНК) ещё до завоевания независимости. Основными конкретными задачами на первоначальном этапе были стремление избежать вовлечения в возможную новую войну, достижение реальной независимости в сфере внешней политики, расширение внешней торговли и увеличение иностранной помощи для развития страны. Только неприсоединение к военным блокам могло позволить Дели реализовать эти внешнеполитические цели и, в первую очередь, устраниться от какого-либо участия в военном конфликте между государствами двух различных социальных систем.

Индии, установившей с появившимися после Второй мировой войны сверхдержавами дипломатические отношения ещё до формального провозглашения

независимости, долгое время не удавалось поддерживать с ними тесные отношения. Общим в политике США и СССР в послевоенное время стали оценка мира как «биполярного» и подход «кто не с нами, тот против нас». Позиция нейтралитета на том этапе блокировала возможности для южноазиатской страны укрепить связи со сверхдержавами. Поэтому на первом этапе советско-индийские отношения были относительно прохладными.

К середине 1950-х гг. советско-индийские отношения постепенно эволюционировали в сторону существенного потепления, что было связано с целым рядом факторов, таких как повышение роли СССР в решении мировых проблем, борьба демократических сил Индии за коррекцию внешнеполитического курса, политика западных государств в Южной Азии, внутривнутриполитические перемены в Советском Союзе.

Двусторонние отношения в 1955-1962 гг.

Существенное развитие двусторонние связи получили в середине 1950-х гг. после начала нового этапа советской внешней политики. Отказ СССР от чёрно-белого видения мира привёл к активизации его политики в зоне национально-освободительного движения. В середине десятилетия начался новый этап в развитии советского общества, что нашло полное отражение и во внешней политике. Преодоление разрухи, вызванной войной, развитие ядерной программы позволили поставить во внешнеполитическую повестку другие, кроме выживания, вопросы. СССР стал проводить активную политику в зоне национально-освободительного движения. Индия, крупнейшее развивающееся государство, была естественным выбором советских руководителей (как и Египет, центр силы Ближнего Востока). Стоявшая у истоков Движения неприсоединения, Индия проводила независимый внешнеполитический курс, и её политика нейтралитета эволюционировала в тот период в сторону «позитивного нейтралитета».

Западные государства и, прежде всего, Соединённые Штаты продолжали делать акцент на силовые методы и не отказывались от негативного отношения к нейтралитету. Особое значение Вашингтон придавал проведению военно-блоковой стратегии в Азии и организации всевозможных военных блоков на южной границе мировой системы социализма. Именно в этот период в Азии возникли такие блоки, как Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и Организация Центрального договора (СЕНТО).

Центристские политические круги Индии не верили в мифическую «угрозу с Севера», считая, что присоединение к какому-либо военному блоку послужит тормозом в деле укрепления политической независимости, приблизит холодную войну к границам Индии. Левые силы занимали антиамериканские позиции. Определённые правые политические круги страны (например, партия «Бхаратия джана сангх» – «Индийский народный союз») объявляли о необходимости ликвидации Пакистана и присоединения его к территории Индии,

что, естественно, вело к тому, что они также настороженно относились к США, развивавшим связи с Пакистаном. В мае 1954 г. было заключено соглашение об американо-пакистанском военном сотрудничестве. В сентябре Пакистан вошёл в военный блок СЕНТО¹ и в феврале 1955 г. – в СЕАТО. Соединённые Штаты получали возможность добавить новый элемент в создание «санитарного кордона» вокруг СССР с юга. Следует также отметить то обстоятельство, что после смерти В. Пателя и отстранения П. Тандона, председателя Индийского национального конгресса, от власти в правительстве резко ослабили позиции прозападных элементов.

В результате действий Соединённых Штатов в корне изменилась вся политическая ситуация в Южной Азии. Пакистан, становившийся военным союзником лидера западного блока, начал представлять реальную опасность для Индии. В поисках противовеса индийские правящие круги стали стремиться к развитию и укреплению дружеских отношений с социалистическими странами, в первую очередь, с СССР и КНР. Как отмечалось, именно в середине 1950-х гг. началась эволюция внешнеполитического курса Индии от нейтралитета к «позитивному нейтралитету»: т.е. в основу внешней политики Индии были окончательно положены принципы неучастия в военных блоках и отказа от существования на своей территории иностранных военных баз, ликвидации колониализма, мирного решения спорных вопросов, развития равноправного сотрудничества и мирного сосуществования государств. Наиболее важными шагами в этом направлении были подписание соглашения с Китаем на основе пяти принципов мирного сосуществования в июне 1954 г., проведение Бандунгской конференции 1955 г., визиты Дж. Неру в СССР и советских руководителей в Индию в 1955 г.

Большую роль в процессе эволюции внешней политики Индии сыграла позиция различных слоёв индийской буржуазии и связанных с ними политических сил, заинтересованных в развитии тяжёлой промышленности и не желавших мириться с положением Индии в качестве аграрно-сырьевого придатка мирового капитализма. Они стремились к развитию сотрудничества с социалистическими странами и, прежде всего, с Советским Союзом. В середине 1950-х гг. советско-индийские экономические связи начали плодотворно развиваться.

Ещё в декабре 1953 г. в Дели было подписано первое советско-индийское торговое соглашение сроком на пять лет. Одновременно с заключением соглашения был осуществлён обмен письмами об учреждении советского торгового представительства в азиатском гиганте и об оказании СССР технической помощи ему².

¹ Дж. Неру заявил в парламенте Индии по вопросу о вступлении Пакистана в СЕНТО: «... никому не придёт в голову, что пакистанское правительство присоединилось к этому пакту потому, что оно ожидало в близком или далёком будущем вторжение или агрессию Советского Союза. Заявления пакистанской печати и ответственных деятелей Пакистана совершенно явно показывают, что они примкнули к этому пакту из-за Индии» (Неру Дж. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления. 1946 - 1964. М.: Прогресс, 1965, с. 180).

² «Правда» (Москва), 03.12.1953.

В целях обеспечения более быстрого экономического развития Индии Советский Союз первым из великих держав дал согласие на принятие индийской национальной валюты – рупии – в качестве международной. Советско-индийское соглашение предусматривало также определение режима судоходства. СССР стал первым морским государством, которое дало Индии возможность перевозить как можно больше товаров на своих судах.

Для Индии в тот период развитие экономической подсистемы советско-индийских отношений имело весьма важное значение, так как достижение экономической независимости становилось для неё одной из наиболее важных стратегических задач. Западные державы и международные кредитно-финансовые организации в середине 1950-х гг. выступали против развития тяжёлой промышленности (которая в тот период считалась ядром мировой экономики) в афро-азиатском мире, не желая получения новых конкурентов и стремясь сохранить своё монопольное положение. Потому согласие СССР на оказание экономического содействия в этой сфере приветствовалось практически всеми политическими и социальными силами Республики.

Советский Союз в сентябре 1954 г. предложил оказать Индии помощь в строительстве металлургического завода, от сооружения которого капиталистические страны либо отказывались, либо выдвигали чрезвычайно невыгодные условия. Межправительственное соглашение было подписано в Дели 2 февраля 1955 г. В соответствии с ним, Советский Союз предоставлял Индии кредит на сумму в 647 млн рупий (сроком на 12 лет из расчёта 2,5% годовых) для сооружения по техническим проектам советских инженеров металлургического завода в Бхилаи производительностью около 1 млн т стали в год (что примерно равнялось годовому производству стали всех существовавших в то время в Индии металлургических предприятий)³. В южноазиатском государстве открыто признавалось, что отсутствие в соглашении положений, ограничивавших права Индии, оплата кредита в индийских рупиях, а не в твёрдой валюте, низкий процент годовых самым выгодным образом отличало предложение Советского Союза от соглашений с капиталистическими странами.

Для Индии выгода от экономического сотрудничества с СССР заключалась и в том, что западные страны также отказывались от прежней политики. После заключения соглашения о строительстве Бхилайского металлургического завода Великобритания и ФРГ объявили о согласии предоставить азиатскому гиганту кредиты на строительство металлургических заводов на льготных условиях. Правительство и конгресс США первоначально негативно прореагировали на развитие советско-индийского экономического сотрудничества, раздавались голоса с требованием прекращения экономического содействия Индии. Но в конечном итоге США напротив резко увеличили эту помощь.

³ «Правда», 03.02.1955.

В ноябре 1957 г. в Дели было подписано советско-индийское соглашение о сотрудничестве в области строительства в Индии промышленных предприятий. Оно предусматривало проектирование, предоставление материалов и оказание технической помощи Советским Союзом в строительстве в Индии заводов тяжёлого машиностроения, горно-шахтного оборудования, оптического стекла, а также теплоэлектростанции в Нейвели и угольных предприятий в районе каменноугольных месторождений Корба. Для этих целей Советский Союз предоставил Индии кредит на сумму около 600 млн индийских рупий на условиях, аналогичных межправительственному соглашению 1955 г.

В сентябре 1959 г. в Москве было подписано советско-индийское соглашение о предоставлении Индии Советским Союзом кредита для содействия в реализации задач, поставленных в третьем пятилетнем плане развития индийской экономики (1 апреля 1961 г. – 31 марта 1966 г.). Предусматривалось, что кредит будет использован при строительстве тех промышленных предприятий, которые создавались при помощи СССР, на приобретение оборудования, машин и материалов, поставляемых Советским Союзом.

По кредитному соглашению 1960 г. СССР взял на себя обязательство содействовать в расширении мощности строившихся в Индии металлургического завода в Бхилаи, теплоэлектростанции в Нейвели, заводов горно-шахтного оборудования тяжёлого машиностроения и в сооружении новых промышленных объектов нефтеперерабатывающего завода в Барауни, тепловых электростанций и т.д., в добыче нефти и газа.

Советский Союз выполнял все взятые на себя обязательства. Промышленные объекты, сооружаемые с помощью СССР, создавались в точно указанный срок или даже раньше. Так, уже в феврале 1959 г. завод в Бхилаи дал первую плавку (предполагалось, что завод вступит в строй только в конце года).

Помимо содействия в создании тяжёлой промышленности Индии, Советский Союз оказывал помощь в освоении минерально-сырьевых ресурсов страны. Особую роль СССР сыграл в возникновении в южноазиатском государстве нефтяной промышленности. Во второй половине 1950-х гг. советские геологи провели разведку недр в шахтах Ассам, Гуджарат, Пенджаб и Уттар Прадеш. Советские эксперты обнаружили нефть в Камбее, в Анклешваре (Гуджарат), Рудрасагаре (Ассам) и Калале (Гуджарат). Следует выделить то обстоятельство, что английские и американские геологи, проводившие ранее изыскания в этих районах, утверждали об отсутствии нефти. В результате открытий советских экспертов добыча нефти в Индии почти сразу возросла в несколько раз. Кроме того, СССР осуществлял поставки нефтяного оборудования, обучал индийских специалистов, а также оказывал помощь в сооружении крупных нефтеперерабатывающих заводов.

Всего за годы второго пятилетнего плана (1 апреля 1956 г. – 31 марта 1961 г.) из 16-ти проектов правительства Индии в сфере тяжёлой промышленности восемь были построены с помощью Советского Союза и других социалистиче-

ских стран. За вторую половину 1950-х гг. СССР оказал Индии экономическую помощь в размере 681 млн долларов, что составило 27% от всей помощи, предоставленной Советским Союзом азиатским странам [21, с. 205]. В советско-индийском коммюнике, подписанном по итогам визита Джавахарлала Неру в СССР в сентябре 1961 г., отмечался значительный прогресс в области экономического и технического сотрудничества.

Заключение нового торгового соглашения в 1958 г. между СССР и Индией способствовало резкому росту торгового оборота между двумя странами. Данный процесс наблюдался ещё в предшествующий период: в 1954 г. товарооборот возрос до 36,5 млн рупий (в 4,5 раза больше, чем в 1953 г.)⁴, а в 1955-1956 гг. ф. г. – до 94,6 млн рупий⁵. Но доля Советского Союза во внешней торговле Индии оставалась очень небольшой: в 1955-1956 ф. гг. она составляла 0,75% (правда, в 1953 г. – 0,06%).

Табл. 1. Торговый оборот между СССР и Индией в 1957-1960-х гг. (в млн рупий)
Table 1. Soviet-India's trade, 1957-1960 (in mln rupees)

Годы	Экспорт СССР	Импорт СССР	Всего
1956-1957 ф. г.	266	246	512
1957-1958 ф. г.	394	263	657
1958-1959 ф. г.	271	394	665
1959-1960 ф. г.	271	479	750

К началу 1960-х гг. торговый оборот между СССР и Индией вырос по сравнению с 1953 г. почти в 30 раз. Для Индии постоянно росла значимость торговли с Советским Союзом. Доля СССР в общем торговом обороте Индии составляла в 1957-58 ф. г. уже 2,3%, а в 1959-60 ф. г. – 3%. При этом чёткая тенденция к росту определялась, в первую очередь, за счёт экспорта Индии. В результате Советский Союз, за исключением 1956-1957 ф. г., имел с Индией торговый дефицит, тогда как в торговле с западными государствами Индия имела, как правило, отрицательный баланс.

Таким образом, советско-индийское экономическое сотрудничество в середине 1950-х гг. развивалось по всем трём основным направлениям, характерным для экономических связей с СССР с развивающимися странами: предоставление кредитов, оказание экономической и научно-технической помощи для реализации планов этих государств в сфере экономического развития, увеличение торгового оборота [7, с. 35].

Историческим шагом стал 16-дневный визит премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в Советский Союз в июне 1955 г. Переговоры советских руководителей с премьер-министром Индии закончились подписанием 22 июня 1955 г. Совместного заявления глав правительств двух стран, в котором была подчёр-

⁴ «Правда», 18.03.1955.

⁵ «Внешняя торговля» (Москва). 1956. - № 10. - С. 7.

кнута решимость развивать отношения между Индией и СССР на основе пяти принципов мирного сосуществования; руководители двух государств приветствовали решения Бандунгской конференции; высказались за предоставление КНР места в ООН и воссоединение Тайваня с КНР, за выполнение Женевских соглашений по Индокитаю, за прекращение гонки вооружений и запрещение ядерного оружия; а также декларировалось стремление к укреплению культурных, экономических и научно-технических связей между СССР и Индией⁶.

Естественным следствием развития советско-индийского сотрудничества явился ответный визит первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва и председателя совета министров СССР Н.А. Булганина в Индию (ноябрь-декабрь 1955 г.). Советской правительственной делегации был оказан чрезвычайно тёплый приём (в Калькутте советских лидеров встречали 4 млн чел.). Особое удовлетворение индийской общественности вызвали заявления советских руководителей о признании в СССР Кашмира и португальской колонии Гоа составными частями Индии. Резким контрастом послужило американо-португальское коммюнике, подписанное в этот период по итогам визита Дж. Далеса, госсекретаря США, в Португалию, в котором Гоа была названа португальской провинцией.

В совместном коммюнике, подписанном по итогам визита советских руководителей в Индию, вновь было отмечено твёрдое намерение обеих сторон развивать всесторонние контакты и подчёркнуто совпадение точек зрения по ряду важнейших проблем. Правительства двух стран, подтвердив положения Совместного заявления от 22 июня 1955 г., указали на необходимость коллективных усилий всех стран и развития между ними всестороннего сотрудничества для ослабления международной напряжённости, осудили создание новых военных союзов. Одновременно было подписано Совместное заявление об экономическом сотрудничестве. СССР выражал согласие поставлять в Индию 1 млн т проката чёрных металлов ежегодно в течение трёх лет, оборудование для добычи нефти и горнодобывающей промышленности, а также увеличить импорт из Индии промышленных товаров и сырья⁷. Обмен государственными визитами имел чрезвычайно существенное значение для развития советско-индийского сотрудничества.

Во второй половине 1950-х гг. две страны продолжали плодотворно сотрудничать на международной арене. В середине 1950-х гг. стало намного более тесным и сотрудничество СССР и Индии по мирополитической проблематике.

В Советском Союзе высоко оценили соглашение о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией, подписанное в апреле 1954 г., в преамбуле которого были сформулированы пять принципов («панча шила»), на которых должны были быть основаны отношения между азиатскими гигантами: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) взаимное ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равен-

⁶ «Правда», 23.06.1955.

⁷ «Правда», 14.12.1955.

ство и взаимные выгоды; 5) мирное сосуществование⁸. Верховный Совет СССР выступил в феврале 1955 г. с заявлением, в котором отмечалось, что отношения между Советским Союзом и Индией развиваются на основе принципов «пан-ча шила», и рекомендовалось всем странам принять на вооружение подобную внешнеполитическую платформу.

Всё теснее становилось сотрудничество по борьбе за разоружение. В апреле-июне 1954 г. Советский Союз неуклонно требовал включения Индии в состав конференции по разоружению. СССР поддержал предложение Индии о создании в ООН Комитета по разоружению, который был образован в 1957 г. Индийское правительство и индийская общественность с одобрением встретили объявление Верховного Совета СССР 31 марта 1958 г. о прекращении в одностороннем порядке СССР испытаний ядерного оружия. Дж.Неру назвал это решение «выдающимся, самым важным событием, происшедшим за последнее время»⁹. На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1960 г.) Индия от имени 11-ти нейтралистских государств предложила на обсуждение проект о полном и всеобщем разоружении. Советский Союз и его союзники поддержали эту резолюцию. В июне 1960 г. Дж.Неру расценил советские предложения на конференции по разоружению в Париже, как «конструктивный и полезный подход» и заявил, что эти предложения указывают на «серьёзность попыток советского народа достигнуть успехов в деле разоружения» [29, с. 25].

Очень плодотворно обе страны сотрудничали в деле восстановления мира в Индокитае. Индийское правительство вместо молчаливой поддержки Северного Вьетнама начало занимать более активные позиции. В начале 1954 г. Индия запретила перелёт французских войск в Индокитай через индийское воздушное пространство. В феврале Дж. Неру призвал к прекращению огня в Индокитае, что было встречено на Западе с раздражением. Выдвинутые премьер-министром Индии предложения по урегулированию конфликта нашли своё отражение в итоговом документе конференции в Коломбо по проблемам Индокитая, которая была созвана по инициативе премьер-министра Индии. Азиатский гигант был лишь наблюдателем на Женевском совещании по Индокитаю, но Москва предложила выбрать именно Индию представителем комиссии по контролю над перемирием в субрегионе.

Индия отказалась поддерживать в Организации Объединённых Наций резолюцию, осуждавшую действия Советского Союза в Венгрии, в 1956 г. Полностью позиции двух стран совпали на Лондонской конференции (август 1956 г.), посвящённой проблемам управления Суэцкого канала. Советское правительство присоединилось к выдвинутому Индией проекту, который предусматривал признание суверенитета Египта над Суэцким каналом и выбор справедливого сочетания интересов международных пользователей канала и арабской страны.

⁸ Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией от 29.04.1954 // Международная жизнь. № 1, 1954, с. 157.

⁹ Lok Sabha Debates (Delhi). 1958. Vol. II. Col. 9053-9054.

Правительства СССР и Индии решительно осудили агрессию Великобритании, Франции и Израиля в Египте в 1956 г. Советский Союз предложил Соединённым Штатам совместными действиями, используя вооружённые силы, прекратить войну. Дж.Неру в послании Генеральному секретарю ООН назвал военные действия Великобритании и Франции против Египта «самой бесстыдной агрессией, которая когда-либо имела место» [по 6, с. 246]. В ноябре 1956 г. Н.А. Булганин направил личное послание Дж. Неру, в котором выражалась надежда, что осуждение Индией англо-французской агрессии должно «сыграть выдающуюся роль в решении Суэцкого кризиса»¹⁰.

Одновременно индийские правящие круги настороженно прореагировали на действия Советского Союза, предпринятые с целью отражения агрессии против Египта, и в ООН Индия скорее поддерживала Соединённые Штаты, которые также выступали с осуждением действий европейских держав. Однако уже в январе 1957 г. Дж. Неру выступил с критикой доктрины Эйзенхауэра, согласно которой «вакуум силы», возникший на Ближнем и Среднем Востоке после провала тройственной агрессии против Египта, должен был быть заполнен Соединёнными Штатами [2, с. 48-49].

Правительство Индии выразило своё сожаление в связи с инцидентом с американским самолётом-разведчиком «Локхид-V-2», сбитым 1 мая 1960 г. над территорией Советского Союза. Дж. Неру заявил в парламенте, что подобные полёты могут привести к началу ядерной войны¹¹. Следует отметить, что в Индии приветствовались все инициативы, направленные на улучшение советско-американских отношений.

Советский Союз и Индия последовательно боролись против возникновения новых военных блоков и за роспуск старых военных союзов. Индия поддержала план Рапацкого, предложенный министром иностранных дел Польши А. Рапацким на XII сессии ГА ООН и предусматривавший создание безъядерной зоны в Центральной Европе и в конечном итоге одновременный роспуск НАТО и Варшавского договора. В отношении правящих кругов Индии к военным блокам, особенно к расположенным в Азии, большую роль сыграла позиция индийской общественности. Показательны опросы общественного мнения в Индии. Если больше половины из ответивших выразило одобрение образованием Варшавского договора, то «понимание» в отношении создания НАТО проявило 13% ответивших, СЕНТО – 5%, СЕАТО – 4%¹².

В Индии очень высоко оценили позицию Советского Союза по кашмирской проблеме. В 1957 г. Соединённые Штаты и Великобритания четыре раза навязывали обсуждение этого вопроса в Совете Безопасности ООН. В январе 1957 г. Соединённые Штаты были соавторами резолюции по Кашмиру, в которой было предложено провести плебисцит в Кашмире, против чего настоятельно выступа-

¹⁰ См. Lok Sabha Debates. India. Parliament. House of the People, India. Parliament. Lok Sabha. 1958. Vol. 15. Col. 9116.

¹¹ Lok Sabha Debates. House of People, 1960, vol. 43, col. 14831.

¹² Monthly Public Opinion (Delhi). 1956. Vol. 1. № 7-9. P. 22-24.

ла Индия. Пропакистанскую позицию США лучше всего характеризует присланная через три дня телеграмма президента Пакистана И.Мурзы Д.Эйзенхауэру: «Я хотел бы выразить мою признательность и признательность народа Пакистана за поддержку, которую оказало правительство Соединённых Штатов по вопросу о резолюции по Кашмиру в ООН»¹³. Советский Союз, однако, наложил вето на предложенную резолюцию. Объясняя эту позицию, представитель СССР указал, что предложениям западных стран свойственна «империалистическая сущность, ... и цель этих планов состоит в обеспечении ввода англо-американский войск на территорию Кашмира и в превращении его в их колонию и военную стратегическую базу» [27, с. 79]. В феврале 1957 г. Соединённые Штаты были соавторами новой резолюции, в которой содержалось предложение о введении сил ООН в Кашмир. Дж. Неру назвал эту резолюцию «коллективной агрессией или коллективным одобрением агрессии» и заявил, что «отношение некоторых стран к Индии умышленно враждебно»¹⁴. Только применение вето Советским Союзом воспрепятствовало реализации американских планов. Представитель СССР отметил, что кашмирский вопрос уже решён народом Кашмира, который считает свою территорию интегральной частью Индии. Он также отметил, что возобновление обсуждения этой проблемы в ООН не случайно произошло в то самое время, когда «определённые западные державы выражают открытое разочарование внешней политикой Индии» [27, с. 79].

В феврале 1960 г. состоялся второй визит Н.С. Хрущёва в Индию. В ходе переговоров были подписаны соглашения о культурном, научном и техническом сотрудничестве, предусматривавшие развитие связей между научно-техническими, культурными, спортивными и другими учреждениями СССР и Индии и кредитное соглашение. В коммюнике, подписанном по окончании визита, отмечалось удовлетворение некоторым ослаблением международной обстановки. Премьер-министр Индии высоко оценил предложения СССР о всеобщем разоружении, а советская сторона повторила своё одобрение политики нейтралитета Индии. Указывалось также на необходимость объединения усилий СССР и Индии в борьбе за мир. Обе стороны с удовлетворением отметили плодотворное политическое и дипломатическое сотрудничество между двумя странами в ООН и вне его, а также усиленное развитие советско-индийских отношений в экономической и культурной сферах¹⁵.

Индийско-китайская война 1962 г. и её последствия

Вместе с тем на рубеже 1950-1960-х гг. советско-индийское сотрудничество ожидало серьёзное испытание, что было связано, прежде всего, с изменением внешнеполитического курса Китая.

¹³ Asian Recorder (Delhi). - 1957. - Vol. III. - № 6. - P. 1288.

¹⁴ Там же. - 1957. - Vol. III. - № 9. - P. 1327.

¹⁵ «Правда», 17.02.1960.

По всей видимости, китайско-индийские вооружённые столкновения, начавшиеся ещё в 1959 г., застали врасплох советское руководство. Оно было не готово к прямой конфронтации социалистического государства (Китай), которое при всех разногласиях с СССР ещё оставалось его союзником, и одного из лидеров национально-освободительного движения (Индия). Согласно господствовавшим тогда (и позднее) в СССР идеологическим догмам, «лагерь социализма» и «национально-освободительное движение» являлись основными партнёрами в борьбе с западным империализмом. Советский Союз не занял какой-либо твёрдой позиции и в заявлении ТАСС от 9 сентября 1959 г. призвал к мирному урегулированию возникших разногласий: «В советских руководящих кругах ... выражают уверенность в том, что оба правительства урегулируют возникшие недоразумения с учётом взаимных интересов в духе традиционной дружбы между народами Китая и Индии. Это будет также содействовать укреплению сил, выступающих за мир и международное сотрудничество»¹⁶. Рассчитывающее получить поддержку СССР против Индии правительство Китая расценило позицию Советского Союза как «тенденциозную». Дж.Неру назвал заявление ТАСС «справедливым» [по 28, с. 23]. При этом, как отмечалось в секретном меморандуме «Индийско-советские отношения» Центрального разведывательного управления США от 4 декабря 1972 г., открытого недавно для доступа, с этого периода всё больше и больше индийцев рассчитывали на получение поддержки именно от Москвы в противостоянии КНР¹⁷. Первоначально Москва стремилась к решению индийско-китайских отношений. По мнению ведущего индийского специалиста В.П. Датта, визит Чжоу Эньлая в Индию в апреле 1960 г. для обсуждения пограничных проблем был связан именно с давлением Москвы [16, с. 405].

Близость позиций СССР и освободившихся стран в 1950-е гг. способствовала укреплению социалистического полюса биполярной системы. Соотношение сил между двумя сверхдержавами в 1960-е гг. стабилизировалось. Относительно равновесная система резко повысила роль государств Азии, Африки и Латинской Америки в формировании общих тенденций мирового развития. Увеличилось число стран, маневрировавших между двумя системами. Само утверждение двухполюсной системы давало третьим странам хорошие шансы для геополитических маневров, прагматизма. Ещё рудиментарная в сильно идеологизированном мире рубежа 1950-1960-х гг. такая возможность, уловленная Китаем и Индией, с трудом воспринималась советскими идеологами, искренне верившими в перспективу социалистической системы и отождествлявшими с ней интересы СССР. Излишне веря в правильность выбранной внешнеполитической стратегии, Кремль не воспринял серьёзность ухудшения отношений с Пекином в конце десятилетия, рассчитывая на поправимость ситуации.

¹⁶ Правда, 10.09.1959.

¹⁷ CIA USA. Intelligence Memorandum. Indo-Soviet Relations. 04.12.1972. No 2440/72. Secret. P. 2. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001100130127-2.pdf>

Однако свертывание хозяйственных связей (так, уже в 1960 г. были отозваны из КНР все советские специалисты, происходило постоянное падение удельного веса советско-китайского товарообмена во внешней торговле Китая – до 7% в 1966 г.) [3, с. 229], пассивное отношение к политике КНР в «третьем мире» постоянно сужали сферу позитивного взаимодействия с Китаем. Руководство последнего выступило против решений Московского Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. по борьбе за всеобщее и полное разоружение. Вскоре Китай в «Предложениях по генеральной линии мирового коммунистического движения» (июнь 1963 г.) и в результате поездки Чжоу Эньлая по странам Африки (декабрь 1963 г.) окончательно оформил собственный взгляд на теорию и практику антиимпериалистического фронта развивающихся стран. По мнению китайского руководства, центр мирового революционного движения переместился в Азию; КНР стала его главной силой, а национально-освободительное движение – основным фактором мирового революционного процесса; ликвидация империализма возможна лишь путём мировой войны, которая неизбежна, и т.д. В итоге КНР стала занимать собственную нишу в системе международных отношений, а острие её политического курса было направлено, прежде всего, против Советского Союза.

20 октября 1962 г. началась война между Китаем и Индией. Позиция СССР в отношении военных действий на индийско-китайской границе была первоначально такой же, как и в 1959 г., и выражена в передовой статье газеты «Правда» от 5 ноября 1962 г.: «Советские люди придерживаются твёрдой линии: в существующей обстановке главное – это прекратить огонь и начать переговоры о мирном урегулировании конфликта. Такое решение отвечало бы интересам китайского и индийского народов служило бы делу сохранения мира в Азии и во всём мире».

Расчёты правительства КНР получить поддержку СССР против Индии и втянуть Советский Союз в свою военную авантюру не оправдались. Именно отношение Советского Союза к китайско-индийской войне 1962 г., как это отмечают многие индийские исследователи, было одним из решающих факторов, заставивших Китай, оказавшийся в полном одиночестве), принять решение о прекращении огня и отступить на прежние позиции.

Западные державы и, прежде всего, Соединённые Штаты, естественно, пытались использовать китайско-индийский конфликт в своих целях. Угроза серьёзного военного поражения вынудила правительство Индии обратиться к различным странам за помощью. 29 октября Кришна Менон, а затем и Дж. Неру высказали американскому послу пожелание получить различное вооружение у США. В Индии резко активизировались правые политические партии и правая пресса, которые потребовали вступления в блок с западными государствами. Посол США в Индии Дж. Гэлбрайт в письме своему президенту от 6 декабря 1962 г. писал: «слово “неприсоединение” исчезло отовсюду, кроме речей Неру и левой прессы» [18].

Однако Индия не отказалась от политики неприсоединения и не пошла на заключение военного союза с западными государствами. Безусловно, важную роль в продолжении Индией политики неприсоединения сыграл премьер-министр Индии Дж.Неру, который считал, что Индия должна играть самостоятельную роль в мировой политике, а привязывание её к одному или другому блоку лишит Индию возможности решать свои внешнеполитические задачи. В апреле 1963 г. премьер-министр Индии чётко указал на это: «неприсоединение – это свобода действий, что составляет часть независимости» [по 11, с. 8].

Позиция Советского Союза в отношении китайско-индийского вооружённого конфликта, некоторая разрядка международной напряжённости, растущая популярность Советского Союза у индийской общественности, осознание необходимости проводить гибкий внешнеполитический курс привели к определённым изменениям в позиции правых индийских партий, таких как «Бхаратия джана сангх», «Сватантра», «Народно-социалистическая партия», в отношении советско-индийских связей. Если в 1950-х – начале 1960-х гг. эти партии неоднократно выступали с антисоветскими заявлениями и с резкой критикой внешнеполитического курса индийского правительства, то к середине 1960-х гг. они поняли, что советско-индийское сотрудничество служит коренным национальным интересам Индии. Достаточно прагматически настроенные правые политические лидеры Индии, которые весьма адекватно их воспринимали, быстро осознали, что определённое балансирование между двумя военными блоками действительно приносит значительную выгоду: и в экономической, и в политической, и в военной сферах. Так, идеолог партии «Сватантра» Раджагопалачария, выступавший ранее с исключительно резкими нападка на развитие дружеских связей между СССР и Индией, уже в январе 1963 г. заявил, что «если премьер-министр Неру под защищаемой им с религиозным рвением политикой неприсоединения подразумевает дружественные отношения с Россией, то мы согласны с ним»¹⁸. В этот же период руководители партии «Бхаратия джана сангх» Б. Мадхок и А.Б. Ваджпаи стали выступать с заявлениями, что, несмотря на идеологические разногласия с Советским Союзом, Индии следует укреплять свои отношения с СССР.

Наращение противоречий между Советским Союзом и Китаем в 1960-е гг. играло основополагающую роль для советской внешней политики. КНР, крупнейшее государство мира, обладавшее ядерным оружием и имевшее с СССР самую протяжённую в мире границу¹⁹, представляла серьёзнейшую опасность для северного соседа, особенно принимая во внимание полную непредсказуемость внешнеполитических действий в условиях «культурной революции». В этих условиях для СССР весьма возрастала значимость стран, имевших серьёзные противоречия с Китаем.

¹⁸ Searchlight (Patna), 30.01.1963.

¹⁹ Постоянно росли нарушения её со стороны КНР. Так, только в 1963 г. более 100 тыс. китайских граждан принимали участие подобных инцидентах [1, с. 151].

Первое соглашение о поставках военной техники Советским Союзом в Индию было заключено ещё в 1960 г., когда Индия закупила восемь транспортных самолётов АН-12 и 24 ИЛ-14, 10 вертолётов МИ-4. Получив известие о проходивших переговорах, американская администрация сделала всё возможное, чтобы воспрепятствовать контактам СССР и Индии в военной области. Посол США Дж. Гэлбрайт провёл переговоры с Дж. Неру, Кришна Меномом (бывшим тогда министром обороны), Морарджи Десаи (министр финансов Индии) и добился отсрочки заключения соглашения. При встрече с Дж. Неру Дж. Гэлбрайт заявил, что поскольку Индия собирается закупать самолёты на рупии, то США, не считающие рупию конвертируемой валютой, сочтут этот факт за получение Индией военной помощи от Советского Союза, что должно привести к чрезвычайно негативной реакции со стороны США [18, с. 327-335]. Одновременно Соединённые Штаты, с одной стороны, обратились к Великобритании с просьбой продать Индии реактивные самолёты по крайне низкой цене (разницу США соглашались доплатить Великобритании), а, с другой стороны, сами предложили Индии поставки данной военной продукции²⁰. Давление на Индию проводилось в столь открытой форме, что Дж.Неру был вынужден публично в парламенте раскрыть методы американской администрации и заявить, что Индия не поддастся грубому шантажу со стороны США [18, с. 337].

В 1962-1964 гг. СССР поставил Индии вооружение на сумму 130 млн долл. В 1962 г. СССР дал согласие не только на продажу самолётов МИГ-21, но и на сооружение в Индии заводов по производству этого истребителя-перехватчика. В сентябре 1964 г. СССР предоставил Индии кредит в размере 300 млн долл. для закупки 44 самолётов МИГ-21, 20 вертолётов МИ-4, и 70 танков-амфибий ПТ-76 [28, с. 73-74].²¹ В 1965 г. Советский Союз согласился поставить четыре подводные лодки и пять сторожевых кораблей [15, с. 52]. К 1967 г. Советский Союз оказал Индии военную помощь на сумму в 610 млн долл. [11, с. 205].

В первой половине 1960-х гг. достаточно успешно развивались политические связи. В сентябре 1961 г. Дж.Неру вновь посетил с визитом Советский Союз. В совместном советско-индийском коммюнике, подписанном по итогам переговоров, было отмечено, что оба правительства придерживаются одинаковых точек зрения в отношении чрезвычайной важности всеобщего и полного разоружения в условиях строгого и эффективного международного контроля, неизменности границ в Европе, необходимости учитывать факт существования двух германских государств, решимости бороться с колониализмом во всех его формах²².

В этот же период Индия поддержала предложения СССР на XVI сессии ГА ООН, изложенные в «Меморандуме о мерах, направленных на разрядку

²⁰ Times of India (Bombay), 21.05.1962.

²¹ A Model Relationship

²² Правда, 02.09.1961.

международной напряжённости, укрепление доверия между государствами и содействующих всеобщему и полному разоружению», которые предусматривали замораживание военных бюджетов, запрет пропаганды войны, подписание договора о ненападении между странами Варшавского договора и НАТО, вывод иностранных войск с занимаемых ими территорий. В марте 1962 г. Индия выступила в поддержку внесённого на рассмотрение Комитета по разоружению (называемого также «Комитетом 18-ти») советского проекта договора о всеобщем и полном разоружении. За это индийский представитель подвергся яростным нападениям западной прессы, называвшей его агентом «явного коммуниста Неру» [5, с. 47].

Чрезвычайно высокую оценку в Индии вызвала советская позиция по Гоа и Кашмиру. Одной из основных задач, стоявших перед Индией в области внешней политики, была полная ликвидация колониальных владений европейских государств на Индостане. Если Франция согласилась мирно отказаться от своих владений в Индии, то Португалия не давала даже согласия на проведение переговоров о воссоединении так называемой Португальской Индии (Гоа, Диу и Даман) с Индией. В связи с подобной позицией португальских колонизаторов правительство Индии приняло решение вступления индийских войск на территорию Гоа 19 декабря 1961 г.; португальские войска капитулировали.

18 декабря Португалия подала жалобу на действия индийского правительства в отношении «португальского государства» в ООН. На заседании Совета Безопасности США, решившие оказать поддержку своему союзнику по НАТО, и другие западные державы предложили принять резолюцию, призывавшую к немедленному прекращению Индией военных действий. Однако Советский Союз наложил вето на проект резолюции. По мнению ряда индийских экспертов, принимая решение о вводе войск в Гоа, Дели рассчитывал именно на советскую поддержку и мог не принимать во внимание реакцию Запада [20, с. 40].

В июне 1962 г. Советский Союз применил право вето при обсуждении кашмирского вопроса в Совете Безопасности, когда проходило голосование по резолюции по Кашмиру (названной индийским представителем «недружественной»), предложенной Ирландией и поддержанной всеми западными державами. Выступая в парламенте в июне 1962 г., Дж. Неру выразил благодарность Советскому Союзу за его неуклонную поддержку Индии в таких жизненно важных для страны вопросах, как Гоа и Кашмир²³.

В 1963-1964 гг. между СССР и Индией постоянно проходили политические консультации. В Индии в этот период весьма благожелательно рассматривали политику СССР. Так, в апреле 1964 г. на встрече в Джакарте по подготовке к созыву второй афро-азиатской конференции глав государств и правительств представитель Индии С.С. Сингх предложил, чтобы в конференции принял участие Советский Союз, который «за все годы, прошедшие после Бандунгской конфе-

²³ Link (Delhi), 01.07.1962, p. 25.

ренции, неизменно выступал на стороне афро-азиатских народов и оказывал им большую помощь». После этой встречи Индийское газетное агентство заявило: «Хотя политика Индии по-прежнему остаётся политикой неприсоединения, в нынешней обстановке Индия всё больше склоняется к Советскому Союзу».

Китайско-индийский конфликт повлёк за собой переосмысление в Индии целей внешней политики страны. Теперь на передний план вышла не проблема лидерства в афро-азиатском мире, а вопрос о роли и месте Индии в Южной Азии. Военное сотрудничество Пакистана и Соединённых Штатов препятствовало достижению Индией доминирующих позиций в субрегионе, а вторжение КНР в Индию ещё в большей степени ухудшило региональный статус страны. По существу все 1960-е гг. правящие круги Индии основной своей задачей считали резкое повышение авторитета государств в Южной Азии.

Успешно развивалась и экономическая подсистема двусторонних отношений. В советско-индийском коммюнике, подписанном по итогам визита Джавахарлала Неру в СССР в сентябре 1961 г., отмечался значительный прогресс в области экономического и технического сотрудничества. Из 22 крупных предприятий тяжёлой промышленности, построенных в Индии за годы третьего пятилетнего плана (1961-1966 гг.), 12 было построено с помощью Советского Союза и других социалистических стран, а всего к этому периоду при содействии СССР в Индии было построено 50 промышленных объектов.²⁴ К марту 1965 г. общая санкционированная помощь Советского Союза Индии равнялась 4842 млн индийских рупий [17, с. 25]. В январе 1965 г. в Дели было подписано советско-индийское соглашение о строительстве металлургического завода в Бокаро (мощностью 2 млн т стали в год). Были предусмотрены проектирование, поставка оборудования и материалов СССР на льготных условиях, консультации, подготовка индийских специалистов со стороны советских организаций. В июне 1963 г. в Москве было подписано новое торговое соглашение между СССР и Индией на пять лет. Торговля между двумя странами продолжала расти чрезвычайно быстрыми темпами.

Совершив «исторический выбор» в Южной Азии, и Советский Союз, и Соединённые Штаты в 1960-е гг. отнюдь не отказывались от развития отношений с другими государствами субконтинента. После китайско-индийского конфликта США увеличили экономическую помощь Индии. Если для США развитие отношений с Индией подразумевало желание несколько ослабить стремительно укреплявшееся советско-индийское сотрудничество, способствовать победе Индии в экономическом соревновании с «красным Китаем», улучшить отношения с Движением неприсоединения, то СССР, пойдя на расширение диалога с Пакистаном, пытался немного ограничить развитие американо-пакистанских и китайско-пакистанских связей и упрочить свои позиции в мусульманском мире.

²⁴ The Eastern Economist, December 16, 1966, p.1123.

В марте 1961 г. было подписано советско-пакистанское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в поисках нефти и газа. В 1964 г. СССР предоставил Пакистану кредит для закупки техники для ирригационных работ. За первые пять лет десятилетия торговый оборот между двумя странами увеличился в несколько раз. Произошло расширение культурных и научных связей [4, с.128-132].

Во второй половине 1960-х гг. советско-пакистанские отношения развивались по восходящей линии. СССР согласился оказать Пакистану содействие в сооружении целого ряда крупных промышленных объектов. Продолжился рост торгового оборота. Получила развитие военно-политическая подсистема двусторонних отношений, начались поставки (хотя и ограниченные) советской военной техники, что вызвало беспокойство Индии [4, с. 134 - 140].

Советский Союз с конца 1950-х гг. проводил относительно активный внешнеполитический курс в отношении средних стран Южной Азии. В 1956 г. были установлены дипломатические отношения с Непалом, в 1957 г. – с Шри-Ланкой. Практически сразу с обеими странами были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. За 1960-е гг. в Непале построены сигаретная фабрика, сахарный завод, гидроэлектростанция, завод по производству сельскохозяйственных орудий, шоссе, дорога и госпиталь, а в Шри-Ланке сооружены сталепрокатный и шинный заводы. Состоялись двусторонние переговоры на высшем уровне.

Двусторонние отношения во второй половине 1960-х гг.

Внутриполитические перемены, произошедшие в двух странах в 1964 г. (отстранение Н.С. Хрущёва от власти в СССР и смерть Дж. Неру), не сказались на двусторонних отношениях. В мае 1965 г. в Москву с визитом прибыл новый премьер-министр Л. Б. Шастри. Перед отъездом в СССР он заявил: «Сегодня у нас наилучшие отношения с Советским Союзом, и мы – наилучшие друзья» [по 28, с. 29]. В коммюнике, подписанном по окончании визита, обе стороны подтвердили свою приверженность принципам мирного сосуществования; подчеркнули необходимость ограничения гонки вооружений и ослабления международной напряжённости; выступили против любого распространения ядерного оружия. Л.Б. Шастри выразил глубокую благодарность правительства и народа Индии за экономическую и техническую помощь Советского Союза.

В августе 1965 г. вспыхнула вторая война между Индией и Пакистаном. Советский Союз несколько раз (7, 12, 14, и 20 сентября) обращался к правительствам Индии и Пакистана с предложением своих добрых услуг для разрешения конфликта. Совместные действия Советского Союза и США в ООН, столь редкие в годы холодной войны, привели к тому, что 22 сентября Индия и Пакистан приняли предложение Совета Безопасности о немедленном прекращении огня и отводе войск на позиции, занятые до начала военного столкновения.

Война между Индией и Пакистаном в равной степени вызвала обеспокоенность СССР и США, опасавшихся усиления позиций Китая в регионе. Хотя США, проводя политику лавирования между Индией и Пакистаном, приостановили военную помощь последнему с момента начала военных действий и сделали предупреждение Китаю о недопустимости какого-либо участия последнего в конфликте²⁵, тем не менее, Индия рассматривала их как военного союзника Пакистана. Дружественные отношения с Индией и укрепление взаимопонимания с Пакистаном, отсутствие серьёзной военно-политической вовлечённости в региональные проблемы и искренняя заинтересованность в прекращении войны превратили СССР в надёжного посредника между Индией и Пакистаном. Обе стороны согласились принять советское предложение об оказании добрых услуг. В январе 1966 г. состоялись переговоры в Ташкенте между Лалом Бахадуром Шастри и президентом Пакистана Мухаммадом Айюб-ханом. Они завершились подписанием совместной декларации, в которой руководители Индии и Пакистана заявляли о решимости установить мирные отношения и отказаться от применения силы при решении спорных вопросов, наметили программу действий для реализации этих задач. Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин принял участие в проведении Ташкентской встречи. Добрые услуги СССР даже переросли в определённой степени в посредничество (инициатор «добрых услуг» обычно не участвует в переговорах).

После подписания декларации Л.Б. Шастри заявил: «Советский Союз – твёрдый сторонник политики мирного сосуществования. СССР непоколебим в осуществлении этой политики, вероятно, больше, чем любая другая страна, а С. Радхакришнан отметил, что Индия «придаёт значение всему, сделанному Советским Союзом, Советским правительством» [28, с. 36-37]. В газете «Хиндустан Таймс» отмечалось, что соглашение было заключено благодаря «дружескому убеждению» со стороны советских руководителей»²⁶.

Дальнейшему укреплению советско-индийских отношений послужил визит в Советский Союз (июль 1966 г.) Индиры Ганди, ставшей премьер-министром Индии после смерти Л.Б. Шастри. Выступая по советскому телевидению, И.Ганди заявила: «В лице Советского Союза мы имеем хорошего друга, и я хочу сказать вам, советскому народу, что в лице индийского народа вы имеете не менее преданного друга. Эта дружба – не просто существующий факт. Это важный фактор международных отношений»²⁷. В подписанном по окончании визита коммюнике было отмечено совпадение или близость точек зрения двух стран по широкому кругу международных вопросов. Была выражена также благодарность Индии правительству и наро-

²⁵ Об этом 14 сентября 1965 г. заявил посол США в Польше Дж. Кэбот китайскому представителю (Washington Post, 19.09.1965).

²⁶ Hindustan Times (Delhi), 02.01.1966.

²⁷ Ганди И. Статьи, речи, интервью. М., 1975, с.19.

ду СССР за экономическое и техническое содействие в развитии экономики Индии²⁸.

Авторитет Советского Союза в Индии был весьма высоким. Достаточно привести результаты опросов общественного мнения: в январе 1966 г. все индийцы, отвечавшие на вопросы, знали об экономическом содействии со стороны СССР. Опрошенные проявили осведомлённость и о помощи, которую предоставляли Соединённые Штаты, однако большинство из них заявило, что причины, по которым США предоставляли экономическую помощь, были своекорыстными (заставить Индию пойти на союз с Западом, «борьба с коммунизмом» в Индии), а мотивы СССР заключались, прежде всего, в стремлении помочь развитию индийской экономики, укрепить дружественные отношения²⁹.

Характерно, что даже консервативные политические деятели Индии призывали в этот период к всемирному развитию всестороннего сотрудничества с СССР. Так, заместитель премьер-министра Индии и будущий премьер-министр (1977-1979 гг.) Морарджи Десаи, резко критиковавший позицию левоцентристских сил индийского национального конгресса по внутривнутриполитической ситуации, заявил: «Мы постоянно будем проводить такую политику, что наша дружба не только не будет ослабевать, но станет крепче и крепче, такой крепкой, что ничто не сможет стать на её пути в любое время в будущем» [28, с. 38].

В январе 1968 г. в Индии с визитом находился председатель Совета министров СССР А.Н.Косыгин. В подписанном по окончании визита коммюнике отмечалось, что индийское правительство высоко оценило вклад, который внёс СССР в дело мирного разрешения мировых проблем. Обе стороны подчеркнули большое значение установления добрососедских отношений между Индией и Пакистаном, выразили озабоченность войной во Вьетнаме, потребовали выполнения резолюции Совета Безопасности от 22.11 по положению на Ближнем Востоке, заявили о необходимости достижения всеобщего разоружения, высказались за обеспечение безопасности в Европе³⁰.

На XXIV сессии ГА ООН (1969 г.) Советский Союз и Индия высказали единые точки зрения по вьетнамской проблеме (призвав к её мирному решению и выводу всех иностранных войск из Вьетнама), ближневосточному вопросу, проблеме Индийского океана (выступив против создания военных баз в этом районе земного шара).

В условиях нового осложнения обстановки в Южной Азии и развития военных связей Пакистана с США и Китаем Советский Союз дал согласие укреплять обороноспособность Индии. В октябре 1968 г. в Индию прибыл министр обороны СССР А.А. Гречко. Проведённые переговоры способствовали упрочению советско-индийских связей в военно-политической сфере.

²⁸ «Правда», 17.07.1966.

²⁹ 39 опрошенных индийцев заявили о своём чрезвычайно хорошем отношении к СССР, а 51% - о просто хорошем. В мае 1966 г. 86% отметили своё хорошее или очень хорошее отношение к СССР. Характерно, что никто из индийцев не утверждал, что относится к СССР негативно. (Monthly Opinion ... 1966, vol. II, №11, pp. 3-34).

³⁰ «Правда», 01.02.1968.

Во второй половине 1960-х гг. произошли качественные изменения и в экономических связях между СССР и Индией. Советский Союз превратился во второго крупнейшего торгового партнёра Индии (после Соединённых Штатов) и крупнейшего импортёра товаров из Индии. В 1966 г. торговый оборот вырос по сравнению с 1961 г. в 3,3 раза [26, с. 96-98]. В том году Советский Союз экспортировал в Индию товары на сумму в 832 млн рупий, а импортировал оттуда на сумму в 929 млн рупий³¹. Доля Индии в общем торговом обороте СССР в этот период составляла 2,3%, а доля Советского Союза в общем торговом обороте Индии – 8%.

Ряд западных исследователей (Дж. Картер, Дж. Берлинер, М. Гольдман, В. Василев, К. Миллер и др.) [9; 10; 19; 26] утверждали, что якобы Советский Союз поставлял в Индию (и в другие развивающиеся страны) товары по ценам выше мировых, а импортировал – по ценам ниже мировых. Однако если брать конкретные цифры, то мы увидим, что, напротив, часто СССР закупал товары в Индии по более высокой цене, чем другие страны. Одна пара обуви, закупаемая Советским Союзом в Индии в 1966 г., обходилась в среднем в 22,7 рупий, а США в 6,5; килограмм чая соответственно (в 1965 г.) – в 6,61 рупий и 5,66 рупий. В свою очередь, Индия в среднем платила СССР 452,7 рупий за тонну удобрений в 1966 г., а США – 545,5 рупий. Газетная бумага, закупаемая в 1966 г. Индией в Советском Союзе, обходилась в 1,1 рупию за килограмм, а ФРГ – 1,2 [23, с. 51].

Кроме этого, следует выделить следующие отличия советско-индийского экономического сотрудничества от связей Индии с западными державами в экономической сфере: 1) советская экономическая и техническая помощь направлялась на создание средств производства, что давало возможность Индии добиться полной экономической независимости; 2) погашение советских кредитов производилось в индийских рупиях, которые полностью использовались для закупки индийских товаров для экспорта в СССР, тогда как США с 1960-х гг. требовали от Индии оплачивать займы исключительно в твёрдой валюте; 3) займы, выделяемые Индии Советским Союзом, как правило, предоставлялись на намного больший срок под меньшие проценты, чем западные кредиты; 4) в ходе строительства предприятий советские специалисты проводили обучение индийского технического персонала; 5) советская экономическая и техническая помощь способствовала быстрому росту государственного сектора; 6) расчёты в торговле проводились в рупиях, что приводило к отсутствию торгового дефицита для Индии, так как выручка СССР от экспорта шла на оплату импорта.

В 1970-71 ф. г. экспорт Советского Союза в Индию достиг цифры 1061 млн рупий, а импорт – 2099 млн рупий [12, с. 253]. Таким образом, на долю СССР приходилось 6,5% всего импорта Индии и 13,7% её экспорта, а во всём внешне-

³¹ India. A Reference Annual, 1977 and 1978. N-D, 1978, p. 327, 329.

торговом обороте азиатского гиганта доля Советского Союза составляла 10%. Торговый оборот между двумя странами вырос по сравнению с 1953 г. (время заключения первого торгового соглашения) более чем в 100 раз.

СССР увеличил оказание Индии экономической помощи. В декабре 1970 г. в Дели было подписано советско-индийское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве промышленных предприятий и других объектов, предусматривавшее предоставление Индии советского кредита и оказание необходимого содействия советскими организациями в строительстве в Индии ряда предприятий чёрной и цветной металлургии, горнодобывающей и нефтяной промышленности, энергетики и других отраслей индустрии.³²

Символами советско-индийского сотрудничества стали металлургические комбинаты в Бхилаи и Бокаро, завод тяжёлого электромашиностроения в Хардваре (крупнейший завод данного профиля во всём регионе, выпускающий турбины, генераторы мощностью до 200 тыс. т, был введён в эксплуатацию в 1967 г.), завод тяжёлого машиностроения в Ранчи, завод горно-шахтного оборудования в Дургануре, нефтеперерабатывающие заводы в Кочине и Койяли, завод оптического стекла в Дургапуре и т.д. На долю предприятий, построенных с помощью СССР, в начале 1970-х гг. приходилось 30% выплавки стали, 60% добычи нефти и 30% переработки нефти, 20% производства электроэнергии, 60% производства электрооборудования и 85% производства металлургического оборудования.

Глобальные перемены и внутривнутриполитические перемены в СССР привели к определённой корректировке советского внешнеполитического курса в Южной Азии. К началу 1970-х гг. в СССР окончательно укрепилось убеждение, что Индия является надёжным и естественным партнёром на Востоке. Индия как один из лидеров афро-азиатского мира занимала высокое место в приоритетах советской внешней политики. При этом в СССР складывалось мнение, что наступил новый этап в национально-освободительной борьбе, связанный с начавшимися изменениями в социальной структуре развивающихся стран, направленными на постепенную трансформацию их строя в сторону «социалистического»³³.

Проходившие в Индии в тот период социально-экономические преобразования (национализация банков, принятие закона о монополиях, определённым образом ограничивавших их деятельность, увеличение запланированных инвестиций в государственный сектор за счёт сокращения капиталовложений в частный сектор, национализация импорта ряда товаров) расценивались как борьба индийского правительства с «эксплуататорскими» отношениями, а укрепление государственного сектора автоматически приравнивалось к становлению «социалистических» начал в экономике. Существовало, таким об-

³² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами, вып. XXIV, М., 1971, с. 158-164.

³³ См., например: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971; Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.

разом, идеологическое обоснование расширению советско-индийского сотрудничества.

Логика геополитики обуславливала необходимость развития двусторонних связей. Советско-китайские отношения обострились к началу 1970-х гг. до такой степени, что некоторые отечественные политики считали, что Китай – основной противник Советского Союза. Индия рассматривалась как определённый противовес КНР. В свою очередь, для Индии Китай оставался главным стратегическим соперником. И СССР и Индия крайне настороженно отнеслись к начавшемуся американо-китайскому сближению, справедливо видя в нём серьёзнейшую угрозу собственной безопасности. Немаловажное значение для СССР имело и то обстоятельство, что между индийским правительством и республиканской администрацией Р. Никсона с самого начала резко обострились отношения. В первую очередь это было связано с падением значимости Индии для США в условиях развития связей с КНР, с укреплением советско-индийского сотрудничества, субъективным негативным подходом руководителей США Р. Никсона и Г. Киссинджера к Индии.

Позиция индийского правительства по всем крупнейшим международным проблемам была намного ближе к точке зрения СССР, а не США. Так, во время голосования на ГА ООН в 1970 г. Индия, когда позиция США и СССР не совпали, 34 раза голосовала вместе с США и 76 раз – вместе с СССР [14, с. 58].

Развитие индийской экономики достигло такого уровня, когда двустороннее экономическое сотрудничество могло приносить существенные выгоды и советской стороне. Индия стала основным источником получения СССР таких товаров, как кофе, чай, джут, табак.

В критический момент, когда Индия находилась на грани войны с Пакистаном, а поток восточнобенгальских беженцев (более 10 млн восточных бенгальцев бежало за полгода в Индию) ещё больше осложнял внутривосточную ситуацию в стране, 9 августа 1971 г. между СССР и Индией был заключён Договор о мире, дружбе и сотрудничестве (ещё в феврале 1969 г. А.Н. Косыгин выдвинул это предложение [22, с. 67]).

В нём было зафиксировано, что партнёры не будут участвовать в каких-либо военных союзах, направленных против другой стороны. В случае если одна из стран станет объектом нападения или угрозы, СССР и Индия должны приступить к взаимным консультациям для устранения таковой. Практически все политические силы Республики поддержали Договор (при ратификации его в парламенте против него выступили лишь три человека).

Для Советского Союза это было первое подобное соглашение, заключённое с несоциалистической страной и с государством, не отнесённым к категории так называемых стран социалистической ориентации, что подчёркивало ту приоритетную роль, которую получила Индия в советской внешней политике.

Советско-индийский Договор прошёл всестороннюю проверку уже через несколько месяцев, когда в ноябре 1971 г. началась индийско-пакистанская во-

йна. Госдепартамент США заявил, что главная ответственность за начало военного конфликта лежит на Индии. В Совете Безопасности ООН представитель США Дж. Буш назвал Республику «агрессором». В Бенгальский залив были посланы корабли 7-го флота США, в том числе авианосец «Энтерпрайз» с ядерным оружием на борту. Китай предпринял ряд политических шагов в целях провоцирования китайско-индийских столкновений.

СССР полностью поддержал Индию. При этом следует учитывать, что Москва в 1971 г. долгое время пыталась убедить Дели в необходимости использовать только политические методы для решения бенгальского вопроса [13, с. 330-332]. Советский Союз на заседаниях Совета Безопасности три раза накладывал вето на резолюции о событиях на Индостане, предложенные американским делегатом. В заявлении ТАСС от 7 декабря СССР всю ответственность за возникший очаг напряженности возложил на правительство Пакистана³⁴. Советская эскадра была послана в Бенгальский залив (естественно, что ни США, ни СССР – тем более в условиях частичной разрядки международной напряженности – не собирались идти на военное столкновение: это была всего лишь демонстрация своей политической позиции). Что касается предполагаемого вмешательства КНР, то индийская общественность была твёрдо убеждена, что КНР не предприняла активных действий из опасения перед возможными ответными действиями СССР. Главный редактор одной из крупнейших и влиятельнейших газет Индии «Таймс оф Индия» Г.Джайн писал: «Теперь ясно, что если Пекин не создал для нашей страны трудностей в Ладакхе (в Восточных Гималаях перевалы становятся непроходимыми к середине ноября), то это объясняется в основном его страхом перед возможными ответными действиями Советского Союза в Синьцзяне»³⁵. В 1972 г. министр обороны Индии Джагдживан Рам заявил: «Индия смогла освободить Бангладеш и её народ благодаря уверенности, которая появилась у неё в результате подписания индийско-советского договора»³⁶.

Война 1971 г. окончательно закрепила партнёрские отношения СССР и Индии. С этого периода Советский Союз и начал рассматривать события в Южной Азии в первую очередь сквозь призму индийских интересов. СССР стал постепенно сворачивать контакты со средними странами Южной Азии. Начался третий этап советско-индийских отношений.

За 1960-е гг. резко укрепились советско-индийские культурные связи. Если в 1950-е гг. США чрезвычайно опережали СССР по степени культурного влияния в Индии [8; 25], то в следующем десятилетии позиции Советского Союза в этом отношении очень укрепились благодаря резко возросшим масштабам деятельности советской журналистики и радиовещания в Индии, постоянной демонстрации советских фильмов, регулярному направлению представителей советской культуры и проведению их концертов и выступлений, укрепле-

³⁴ «Правда», 08.12.1971.

³⁵ Times of India, 21.12.1971.

³⁶ Indian Express (New Delhi), 20.08.1972.

нию научных связей, распространению советской художественной и научно-популярной литературы, очень увеличившемуся приёму индийских студентов в советские вузы. В свою очередь, Индия также активизировалась в этом отношении, и основным направлением культурной деятельности стало индийское кино, встретившее очень теплый приём в Советском Союзе [24].

Дж. Неру удалось сформировать институт национального согласия (консенсуса), который позволяет относительно мягко решать основные политические и социальные проблемы. В области внешней политики общеиндийский консенсус вокруг «курса Неру» стал складываться к середине 1950-х гг. Внешняя политика стала постепенно предметом «надпартийного» согласия. В последующем в стране было не так много дискуссий по макрозадачам внешней политики, что свидетельствовало о достаточном осознании национальных интересов и внешнеполитических целей. Переход Индии на позиции «позитивного нейтралитета», когда в основу внешней политики были положены принципы неучастия в военных блоках и отказа от существования на своей территории иностранных военных баз, ликвидации колониализма, мирного решения спорных вопросов, развития равноправного сотрудничества и мирного сосуществования государств, на практике подразумевал поддержание равных отношений со сверхдержавами и стремление укрепить позиции освободившихся стран.

Если в конце 1940-х гг. связи Индии с Западом были несравненно более тесными, чем с советским блоком, то уже в конце 1950-х гг. можно констатировать равноудалённость Индии от США и СССР. Этому способствовали внутренние изменения в СССР и перемены на глобальном уровне, когда Соединённые Штаты и Китай сделали ставку на развитие военно-политических отношений с Пакистаном. При этом следует учитывать, что крупнейшие страны Южной Азии отнюдь не были марионетками великих держав, а, напротив, пытались использовать тех в собственных целях.

Второй этап советско-индийских отношений начался с визита Дж. Неру в СССР и советских руководителей в Индию в 1955 г. Для него было характерно динамичное и позитивное развитие всех основных подсистем – политической, экономической, военно-политической и культурно-цивилизационной. Большую роль для развития двусторонних связей сыграла логика геополитики в духе «Артхашастры», авторство которой приписывают мудрецу Каутильи: «твой непосредственный сосед является врагом, а сосед твоего соседа... является другом». Выявилась и определённая близость подходов двух стран к фундаментальным проблемам развития. Всё больше подтверждалось, что национальные интересы двух государств совпадали или, по крайней мере, не противоречили друг другу, а позиции Советского Союза и Индии по глобальным вопросам были весьма близки. Совпадали и подходы двух стран к решению региональных проблем, прежде всего, Южной Азии. Уже к концу 1960-х гг. Индия по существу была ближе к СССР, чем к США, а после индийско-пакистанской войны 1971 г. возник уже «крен» Индии в сторону Советского Союза (третий этап двусторон-

них отношений, становление которого было predeterminedено предыдущей фазой). Индия была, пожалуй, самым позитивным примером взаимосвязей СССР с несоциалистическими государствами.

Список литературы

1. Владимирив О.Е. Советско-китайские отношения в сороковых-восьмидесятых годах. М.: Международные отношения, 1984. 384 с.
2. Горошко Г.Б. Борьба в Индии по вопросам внешней политики. 1957-1964. М.: Международные отношения, 1966. 144 с.
3. Капица М.С. КНР: три десятилетия - три политики. М.: Политиздат, 1979. 576 с.
4. Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы). М.: ГРВЛ, 1984. 299 с.
5. Мухамедова Д., Касымов А., Кутина М. Индия в борьбе против колониализма, за мир и сотрудничество между народами. Ташкент: Фан, 1967. 143 с.
6. Насенко Ю.П. Дж.Неру и внешняя политика Индии. М.: Наука, 1975. 381 с.
7. Некрасов А.А. СССР и развивающиеся страны в ООН. М.: Международные отношения, 1970. 191 с.
8. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy Princeton: Princeton University Press, 1960. 353 p.
9. Berliner J. Soviet Economic Aid: The New Aid and Trade Policy in Under-Developed Countries. New York: Praeger, 1958. 252 p.
10. Carter J.R. The Net Cost of Soviet Foreign Aid. New York: Praeger, 1971. 134 p.
11. Chakravarty B. N. India Speaks to America. Calcutta: Orient Longmans, 1966. 209 p.
12. Chopra V.D. India and the Socialist World, New Delhi: Allied Publishers, 1983. 258 p.
13. Dasgupta Ch. The Decision to Intervene: First Steps in India's Grand Strategy in the 1971 War // Strategic Analysis. 2016. Vol. 40, № 4. Pp. 321-333.
14. Dunbar W. India in Transition. London: Sage, 1976. 80 p.
15. Dutt V.P. India and China: The Past and the Future // International Studies. 2010. Vol. 47. No. 2-4. Pp. 403-412.
16. Dutt V.P. Indo-Soviet Relations: Convergence of Interests / Studies in Indo-Soviet Relations // Ed. by Chopra V.D. New Delhi: Patriot Publishers, 1986. Pp. 45-70.
17. Eldridge P.J. The Politics of Foreign Aid in India. New York: Schocken, 1970. 289 p.
18. Galbraith J. K. Ambassador's Journal. A Personal Account of the Kennedy Years. Boston: Houghton-Mifflin, 1969. 656 p.
19. Goldman M. Soviet Foreign Aid. New York: Praeger, 1967. 265 p.
20. Harshe R. India's Foreign Policy under Nehru and its Contemporary Relevance India's Foreign Policy under Nehru and its Contemporary Relevance // Contemporary Perspectives. 2007. Vol. 1. No. 1. Pp. 33 - 45.
21. Imam Z. Ideology and Reality in Soviet Policy in Asia. Indo-Soviet Relations, 1947-60. Delhi: Kalyani Publishers, 1975. 260 p.
22. Mastny V. The Soviet Union's Partnership with India // Journal of Cold War Studies. 2010. Vol. 12, № 3. Pp. 50-90.
23. Mishra G. Contours of Indo-Soviet Economic Cooperation. Delhi: Allied Publishers, 1978. 142 p.
24. Rajagopalan S. Indian Films in Soviet Cinemas: The Culture of Movie-Going after Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2008. 242 p.
25. Sager P. Moscow's Hand in India. Bern: Swiss Eastern Institute, 1966. 224 p.
26. Vasilev V. Policy in the Soviet Bloc on Aid to Developing Countries. Paris: OECD, 1969. 106 p.
27. Vats B. Foreign Intrigue against India. Delhi: Aman Publishers, 1967. 299 p.
28. Vibhakar J. A Model Relationship. 25 Years of Indo-Soviet Diplomatic Ties. New Delhi: Punjabi Publishers, 1972. 159 p.

Об авторе:

Сергей Иванович Лунёв – д.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. Email: silounev@gmail.com.

Статья выполнена в рамках проекта РГНФ/РНФ № 15-03-00338.

SOVIET-INDIAN RELATIONS (1955 - 1971): THE BIRTH OF A FRIENDSHIP

S.I. Lounev

DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51

Moscow State Institute of International Relations (University)

The most important stage in the relations between the USSR and India is the second half of the 1950s and the 1960s, when the systemic factors led to the transformation of the two states into natural strategic allies. The article studies the evolution of Soviet and Indian foreign policies and the impact of exogenous and endogenous factors on their strategies. The analysis of unique, special and universal aspects of the general strategy of two states reveals their geo-economic and geopolitical interests and conditions which promoted or limited the realization of these interests.

All key subsystems of bilateral relations (political, economic, military-political and cultural-civilizational) are studied in their correlations. The analysis of the political parameters covers the summits, political consultations on a broad range of issues, cooperation between the USSR and India at the global and regional levels. The article focuses on the analysis of the global changes that largely determined the evolution of the Soviet-Indian relations. The significance of the formation of all-party consensus in India on foreign policy (from the middle of the 1950-s) is stressed. This concord concerns the main directions and macro objects, while there are differences in the methods of their achievement, which is linked both with different political and ideological platforms and with global changes in the world system.

The analysis of Soviet-Indian economic relations covers the growth of trade turnover and changes in its structure, cooperation in the field of heavy industry and energy, the supply of Soviet machinery and equipment. Close military-political ties that is the cornerstone of the present bilateral relations originated in this period. At the same time it is necessary to point out the relative closeness of two countries in the sphere of cultural life (notwithstanding enormous differences of Russian and Indian civilizations): spiritualism as an immanent element of both cultures opposes materialism and consumerism of the developed world and multinational and multiconfessional composition of both countries brings them closer.

Key words: USSR, India, bilateral political and economic relations, military ties, geopolitics, the global and regional levels, J. Nehru, USA, China.

References

1. Vladimirov O.E. *Sovetsko-kitaiskie otnosheniia v sorokovykh-vos'midesiatykh godakh* [Soviet-Chinese Relations in the Forties-Eighties years]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1984. 384 p. (In Russian).
2. Goroshko G.B. *Bor'ba v Indii po voprosam vneshnei politiki. 1957-1964* [The Struggle in India on Foreign Policy's Problems. 1957-1964]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1966. 144 p. (In Russian).
3. Kapitsa M. S. *KNR: tri desiatiletiia - tri politiki* [China: Three Decades - Three Policies]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 576 p. (In Russian).
4. Moskalenko V. N. *Vneshniaia politika Pakistana (formirovanie i osnovnyie etapy)* [Foreign Policy of Pakistan (Forming and Main Stages)]. Moscow,

- GRVL Publ., 1984. 299 p. (In Russian).
5. Mukhamedova D., Kasymov A., Kutina M. *Indiia v bor'be protiv kolonializma, za mir i sotrudnichestvo mezhdunarodami* [India in the Struggle against Colonialism, for Peace and Cooperation among Peoples]. Tashkent, Fan Publ., 1967. 143 p. (In Russian).
 6. Nasenko Iu.P. *Dzh. Neru i vneshniaia politika Indii* [J. Nehru and Foreign Policy of India]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 381 p. (In Russian).
 7. Nekrasov A.Ia. *SSSR i razvivaiushchiesia strany v OON* [The USSR and Developing Countries in the UN]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1970. 191 p. (In Russian).
 8. Barghoorn F.C. *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1960. 353 p.
 9. Berliner J. *Soviet Economic Aid: The New Aid and Trade Policy in Under-Developed Countries*. New York, Praeger Publ., 1958. 252 p.
 10. Carter J.R. *The Net Cost of Soviet Foreign Aid*. New York, Praeger Publ., 1971. 134 p.
 11. Chakravarty B. N. *India Speaks to America*. Calcutta, Orient Longmans Publ., 1966. 209 p.
 12. Chopra V.D. *India and the Socialist World*. New Delhi, Allied Publ., 1983. 258 p.
 13. Dasgupta Ch. The Decision to Intervene: First Steps in India's Grand Strategy in the 1971 War. *Strategic Analysis*. 2016, vol. 40, no. 4, pp. 321-333.
 14. Dunbar W. *India in Transition*. London, Sage Publ., 1976. 80 p.
 15. Dutt V.P. India and China: The Past and the Future. *International Studies*. 2010, vol. 47, no. 2-4. Pp. 403-412.
 16. Dutt V.P. Indo-Soviet Relations: Convergence of Interests. Ed. by Chopra V.D. *Studies in Indo-Soviet Relations*. New Delhi, Patriot Publ., 1986. Pp. 45-70.
 17. Eldridge P.J. *The Politics of Foreign Aid in India*. New York, Schocken Publ., 1970. 289 p.
 18. Galbraith J. K. *Ambassador's Journal. A Personal Account of the Kennedy Years*. Boston, Houghton-Mifflin Publ., 1969. 656 p.
 19. Goldman M. *Soviet Foreign Aid*. New York, Praeger Publ., 1967. 265 p.
 20. Harshe R. India's Foreign Policy under Nehru and its Contemporary Relevance India's Foreign Policy under Nehru and its Contemporary Relevance. *Contemporary Perspectives*, 2007, vol. 1, no. 1, pp. 33 - 45.
 21. Imam Z. *Ideology and Reality in Soviet Policy in Asia. Indo-Soviet Relations, 1947-60*. Delhi, Kalyani Publ., 1975. 260 p.
 22. Mastny V. The Soviet Union's Partnership with India. *Journal of Cold War Studies*, 2010, vol. 12, no 3, pp. 50-90.
 23. Mishra G. *Contours of Indo-Soviet Economic Cooperation*. Delhi, Allied Publ., 1978. 142 p.
 24. Rajagopalan S. *Indian Films in Soviet Cinemas: The Culture of Movie-Going after Stalin*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 2008. 242 p.
 25. Sager P. *Moscow's Hand in India*. Bern, Swiss Eastern Institute Publ., 1966. 224 p.
 26. Vasilev V. *Policy in the Soviet Bloc on Aid to Developing Countries*. Paris, OECD Publ., 1969. 106 p.
 27. Vats B. *Foreign Intrigue against India*. Delhi, Aman Publ., 1967. 299 p.
 28. Vibhakar J. *A Model Relationship. 25 Years of Indo-Soviet Diplomatic Ties*. New Delhi, Punjabi Publ., 1972. 159 p.

About the author:

Sergey I. Lounev – Dr. of Historical Studies, professor of Department of oriental studies, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: silounev@gmail.com.

The article is written with the financial support of RGNF/RNF grant No 15-03-00338.

О ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ ИНДИИ

М.С. Зайцев

Посольство Российской Федерации в Республике Индии

В статье изучаются вопросы эволюции военной доктрины Индии, факторов, оказавших влияние на её разработку и развитие, а также анализируется современное состояние и концептуальные подходы. В отсутствие единого консолидированного документа индийскую военную стратегию принято рассматривать как совокупность ядерной доктрины, военной доктрины сухопутных войск и военно-морской доктрины. Развитие теоретической базы и структурирование деятельности вооружённых сил связано с изменениями геополитической обстановки. Автор доказывает, что Нью-Дели внимательно реагирует на изменение регионального и международного баланса сил, вырабатывая и актуализируя нормативно-правовую базу, релевантную существующей обстановке, как *modus operandi* для военного и политического руководства страны, стремящегося создать благоприятные условия для развития экономики и упрочить позиции Индии как мировой державы. Военная доктрина, военно-морская доктрина и ядерная доктрина разработаны с учётом существующих угроз и новых вызовов безопасности страны: факторы Пакистана и Китая, международный терроризм, очаги сепаратизма, пиратство и др. В то же время реальное состояние дел, в частности, боеспособность вооружённых сил, их техническая оснащённость, логистика и система командования и управления войсками не позволяет Индии в полной мере реализовывать декларируемые цели и задачи.

Ключевые слова: военная доктрина Индии, военная стратегия Индии, военно-морская стратегия Индии, «доктрина Сундарджи», операция «Паракрам», ядерная доктрина Индии, доктрина «холодного старта».

УДК 355.43

Поступила в редакцию 31.03.2017 г.

Принята к публикации 10.04.2017 г.

Растущая роль Индии в международных отношениях и мировых политических процессах определяет стремление Нью-Дели активно декларировать геополитические интересы и готовность их отстаивать. Страна претендует на лидерство в регионе Южной Азии, для которого характерен высокий конфликтногенный потенциал, генерируемый рядом политических, экономических, исторических и культурных факторов. Раздел Британской Индии в 1947 г. создал условия для приграничного конфликта с Пакистаном, а борьба за лидерство в Азии и неурегулированный территориальный спор с Китаем обуславливают напряжение в отношениях с Пекином. Вероятные угрозы и вызовы национальной безопасности требуют от Индии не только наличия современных и боеспособных вооружённых сил, но и концептуального документа, определяющего их организацию, применение, направленность военного строительства.

Исследовательский вопрос заключается в выявлении соответствия нормативных документов, определяющих военное строительство и применение вооружённых сил Индии, существующим политическим реалиям в региональном и международном срезе. Для этого был проведён анализ концептуальных документов, составляющих основу военной стратегии Индии: военной доктрины (от 2004 г.), военно-морской доктрины (в редакциях 1988, 2007 и 2015 гг.) и ядерной доктрины (от 2003 г.) с целью анализа задач, возложенных на ВС страны. Несмотря на то, что последний раз Индия вела боевые действия в 1999 г. в ходе т.н. Каргильского конфликта с Пакистаном (война так и не была объявлена), на протяжении последних 20 лет вооружённые силы Индии участвовали в различных операциях, в первую очередь, на границе с Пакистаном, а также применялись для подавления очагов сепаратизма на северо-востоке страны, что позволяет оценить их боеспособность и эффективность. Учитывались также и расходы на оборону, темпы оснащения ВС новыми образцами вооружения и военной техники и динамика развития международного военно-технического сотрудничества, участие Индии в двусторонних и международных учениях и др. В рамках работы над статьёй проводился анализ теоретических знаний и практических разработок российских, индийских и западных учёных, а также различных материалов, докладов и публикаций в периодической прессе. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1947 г. по 2017 г., т.е. фактически весь этап независимости Индии.

Новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении трёх составляющих военной стратегии (военной доктрины, военно-морской доктрины и ядерной доктрины) в рамках одной работы, а также более широкий анализ факторов, оказавших влияние на её формирование.

В то время как тема довольно широко освещена в экспертной среде, большинство индийских аналитиков не учитывают аспект Китая, стремящегося упрочить позиции в регионе Южной Азии, зоне жизненно важных интересов Индии, что потенциально может представлять большую угрозу, чем конфронтация с Пакистаном. Фактор Исламабада выдвигается на передний план в книгах

и монографиях А.Ахмеда [12,13,14,15,16], директора индийского филиала Фонда Карнеги за международный мир С.Раджа Мохана [31,32], а также специалистов по ядерной проблематике М.Сетхи [43], П.Ачина и Б.Прафула [36].

Тем не менее, фактор Пекина упоминается и в работах индийских авторов. Растущему влиянию КНР посвящена работа К.Сантанамы и К.Шриканта «Безопасность в Азии и Китай» [42], однако в ней сделан упор на экономические аспекты.

Западные научные круги особое внимание уделяли ядерному компоненту индийской военной стратегии. Здесь стоит отметить публикации Кембриджского университета, к примеру, «Стратегическое поведение Китая и Индии» Дж.Гилбоя и Э.Хегинботама [19] и «Стабильность сдерживания» М.Крепона и Дж.Томсон [27], а также ряд публикаций университета Стенфорда [25,26, 40]. В то же время они не учитывали возможность боевых действий с применением обычных вооружений, воспринимая противоречия ядерных держав по большей части в парадигме ядерного противостояния и взаимного сдерживания. Доктрина «холодного старта» наиболее полно раскрыта в работах С.В.Ладвига [28, 29].

В отечественной научной среде вопросы безопасности Южной Азии и военной стратегии Индии исследовались С.И.Лунёвым [4,5], А.А.Шилиным, предметом исследования которого было ядерное сдерживание [8], и Ф.Н.Юрловым [9, 10]. Несмотря на то, что для отечественных авторов характерен более комплексный анализ ситуации, в их работах не были отражены перемены в военной мысли страны после прихода к власти БДП в 2014 г., в результате чего Индия стала более явно декларировать готовность отстаивать национальные интересы, в т.ч. с применением вооружённых сил.

Военная доктрина

Сухопутные войска и военно-морские силы Индии имеют собственные регулярно корректируемые документы под названием «Военная доктрина¹» и «Военно-морская доктрина», которые являются сводом концепций, определяющих их предназначение, организацию, направленность подготовки и способы ведения боевых действий в интересах обеспечения национальных интересов и безопасности страны [29].

Военная доктрина Индии отражает особенности геостратегического положения страны, специфику исторического развития, основные направления внешней и внутренней политики. Её эволюция была тесно связана с изменениями геополитического ландшафта.

В начальный период после обретения независимости основной идеей было обеспечение самостоятельного внешнеполитического курса и невступление в

¹ Понимается и как доктрина сухопутных войск, и как военная доктрина в общем, потому что описывает характер боевых действий с применением всех видов и родов ВС.

формальные союзы. Военная стратегия, как считает ряд учёных, в числе которых видный британский аналитик С.В.Ладвиг, была «сугубо оборонительной» [28]. Ключевой задачей политики Индии в области обеспечения безопасности стало достижение автономии, что нашло воплощение в создании в 1958 г. Организации оборонных исследований и разработок, целью которой было развитие передовых военных технологий на нужды вооружённых сил (далее – ВС). При этом их задачи ограничивались защитой территориальной целостности страны, что предполагало незначительные бюджетные ассигнования.

Пограничный конфликт с Китаем в 1962 г. продемонстрировал низкую боеготовность индийских вооружённых сил и техническую отсталость: большая часть вооружений и военной техники (далее – ВиВТ) морально устарела и нуждалась в модернизации. В результате премьер-министр Джавахарлал Неру выступил с инициативой пересмотра военной концепции, заявив о необходимости «создать наши вооружённые силы всеми способами, имеющимися в нашем распоряжении» [33].

По существу с этого времени начался процесс строительства современной индийской армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил. В отсутствие собственной материально-технической базы Нью-Дели вынужден был расширять сотрудничество с зарубежными странами, в первую очередь, Западной Европой, а впоследствии – и с СССР с целью оснащения вооружённых сил современными ВиВТ, параллельно создавая национальный ВПК.

В 1980-1990-е гг. основным нормативным документом индийских ВС была т.н. доктрина «Сундарджи» [20]. Согласно ей, на границе с Пакистаном были дислоцированы семь «сдерживающих корпусов». Их задачей было сдерживание наступления ВС Пакистана силами пехотных и моторизованных подразделений на заранее укрепленных позициях до подхода основных сил в составе трёх состоящих из бронетанковых дивизий и усиленных артиллерией и авиацией ударных корпусов, которые были расположены в глубине территории страны. Они должны были разгромить силы Пакистана и создать условия для перехода в наступление на территорию Исламской республики [37].

Доктрина «Сундарджи» доказала неэффективность после нападения группы террористов на парламент Индии в декабре 2001 г. Тогда в ответ на эту провокацию в рамках операции «Паракрам» индийцы не смогли оперативно мобилизовать вооружённые силы, и Пакистан успел стянуть к границе крупные соединения [22]. Численность войск обеих сторон на пике конфронтации достигла 1 млн человек. Причём, по признанию бывшего президента ИРП П.Мушаррафа, Исламабад готов был прибегнуть к ядерному оружию как «крайнему средству защиты национального суверенитета» [18].

При разработке последней редакции военной доктрины, обнародованной в 2004 г., в качестве основных угроз безопасности индийцы выделили потенциальный вооружённый конфликт с Китаем и Пакистаном, а также террористические акты [24]. Военная доктрина разрабатывалась с учётом особенностей современ-

ных методов ведения войн, в которых наибольшее значение имеет стратегическая инициатива: как правило, интенсивные боевые действия ведутся недолго и прекращаются под давлением со стороны международного сообщества [19].

Главным потенциальным противником является Китай, что определяется следующими факторами: неурегулированность территориальной проблемы, поддержка КНР сепаратистских группировок в индийских северо-восточных штатах, ускоренная модернизация китайских вооружённых сил, рост глобального политического, экономического и военного влияния Пекина. К этому, по мнению С.И.Лунёва, добавляется также усиление стратегического присутствия КНР в соседних с Индией странах и регионе в целом, которое сопровождается активным участием в развитии инфраструктуры, включая военную составляющую, в том числе в Тибетском автономном районе [5].

Комплекс угроз, исходящих от Пакистана, характеризуется следующими аспектами: прогрессирующая радикализация общества, экономическая и политическая нестабильность внутри страны, декларируемая Исламабадом готовность применить ядерное оружие в случае нанесения Индией неприемлемого экономического или военного ущерба, нагнетаемое в пакистанской армии и спецслужбах устойчивое негативное отношение к Индии, масштабная модернизация вооружённых сил, высокая вероятность продолжения пакистанским руководством стратегии «необъявленной войны» в Кашмире, поддержка радикальных исламских и сикхских группировок в Индии [26].

Сохраняющимися факторами региональной нестабильности остаются проблема афганского урегулирования, негативная динамика ситуации в Бангладеш, рост политических противоречий в Мьянме, Непале и Шри-Ланке и в целом отсутствие признанного лидера в Южной Азии, о чём пишут, в частности, В.Я.Белокреницкий, В.Н.Москаленко и Т.Л.Шаумян в работе «Южная Азия в мировой политике» [2].

Индийская военная доктрина классифицирует войны как «малые» и «большие». Под «малой» войной понимается ограниченный по месту, продолжительности, численности задействованных войск и поставленным задачам вооружённый конфликт, возникающий, как правило, из-за пограничных споров и территориальных притязаний [26]. «Большой» войной считаются полноценные боевые действия, характеризующиеся крупномасштабным пространственным размахом, использованием группировок всех видов вооружённых сил, высокой интенсивностью операций, значительной продолжительностью и решительными действиями сторон².

В соответствии с доктринальными установками, индийские ВС должны быть постоянно готовы к ведению «малой» войны против Пакистана, которая может начаться в любое время из-за резкого обострения обстановки на индийско-пакистанской границе, вдоль линии контроля в штате Джамму и Кашмир или

² Tapore A. Holocaust or Hollow Victory: Limited War in Nuclear South Asia, IPCS Research Papers, Feb. 2005. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/29191/6_Holocaust_or_Hollow_Victory.pdf (дата обращения: 22.03.2017)

в случае проведения исламскими террористическими группировками крупных терактов на объектах, имеющих важное политическое, экономическое и культурное значение для Индии.

«Большая» война на нынешнем этапе считается маловероятной. Так, учёный С.П.Капур убеждён, что индо-пакистанский конфликт будет вестись с применением ограниченного числа вооружённых сил с обеих сторон из-за опасности применения ОМУ [24].

Вместе с тем, по мнению индийских военных специалистов, в число которых входит политолог С.Раджа Мохан, крупномасштабный конфликт может стать либо продолжением «малой» войны, либо начаться внезапно с применением на первом этапе только обычных средств поражения [31]. В дальнейшем для достижения решающего успеха или в случае использования противником оружия массового уничтожения (ОМУ) боевые действия могут вестись с использованием ракетно-ядерного арсенала. При этом, как считается, у Нью-Дели не будет сильных военных союзников, которые могли бы выступить на его стороне.

В связи с этим признаётся необходимым поддерживать разностороннее сотрудничество с крупными и влиятельными государствами с тем, чтобы Индия не осталась в изоляции на мировой арене. Подобный курс рекомендован в т.ч. С.Падманабханом в статье «Вооружённые силы Индии в 2020 г.» [34].

Таким образом, основной задачей индийских вооружённых сил является массированный удар по противнику под прикрытием «ядерного зонтика» с целью вывода его из войны и создания выгодных условий для последующих мирных переговоров. Основное внимание уделяется оперативности действий с тем, чтобы захватить стратегическую инициативу и фактически парализовать возможности противника по дальнейшему ведению боевых действий до того, как тот завершит полную мобилизацию³. Учитывается также и неизбежное давление со стороны мирового сообщества.

Данные теоретические разработки были учтены при создании доктрины «холодного старта»⁴ (поскольку «горячий старт» подразумевал применение ядерного оружия). Согласно этой концепции, ударные корпуса, дислоцированные вблизи границы, должны незамедлительно войти на территорию ИРП (в пределах 100 км от границы) с целью ликвидации баз террористов и блокирования ключевых объектов военной инфраструктуры.

Первые упоминания о «холодном старте» относятся к 2004 г.⁵ Однако в 2010 г. тогдашний начальник штаба СВ Индии В.К.Сингх заверил, что подобной концепции не существует⁶. Но в 2016 г. в интервью журналу *India Today* его пре-

³ Cold Start, Quick Thrust // Telegraph (Calcutta), May 17, 2006 URL: https://www.telegraphindia.com/1060517/asp/nation/story_6233011.asp (дата обращения: 19.03.2017)

⁴ Kapila S. Indian Army's New 'Cold Start' War Doctrine Strategically Reviewed No. 991 Noida, India: South Asia Analysis Group, May 4, 2004 URL: <http://www.southasiaanalysis.org/paper991> (дата обращения: 24.03.2017)

⁵ India's new «Cold Start» war doctrine strategically reviewed. South Asia, May 2004. URL: <https://web.archive.org/web/20111002230800/http://www.southasiaanalysis.org/papers10/paper991.html> (дата обращения: 25.03.2017)

⁶ India has no 'Cold Start' doctrine: Army chief. NDTV, December 02, 2010. URL: <http://www.ndtv.com/wikileaks/india-has-no-cold-start-doctrine-army-chief-440926> (дата обращения: 25.03.2017)

емник Б.Рават, назначенный на должность при содействии премьер-министра Н.Моди, подтвердил её наличие⁷.

По мнению экспертов, сам факт наличия концепции «холодного старта» вынуждает Пакистан действовать на опережение, решительно наращивая военное присутствие и укрепляя оборону на границе с Индией. Более того, некоторые эксперты резонно полагают, что подчёркнутая воинственно-агрессивная направленность действий Нью-Дели может спровоцировать Исламабад на нанесение превентивного удара по наступающим индийским вооружённым силам с применением тактического ядерного оружия, чтобы нивелировать их превосходство в обычных вооружениях⁸. При этом, в подаче аналитиков, наличие у границы трёх ударных корпусов само по себе является катализатором эскалации гонки вооружений. Вместе с тем, как признают критически настроенные военные, на сегодня ВС Индии, действия которых до этого ограничивались нанесением «точечных ударов» с применением сил специального назначения, просто не обладают достаточным потенциалом боеспособных частей и подразделений для проведения на должном оперативном уровне кампании подобного масштаба⁹.

Есть основания полагать, что в высших эшелонах военного командования Индии пока нет единого мнения по поводу обоснованности концепции «холодного старта». Оппоненты обращают внимание на то, что, хотя операция должна осуществляться преимущественно силами сухопутных войск, она предполагает также незамедлительную блокаду индийскими ВМС при поддержке ВВС крупнейших портов Пакистана, включая Карачи [21]. Однако такой сценарий требует дополнительной отработки: индийское руководство неоднократно указывало на необходимость повышения уровня взаимодействия трёх видов войск путём, в частности, создания Объединённого комитета начальников штабов (по образцу США). Однако данные идеи пока не были применены на практике.

Как считают эксперты, в частности, конкретное воплощение формата «превентивных действий сухопутных войск» потребует ещё значительных усилий по модернизации, повышению боеспособности и оперативно-тактических возможностей вооружённых сил Индии.

В основу политических аспектов доктрины положен курс на придание Индии статуса великой державы, обладающей собственным ракетно-ядерным оружием, а также экономической мощью для укрепления позиций на международной арене. Зонай жизненно важных интересов Индии объявлен регион от восточного побережья Африки и Персидского залива на западе до Малаккского пролива и берегов Австралии на востоке, от республик Центральной Азии

⁷ Two-front war is a real scenario, says General BipinRawat // Times of India, Jan. 2017. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/two-front-war-is-a-real-scenario-says-general-bipin-rawat/articleshow/56323769.cms> (дата обращения: 25.03.2017)

⁸ Panda A., Pakistan pledges a hot finish for "Cold Start" // The Diplomat. Jan. 2017 <http://thediplomat.com/2017/01/pakistan-pledges-a-hot-finish-for-cold-start/> (дата обращения: 24.03.2017)

⁹ What is India's "Cold Start" military doctrine? // The Economist, Jan. 2017 URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2017/02/economist-explains> (дата обращения: 18.03.2017)

на севере и до южной части Индийского океана. Одним из ключевых положений является тезис о том, что для обеспечения безопасности страны в текущей военно-политической обстановке в мире и регионе невозможно ограничиваться только политическими и дипломатическими средствами. С целью недопущения и урегулирования потенциальных конфликтных ситуаций и борьбы с терроризмом считается возможным, а иногда и необходимым использование вооружённых сил [24].

Важным компонентом военной доктрины является оснащение национальных вооружённых сил современными образцами ВиВТ. Приоритетным направлением здесь является создание высокотехнологичной военно-промышленной и научно-технической базы. Новый импульс оно получило в рамках продвигаемой кабинетом Н.Моди государственной программы «Делай в Индии», которая направлена на локализацию производства ПВН, привлечение иностранных технологий, а в более долгосрочной перспективе – превращение страны в экспортёра вооружений. В тексте последней редакции Концепции процедуры оборонных закупок указывается на необходимость создания автономного ВПК с использованием национальных мощностей.

Военно-морская доктрина

Неотъемлемой составляющей военной стратегии Индии является морская доктрина. Индийский океан здесь рассматривают как регион жизненно важных национальных интересов. Более 90% всей индийской торговли приходится на морские перевозки, при этом 70% импортируемой Индией нефти поступает из Персидского залива. Из ЮАР, Катара, Малайзии, Индонезии, Австралии идут значительные поставки сжиженного природного газа, угля и других природных ресурсов. Через Малаккский пролив обеспечивается перевозка товаров в Восточную Азию и проход к Сахалину, где индийские компании участвуют в проектах по разработке нефтегазовых ресурсов, а южные маршруты дают возможность доступа к антарктическим исследовательским базам.

Кроме того, Индия имеет около 7,5 тыс. км береговой линии, занимая по этому показателю первую позицию среди государств в Азии. Неудивительно, что возрастающий риск военной конфронтации и милитаризация бассейна Индийского океана вызывают резонансное беспокойство Нью-Дели.

Указанные факторы диктуют заинтересованным странам необходимость предпринимать коллективные и индивидуальные меры для обеспечения безопасности данной акватории, особенно с учётом угрозы пиратства. В связи с этим наблюдается тенденция милитаризации международных вод. Так, на фоне военного превосходства в Индийском океане ВМС США, которое, по мнению американских военных экспертов, сохранится, по меньшей мере, до середины XXI в., Индия и Китай с конца 1990-х гг. также последовательно пытаются укрепить здесь своё присутствие [32].

Хотя нет подтверждений того, что приготовления Поднебесной носят преимущественно военную направленность, индийцы полагают, что задачей Китая является создание в странах индо-тихоокеанского бассейна сети баз технического и военного назначения в целях обеспечения безопасности поставок энергоресурсов, проникновения на региональные рынки, а также формирования задела для контроля над основными судоходными линиями. Их опасения подтверждаются теориями американских учёных, называющими эти базы «жемчужной нитью» [30]. Согласно им, в число китайских «жемчужин» в регионе входят порты Гвадар в Пакистане, Хамбантога на Шри-Ланке, а также Читтагонг в Бангладеш и Ситуэ, Кяокпю и Янгон в Мьянме¹⁰.

В связи с этим Нью-Дели уделяет повышенное внимание наращиванию присутствия в Индийском океане, подготовке и принятию на вооружение соответствующих целевых концепций и военно-морских доктрин¹¹. Первая морская стратегия Индии, опубликованная в 1988 г. и рассчитанная до 2014 г., сводилась к поддержке ведения сухопутных боевых действий с моря. Однако с началом нового века ввиду стремительно меняющейся геополитической обстановки, включая тенденции смещения мировой экономической и политической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион, роста китайской экспансии и нарастания новых вызовов и угроз, концепция присутствия Индии в Индийском океане неоднократно менялась.

В более современном виде она была зафиксирована в принятой в 2007 г. военно-морской стратегии «Свобода открытого моря», рассчитанной на 15 лет и нацеленной на закрепление к 2022 г. за страной статуса крупной морской державы. На смену ей пришла военно-морская стратегия «Обеспечение морской безопасности», принятая в октябре 2015 г. с учётом изменений в балансе сил в регионе и появления новых вызовов и угроз¹².

Согласно этому концептуальному документу, на ВМС возлагаются обязанности по обеспечению безопасности судоходства в индо-тихоокеанском регионе. Примечательно, что данный термин впервые фигурирует в морской стратегии, потому что до этого театр действия флота ограничивался бассейном Индийского океана. В новом документе обозначены девять узловых точек, играющих жизненно важную роль для Индии с точки зрения морской торговли: Суэцкий канал, Ормузский пролив, Баб-эль-Мандебский пролив, Мозамбикский пролив, Мыс Доброй Надежды, Малаккский пролив, Зондский пролив, Ломбокский пролив, а также проливы Омбаи и Ветар. Попытки блокировать индийские суда в этих точках или совершать против них агрессию будут восприняты Нью-Дели как посягательство на национальные интересы страны [32].

¹⁰ Vines A. Piracy, not China, is the real issue in the Indian Ocean // The World Today, February 2012. URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/archive/view/181855> (дата обращения: 16.03.2017)

¹¹ Indian Maritime Doctrine // Global Security, 2012. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/india/in-navy-doctrine.htm> (дата обращения: 18.03.2017)

¹² Khurana G., Indian Navy Updates Indian Maritime Doctrine 2009 // National Maritime Foundation, 2016 URL: http://www.academia.edu/23733565/Indian_Navy_Updates_Indian_Maritime_Doctrine_2009 (дата обращения: 21.03.2017)

При этом роль ВМС не ограничивается обеспечением безопасности гражданского судоходства: флот должен способствовать реализации интересов страны в регионах, представляющих интерес «с точки зрения политического, экономического и инвестиционного сотрудничества», а также в регионах проживания индийской диаспоры. В зону «основных интересов» вошла вся акватория Индийского океана и бассейн Красного моря, а к области «второстепенных интересов» отнесли обширный район от западного побережья Африки и Средиземного моря до Австралии и Антарктики [39].

Для выполнения поставленных задач Индии необходим современный мощный военно-морской флот, что предполагает увеличение количества судов до 200 к 2027 г. и модернизацию существующих единиц. По задумке авторов концепции, основой ВМС станут три оперативно-тактические группы, созданные вокруг авианосца. Здесь полагают, что наличие подобных флотилий не только станет фактором стратегического сдерживания, но и позволит «проецировать» силу вдали от акватории Индийского океана. В связи с этим в дополнение к авианесущему крейсеру «Викрамадитье», модернизированному Россией на базе ТАВКР «Адмирал Горшков» (устаревший «Вираат», спущенный на воду ещё в 1959 г., был списан в марте с.г.), планируется к 2025 г. принять на вооружение ещё два корабля аналогичного класса¹³.

В планах индийцев также и расширение атомного подводного флота, который в настоящий момент представлен одной АПЛ российского производства «Чакра», взятой в 2012 г. в аренду на 10 лет, с перспективой лизинга ещё одной (переговоры по ней ведутся с 2014 г.) Параллельно идёт постройка четырёх атомных подлодок класса Arihant собственными силами: первая, INS Arihant, была принята на вооружение в 2016 г., вторая проходит оснащение для подготовки к морским испытаниям, остальные две будут готовы к 2023 г. Новые АПЛ будут играть важную роль в ядерной триаде, обеспечивая эффективное сдерживание.

В рамках курса на укрепление морской обороноспособности страны Индия развивает военно-морские базы как на континентальной территории (в портах Кочи, Карвар, Мумбаи и Визакхапатнам), так и на принадлежащих ей островных территориях – Лакшадвип, а также Андаманских и Никобарских островах (АНО). Последние являются ключевой составляющей индийского присутствия в регионе Малаккского пролива и в силу уникального геополитического положения играют важную роль в системе морской безопасности и судоходства страны.

Перед ВМС также стоят задачи по противодействию новым вызовам и угрозам, в частности, террористическим атакам наподобие резонансного нападения на г.Мумбаи 26 ноября 2008 г., а также морскому пиратству, контрабанде и нар-

¹³ Baruah D. and Darshana M. The Modi Doctrine for the Indo-Pacific Maritime Region // The Diplomat, December 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/the-modi-doctrine-for-the-indo-pacific-maritime-region/> (дата обращения: 16.03.2017)

котрафику. Внимание уделяется развитию прибрежных РЛС и систем раннего оповещения, а также подготовке флота к ликвидации последствий стихийных бедствий и гуманитарным операциям, в частности, эвакуации населения.

Параллельно продвигается сотрудничество со Шри-Ланкой, Мальдивами, а также Маврикием и Сейшелами с целью интеграции национальных систем морского оповещения в единую сеть, проводятся двух- и многосторонние учения с участием Австралии, Индонезии, Сингапура, США, Японии и др.

В то же время аналитики сходятся во мнении, что текущее состояние индийских ВМС не отвечает требованиям региональной обстановки и не позволит им в полной мере выполнить поставленные задачи в силу недостаточного финансирования (расходы на флот в бюджете на 2017/18 ф.г. составляют около 15% общих ассигнований на нужды обороны). Амбициозная цель достижения паритета КНР выглядит нереализуемой: если в планах Индии поставить 200 судов на вооружение ВМС к 2027 г., то в состав ВМФ НОАК уже входит порядка 500 кораблей, при этом индийские ВМС существенно отстают по количеству эсминцев (11 у Индии и 32 у КНР), крейсеров (14 и 48) и подводных лодок (2 АПЛ против 11 и 13 ДЭПЛ против 56 соответственно).

Порядка 60% действующих судов морально устарели и нуждаются в модернизации или должны быть списаны. Несмотря на то, что на верфях строится около 40 новых кораблей, находящихся в разной степени готовности, излишняя бюрократизация военных ведомств и госкомпаний ведёт к удорожанию проектов и постоянному переносу сроков сдачи. Военные указывают на дефицит кадров на флоте, составляющий 15%. Вызывает опасение и состояние системы раннего оповещения: на сегодняшний день свыше 70% наблюдательных пунктов закрыты из-за нехватки личного состава. Контингент на АНО также остро нуждается в оснащении современной техникой и вооружением [39].

В подтверждение критических оценок и призывов к скорейшему устранению имеющегося несоответствия между декларируемыми ориентирами и реальным состоянием военно-морского потенциала приводится ряд серьёзных инцидентов в Индийском океане, на которые ВМС Индии не смогли должным образом отреагировать. Например, индийские РЛС и системы раннего оповещения не смогли обнаружить сигналы пропавшего с радаров в марте 2014 г. предположительно в акватории Индийского океана лайнера малазийских авиалиний МН-370. Сообщается и о других незамеченных индийцами заходах иностранных судов, в том числе и военных, в территориальные воды Индии. Самым резонансным из них был неожиданный для Нью-Дели проход китайской атомной подводной лодки класса Shang вдоль индийского побережья, где она находилась в течение двух месяцев в январе-феврале 2014 г.

В целом подчёркивается, что успешная реализация программы масштабного военно-морского строительства позволит Индии существенно укрепить свои позиции и войти в число стран, обладающих мощнейшими в мире флотами. Одновременно ряд индийских военных аналитиков, среди которых отстав-

ные генералы и маршалы, убеждён, что проблемы развития военно-морской инфраструктуры в Индийском океане требуют неотложного внимания высшего руководства страны.

На фоне активного внешнеполитического курса Пекина и усиления флота и морской авиации Исламабада индийцы могут постепенно утратить позиции в акватории Индийского океана. Чтобы не допустить этого, требуется не только концептуальная проработка морской стратегии, но и масштабное финансирование военно-морского строительства и комплексные меры по оснащению флота.

Ядерная доктрина

Ядерная политика Индии базируется на принципах неприменения ядерного оружия первыми или же против стран, им не обладающих, а также сохранения минимального потенциала сдерживания, что подразумевает наличие на вооружении такого количества ядерных средств, которое признается достаточным для нанесения ответным ударом неприемлемого ущерба противнику [13].

Вопросы ядерной безопасности находятся в ведении учреждённого в 1998 г. Совета национальной безопасности (СНБ) во главе с премьер-министром, созданного сразу после ядерных испытаний. СНБ подготовил проект ядерной доктрины, согласно которому главной целью провозглашалось поступательное экономическое, политическое, социальное, научное и технологическое развитие, обязательным условием которого было сохранение прочного мира и обеспечение защиты от потенциальных угроз. При этом, по замыслу авторов, ядерное оружие является не только сдерживающим фактором, но и гарантом автономии Нью-Дели в стратегических решениях.

Ядерные силы Индии «должны быть эффективными, разнообразными, гибкими и оперативно отвечающими на возникающие потребности в соответствии с концепцией «надёжного минимума сдерживания»: имеющийся у страны ядерный арсенал должен быть достаточен для того, чтобы «любое ядерное нападение на Индию и её вооружённые силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон». Ядерные силы должны быть основаны на триаде, состоящей из наземных систем, морских носителей и воздушных средств доставки [23].

Опубликованная в 2003 г. в кратком изложении ядерная доктрина апеллировала к ст.51 Устава ООН, предусматривающей «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную оборону» в случае вооружённого нападения на любое государство, являющееся членом ООН. В основу доктрины положены принципы неприменения ядерного оружия первыми либо против стран, им не обладающих, а также сохранения минимального потенциала сдерживания. Применение ядерного оружия санкционируется объединённым командованием стратегическими силами во главе с премьер-министром, который принимает в т.ч. решение о нанесении ядерного удара.

Чтобы успокоить международное сообщество, индийское внешнеполитическое руководство поспешило заверить его в миролюбии и обеспечении строгого контроля над хранением и использованием ядерного арсенала, а также приверженности глобальному процессу разоружения и нераспространения. При этом Нью-Дели неоднократно высказывался в поддержку повышения эффективности экспортного контроля над ядерными материалами и технологиями и за международные переговоры о полном уничтожении ядерного оружия во всем мире¹⁴.

Тем не менее, состояние вопроса вызывает острую полемику, которая активизировалась с приходом к власти премьер-министра Н.Моди в результате победы на парламентских выборах 2014 г. оппозиционной «Бхаратия Джаната Парти» (БДП), в предвыборном манифесте которой содержалось обещание пересмотреть документ¹⁵.

В частности, обеспокоенность вызывает одна из заявленных предпосылок для нанесения ответного удара – ядерная атака на «индийские силы в любом месте». Эксперты, среди которых А.Г.Арбатов и Г.И. Чуфрин [1, с.10-16], указывают, что доктрина не учитывает активную разработку Пакистаном в последние годы ракет малой дальности, способных нести ядерные боеголовки¹⁶. В случае индийского вторжения пакистанцы могли бы применить тактическое ЯО для уничтожения, например, скопления вражеских танков¹⁷. Такой шаг поставил бы перед Нью-Дели дилемму: нанести непропорциональный массированный ядерный удар и уничтожить тысячи мирных жителей или проигнорировать соответствующий пункт ядерной доктрины. В первом случае индийцы навлекут на себя гнев международного сообщества, во втором – подорвут принцип неотвратимости возмездия.

Как полагают некоторые аналитики, среди которых В.И.Сотников [6, с. 102-114], оградить руководство страны от столь трудного выбора могли бы изменения в доктрине, расширяющие выбор способов возмездия при использовании противником тактического ЯО. В свою очередь, видный специалист по ядерной проблематике Г.Балачандран считает, что подобная атака не несёт угрозы индийским силам сдерживания, а значит, не является первым ударом, следовательно, ответ Индии вовсе не должен быть массированным: власти вправе выбрать силу ответного удара, который может быть и ядерным¹⁸. Такие разногласия в

¹⁴ Mishra S. From 'Nuclear Apartheid' to Nuclear Multi-Alignment. Indrastra, June 2016. URL: <http://www.indrastra.com/2016/06/PAPERS-India-From-Nuclear-Apartheid-to-Nuclear-Multi-Alignment-002-06-2016-0017.html> (дата обращения: 15.03.2017)

¹⁵ См. главу 8 о вопросах национальной безопасности предвыборного манифеста БДП. February 8, 2009. URL: http://www.bjp.org/index.php?option=com_content&view=article&id=412:chapter-8&catid=75&Itemid=501 (дата обращения: 24.03.2017)

¹⁶ Vishwanathan A. India's Missile Modernisation and Credible Minimum Deterrence. South Asian Voices, December 2013. URL: <https://southasianvoices.org/indias-missile-modernisation-and-credible-minimum-deterrence/> (дата обращения: 24.03.2017)

¹⁷ Khan K. Limited War under the Nuclear Umbrella and Its Implications for South Asia. Stimson, June 2012. URL: <https://www.stimson.org/sites/default/files/file-attachments/khurshidkhan.pdf> (дата обращения: 24.03.2017)

¹⁸ Balachandran G. Revisiting India's Nuclear Doctrine IDSA, March 2017. URL: http://www.idsa.in/idsacomment/visiting-india-nuclear-doctrine_gbala-kpatil_270317 (дата обращения: 26.03.2017)

трактовке положений индийской ядерной доктрины указывают на проблему с определениями, которые не всегда соответствуют общемировой практике и должны быть чётче сформулированы.

Противоречивым остается и пункт о «применении ЯО в ответ на применение химического и биологического оружия» с учётом возможности того, что это оружие могут применить отдельные террористические организации, а удар будет нанесён по предполагаемому инициатору и спонсору – Пакистану.

Кроме того, обсуждается соответствие реального числа боеголовок необходимости обеспечить «надёжное минимальное сдерживание». Как полагают некоторые эксперты, индийский ядерный потенциал не только превысил минимально необходимый для сдерживания уровень, но и продолжает расти. Мнения аналитиков относительно общего количества ядерного оружия также расходятся: одни убеждены, что оно не превышает 40-50 единиц с учётом запасов оружейного плутония. По более оптимистичным оценкам, индийский арсенал насчитывает от 60 до 100 боезарядов¹⁹.

В то же время ряд экспертов сходится во мнении, что для Индии ядерное оружие представляет собой скорее не военное средство, а политический актив, который повышает её статус в региональных и международных отношениях. По мнению, к примеру, видного эксперта по проблематике безопасности С.Д.Сагана, наличие у Нью-Дели и Исламабада ядерного оружия само по себе является сдерживающим фактором, который гарантирует, что противостояние двух стран не закончится применением ЯО [25].

В нынешнем состоянии, когда вопрос о применении ЯО находится в ведении гражданского руководства страны, а мобилизация арсенала занимает продолжительное (в сравнении с другими ядерными державами) время, вероятность эскалации гипотетического конфликта с Китаем и Пакистаном до уровня ядерного противостояния мала [38].

Таким образом, военная стратегия Индии в отсутствие единого концептуального документа представляет собой совокупность ядерной доктрины, военной доктрины и военно-морской доктрины, декларирующих в качестве основной задачи обеспечение национальной безопасности и создание благоприятных условий для экономического и социального развития страны в отсутствие внешних угроз.

В то же время эти документы носят преимущественно декларативный характер, не отражая реального состояния дел, вооружённые силы Индии не в состоянии выполнить задачи по нанесению превентивного удара по Пакистану и вывести противника из войны путём захвата ключевых объектов военной и гражданской инфраструктуры в силу, в частности, низкой боеспособности и слабой технической оснащённости, преодолеть которую в ближайшей перспективе Нью-Дели будет не в состоянии. Военно-морская доктрина также не лише-

¹⁹ Franz-Stefan Gady. Does Pakistan Have More Nuclear Warheads Than India? URL: <http://thediplomat.com/2016/06/does-pakistan-have-more-nuclear-warheads-than-india/> (дата обращения 24.03.2017)

на изъянов: амбициозные цели по созданию трёх авианесущих групп, способных выполнять задачи по стратегическому сдерживанию, не будут выполнены в ближайшие 10-20 лет в силу таких хронически проблемных факторов, как излишняя бюрократизация госаппарата и военных ведомств, невысокие темпы модернизации и принятия на вооружение современных ВВТ и др. Ядерная доктрина нуждается в пересмотре: она была сформулирована 14 лет назад и не отражает современные реалии, а некоторые её положения, в частности, вопрос ответа на агрессию против индийских вооружённых сил, имеют спорный характер и, таким образом, могут быть неверно интерпретированы потенциальными противниками, в частности, Пакистаном. В целом наличие трёх отдельных документов ведёт к некоей двусмысленности и даже противоречиям: так, согласно доктрине «холодного старта» индийские вооружённые силы ведут боевые действия без применения ядерного оружия, но агрессия против них может быть воспринята как повод для применения ОМУ. Вопрос того, чем будет руководствоваться индийское командование, остаётся открытым. Нет и чёткого определения того, как Нью-Дели будет решать задачи по обеспечению координации различных видов войск (в военной и военно-морской доктрине нет упоминаний о взаимодействии с флотом и сухопутными войсками соответственно, при этом ни в одном из документов не формулируются задачи военно-воздушных сил), преодолению технической отсталости национального ВПК и зависимости от поставок ПВН из-за рубежа и т.д.

Вместе с тем геополитическая обстановка в Южной Азии даёт основания считать, что стороны потенциального конфликта (Индия, Пакистан и Китай) пока не готовы к эскалации противостояния, которое потенциально может принять форму полномасштабных боевых действий; таким образом, есть основания считать, что военная доктрина Индии так и не будет применена на практике.

Список литературы

1. Арбатов А.Г., Чуфрин Г.И. Ядерное противостояние в Южной Азии. М.: Московский Центр Карнеги. 2005. 33 с.
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. 368 с.
3. Лебедева Н.Б. Международные отношения в зоне Индийского океана. М.: Наука, 1991. 200 с.
4. Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. М. Международные отношения, 1993. 194 с.
5. Лунев С.И. Южная Азия и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. Отв. ред. Чуфрин Г.И. М.: Наука, 2007. С. 288-312.
6. Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX–XXI века). М.: Научная книга, 2003. 256 с.
7. Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. Отв. ред. Шаумян Т.Л. М.: ИВ РАН, Ариаварга-Пресс, 2005. 592 с.
8. Шилин А.А. Стратегический баланс в Южной Азии. М.: Научная книга, 2004. 288 с.
9. Юрлов Ф.Н. Индия: военная доктрина и вооружённые силы // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 4. С. 7582.
10. Юрлов Ф.Н. Индия в мировой политике // Азия и Африка сегодня. 2005. №4. С. 25-30. №5. С. 16-22. №7. С. 32-36.
11. Юрлов Ф.Н. Индия: ядерные проблемы и вызовы // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность:

- сб. ст. памяти Ю.В. Ганковского. М.: Научная книга, 2004. С. 96-119.
12. Ahmed A. *India's Doctrine Puzzle: Limiting War in South Asia*. Routledge India, 2014. 256 p.
 13. Ahmed A. *India's Nuclear Doctrine: Coming Out of the Closet* // *Foreign Policy Journal*. Dec. 2016.
 14. Ahmed A. *India's Strategic and Military Doctrines: A Post-1971 Snapshot* // *USI Journal*. 2009. Pp. 494-517.
 15. Ahmed A. *Reconciling Doctrines: Prerequisite for Peace in South Asia* // *IDS Monograph* 2010. No. 3. 45 p.
 16. Ahmed A. *Political Decision-making and Nuclear Retaliation*. *Strategic Analysis*. July 2012. 39 p.
 17. Ganguli S. and Kapur S.P. *Nuclear Proliferation in South Asia: Crisis Behavior and the Bomb*. New York: Routledge, 2009. Pp. 67-108.
 18. Ganguly S. and Kraig M.R. *The 2001–2002 Indo-Pakistani Crisis: Exposing the Limits of Coercive Diplomacy* // *Security Studies*. Vol. 14. No. 2 (April–June 2005). Pp. 290-324.
 19. Gilboy J., Heginbotham E. *Chinese and Indian Strategic Behavior. Growing Power and Alarm*. Cambridge, 2012. 356 p.
 20. Gupta A. *Determining India's Force Structure and Military Doctrine: I Want My MiG* // *Asian Survey*. 1995. Vol. 35. No. 5. Pp. 441-458.
 21. Hundley T. *Race to the End* // *Foreign Policy*. Sep. 2012.
 22. Kalyanaraman S. *Operation Parakram: An Indian Exercise in Coercive Diplomacy* // *Strategic Analysis*. 2002. Vol. 26. No. 4 (October–December). Pp. 478-492.
 23. Kanwal G. *India's Nuclear Doctrine: Need for a Review* // *CSIS* 2014 (December).
 24. Kapoor V.K. *Indian Army – A Perspective on Future Challenges, Force Development, and Doctrine* // *USI Journal*. 2004. Vol. 134. No. 3 (July–September). Pp. 79-87.
 25. Kapur S.P. *Dangerous Deterrent*. Stanford: Stanford University Press, 2007. 280 p.
 26. Kapur S.P. *India and Pakistan's Unstable Peace* // *International Security*. 2005. Vol. 30. Pp. 127-152.
 27. Krepon M., Thompson J. *Deterrence Stability and Escalation Control in South Asia*. Washington: Stimson, 2013. 211 p.
 28. Ladwig C.W. *A Cold Start for Hot Wars?* // *International Security*. 2007/08. Vol. 32. No. 3. Pp. 158–190.
 29. Ladwig C.W. *Indian Military Modernization and Conventional Deterrence in South Asia* // *The Journal of Strategic Studies*. 2015. Vol. 38. Iss. 5. Pp. 729-772. DOI: 10.1080/01402390.2015.1014473
 30. Marantidou V. *Revisiting China's 'String of Pearls' Strategy* // *CSIS Issues & Insights*. 2010. Vol. 14. No.7. 43 p.
 31. Mohan C. Raja. *Crossing the Rubicon: The Shaping of India's New Foreign Policy*. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 321 p.
 32. Mohan C. Raja. *India's Naval Strategy and Asian Security*. New Delhi, Routledge. 260 p.
 33. Nehru J. *Massive Aggression on Our Frontiers*. Broadcast from All India Radio, Delhi. October 22, 1962 // *Nehru Jawaharlal. Speeches*. Vol. 4. 1957–1963. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India. Pp. 226–230.
 34. Padmanabhan S. *The Indian Army in 2020* // *Security Research Review*. 2006. Vol. 2. No. 2 (July). Pp.45-75.
 35. Paranjoy G.T., Shankar R. *Divided we Stand: India in a Time of Coalitions*. New Delhi: Sage Publications, 2007. 248 p.
 36. Praful B. and Achin P. *South Asia on a Short Fuse: Nuclear Politics and the Future of Global Disarmament*. New Delhi: OUP, 2001. 67 p.
 37. Raghavan V.R. *Limited War and Nuclear Escalation in South Asia*. *Nonproliferation Review*. 2001. Vol. 8. No. 3 (Fall/Winter). Pp. 82-98.
 38. Ray A. "Civil-Military Relations in India: Questions and Concerns" // *ORF Issue Brief*. 2004. Vol. 1. No. 6 (September). Pp. 54-62.
 39. Rehman I. *India's Aspirational Naval Doctrine*. Carnegie Endowment. October 2012. 26 p.
 40. Sagan S.D. *The Evolution of Pakistani and Indian Nuclear Doctrine*. Stanford: Stanford University Press, 2009. Pp.118-156.
 41. Sagan S.D. *Inside Nuclear South Asia* Stanford: Stanford University Press, 2009. Pp. 45-76.
 42. Santhanam K., Srikanth K. *Asian Security and China 2000–2010*. Institute for Defence Studies and Analyses. New Delhi: Shipra, 2005. 353 p.
 43. Sethi M. *Nuclear Strategy: India's March Towards Credible Deterrence*. New Delhi: Knowledge World, 2009. 198 p.
 44. Sood V.K. and Sawhney P. *Operation Parakram: The War Unfinished*. New Delhi: Sage Publications, 2003. Pp. 51-103.

Об авторе:

Михаил Сергеевич Зайцев – атташе посольства Российской Федерации в Республике Индия. Посольство Российской Федерации в Республике Индии. Индия, Нью-Дели, 110021, Шантипатх, Чанакья-пури. E-mail: gree090@gmail.com.

MILITARY STRATEGY OF INDIA

M.S. Zaitsev

DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-52-70

Embassy of the Russian Federation in the Republic of India.

The article analyzes the evolution of military strategy of the Republic of India and key factors that influences its development. New Delhi keeps an eye on the balance of power in South Asia to create favorable conditions for its economic and social development, yet the remaining threats and new challenges still undermine the security and stability in India.

The ambitions of China aspiring to power in Asia-Pacific region, combined with its immense military build-up and territorial disputes, cause disturbance in New Delhi. The remaining tensions between India and Pakistan also cause often border skirmishes and medium-scale conflicts. Close relations between China and Pakistan, labeled as “all-weather friendship”, are a source of major concern for India. The fact that both Beijing and Islamabad wield nuclear weapons means that without effective mechanisms of nuclear deterrence any military conflict may turn into a full-scale nuclear war. Terrorist activities and insurgency in the Indian state of Jammu and Kashmir and in the North-Eastern regions of the country, along with maritime piracy and illicit drug trafficking contribute to the complicated nature of the challenges to the Indian security.

Indian military strategy is considered as a combination of the army doctrine, maritime doctrine and nuclear doctrine. The Indian political and military leadership wants to meet the challenges of changing geopolitical environment and thus continuously adapts its strategy. However, there is still a gap between theory and practice: Indian armed forces lack the capacity to implement the declared goals because of bulky bureaucratic system, outdated military equipment and insufficient level of command and control. The government needs to mobilize political will and administrative resources to upgrade its defense sector to counter its security threats and challenges.

Key words: military strategy, military doctrine, maritime strategy, “Cold start” doctrine, Operation “Parakram”, Sundarjee doctrine, nuclear doctrine

References

1. Arbatov A.G., Chufirin G.I. *Iadernoe protivostoianie v Iuzhnoi Azii* [Nuclear confrontation in South Asia]. Moscow, Moscow Carnegie Centre Publ., 2005. 33 p. (In Russian)
2. Belokrenitskii V.Ia., Moskalenko V.N., Shaumian T.L. *Iuzhnaia Aziia v mirovoi politike* [South Asia in international politics]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2003. 368 p. (In Russian)
3. Lebedeva N.B. *Mezhdunarodnye otnosheniia v zone Indiiskogo okeana* [International relations in the Indian Ocean region]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Pp. 118-137. (In Russian)
4. Lunev S.I. *Diplomatiia v Iuzhnoi Azii* [Diplomacy in South Asia]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1993. 194 p. (In Russian)
5. Lunev S.I. *Iuzhnaia Aziia i Kitai* [South Asia and China]. *Kitai v XXI veke: globalizatsiia interesov bezopasnosti* [China in the XXI century: Globalization of security interests]. Ed. by: Chufirin G.I.

- Moscow, Nauka Publ., 2007. Pp. 288-312. (In Russian)
6. Sotnikov V.I. *Iadernaia problema v indiisko-pakistanskikh otnosheniakh (vtoraia polovina XX–XXI veka)* [Nuclear problem in India-Pakistan relations (second half of XX–XXI century)]. Moscow, Nauchnaia kniga, 2003. Pp. 102-114. (In Russian)
 7. *Indiia segodnia. Spravochno-analiticheskoe izdanie* [India today]. Ed. by Shaumian T.L. Moscow, IV RAN Publ., Ariavarta-Press Publ., 2005. Pp. 258-271. (In Russian)
 8. Shilin A.A. *Strategicheskii balans v Iuzhnoi Azii* [Strategic balance in South Asia]. Moscow, Nauchnaia kniga Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
 9. Iurlov F.N. *Indiia: voennaia doktrina i vooruzhennnye sily* [India: military doctrine and armed forces]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, 2009, no. 4, pp. 7582. (In Russian)
 10. Iurlov F.N. *Indiia v mirovoi politike* [India in international politics]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2005, no.4, pp. 25-30. (In Russian)
 11. Iurlov F.N. *Indiia: iadernye problemy i vyzovy* [India: Nuclear problems and challenges]. *Pakistan, strany Iuzhnoi Azii i Srednego Vostoka. Istoriia i sovremennost'* [Pakistan, South Asia and Middle East countries. History and modernity]. Moscow, Nauchnaia kniga Publ., 2004. Pp. 96-119. (In Russian)
 12. Ahmed A. *India's Doctrine Puzzle: Limiting War in South Asia*. Routledge India, 2014. 256 p.
 13. Ahmed A. *India's Nuclear Doctrine: Coming Out of the Closet*. *Foreign Policy*, 2016. Dec.
 14. Ahmed A. *India's Strategic and Military Doctrines: A Post-1971 Snapshot*. *USI Journal*, 2009, pp. 494-517.
 15. Ahmed A. *Reconciling Doctrines: Prerequisite for Peace in South Asia*. *IDSA Monograph*, 2010, no. 3. 45 p.
 16. Ahmed A. *Political Decision-making and Nuclear Retaliation*. *Strategic Analysis*. 2012. July. 39 p.
 17. Ganguli S. and Kapur S.P. *Nuclear Proliferation in South Asia: Crisis Behavior and the Bomb*. New York: Routledge, 2009. Pp. 67-108.
 18. Ganguly S. and Kraig M.R. *The 2001–2002 Indo-Pakistani Crisis: Exposing the Limits of Coercive Diplomacy*. *Security Studies*, 2005, vol. 14, no. 2 (April–June). Pp. 290-324.
 19. Gilboy J., Heginbotham E. *Chinese and Indian Strategic Behavior. Growing Power and Alarm*. Cambridge, 2012. 356 p.
 20. Gupta A. *Determining India's Force Structure and Military Doctrine: I Want My MiG*. *Asian Survey*, 1995, vol. 35, no. 5, pp. 441-458.
 21. Hundley T. *Race to the End*. *Foreign Policy*, 2012, September.
 22. Kalyanaraman S. *Operation Parakram: An Indian Exercise in Coercive Diplomacy*. *Strategic Analysis*, 2002, vol. 26, No. 4 (October–December), pp. 478-492.
 23. Kanwal G. *India's Nuclear Doctrine: Need for a Review*. CSIS, 2014 (December).
 24. Kapoor V.K. *Indian Army – A Perspective on Future Challenges, Force Development, and Doctrine*. *USI Journal*, 2004, vol. 134, no. 3 (July–September), pp. 79-87.
 25. Kapur S.P. *Dangerous Deterrent*. Stanford: Stanford University Press, 2007. 280 p.
 26. Kapur S.P. *India and Pakistan's Unstable Peace*. *International Security*, 2005, vol. 30, pp. 127-152.
 27. Krepon M., Thompson J. *Deterrence Stability and Escalation Control in South Asia*. Washington: Stimson, 2013. 211 p.
 28. Ladwig C.W. *A Cold Start for Hot Wars?* *International Security*, 2007/08, vol. 32, no. 3, pp. 158–190.
 29. Ladwig C.W. *Indian Military Modernization and Conventional Deterrence in South Asia*. *The Journal of Strategic Studies*, 2015, vol. 38, iss. 5, pp. 729-772. [http://DOI: 10.1080/01402390.2015.1014473](https://doi.org/10.1080/01402390.2015.1014473)
 30. Marantidou V. *Revisiting China's 'String of Pearls' Strategy*. *CSIS Issues & Insights*, 2010, vol. 14, no.7. 43 p.
 31. Mohan C. Raja. *Crossing the Rubicon: The Shaping of India's New Foreign Poli-*

- cy. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 321 p.
32. Mohan C. Raja. *India's Naval Strategy and Asian Security*. New Delhi, Routledge. 260 p.
 33. Nehru J. Massive Aggression on Our Frontiers. Broadcast from All India Radio, Delhi. October 22, 1962. *Nehru Jawaharlal. Speeches*, vol. 4. 1957–1963. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India. Pp. 226–230.
 34. Padmanabhan S. The Indian Army in 2020. *Security Research Review*, 2006, vol. 2, no. 2 (July), pp.45-75.
 35. Paranjoy G.T., Shankar R. *Divided we Stand: India in a Time of Coalitions*. New Delhi: Sage Publications, 2007. 248 p.
 36. Praful B. and Achin P. *South Asia on a Short Fuse: Nuclear Politics and the Future of Global Disarmament*. New Delhi: OUP, 2001. 67 p.
 37. Raghavan V.R. Limited War and Nuclear Escalation in South Asia. *Nonproliferation Review*, 2001, vol. 8, no. 3 (Fall/Winter), pp. 82-98.
 38. Ray A. Civil-Military Relations in India: Questions and Concerns. *ORF Issue Brief*, 2004, vol. 1, no. 6 (September), pp. 54-62.
 39. Rehman I. *India's Aspirational Naval Doctrine*. Carnegie Endowment. October 2012. 26 p.
 40. Sagan S.D. *The Evolution of Pakistani and Indian Nuclear Doctrine*. Stanford: Stanford University Press, 2009. Pp. 118-156.
 41. Sagan S.D. *Inside Nuclear South Asia*. Stanford, Stanford University Press, 2009. Pp. 45-76.
 42. Santhanam K., Srikanth K. *Asian Security and China 2000–2010*. Institute for Defence Studies and Analyses. New Delhi: Shipra, 2005. 353 p.
 43. Sethi M. *Nuclear Strategy: India's March Towards Credible Deterrence*. New Delhi: Knowledge World, 2009. 198 p.
 44. Sood V.K. and Sawhney P. *Operation Parakram: The War Unfinished*. New Delhi: Sage Publications, 2003. Pp. 51-103.

About the author:

Mikhail S. Zaitsev – attaché of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of India. Embassy of the Russian Federation in the Republic of India, New Delhi – 110021, Shantipath, Chanakyapuri. E-mail: gree090@gmail.com.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИНДИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.В. Галищева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Цель настоящего исследования заключается в анализе модели глобализации индийской экономики, её основных тенденций и перспектив. В статье показаны главные пути интеграции Индии в мировое хозяйство: участие в международном движении капитала, мировом обмене товарами и услугами, а также место страны в глобальных стоимостных цепочках.

Теоретической основой исследования стал синтез концепции глобальных стоимостных цепочек и подхода Э. Тирлвола к определению понятия «глобализация». В качестве методической основы автором применены такие методы научного познания, как индукция и дедукция, анализ и синтез, и, прежде всего, системный подход к изучению индийской экономики в целом и внешнеэкономической политики в частности.

Согласно данным ОЭСР, показатель участия Индии в глобальных стоимостных цепочках составляет 42% индийского экспорта. При этом благодаря наличию многоотраслевой экономики, сформированной в период импортозамещения, здесь в меньшей мере, чем в других развивающихся странах, в производстве экспортной продукции используются иностранные компоненты.

Автор рассмотрела позиции Индии в международном движении капитала. Отмечено, что современная инвестиционная политика Индии направлена на дальнейшее увеличение открытости национальной экономики и на привлечение в страну иностранного капитала, прежде всего, не приводящего к образованию внешней задолженности.

В статье проанализировано место Индии в мировом обмене товарами и услугами. Рассмотрев товарную и географическую структуру внешней торговли, а также характерные черты участия страны в глобальных стоимостных цепочках, автор выявила тенденцию к укреплению позиций Индии в мировой торговле полуфабрикатами. В статье приводятся индекс Грубеля-Ллойда, характеризующий уровень внутриотраслевой торговли Индии с внешним миром, а также коэффициент выведенных сравнительных преимуществ, характеризующий конкурентные преимущества индийской экономики в торговле товарами и услугами.

Автор проанализировала актуальные статистические данные относительно динамики внешней торговли Индии, притока прямых иностранных инвестиций и экспорта индийского капитала.

Ключевые слова: глобализация, Индия в глобальных стоимостных цепочках, гуманитарная помощь Индии, Индия – новый финансовый донор, экспорт услуг из Индии, политика «Движение на Восток».

УДК 339.72, 339.96 JEL F6

Поступила в редакцию 29.03.2017 г.

Принята к публикации 15.04.2017 г.

Широкомасштабные экономические реформы начала 1990-х гг. способствовали либерализации всех аспектов хозяйственной жизни Индии, росту конкурентоспособности большинства отраслей экономики, что позволило индийскому правительству постепенно открыть внутренний рынок притоку зарубежных товаров, услуг и инвестиций, стимулируя интеграцию страны в мировое хозяйство. Индийская экономика, некогда одна из самых закрытых в мире, в настоящее время стремительно глобализируется, а сама Индия неуклонно меняет свою роль в мировом хозяйстве, превращаясь из «бедного родственника» в одного из его лидеров.

Глобализация как экономическое явление

Глобализация – ведущая тенденция развития современного мирового хозяйства, наиболее рельефно проявившаяся на рубеже XX–XXI вв. и втянувшая в свою орбиту в большей или меньшей мере все государства мира. В экономической литературе нет единого определения этого явления. К примеру, британский экономист Э. Тирлвол рассматривает глобализацию как процесс возрастающей экономической взаимозависимости государств, выражающийся в увеличении объёмов трансграничной торговли товарами и услугами, международных финансовых потоков и миграции рабочей силы [10, с. 15]. Я. Голдин и К. Райнер трактуют глобализацию как рост воздействия внешних сил на человеческую деятельность во всех её проявлениях – экономическую, политическую, социокультурную, технологическую. Они выделяют пять измерений глобализации: торговлю; финансы; помощь; миграцию рабочей силы; технологии [9, с. 2]. Сходного мнения придерживается У. Элвуд, для которого глобализация – это «мощное движение людей, товаров, капитала и идей, поддерживаемое идеологией, личными интересами и концепцией экономической эффективности» [6, с. 175]. Главенствующим направлением он склонен считать «экспортную торговлю», т.к. экономического процветания, с его точки зрения, можно достичь лишь благодаря наращиванию экспорта [6, с. 21]. Большинство российских экономистов рассматривают глобализацию как качественно новую стадию процесса интернационализации хозяйственной жизни, предполагающую формирование глобальных рынков капиталов, товаров, услуг, рабочей силы, производственных комплексов, глобальных систем контроля и регулирования различных сторон хозяйственной деятельности [4, с. 22].

Несмотря на многообразие трактовок, исследователи единодушны в том, что глобализация приводит, с одной стороны, к большей открытости национальных экономик, обеспечивает им доступ к глобальному рынку и ресурсам, а с другой – к возрастанию экономической взаимозависимости между странами, повышая уязвимость национальных экономик к внешним шокам, например, мировым рецессиям, спадам в мировой торговле, финансовым кризисам [10, с. 15].

Существенно шире смотрят на глобализацию мирового хозяйства экономисты, анализирующие глобальные стоимостные цепочки (*global value chains*), вокруг которых и выстраиваются в настоящее время мировое производство товаров и услуг и торговля ими. Глобальные стоимостные цепочки определяются как «полный набор различных видов деятельности, которые осуществляют компании в ходе производства продукции – от её дизайна и собственно производства до рекламы, доставки и обслуживания конечного покупателя» [7, с. 4].

Глобальные стоимостные цепочки подразделяются на инициированные производителями (*producer-driven*) и покупателями (*buyer-driven*). Первые обычно сосредоточены в высокотехнологичных секторах, например, в ИТ, фармацевтике, производстве полупроводников. Ведущие компании, задействованные здесь, располагаются наверху цепочки и контролируют дизайн продукции и её сборку, зачастую рассредоточенную в разных странах. Цепочки *buyer-driven* концентрируются в средне- и низкотехнологичных секторах. Компании-лидеры, расположенные внизу цепочки, в этом случае непосредственно контролируют производство продукции, рекламу и сбыт.

Большинство стран мира в настоящее время в той или иной мере втянуты в такие цепочки. Масштабы участия в них определяются с помощью ряда индикаторов. Один из них – показатель вертикальной специализации (*Vertical Specialization – VS*), рассчитываемый как отношение доли импортной продукции, используемой при производстве товаров, идущих на экспорт, к объёму экспорта страны. Чем больше показатель, тем глубже национальная экономика интегрирована в цепочки *buyer-driven*, т.н. «индустрии обратных связей». Вторым индикатор – показатель вертикальной специализации-1 (*Vertical Specialization-1 – VS-1*) – рассчитывается как доля экспортной продукции, идущей в третьи страны и впоследствии используемой ими при производстве своих экспортных товаров, к общему объёму экспорта страны. Чем выше этот показатель, тем в большей мере страна задействована в цепочках *producer-driven*, т.н. «индустрии прямых связей». Агрегированный показатель участия страны в глобальных стоимостных цепочках вычисляется суммированием индикаторов *VS* и *VS-1*.

Возрастающая взаимосвязанность глобальной экономики и всё большая открытость национальных хозяйств позволили ряду азиатских государств, и Индии в том числе, ускорить темпы своего развития, а некоторым из них (прежде всего, новым индустриальным странам первой волны) – перейти от догоняющего развития к опережающему и войти в число развитых стран.

Место Индии в глобальных стоимостных цепочках: *producer-driven* или *buyer-driven*?

Агрегированный показатель участия Индии в глобальных стоимостных цепочках, рассчитанный по данным ОЭСР, составляет 42% индийского экспор-

та; это несколько ниже показателей Индонезии (47%), Китая (46%) и Мексики (44%), но выше Бразилии (38%) [7, с. 12]. У Индии показатель VS меньше $VS-1$, из чего следует, что благодаря наличию в стране многоотраслевой экономики, сформированной в период импортозамещения, иностранные компоненты при производстве своей экспортной продукции она использует в меньшей мере по сравнению с, например, Бангладеш, Чехией или Словакией. В целом, такое положение типично для крупных экономик, которые продолжительное время развивались по модели импортозамещающей индустриализации (например, Китай, Бразилия, Мексика и др.). Кроме того, ввиду неуклонного роста заработной платы стоимость создаваемой конечной продукции увеличивается, в результате чего уже начался процесс постепенного вывода из Индии трудоёмких производств. Есть все основания предполагать, что в обозримом будущем эта тенденция будет усиливаться, что приведёт к ещё большему снижению агрегата VS .

В отличие от азиатских и латиноамериканских стран со схожим масштабом национальной экономики, Индия в гораздо меньшей степени вовлечена в глобальные стоимостные цепочки в сельском хозяйстве: их протяжённость в Индии едва превышает 1,3 против 1,5 – в Индонезии; 1,6 – в Турции и Филиппинах; 1,7 – в Аргентине, Бразилии и Таиланде; 1,8 – Мексике; 2 – в Китае [7, с. 18]¹. Это значит, что индийская аграрная продукция преимущественно идёт на внутренний рынок после одной-двух производственных стадий.

Кроме того, со всей очевидностью просматривается специализация Индии не столько на каких-либо отраслях промышленности, сколько на определённых деловых функциях (например, аутсорсинг бизнес-процессов).

В свою очередь, обладая существенным для развивающегося государства научно-техническим потенциалом и развивая у себя целый ряд передовых отраслей (например, фармацевтику), Индия постепенно выстраивает глобальные стоимостные цепочки по типу *producer-driven*.

Такое место Индии в глобальных стоимостных цепочках обусловливается её позициями в международном движении капитала и предопределяет место в мировом обмене.

Позиции Индии в международном движении капитала

Низкие темпы прироста ВВП Индии в дореформенный период (в среднем 3–3,5%) отчасти объяснялись относительно низким уровнем ПИИ и недоверием к иностранным инвесторам. Инвестиционная политика 1950–1980-х гг. в отношении иностранного капитала выстраивалась таким образом, чтобы приток инвестиций из-за рубежа не ущемлял интересов индийского капитала, а способствовал модернизации структуры экономики, обеспечивая развитие капиталоемких и технологически сложных отраслей. В 1980-е гг. в Индии появились

¹ Протяжённость цепочки рассчитывается с помощью построения матрицы «затраты – выпуск». Формула приводится в [7, с. 38-39].

филиалы иностранных ТНК и смешанные компании с участием иностранного и индийского капитала.

Кроме того, в дореформенный период активно поощрялся приток иностранного капитала по государственным каналам в форме помощи через международные финансовые структуры и на двусторонней основе. До конца 1970-х гг. такая помощь играла весомую роль в финансировании пятилетних планов экономического развития, а также дефицита по текущим счетам платёжного баланса и в определённой мере способствовала росту объёмов золотовалютных резервов Индии. По мере укрепления позиций индийской экономики внешние источники финансирования по государственным каналам были замещены коммерческими кредитами, включая заимствования, и депозитами нерезидентов индийского происхождения (НИП), что привело к росту внешнего долга, достигшего к началу 1991 г. 83,8 млрд долл. или 28,7% ВВП. На погашение долга в среднем уходило 35% экспортных поступлений [1, с. 316].

Современная инвестиционная политика Индии ориентирована на увеличение открытости национальной экономики и привлечение иностранного предпринимательского капитала на условиях, исключающих образование внешней задолженности.

Зарубежным инвесторам предоставлены широкие возможности капиталовложений практически в любую отрасль национального хозяйства. В ряд отраслей можно осуществлять инвестиции без получения предварительного одобрения индийского правительства, а для индийских компаний-участниц СП оставлен лишь уведомительный характер получения ПИИ. Возможны вложения ПИИ в размере 100% уставного капитала в следующие отрасли: фармацевтика; электроэнергетика (производство, передача и распределение электроэнергии, кроме АЭС); пищевкусовая промышленность; производство компьютеров и комплектующих; нефтепереработка; строительство транспортной инфраструктуры, включая автодороги (в том числе платные), порты, автомобильные мосты, метро, аэропорты и др. Разрешено оказание многих видов услуг: небанковские финансовые; исследовательские; архитектурные; строительные и инжиниринговые; ИТ-услуги, включая производство программного обеспечения (ПО); киноиндустрия; развлекательные телеканалы и реклама; венчурные фонды; контроль загрязнения воздуха; городское планирование; гостиничное дело и туристические услуги; образование, включая высшее; здравоохранение; автомобильный, морской и внутренний водный транспорт; вертолётные перевозки и др. Разрешены вложения ПИИ в размере 100% уставного капитала в авиакомпании, обслуживающие внутренние авиалинии (только для НИП). В большинстве случаев действует так называемый автоматический режим получения разрешения на инвестиции в Индию. Ряд отраслей открыт лишь для частичного вложения ПИИ с автоматическим режимом получения разрешения на осуществление ПИИ. К таким отраслям относятся: страховой сектор (до 26% уставного капитала компании), телекоммуникационные услуги (до 49%), большинство консультативных

услуг (до 49%), банковский сектор (до 74%), развитие уже функционирующих аэропортов (до 74%) и т.д. Для частичного вложения ПИИ с предварительным получением разрешения на осуществление ПИИ открыты следующие отрасли: новостное телевидение (до 26%), издание новостных газет и журналов (до 26%), издание неновостных газет и журналов (до 49%), радиовещание на волнах FM (до 20%) и т.д. Закрыты для иностранных инвесторов: атомная энергетика; лотерейный бизнес; игровые автоматы и приём ставок; компании *нидхи*²; жилищное строительство и сделки с недвижимостью (открыты для НИП и только в городах комплексной застройки в специальных экономических зонах); розничная торговля (кроме продукции однобрендовых компаний, где ПИИ разрешены до 51%); сельское хозяйство (за исключением цветоводства, садоводства и огородничества, рыбоводства, выращивания грибов, а также сферы услуг, связанной с сельским хозяйством и смежными отраслями); плантационное хозяйство (за исключением чаеводства); железнодорожный транспорт (ПИИ возможны в смежные отрасли, например, в прокладку путей, производство подвижного состава, осуществление контейнерных перевозок); сектор юридических услуг; бухгалтерские услуги и аудит [1, с. 185–187].

В целях предотвращения чрезмерной зависимости индийской экономики от зарубежных инвесторов, в том числе от НИП, правительство Индии ставит им определённые условия. Так, в производстве автомобильных двигателей иностранные фирмы обязаны использовать местные автокомпоненты, а импорт комплектующих разрешается при улучшении показателей экспорта за предыдущий финансовый год³. Очевидно, что такие условия обуславливают невысокий уровень показателя вертикальной специализации *VS*.

На фоне сокращения общего объёма мировых трансграничных инвестиций в 2000-е гг. Индия смогла сохранить повышательный тренд притока иностранных инвестиций в национальную экономику (см. табл. 1). Если в 2000 г. удельный вес Индии в общем объёме мировых трансграничных инвестиций составлял всего 0,29%, то в 2008 г. – 2,4%, а в 2009 г. – 3,0%. По итогам 2010 г. вследствие мирового финансового кризиса этот показатель снизился до 2,0%, но в 2015 г. вновь возрос до 2,5%⁴.

Согласно *World Investment Report 2016*, общий объём накопленных ПИИ в экономике Индии на 1 января 2016 г. составил 282,3 млрд долл. При этом основной прирост наблюдался в период с апреля 2000 г. по декабрь 2015 г. – 278,1 млрд⁵. В последнее десятилетие наметился устойчивый рост притока ПИИ в Индию из развивающихся государств и снижения – из развитых.

² *Нидхи* – один из видов небанковских финансовых посредников, который, наряду с традиционными местными банковскими организациями и системой ростовщичества, относится к неорганизованному сегменту денежного рынка Индии.

³ Финансовый год в Индии начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего календарного года.

⁴ *World Investment Report 2016 / UNCTAD. 2016. Pp. 196–198. Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (дата обращения: 17.08.2016).*

⁵ *Ibid.*

Таблица 1. Индия в мировом импорте прямых инвестиций
Table 1. Foreign Direct Investment in India

	1995–2004 г. (в среднем в год)		2005–2007 г. (в среднем в год)		2008 г.		2015 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Весь мир	718,54	100,0	1471,8	100,0	1744,1	100,0	1762,2	100,0
Развивающиеся страны	199,79	27,8	444,94	30,2	658,00	37,7	764,67	43,4
Южная Азия	6,08	0,9	25,51	1,7	51,90	3,0	50,49	2,9
Индия	3,79	0,5	17,77	1,2	42,55	2,4	44,21	2,5
Китай	46,6,5	6,5	76,21	5,2	108,31	6,2	135,6	7,7

Источник: World Investment Report 2016 / UNCTAD. 2016. Pp. 196–198. Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (дата обращения: 17.08.2016).

Наиболее рельефно эта тенденция прослеживается на примере Маврикия и ОАЭ. По итогам 2014/15 ф.г. Маврикий возглавляет десятку крупнейших инвесторов в индийскую экономику – один из ведущих оффшорных центров мира (см. табл. 2).

Таблица 2. Географическое распределение притока ПИИ в индийскую экономику
Table 2. Geographical distribution of FDI inflows into the Indian economy

	2014/15 ф.г.		Накопленный объем ПИИ (апрель 2000 г. – декабрь 2015 г.)	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Маврикий	9,030	29,2	93,660	33,7
Сингапур	6,742	21,8	43,172	15,5
Нидерланды	3,436	11,4	16,818	6,1
Япония	2,084	6,7	19,434	7,0
США	1,824	5,9	17,263	6,2
Великобритания	1,447	4,7	22,714	8,2
ФРГ	1,125	3,7	8,434	3,0
Франция	0,635	2,1	4,881	1,8
Кипр	0,598	1,9	8,444	3,0
ОАЭ	0,367	1,2	3,447	1,2
Прочие страны	4,645	14,7
Всего	30,931	100,0	278,076	100,0

Источник: Quarterly Fact Sheet / Fact Sheet on FDI. –RBI. –April 2016. P.2 Режим доступа: http://dipp.nic.in/English/Publications/FDI_Statistics/2015/FDI_FactSheet_OctoberNovemberDecember2015.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

Его доля в общем объеме индийских ПИИ стабильно составляет порядка 30%. Большая часть этих финансовых потоков фактически представляют собой «возвратные инвестиции» индийских компаний, получивших прибыль за рубежом и возвращающих её на родину в форме иностранного капитала для

осуществления предпринимательской деятельности. В этом случае индийское законодательство даёт инвесторам значительные льготы и преференции.

В последнее десятилетие неуклонно увеличивался приток прямых инвестиций из ОАЭ. Накопленный объём за апрель 2010 г. – декабрь 2015 г. превысил 3,4 млрд долл⁶. Инвестиции из ОАЭ преимущественно направляются в энергетическую отрасль (19,1%), сферу услуг (9,3%), ИТ-сектор (7,8%), строительство (6,8%), туризм и гостиничное дело (5,6%)⁷.

Отраслевая структура распределения ПИИ характеризуется преобладанием вложений в сектор услуг, причём как финансовых, так и нефинансовых (см. табл. 3). Из отраслей обрабатывающей промышленности наибольшей популярностью у инвесторов пользуются автомобилестроение, фармацевтика и химическое производство. Значительный объём инвестиций традиционно направляется в строительство и операции с недвижимостью.

Таблица 3. Приток иностранных инвестиций в Индию по отраслям
Table 3. Inflow of foreign investments into India by industry

	2014/15 ф.г.		Накопленный объём ПИИ (апрель 2000 г. – декабрь 2015 г.)	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Услуги	4,443	14,4	48,161	17,3
Строительство (включая дорожное)	0,769	2,5	24,180	8,7
Производство компьютеров и программного обеспечения	2,296	7,4	20,419	7,5
Телекоммуникации	2,895	9,4	18,130	6,5
Автомобилестроение	2,726	8,8	14,318	5,2
Фармацевтика	1,498	4,9	13,447	4,8
Химическая промышленность (кроме производства удобрений)	0,763	2,5	11,628	4,2
Торговля	2,728	8,8	10,744	3,9
Энергетика	0,707	2,3	10,258	3,7
Туризм и гостиничное хозяйство	0,777	2,5	8,839	3,2
Прочие отрасли	11,329	36,5	97,952	35,2
Всего	30,931	100,0	278,076	100,0

Источник: Quarterly Fact Sheet / Fact Sheet on FDI. – RBI. – April 2016. P.2. Режим доступа: http://dipp.nic.in/English/Publications/FDI_Statistics/2015/FDI_FactSheet_OctoberNovemberDecember2015.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

В последние полтора десятилетия Индия стала активно привлекать ПИИ в высокотехнологичные сектора: производство компьютеров и программного обеспечения, nano- и биотехнологии. Поощрение притока иностранных инвести-

⁶ Quarterly Fact Sheet / Fact Sheet on FDI. – RBI. April 2016. Режим доступа: http://dipp.nic.in/English/Publications/FDI_Statistics/2015/FDI_FactSheet_OctoberNovemberDecember2015.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

⁷ Ibid.

ций осуществляется также в отрасли, которые в современных условиях требуют ускоренного развития и быстрого технологического обновления: транспорт, телекоммуникации, энергетику и др. Инвестиции в инфраструктуру на устойчивой основе – одна из серьёзных проблем современной индийской экономики, которую пытаются решить, в том числе, и за счёт иностранного капитала.

Приход к власти правительства Н. Моди, ратующего за глобализацию экономики, и запущенная в 2014 г. программа Make in India, где обозначены 25 отраслей, в производстве товаров которых страна потенциально может стать мировым лидером (машиностроение, фармацевтика, текстильная и химическая промышленность и др.), способствуют притоку ПИИ. Между тем, в самой Индии есть и противники чрезмерной открытости внутреннего рынка, указывающие на огромную цену, которую страна платит за интеграцию в мировое хозяйство: загрязнение воды и воздуха, истощение почв, миграция населения из деревень в города и т.д. Основной урон экологии наносится в восьми индийских штатах, являющихся ведущими реципиентами иностранного капитала (см. табл. 4). Индийское правительство по мере возможности уделяет внимание вопросам защиты окружающей среды и, например, уже запустило схему, предусматривающую льготы производителям гибридных и электромобилей.

Таблица 4. Приток ПИИ в Индию по регионам (апрель 2000 г.– декабрь 2015 гг.)

Table 4. Inflow of FDI to India by region (April 2000 – December 2015)

Штаты/союзные территории	Объём ПИИ (млрд долл.)	%
Махараштра, Дадра и Хавели, Даман и Диу	78,334	28,2
Дели, Уттар Прадеш, Харьяна	60,056	21,6
Тамилнаду, Пондичерри	21,282	7,7
Карнатака	19,516	7,0
Гуджарат	12,518	4,5
Андхра Прадеш	10,798	3,9
Прочие штаты и союзные территории Индии	75,572	27,1
Всего	278,076	100,0

Источник: Quarterly Fact Sheet / Fact Sheet on FDI. – RBI. – April 2016. P.3. Режим доступа: http://dipp.nic.in/English/Publications/FDI_Statistics/2015/FDI_FactSheet_OctoberNovemberDecember2015.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

Очевидно, что Индия с её высокими темпами экономического роста и ёмким внутренним рынком будет и дальше представлять интерес для иностранных инвесторов. Однако, учитывая исторически укоренившуюся ориентацию страны на «самоподдерживаемый и самообеспеченный рост», высокую норму валовых сбережений, способных покрывать капиталовложения из внутренних источников, есть основания полагать, что политика индийского правительства в области привлечения иностранных инвестиций сохранит присущий ей ограничительный характер.

Наряду с традиционной ролью Индии как объекта вложения иностранного капитала в пореформенный период наблюдается усиление тенденции её участия в экспорте капитала (см. табл. 5), рассматриваемое индийским политическим и экономическим истеблишментом как средство укрепления позиций страны на мировых рынках.

Таблица 5. Индия в мировом экспорте прямых инвестиций
Table 5. India in exports of direct investment

	1995–2004 гг. (в среднем в год)		2005–2007 гг. (в среднем в год)		2008 г.		2015 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Все страны	703,78	100,0	1487,4	100,0	1910,5	100,0	1474,2	100,0
Развивающиеся страны	74,3	10,6	214,33	14,4	308,89	16,2	377,94	25,6
Южная Азия	0,895	0,1	12,015	0,8	19,897	1,0	7,76	0,5
Индия	0,824	0,1	11,501	0,8	19,397	1,0	7,50	0,5
Китай	2,976	0,4	18,630	1,3	52,150	2,7	127,56	8,7

Источник: World Investment Report 2016 / UNCTAD. 2016. Pp. 196–198. Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (дата обращения: 17.08.2016).

Основные причины и условия вывоза капитала в 1990–2000-е гг. существенно изменились по сравнению с дореформенным периодом. К причинам вывоза капитала до 1990-х гг. следует отнести усиление монополистических групп, а также рост концентрации и централизации капиталов. К тому же внутри страны государственная политика препятствовала превращению крупных компаний в монополии (путём лицензирования новых и увеличения существующих компаний и др.). Государство отдавало приоритет прямым зарубежным инвестициям (ПЗИ) в форме миноритарных долей в зарубежных СП, преимущественно в виде экспорта капиталоемкого оборудования. Правительство рассматривало вывоз частного капитала как возможность приобрести иностранную валюту, а также один из инструментов борьбы за новые рынки сбыта в развивающихся странах. В результате либерализации законодательства компаниям было разрешено автоматически инвестировать за границу без одобрения Резервного банка Индии (РБИ) в любые отрасли, а не только в те, в которых они заняты в Индии. Это расширило географическую и отраслевую диверсификацию индийских ПЗИ; в 2000-е гг. более половины их объёма стало концентрироваться в развитых странах и преимущественно в сфере услуг. Изменились и формы вхождения индийского капитала на зарубежные рынки: с начала 2000-х гг. основной формой стало приобретение крупных долей в СП, вплоть до 100%, и поглощения. При этом крупные доли в СП, как правило, приобретались в развитых странах, а миноритарные – в развивающихся.

В 2015 г. экспорт прямых инвестиций возрос благодаря улучшению экономической ситуации в Индии: по итогам года темпы роста экономики составили

7,3 %⁸. Крупные индийские ТНК активизировали вывоз капитала и расширили свою зарубежную экспансию, в т.ч. в соседние страны. Основной объём инвестиций направлялся в химическую отрасль и машиностроение. Например, в Бангладеш компания Asian Paints инвестировала 81 млн долл. в химическую отрасль, а Mahindra&Mahindra Limited – 227 млн долл. в автомобилестроение⁹.

Отличительной особенностью современной Индии является её постепенное превращение из реципиента иностранной помощи в нового донора. Среднегодовой объём помощи к 2015 г. достиг 1,6 млрд долл. Расширяется география помощи; в настоящее время основными её получателями выступают государства Южной и Юго-Восточной Азии, а также Африки. Совершенствуются механизмы предоставления помощи [3, с. 97]. В настоящее время Индия оказывает своим реципиентам не только помощь развитию, но и гуманитарную помощь, ежегодный объём которой в 2000-е гг. существенно увеличился и к 2010 г. достиг 36,5 млн долл. [8, р. 13]. Помощь (и гуманитарная, и помощь развитию) – это гибкий и эффективный инструмент «мягкой силы», используя который Индия успешно реализует собственные экономические цели, а также наращивает геополитическое влияние [2, с. 19]. Экономический аспект помощи выражается в стимулировании индийского экспорта, улучшении в странах-реципиентах климата для частных индийских инвесторов, которые зачастую приходят вслед за государственным капиталом. Оказание технического содействия оборачивается созданием рабочих мест для индийских специалистов. Увеличение объёма гуманитарной помощи даёт Индии возможность усиливать свои экономические позиции в странах-получателях, создавать серьёзный задел на будущее для расширения с ними торгово-экономических, политических, технических и иных связей.

Позиции Индии в мировом обмене

Статистические показатели индийской внешней торговли товарами в пореформенный период убедительно свидетельствуют о высокой динамике: экспорт вырос более чем в 17 раз, импорт – в 23 раза (см. табл. 6). Существенно увеличилась внешнеторговая квота: с 14,7% ВВП в 1990/91 ф.г. до 38,3% в 2014 г.¹⁰. Хотя доля Индии в мировой торговле по-прежнему невелика (1,6% в мировом экспорте и 2,5% в мировом импорте в 2015 г.¹¹), роль торговли в процессах глобализации национальной экономики трудно переоценить.

⁸ World Economic Outlook (WEO): too Slow for too Long / IMF. April 2016. P. 172. Режим доступа: <http://www.valuewalk.com/wp-content/uploads/2016/04/IMF-WEO-April-2016.pdf> (дата обращения: 17.05.2016).

⁹ Quarterly Fact Sheet / Fact Sheet on FDI. – RBI. April 2016. Режим доступа: http://dipp.nic.in/English/Publications/FDI_Statistics/2015/FDI_FactSheet_OctoberNovemberDecember2015.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

¹⁰ World Development Indicators 2016. / World Bank Groups. P. 129. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/805371467990952829/pdf/105051-PUB-ADD-DOI-ISBN-PUBLIC-World-Development-Indicators-2016.pdf> (дата обращения: 02.01.2017).

¹¹ World Trade Statistical Review 2016 / WTO. 2016. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_09_tables_e.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

Таблица 6. Внешняя торговля Индии, млрд долл.**Table 6. India's foreign trade, \$ bln**

Финансовый год	Экспорт	Импорт	Сальдо
1990/91	18,143	24,075	-5,932
2000/01	44,560	50,536	-5,976
2010/11	250,468	380,935	-130,467
2014/15	310,338	448,033	-137,695
2015/16 (апрель–ноябрь)	174,790	261,956	-87,166

Источник: Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. –January 2017. Pp. A117, A125.

Примечательна трансформация товарной структуры внешней торговли: наряду с импортом оборудования и новейших технологий для системной модернизации экономики, Индия всё больше экспортирует высокотехнологичную продукцию (по итогам 2014/15 ф.г. её доля составила 8%), причём не только в развивающиеся, но и в развитые страны. Это убедительно доказывает, что состоялся переход индийской экономики от аграрно-сырьевой к аграрно-индустриальной (см. табл. 7 и 8). Кроме того, наращивание экспорта высокотехнологичной продукции (пусть пока лишь «среднего эшелона») обеспечивает ускорение темпов экономического роста, позволяет частично компенсировать потери, связанные с сохраняющимся значительным притоком импорта, а также по мере возможности решать проблему покрытия дефицита торгового баланса.

Таблица 7. Товарная структура индийского экспорта в 1998/99–2014/15 ф.г.**Table 7. Commodity structure of Indian exports in 1998 / 99-2014 / 15 FY**

	1998/99 ф.г.		1999/2000 ф.г.		2000/01 ф.г.		2014/15 ф.г.	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Продовольствие и с/х товары	6205	18,7	5671	15,4	6256	14,0	39357	12,7
Рыба и морепродукты	1038	3,1	1180	3,2	1394	3,1	5510	1,8
Чай	538	1,6	408	1,1	433	1,0	682	0,2
Орехи кешью	387	1,2	566	1,5	412	0,9	919	0,3
Хлопок-сырец	49	0,1	19	0,1	49	0,1	1904	0,6
Кофе	–	–	–	–	259	0,6	813	0,3
Пряности	–	–	–	–	354	0,8	2428	0,8
Минеральное сырьё	672	2,0	687	1,9	2837	6,4	12085	20,0
Промышленные товары	26096	78,6	29153	79,2	35181	79,0	207087	66,8
Машины и оборудование	4393	13,2	4947	13,4	6976	15,7	70959	22,9
Джутовые изделия	138	0,4	119	0,3	204	0,5	367 6191	0,1
Кожаные изделия	1580	4,8	1502	4,1	1951	4,4	2736	2,0
Кустарные изделия	7106	21,4	8913	24,2	1116	2,5	37355	0,9
Химическая продукция	3378	10,2	3810	10,4	5002	3,1	16836	12,1
Готовая одежда и текстиль	4365	13,1	4802	13,0	5577	12,5		5,4
Прочее	245	0,7	1311	3,5	589	7,0	40939	13,2
Всего	33218	100,0	36822	100,0	44560	100,0	310147	100,0

Источник: Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. –January 2017. Pp. A108, A109.

Растёт индекс товарной концентрации индийского экспорта, отражающий увеличение количества номенклатуры экспортных товаров (более 300): свыше 80% экспорта в 2014/15 ф.г. заняли около 30 товарных групп (текстиль, готовая одежда, автомобили, промышленное оборудование, фармацевтика и др.)¹².

Значительно укрепились и позиции Индии в мировой торговле полуфабрикатами (11-е место в мировом экспорте и 6-е в импорте). По результатам 2014 г. объём экспорта полуфабрикатов достиг 140 млрд долл. (1,7% мирового), а импорта – 213 млрд (2,6% мирового)¹³. Обращают на себя внимание высокие среднегодовые темпы прироста экспорта полуфабрикатов: 6% в 2010–2014 гг. По этому показателю Индия заняла 4-е место в мире, пропустив вперёд КНР (среднегодовые темпы роста за исследуемый период 11%), Мексику (9%) и Республику Корея (7%)¹⁴. Всё это убедительно доказывает активное участие Индии в глобальных стоимостных цепочках.

Таблица 8. Товарная структура индийского импорта в 1998/99–2014/15 ф.г.

Table 8. The commodity structure of Indian imports in 1998 / 99-2014 / 15 FY

	1998/99 ф.г.		2001/02 ф.г.		2005/06 ф.г.		2014/15 ф.г.	
	млн долл.	%						
Продовольствие	-	-	2313,6	4,5	2681	1,8	18897	3,9
Зерно	228	0,5	18	0,04	35	0,02	117	0,02
Сырье и полуфабрикаты	-	-	27711	53,9	43963	29,5	296285	61,2
Капиталоемкие товары	7678	18,1	5883	11,4	31677	21,2	53298	11,0
Прочее	-	-	15526	30,2	70845	47,5	116066	23,9
Всего	42389	100,0	51413	100,0	149166	100,0	484546	100,0

Источник: Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. –January 2017. Pp. A104, A105.

Внешнеторговая политика, направленная на стимулирование экспорта за счёт разнообразных мер участия государства во внешнеторговых мероприятиях, позволила Индии заметно укрепить в пореформенный период позиции на мировых рынках товаров и придать своему участию в МРТ более горизонтальный характер, т.е. осуществлять обмен продукцией обрабатывающей промышленности на очень высоком уровне, о чём свидетельствует индекс Грубеля-Ллойда – 0,96–0,98 в 2005–2015 гг.¹⁵. В 2000 г. общий индекс показывал

¹² Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. January 2017. P. A108.

¹³ World Trade Statistical Review 2016 / WTO. 2016. P. 129. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_09_tables_e.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Индекс Грубеля-Ллойда рассчитывается следующим образом:

$1 - \frac{|Э_i - И_i|}{Э_i + И_i}$, где $Э_i$ и $И_i$ – экспорт и импорт продукции i -ой отрасли промышленности соответственно. Значения индекса находятся в промежутке от 0 до 1 и означают: в диапазоне от 0 до 0,4 – низкую степень связей; от 0,4 до 0,6 – среднюю; от 0,6 до 0,9 – высокую; от 0,9 до 1 – очень высокую.

Здесь и ниже показатели индекса Грубеля-Ллойда рассчитаны по World Trade Statistical Review 2016 / WTO. Pp. 105–108.

высокий (0,81), а в 2015 г. (0,98) очень высокий уровень обмена продукцией обрабатывающей промышленности. Увеличение показателей данного индекса в 2000-е гг. отмечалось для химикалий, телекоммуникационного оборудования и текстильной промышленности (в 2015 г. 0,87, 0,37 и 0,35 соответственно). Следовательно, торговля этими товарами становится всё более двусторонней (Индия экспортирует и импортирует продукцию). Торговые потоки текстильной промышленности преимущественно вертикальны, т.е. Индия экспортирует высококачественные одежду и ткани и импортирует менее качественные, главным образом из соседних стран Южной Азии (из Бангладеш, Непала и др.). Торговые потоки по химикалиям и телекоммуникационному оборудованию скорее горизонтальны, т.е. обмен совершается по разным вариациям сравнимых продуктов – примерно одинаковые класс товаров и ценовой диапазон. Индекс Грубеля-Ллойда по позиции «железо и сталь» в 2000–2015 гг. был на относительно стабильном уровне и в 2015 г. составил 0,9.

Растёт и конкурентоспособность индийских товаров на мировом рынке. Для выявления конкурентных преимуществ индийской экономики в 2000-е гг. автор использовала коэффициент выявленных сравнительных преимуществ (или коэффициент RCA, или индекс Баласса) (см. табл. 9). Он рассчитывается по формуле

$$RCA(ij) = (X_{ji} / X_{wi}) / (X_{je} / X_{we}),$$

где X_{ji} – экспорт товара i из страны j ; X_{wi} – мировой экспорт товара i (за исключением экспорта страны j); X_{je} – экспорт всех товаров, произведённых в стране j ; X_{we} – мировой экспорт всех товаров (за исключением товаров страны j).

Предполагается, что относительное преимущество существует, если коэффициент выше единицы, т.е. доля товара в экспорте страны больше его доли в мировом экспорте. Соответственно, если этот показатель ниже единицы, страна не имеет конкурентного преимущества. Увеличение доли и рост индекса указывают, что страна расширяет использование своего относительного преимущества в международной торговле. Таким образом, коэффициент RCA позволяет выявить те сектора экономики, в которых страна имеет сравнительные преимущества.

Из приведённых данных следует, что состав товаров группы, имеющей конкурентное преимущество в экспорте, со временем меняется, что говорит о развитии в Индии новых конкурентных видов производств. Сравнительные преимущества в экспорте имеются у следующих отраслей: металлургия (производство железа и стали), химическая и текстильная промышленность, фармацевтика, производство готовой одежды. Кроме того, в пореформенный период наметилась явная тенденция к росту сравнительных преимуществ автомобилестроения, фармацевтики и производства телекоммуникационного оборудования.

Существенны и преобразования в географической структуре внешней торговли Индии. В русле политики «Взгляд на восток» (*Look East Policy*), а с 2014 г. пришедшей ей на смену политики «Движение на восток» (*Act East Policy*) постепенно произошло увеличение доли развивающихся стран в индийском экспорте.

Таблица 9. Коэффициент выявленных сравнительных преимуществ (индекс Баласса) индийского экспорта в 2000–2015 гг.**Table 9. The coefficient of revealed comparative advantages (the Balass Index) of Indian exports in 2000-2015.**

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Железо и сталь	-	1,90	1,78	1,18
Химикалии	-	1,11	0,99	1,18
Фармацевтическая продукция	-	1,11	1,10	1,77
Продукция автомобилестроения	0,15	0,33	0,49	0,59
Телекоммуникационное оборудование	0,05	0,08	0,16	-
Текстиль	5,74	4,74	3,74	3,53
Готовая одежда	4,70	3,71	2,30	2,52

Источник: рассчитано по World Trade Statistical Review 2016 / WTO. 2016. Pp. 105–108. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_09_tables_e.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

те (см. табл. 10). Отметим доминирование азиатских государств, среди которых основными внешнеторговыми партнёрами выступают КНР и страны АСЕАН (в 2014/15 ф.г. 9,6% и 10,1% индийского товарооборота соответственно¹⁶). Постепенно укрепляются связи Индии с соседями в рамках Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии [3, с. 97]. По результатам 2014/15 ф.г., доля стран СААРК в индийском экспорте составила 0,7%, а в импорте – 6,6%¹⁷. В свою очередь, доля «триады» существенно сократилась как в экспорте, так и в импорте (см. табл. 10).

Таблица 10. Географическое распределение внешней торговли Индии (%)**Table 10. Geographical distribution of India's foreign trade (%)**

	1996/97 ф.г.		2014/15 ф.г.		Апрель–ноябрь 2015/16 ф.г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
«Триада» мирового хозяйства:	51,5	42,2	31,3	18,2	34,1	18,7
ЕС	25,9	27,2	15,9	11,0	16,7	11,0
США	19,6	9,4	13,7	4,9	15,5	5,2
Япония	6,0	5,6	1,7	2,3	1,9	2,5
Развивающиеся страны:	39,7	47,4	63,9	73,5	61,1	72,4
Африка	4,2	3,3	10,6	8,6	10,0	8,9
Азия	34,1	42,7	49,6	58,9	48,1	58,7
Латинская Америка	1,4	1,4	3,7	6,0	3,0	4,8
Россия	2,4	1,6	0,7	1,0	0,6	1,2
Прочие страны	6,4	8,8	4,1	7,3	4,2	7,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. –January 2017. Pp. A117, A125.

¹⁶ Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. January 2017. Pp. A115–A116, A123–A124.

¹⁷ Ibid. Pp. A117, A125.

Ещё внушительнее успехи Индии во внешней торговле услугами. Начиная с 2000-х гг. здесь наблюдаются высокие темпы роста, заметно превышающие мировые показатели. Это обусловлено бурным развитием высокотехнологичных отраслей, беспрецедентным ростом индийской экономики в условиях либерализации, что сопровождается повышением благосостояния всё более широких слоёв населения, а также возрастающей интеграцией в мировое хозяйство индийских наукоёмких отраслей. Примечательно, что проникновение на зарубежные рынки услуг идёт успешнее, нежели на товарные: доля Индии в мировом экспорте услуг составила в 2015 г. 3,3%, в то время как в мировом экспорте товаров – 1,6%¹⁸.

Быстрый рост наукоёмких отраслей в 1990–2000-е гг. оказал значительное влияние на изменение структуры внешней торговли услугами. В импортной корзине услуг с 35,9% до 61,1% возросла доля прочих коммерческих услуг, прежде всего, деловых и связи¹⁹, а в экспортной корзине с 45,4% до 74,1% увеличилась доля прочих коммерческих, в основном ПО²⁰. Примечательны и существенные изменения индекса Баласса: по статье «компьютерные и информационные услуги» он стабильно увеличивался в 2000-е гг. и к 2015 г. составил 4,06 (в 2008 г. – 8,13, а в 2010 г. – 7,64), что доказывает наличие у Индии сравнительных преимуществ в экспорте ПО и аутсорсинге бизнес-процессов. Кроме того, Индия также имеет преимущества в экспорте деловых услуг (в 2015 г. индекс Баласса 1). В 2000–2015 гг. также усилились конкурентные преимущества Индии в экспорте финансовых услуг (см. табл. 11).

Таблица 11. Коэффициент выявленных сравнительных преимуществ (индекс Баласса) индийской торговли услугами в 2005–2015 гг.

Table 11. The coefficient of identified comparative advantages (the Balass Index) of Indian trade in services in 2005-2015

	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.	2015 г.
Транспортные услуги	0,46	0,44	0,60	0,55	0,47
Туристические услуги	0,47	0,48	0,48	0,50	0,51
Прочие коммерческие услуги	1,59	1,59	1,49	1,65	1,47
Услуги связи	1,53	1,05	0,55	0,54	–
Строительные услуги	0,68	0,44	–	–	–
Компьютерные и информационные услуги	7,34	7,46	7,00	7,64	4,06
Финансовые услуги	0,35	0,49	0,49	0,48	0,38
Страховые услуги	0,76	0,73	0,60	0,59	0,47

Источник: World Trade Statistical Review 2016 / WTO. 2016. Pp. 105–108. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_09_tables_e.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

¹⁸ World Trade Statistical Review 2016 / WTO. 2016. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_09_tables_e.pdf (дата обращения: 02.01.2017). P. 96.

¹⁹ Одновременно доля туристических услуг в импортной корзине выросла с 6,6% до 17,8%, а транспортных – сократилась с 57,5% до 21,1%.

²⁰ Доля туристических и транспортных услуг в экспорте услуг уменьшилась с 33,8% до 13,0% и 20,8% до 12,9% соответственно.

Ускоренно развивающаяся сфера услуг и всё увеличивающаяся торговля ими отражают динамизм индийской экономики, где эффективный третичный сектор оказывает заметное влияние на темпы экономического роста.

Индийская модель постепенной, не стремительной интеграции в мировое хозяйство прошла проверку временем. Есть все основания предполагать, что в обозримом будущем индийская экономика продолжит развиваться ускоренными темпами. Сочетание защиты внутреннего рынка с общей либерализацией экономики, достижение оптимального баланса между протекционизмом и протекционизмом позволяют Индии расширять свою нишу как на мировых товарных рынках, так и на рынках услуг. Всё возрастающая конкурентоспособность индийских товаров и услуг повышает степень вовлечённости Индии в глобальную экономику, что, с одной стороны, способствует дальнейшему увеличению объёмов притока инвестиций и технологий, а с другой – приводит к росту качества индийской рабочей силы и к ориентации страны уже не только на трудоёмкие, но и наукоёмкие производства.

Список литературы

1. Галищева Н.В. Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М.: Буки Веди, 2013. 502 с.
2. Галищева Н.В. Индия –новый финансовый донор // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 16–22.
3. Галищева Н.В. Современная внешнеэкономическая стратегия Индии: сотрудничество «Юг-Юг» // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5(20). С. 96–106.
4. Кувалдин В.Б. Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. М.: Магистр, 2009. 207 с.
5. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / пер. с англ. А. Калинина; под ред. О. Филатовой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
6. Элвуд У. Глобализация / пер. с англ. А.Захарова. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 208 с.
7. Backer K., Miroudot S. Mapping Global Value Chains / European Central Bank. Working Paper Series. №1677. May 2014. 40 p.
8. Global Humanitarian Assistance: a Development Initiative / India: Country Briefing. Режим доступа: <http://www.globalhumanitarianassistance.org/wp-content/uploads/2012/01/India-country-briefing1.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).
9. Goldin I., Reinert K. Globalization for Development. Meeting New Challenges. NY: Oxford University Press, 2012. 337 p.
10. Thirlwall A.P. Economics of Development. Theory and Evidence (Ninth Edition). Palgrave Macmillan, 2011. 678 p.

Об авторе:

Наталья Валерьевна Галищева – д.э.н., и.о. заведующей кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: galistcheva@yandex.ru.

GLOBALIZATION OF THE INDIAN ECONOMY: THE MAIN TRENDS AND PERSPECTIVES

N.V. Galistcheva

DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89

Moscow State Institute of International Relations (University)

The aim of this research is the analysis of the globalization model of the Indian economy, its main trends and perspectives. The article highlights the ways of India's integration in the world economy – its participation in the international capital movement and in the international trade as well as its positions in global value chains.

The author examines the most representative definitions of globalization and draws attention that the theoretical basis of the study is the synthesis of the concept of global value chains and A.P. Thirlwall's definition of globalization. The methodological basis of the study is such methods as induction and deduction, analysis and synthesis. The systematic approach to the overall study of the Indian economy and the Indian external economic policy in particular has become the base of this research.

The author underlines that according to the OECD data the Indian participation in global value chains is 42% of the Indian gross exports. At the same time India as a large economy has a less share of exports made of inputs taking part in vertical trade in comparison with other developing countries due to diversified national economy created during the import-substitution period.

The author notes Indian positions in international capital movement. The author stresses that the Indian contemporary investment policy is aimed at attracting foreign capital that doesn't lead to the formation of external debt.

The article highlights the Indian positions in international trade of goods and services. The author examines the composition of Indian exports and imports as well as direction of Indian trade. The author draws attention to increasing the Indian positions in trade in intermediate goods. It proves the active participation of India in global value chains. The article presents statistical data on the Grubel-Lloyd Index which measures India and the world economy intra-industry trade as well as RCA coefficient which measures the comparative advantages of the Indian economy in trade both in goods and services.

The article also presents statistical data on the dynamics of the Indian external trade, foreign direct investments' inflow and exports of the Indian capital.

Key words: Indian economy, liberal reforms, globalization, FDI to Indian economy, Indian exports of direct investments, Indian foreign trade, Indian positions in global value chains, humanitarian assistance of India, India as a new financial donor, Indian exports of services, coefficient of RCA in Indian foreign trade, «Act-East policy».

References

- Galishcheva N.V. *Indiya v mirivom khozyaistve na rubezhe vekov: vneshneekonomicheskie svyazi i vneshneekonomicheskaya politika* [India in the world economy at the turn of the century: international economic ties and external economic policy]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2013. 502 p. (In Russian).
- Galishcheva N.V. *Indiya – novyi finansovyi donor* [India is a New Financial Donor]. *Aziya i Africa segodnia*, 2011, no. 8, pp. 16–22. (In Russian).
- Galishcheva N.V. *Sovremennaya vneshneekonomicheskaya strategiya Indii: sotrudnichestvo "Yug–Yug"* [Contemporary External Economic Strategy of

- India: "South –South" Cooperation]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2011, no. 5 (20), pp. 96–106. (In Russian).
4. Kuvaldin V.B. *Global'nyi mir: ekonomika, politika, mezhdunarodnye otnosheniia* [The global world: economy, politics, international relations]. Moscow, Magistr Publ., 2009. 207 p. (In Russian).
 5. Spence M. *The next convergence: the future of economic growth in a multispeed world*. Picador, 2012. 320 p. (Russ. ed.: Spens M. Sleduiuchaia konvergentsiia: budushchee ekonomicheskogo rosta v mire, zhivuchem na raznykh skorostiakh. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2013. 336 p.)
 6. Ellwood W. *The No-Nonsense Guide to Globalization*. New Internationalist, 2010. 144 p. (Russ. ed.: Elwood W. Globalizatsiia. Moscow, Knizhnyi klub knigovek Publ., 2013. 208 p.)
 7. Backer K., Miroudot S. Mapping Global Value Chains. *European Central Bank. Working Paper Series*. № 1677. May 2014. 40 p.
 8. *Global Humanitarian Assistance: a Development Initiative*. India: Country Briefing. Available at: <http://www.globalhumanitarianassistance.org/wp-content/uploads/2012/01/India-country-briefing1.pdf> (Accessed 15.01.2017).
 9. Goldin I., Reinert K. *Globalization for Development. Meeting New Challenges*. New York, Oxford University Press Publ., 2012. 337 p.
 10. Thirlwall A.P. *Economics of Development. Theory and Evidence*. Palgrave Macmillan, 2011. 678 p.

About the author:

Natalia V. Galistcheva – Doctor of Science in Economics, acting head of the department of the World Economy, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: galistcheva@yandex.ru.

УЧАСТИЕ ИНДИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЯХ

В.И. Баронов, Г.М. Костюнина

Адвокатская палата г. Москвы, Адвокатская контора №25
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Основная цель предлагаемого исследования заключается в определении специфики участия Индии в региональных торговых соглашениях (РТС), сравнительном анализе основных положений РТС и влиянии членства в интеграционных соглашениях на внешнеторговые отношения страны.

В мировой экономической литературе отсутствует единство мнений об экономическом эффекте участия государств в РТС. Авторский тезис заключается в том, что конечный эффект членства в РТС зависит от суммы таможенных пошлин на дату подписания соглашения (чем выше, тем больше эффект от создания торговли), а также от места партнёра страны в торговле другого государства-участника (чем больше взаимный товарооборот, тем больше эффект от создания торговли). Конечно, влияют другие факторы, такие как географическая близость, транспорт и другие транзакционные издержки.

Участие Индии в региональных торговых соглашениях (РТС) было одной из задач реализации политики «Взгляд на Восток», которая была утверждена в 1991 г., страны Юго-Восточной Азии были определены в качестве регионального приоритета, Стратегическим и экономическим причинам. Позже региональное освещение было распространено на страны Северо-Восточной и Южной Азии из-за повышения роли Китая в мировой экономике и политике, которая стала стратегическим вызовом и экономическими возможностями для индийской экономики.

Индия является участником 13 РТС, большинство из которых являются двусторонними. В индийской интеграционной практике применяется один из четырёх типов РТС: (1) соглашение о всестороннем экономическом партнёрстве, которое отличается самым широким объёмом взаимных экономических отношений; (2) соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве; (3) соглашение о свободной торговле; (4) соглашение о преференциальной торговле. Чаще всего используется классическая интеграционная модель (зона льготной или свободной торговли). Первоначально индийская политика РТС доминировала над политическим фактором (с учётом географической близости государств), впоследствии экономический фактор стал преобладающим.

Большинство региональных торговых соглашений, особенно с развитыми странами (Япония, Республика Корея и Сингапур), влечёт за собой эффект диверсии торговли в Индии, что особенно отражается на сокращении доли стран RTA's member в индийском экспорте с 45,1% до 41,3% в 2005-2015 гг. Темпы роста экспорта Индии в страны-партнёры меньше, чем для импорта из членов РТС. В то же время эффект от создания торговли даёт соглашения с менее развитыми странами, такими как Шри-Ланка, Афганистан и Непал.

Уроки индийской практики членства в РТА включают: (1) необходимость более тщательного подхода к выбору потенциального партнёра; (2) важность широкого

УДК 339.5, JEL F13

Поступила в редакцию 10.03.2017 г.

Принята к публикации 01.04.2017 г.

круга вопросов либерализации взаимных экономических отношений для получения более значительных экономических выгод для индийской экономики. Результаты этого исследования будут способствовать не только ознакомлению с историей и тенденциями участия Индии в РТС, но и более глубокому пониманию этой формы сотрудничества и в других государствах.

Ключевые слова: Индия, региональные торговые соглашения (РТС), зоны свободной торговли (ЗСТ), внешняя торговая политика, политика «Взгляд на восток»

Активизация участия разных стран мира в региональных торговых соглашениях (РТС) является одной из основных тенденций развития современной мировой экономики. Основные причины связаны с трудностями многосторонней торговой либерализации в рамках ВТО и с необходимостью упрощения доступа национальных товаров на внешние рынки, что возможно на основе формирования зон свободной торговли или таможенных союзов на двустороннем или многостороннем уровнях, но в рамках РТС.

Ещё одна причина связана с углублением регионализации в Европе и в Северной Америке, что ведёт к росту внутрирегиональной торговли и соответствующему сокращению доли Индии во внешнеторговых показателях двух регионов.

Основная цель предлагаемого исследования заключается в выявлении особенностей участия Индии в региональных торговых соглашениях, сравнительном анализе основных положений РТС и определении влияния членства в РТС на внешнеторговые связи страны. Для этого применён анализ развития данного процесса в динамике с учётом количественных, качественных, географических и временных характеристик двустороннего и многостороннего сотрудничества.

В мировой экономической литературе нет единства мнений в отношении экономического эффекта от участия государств в региональных торговых соглашениях. Ещё Дж. Вайнер [12] определил два эффекта на внешнеторговые связи участвующих стран как эффект создания торговли (trade creation) и эффект отклонения торговли (trade diversion). Эффект создания торговли достигается благодаря замещению малоэффективного производства более конкурентоспособным импортом из стран-партнёров. Эффект отклонения торговли проявляется в рамках замещения более конкурентоспособного импорта из неучаствующих государств ввозом продукции менее конкурентоспособной с ценовой и качественной точек зрения из государств-членов РТС. В итоге страны получают неравномерные объёмы преимуществ и издержек.

По вопросу, какой эффект преобладает – единство мнений отсутствует. Так, исследователи Дж. Мид [5], Р. Липси [4] и Л. Саммерс [9] считают, что страны получают в большей степени эффект создания торговли, а Г. Гроссман и Е. Хелпман [3], Дж. Бхагвати [2] и А. Панагария [8] – эффект отклонения торговли от членства в РТС.

Авторский тезис заключается в том, что, по нашему мнению, конечный эффект от членства в РТС для национальной экономики зависит от величины ставок таможенных пошлин на дату подписания соглашения (чем они выше, тем больше эффект создания торговли), а также от места одной страны-партнёра в торговле другого участвующего государства (чем больше взаимный товарооборот, тем больше эффект создания торговли). Конечно, сказываются и иные факторы, как, например, географическая близость, транспортные и прочие транзакционные издержки.

В основе *методологии исследования* лежит понимание региональных торговых соглашений как многофакторного инструмента торговой политики различных стран мира, который содействует либерализации международной торговли в целом и участвующих стран в частности, активизации участия государств-партнёров в международном разделении труда и стимулирует динамику их экономического развития. РТС рассматриваются как система, включающая совокупность элементов, взаимодействующих с элементами других систем. Подобное взаимодействие рассматривается с учётом специфической предназначённости каждого из элементов, а также с учётом факторов устойчивости развития каждой системы. При проведении настоящего исследования авторами использованы такие *методы*, как метод сравнительного анализа, позволяющий выявить специфику индийского участия в РТС; методы статистического анализа и политического прогнозирования, которые дают возможность выявить современные тенденции и правовые нормы региональных торговых соглашений с участием Индии; а также логический концептуальный анализ, позволяющий представить целостную картину индийской политики членства в РТС.

Зарубежные исследователи, в том числе индийские, не оставили без внимания вопросы политики Индии в отношении региональных торговых соглашений. Из их числа следует выделить работу С. Сингха «Подход Индии к двусторонним, региональным и многосторонним переговорам» (2015 г.), основной акцент в которой сделан на индийской стратегии и практике проведения торговых переговоров на разных уровнях, включая переговоры по мегарегиональным соглашениям как проект Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства (РВЭП) [10]. Исследование Центра международной торговли, инвестиций и экологии неправительственной организации потребителей Индии «Участие Индии в зонах свободной торговли: возможности и вызовы» (2013 г.) выявляет влияние членства страны в интеграционных соглашениях на разные сферы экономики – промышленность, сельское хозяйство, услуги, инвестиции и экологию¹. Другое исследование вышеупомянутой организации (2015) посвящено РТС и индийской экономике с акцентом на внешние мегасоглашения как Транстихоокеанское партнёрство и проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и зоны свободной торговли ЕС и АСЕАН, их влияния на индий-

¹ India's Engagement with Free Trade Agreements: Opportunities and Challenges. CUTS Submission to the Parliamentary Standing Committee on Commerce. 2013. URL: <http://www.right2info.org/resources> (дата обращения: 01.04.2017)

скую экономику и проблемы сбыта индийской продукции, в том числе в разрезе участия в глобальных цепочках поставок². В ещё одном исследовании (2011 г.) С.Джха «Использование региональных торговых соглашений: опыт регионализма Индии»³ проанализировано влияние РТС в целом в мире, инициативы Индии в подписании РТС, а также их влияние на динамику внешней торговли страны со странами-партнёрами по соглашениям по состоянию на 2009 г.

Предлагаемое исследование по сравнению с упомянутыми выше зарубежными работами анализирует основные положения индийских региональных торговых соглашений, проводит сравнительный анализ включённых норм на примере того или иного соглашения. В работе также дана оценка экономического эффекта действующих РТС на внешнюю торговлю Индии по данным на 2015-2016 гг.

В ходе проведённого исследования было *доказано*, что индийская торговая политика «Смотри на восток» прошла эволюцию от акцента на политические факторы (с учётом географической близости) к приоритету экономических факторов подписания РТС, от РТС «первой волны» к последующему заключению соглашений «второй волны». В результате расширился охват разных сфер взаимного экономического сотрудничества между странами-партнёрами за счёт торговли услугами, инвестиций, защиты прав интеллектуальной собственности и ряда других, а также увеличились экономические преимущества для индийской экономики в плане активизации участия страны в международном разделении труда. Однако, многие региональные торговые соглашения, особенно подписанные с экономически более развитыми странами, дают эффект отклонения торговли для экономики Индии.

Исследование включает следующую структуру. Сначала дана характеристика эволюции политики «Смотри на восток», затем проведён анализ РТС с индийским участием, в том числе их основных положений, далее проанализировано влияние РТС на внешнюю торговлю Индии. В заключение подытожены основные выводы.

Индийская политика Look East

Активное участие Индии в международном разделении труда за последние два десятилетия стало основой её динамичного экономического развития. За 2000-2015 гг. стоимостной объём экспорта страны увеличился с 42,4 млрд долл. до 267,1 млрд долл., или в 6,3 раза, а импорт – с 51,5 млрд долл. до 391,9 млрд долл., или в 7,6 раз соответственно⁴. Торговый баланс Индии сводится с отри-

² Regional Trade Agreements and the Indian Economy: An Analysis of Potential Challenges and Opportunities. CUTS International. June 2015.

³ Jha S. Utility of Regional Trade Agreements' Experience from India's Regionalization. Asia Pacific Research and Training Network on Trade. Working Paper Series #99. April 2011. URL: www.unescap.org/sites/default/files/AWP%20No.%2099.pdf (дата обращения: 01.04.2017)

⁴ Trade statistics for international business development. URL: <http://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 01.04.2017).

цательным сальдо, размер которого равен -124,8 млрд долл. по итогам 2015 г., что обусловлено превышением импорта над экспортом. Удельный вес страны в мировом экспорте невысок и вырос с 0,66% до 1,6% (18-е место в мире), в мировом импорте – с 2,7% до 5,6% (11-е место в мире). ВВП страны по ППС в 2016 г. составил 8,72 трлн долл., что соответствует 4-му месту в мире. Среднегодовой темп прироста ВВП в 2000-е гг. превышал 7%, что относит индийскую экономику к числу наиболее динамично развивающихся в мире. Правда, в стране сохраняется невысокий среднедушевой ВВП в объеме 6700 долл. по итогам 2016 г.⁵

Истоки индийской торговой политики участия в РТС были заложены в 1991 г. с провозглашением политики Look East («Смотри на восток»), когда в условиях реформирования национальной экономики было решено углубить интеграцию страны в экономику стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Основой такой политики стал разворот в отношении стран ЮВА. Причины носят геостратегический и экономический характер и отражают заинтересованность в расширении экономического сотрудничества со странами ЮВА с учетом особенностей географического положения Индии (т.н. «chicken's neck», что дословно означает: «куриное горлышко»)⁶. Узость Силигурского коридора (соединяет семь восточных штатов Индии с основной территорией) затрудняет грузоперевозки, а значит, и индийские торговые потоки в страны Южной Азии – Бангладеш, Непал и Бутан. Вторая причина такого приоритета вызвана необходимостью массивных притоков инвестиций и включения индийской экономики в региональные цепочки поставок, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Но сохраняется основной барьер на пути развития сотрудничества, а именно: слабость индийской логистической сети. В то же время Индия обладает сравнительными преимуществами, которыми могут воспользоваться восточноазиатские компании в производстве продукции (дешёвая рабочая и относительно квалифицированная рабочая сила, ёмкий внутренний рынок, развитие технологических производств и аутсорсинговых услуг) в рамках региональных цепочек поставок.

Разработке политики Look East предшествовали четыре этапа, которые будут рассмотрены ниже.

Первый этап в Индии называется «романтической Индией» (romanced India), суть которого состояла в борьбе за независимость с акцентом на азиатскую культурную общность.

Второй этап – «лидирующая Азия» (leading Asia) был нацелен на построение азиатского века на основе укрепления солидарности между странами региона. В частности, по инициативе Дж.Неру состоялись две региональные конференции в 1947 г. и в 1949 г.

Третий этап получил название «политики ухода из Азии» (leaving Asia), что, по мнению индийских экспертов, стало стратегической ошибкой руководства

⁵ CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html> (дата обращения: 01.04.2017).

⁶ Проблема связана с Силигурским коридором, связывающим Индию с Бангладеш, Непалом и Бутаном. Он имеет протяжённость в 24 км в самом узком месте.

страны [11]. Так, с учётом этого Индия не получила приглашения на членство в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1967 г.

Четвёртый этап стал этапом «возврата Индии в Азию» (returning to Asia), что было вызвано окончанием периода холодной войны и крахом модели социалистического развития. В рамках этого этапа и была разработана политика Look East, подтверждением которой стало участие с 1996 г. в рамках Азиатского форума региональной безопасности (АРФ) в качестве партнёра по диалогу.

Таким образом, изначально индийская торговая политика а качестве приоритета имела страны АСЕАН. Позднее с повышением роли Китая в мировой экономике и мировой политике (что стало как стратегическим вызовом, так и экономическими возможностями для развития Индии) политика приобрела пан-азиатский характер за счёт расширения сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии и Южной Азии.

Современная торговая политика Look East имеет три измерения: экономическое, стратегическое и институциональное. Экономическое измерение связано с повышением роли Индии в экономике стран Азии благодаря динамичному росту ВВП и большому экономическому потенциалу (4-е место в мире по объёму ВВП). Однако Индия уступает Китаю по уровню экономических связей с азиатскими государствами (объём товарооборота Китая со странами АСЕАН в четыре раза больше индийского показателя).

Стратегическое измерение торговой политики Look East связано с важностью развития сотрудничества Индии со странами АСЕАН вследствие отсутствия территориальных споров между ними, расширения индийских стратегических связей с США и ростом морской мощи Индии в прибрежных водах Ассоциации и Индийского океана (что важно для АСЕАН в условиях нарастающих территориальных споров в Южно-Китайском море).

Институциональное измерение политики Look East определяется необходимостью активизации индийского участия в институциональных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона. Страна является партнёром по диалогу АРФ с 1996 г.; членом региональной организации Инициатива Бенгальского залива по многоотраслевому техническому и экономическому сотрудничеству с 1997 г.⁷; участвует в Инициативе по сотрудничеству в бассейнах рек Меконг – Ганг с 2000 г.⁸; с 2005 г. выступает полноправным членом Восточноазиатского саммита (ВАС). На повестке дня стоит вопрос членства в Форуме АТЭС, заявка о присоединении к которому была подана ещё в 1998 г. В 2014 г. на смену политике Look East пришла политика Acting East Policy, основное отличие которой связано с расширением территориального охвата.

Торговая политика Индии отличается протекционистским характером, хотя средние ставки таможенных пошлин постепенно снижаются, но сохраняются на

⁷ Первоначальное название БИМСТЕК в составе Индии, Шри-Ланки, Таиланда, Мьянмы, Непала и Бутана.

⁸ Входят Индия, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Лаос и Вьетнам.

достаточно высоком уровне. Так, за 2006-2015 гг. простые ставки таможенных пошлин снизились с 15,1% до 13,4%, в том числе на аграрную продукцию равны 32,7% и на промышленные товары – 10,1%⁹.

По оценке ВТО, в мире функционирует 267 РТС, 13 из их числа – с участием Индии, еще по 14 проектам продолжаются переговоры по подписанию. Переговоры ведутся с Евросоюзом, Австралией, Новой Зеландией, Канадой и др. Индия как член Восточноазиатского саммита принимает участие в переговорах по подписанию мегасоглашения – Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства (Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement, RCEP). Роль стран-участниц РВЭП в мировой экономике высока. На их долю приходится 1/3 мирового ВВП, 27,4% международной торговли товарами и 23% международной торговли услугами [1]. Подписание данного мегарегионального соглашения позволит укрепить связи индийских компаний с компаниями других стран региона, участвующими в региональной цепочке поставок в производстве продукции с высокой добавленной стоимостью и с удовлетворением экономических потребностей с точки зрения влияния РТС, а также обеспечить преференциальный доступ на рынки государств АТР.

С учётом эволюции торговой политики Индии с конца 1990-х гг. происходит постепенное расширение участия страны в РТС, главным образом со странами Южной и Восточной Азии.

Первое региональное торговое соглашение Индия подписала в 1975 г. с развивающимися странами АТР как Бангкокское соглашение (Bangkok Agreement), которое в 2005 г. было переименовано в Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (Asia Pacific Trade Agreement, АРТА) в составе Бангладеш, Индии, Китая, Лаоса, Республики Корея и Шри-Ланки. В соответствии с нормами АПТА (т.е. спустя два десятилетия после подписания Бангкокского соглашения) была сформирована зона преференциальной торговли на основе снижения ставок таможенных пошлин во взаимной торговле участвующих государств.

В 1985 г. была создана Ассоциация Южноазиатского регионального сотрудничества, СААРК (South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC) в составе Бангладеш, Бутана, Индии, Мальдивских островов, Непала, Пакистана и Шри-Ланки. Её целью стало развитие регионального экономического сотрудничества. В 2005 г. сформирована Южноазиатская зона преференциальной торговли – САПТА (South Asia Preferential Trade Agreement, SAPTA), а в 2006 г. – Южноазиатская зона свободной торговли, САФТА (South Asia Free Trade Agreement, SAFTA).

В индийской практике преобладают двусторонние РТС (что характерно для международных интеграционных процессов в мире, где их доля равна 84%). Первое такое соглашение было подписано в 1998 г. с Шри-Ланкой, в 2005 г. – соглашение с Сингапуром, в 2010 г. – с Республикой Корея, в 2011 г. – с Японией и

⁹ База данных ВТО. URL: http://stat.wto.org/TariffProfiles/IN_e.htm (дата обращения: 01.04.2017)

Малайзией. Другие государства-партнёры – Непал, Бутан и Афганистан (более подробно см.табл.1).

Табл. 1 Региональные торговые соглашения с участием Индии, прошедшие нотификацию в ВТО

Table 1 Regional trade agreements involving India, notified in WTO

Соглашение	Охват	Тип	Нотификация в ВТО	Дата вступления в силу
Индия – АСЕАН	Товары и услуги	Зона свободной торговли	Развязывающая оговорка и ст.5 ГАТС	01.01.2010 (товары) / 01.07.2015 (услуги)
Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение, АПТА	Товары	Зона преференциальной торговли	Развязывающая оговорка	17.06.1976
Индия- Чили	Товары	Зона преференциальной торговли	Развязывающая оговорка	17.08.2007
Индия – Афганистан	Товары	Зона преференциальной торговли	Развязывающая оговорка	13.05.2003
Индия – Бутан	Товары	Зона свободной торговли	Развязывающая оговорка	29.07.2006
Индия – Япония	Товары и услуги	Зона свободной торговли	Ст.24 ГАТТ и ст.5 ГАТС	01.08.2011
Индия – Малайзия	Товары и услуги	Зона свободной торговли	Развязывающая оговорка и ст.5 ГАТС	01.07.2011
Индия – Непал	Товары	Зона преференциальной торговли	Развязывающая оговорка	27.10.2009
Индия – Сингапур	Товары и услуги	Зона свободной торговли	Ст.24 ГАТТ и ст.5 ГАТС	01.08.2005
Индия – Шри-Ланка	Товары	Зона свободной торговли	Развязывающая оговорка	15.12.2001
Индия – Республика Корея	Товары и услуги	Зона свободной торговли	Ст.24 ГАТТ и ст.5 ГАТС	01.01.2010
Индия – Меркосур	Товары	Зона преференциальной торговли	Развязывающая оговорка	01.06.2009
Южноазиатская зона свободной торговли, САФТА	Товары	Зона свободной торговли	Развязывающая оговорка	01.0.2006

Источник. WTO RTA Database. URL<http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTA>.

Действуют и РТС многостороннего охвата. Это – помимо уже упомянутых АПТА и САФТА, соглашения с АСЕАН (2010 г. по торговле товарами и в 2015 г. по торговле услугами) и соглашение о преференциальной зоне торговли с Меркосур.

В последнее десятилетие Индия применяет в своей интеграционной практике один из четырёх типов соглашений: (1) соглашения о комплексном экономи-

ческом сотрудничестве – СЕКА (comprehensive economic cooperation agreement), как в практике с Сингапуром и Малайзией; (2) соглашения о комплексном экономическом партнёрстве – СЕПА (comprehensive economic partnership agreement), как с Республикой Корея и Японией; (3) соглашения о зоне свободной торговли, как с Шри-Ланкой; (4) соглашения о зоне преференциальной торговли, как с Меркосур и Афганистаном.

Наиболее широкий охват имеют соглашения о комплексном экономическом партнёрстве благодаря включению вопросов конкурентной политики и государственных закупок в отличие от соглашений о комплексном экономическом сотрудничестве. Ограниченный характер носят зоны свободной торговли, имеющие положения по ликвидации таможенных пошлин во взаимной торговле, национальный режим, правила страны происхождения товара и механизм разрешения споров, тогда как в зонах преференциальной торговли только снижены ставки пошлин во взаимной торговле между участвующими государствами.

Индийские соглашения охватывают, прежде всего, торговлю товарами, что отличает соглашения т.н. первой волны, но позднее в рамках т.н. второй волны стали подписываться РТС более широкого охвата с включением торговли услугами, инвестиций, защиты прав интеллектуальной собственности (ИПС) и перемещения физических лиц. Таким образом, индийскую практику участия в РТС отличает классическая интеграционная модель, а не модель ВТО+¹⁰.

РТС «первой волны» объединили развивающиеся страны (модель Юг-Юг), как в рамках АПТА, СААРК (позднее переименованное в САФТА), Афганистан, Бутан и Непал. Для соглашений «второй волны» характерно участие стран по модели Юг-Север, т.е. развитых государств, как Япония, Республика Корея и Сингапур.

Сказанное подтверждает и вывод экспертов Азиатского банка развития (АБР), в соответствии с которым индийские зоны свободной торговли представляют совокупность соглашений как о глубокой, так и о теневой интеграции [6]. По их методологии, соглашения теневой интеграции (shallow integration) включают либерализацию только торговли товарами, тогда как соглашения глубокой интеграции (deep integration) – ещё и либерализацию других сфер взаимных экономических связей.

С учётом протекционистского характера, а также нехватки регулятивных инструментов и слабости институциональной базы торговой политики Индия предпочитает акцентироваться на вопросах либерализации торговли товарами в РТС со своим участием.

Если в основу соглашения с Шри-Ланкой (2001 г.) положена быстрая таможенная либерализация и отсутствие охвата прочих сфер взаимодействия, то

¹⁰ В отличие от классической модели зоны свободной торговли, включающей либерализацию взаимных торговых связей, модель ВТО+ принята на Сингапурской министерской конференции ВТО в 1996г. и распространяется на четыре сферы взаимных связей – инвестиции, конкурентную политику, содействие торговле и госзакупки.

подписанные позднее РТС носят комплексный характер и распространяются также на торговлю услугами, инвестиции, перемещение лиц, конкурентную политику, защиту ИПС, в том числе выходящие за рамки обязательств государств перед ВТО.

Первые соглашения подписывались с учётом геостратегических интересов Индии, поэтому не проводились предварительные исследования их потенциальной эффективности, а первое исследование было проведено в отношении зоны свободной торговли с Таиландом в 2003 г. (соглашение о которой пока не подписано).

Таким образом, можно констатировать, что в индийских РТС первоначально доминировал политический фактор (с учётом географической близости государств) и лишь в последующем экономический фактор стал преобладающим.

Можно сравнить положения соглашений «второй волны», между которыми также есть различия. Так, национальный режим записан в РТС Индии с Республикой Корея, Сингапуром и Японией, но отсутствует в соглашении с АСЕАН; правила страны происхождения товаров и нетарифные ограничения не указаны в соглашении с Японией; методика определения таможенной стоимости товара не включена в соглашение с АСЕАН; общие правила защитных мер, санитарно-ветеринарные и фитосанитарные меры есть только в соглашении с Республикой Корея; антидемпинговые меры и правила применения субсидий прописаны во всех четырёх рассматриваемых РТС; количественные ограничения экспорта и импорта – только в соглашении с Японией. Что касается торговли услугами, то вопросы телекоммуникационных услуг включены в соглашение с Республикой Корея, но их нет в РТС с Японией. Последнее включает положения по государственным закупкам, улучшению бизнес-климата, что не характерно для соглашения Индии с Республикой Корея. РТС с Японией, Республикой Корея и Сингапуром охватывают такие виды услуг, как предпринимательские, коммуникационные, строительные, дистрибьюторские, финансовые, туристические, рекреационные, транспортные. Вместе с тем, соглашение Индия – Сингапур не включает вопросы регулирования торговли образовательными и экологическими услугами, а соглашение Индия – Республика Корея – здравоохранительными услугами.

В целом, комплексный характер отличает индийские региональные торговые соглашения с Японией и Республикой Корея (см. табл.2).

Основные положения индийских региональных торговых соглашений «второй волны» включают отмену таможенных пошлин, определение правил страны происхождения товаров, регулирование технических барьеров в торговле, санитарных и фитосанитарных норм, инвестиции, перемещение физических лиц, конкурентную политику, защиту ИПС, госзакупки.

Так, в соглашении с АСЕАН отмена пошлин намечена в два этапа. На первом этапе, начиная с 2010 г. до конца 2013 г. для стран Ассоциации и до конца 2018 г. для Индии в отношении большинства товаров, а на втором - до конца

Табл. 2 Основные положения некоторых РТС Индии
Table 2 Highlights of some RTAs in India

Нормы	АСЕАН	Республика Корея	Япония	Малайзия	Чили	Меркосур
Снижение/отмена пошлин	+	+	+	+	+	+
Услуги	+	—	+	+	-	-
Инвестиции	-	-	+	+	-	-
ИПС	-	+	+	-	-	-
Конкурентная политика	-	+	+	-	-	-
Перемещение физических лиц	-	+	+	+	-	-
Механизм разрешения споров	+	+	+	+	-	-
Экономическое сотрудничество	+	-	+	+	-	-
Госзакупки	-	-	+	-	-	-
Электронная коммерция	-	-	+	+	-	-

Источник: Составлено на основе соответствующих соглашений.

2016 г. на чувствительные товары, а для отдельных стран (Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа) – до конца 2019 г. и 2021 г.¹¹.

Правила страны происхождения товара определяются на основе одного из нескольких методов: (1) изменение тарифной позиции продукта в национальном таможенном тарифе страны-потребителя; (2) доля добавленной региональной стоимости; (3) существенная переработка продукта. Как записано в соглашении Индии и Малайзии, подобные правила не применяются в рамках участия компаний двух стран в региональных цепочках поставок¹².

Что касается регулирования таких нетарифных ограничений, как технические барьеры, санитарные и фитосанитарные нормы, то они чётко прописаны только в РТС с Малайзией в отличие от других соглашений. Так, в РТС Индия – Малайзия указано, что страны обязуются выполнять нормы Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле, в том числе на основе укрепления сотрудничества в области промышленных стандартов, технических норм и процедур оценки соответствия в целях повышения взаимопонимания действующих национальных систем технического регулирования и упрощения доступа товаров на рынки стран-партнёров, а также на основе подписания соглашений о взаимном признании. Положения по санитарным и фитосанитарным нормам учитывают обязательства стран перед ВТО в рамках Соглашения по санитарным и фитосанитарным нормам. Инструменты включают развитие сотрудничества в использовании международных стандартов для целей их гармонизации; в сфере правил проверки импортного товара по предотвращению ввоза на основе фальшивых сертификатов; проверку импорта животных,

¹¹ Agreement on trade in goods under the Framework Agreement on comprehensive economic cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of India. Annex 1.

¹² Имеются в виду внутрифирменные поставки компонентов и прочих полуфабрикатов между компаниями одной ТНК, расположенными в Индии и Малайзии.

растений и продукции их переработки следует проводить с учётом риска ввоза такой продукции¹³.

Раздел по инвестициям определяет применение двух общепринятых в международно-правовой практике режимов или одного из них – национального (НР) и режима наибольшего благоприятствования (РНБ) для инвесторов, участвующих в глобальной цепочке поставок. Они распространяются на стадию допуска инвестиций с исключениями для отдельных отраслей. Инвестиционные споры между инвестором и принимающим государством разрешаются в рамках международного уровня (Международный центр по разрешению инвестиционных споров в составе Всемирного банка) без рассмотрения дела в суде принимающей страны. Так, в соглашении с Республикой Корея определены национальный режим, справедливый и равноправный режим, а также режим обеспечения безопасности. У юристов есть точка зрения, что два последних упомянутых режима являются принципами как основополагающими положениями внешнеэкономической деятельности. Но единства мнений нет.

Предусмотрен свободный перевод прибыли и других форм доходов от инвестиционной деятельности за рубеж. В соглашении записан порядок национализации иностранной собственности, что возможно по причине общественной заинтересованности; национализация должна быть проведена на недискриминационной основе, в соответствии с законодательством принимающей страны и на основе выплаты компенсации. Другой круг инвестиционных вопросов связан с невозможностью выдвижения требований к производственной деятельности инвестора, как регламентирование определённого объёма экспорта; содержание местного компонента; использование преференций при производстве продуктов; сбалансированность объёма импорта и объёма экспорта; ограничение объёма продаж товаров или услуг, связанных с вложением иностранных инвестиций. Соглашение устанавливает право принимающей страны вводить требования к национальности большинства членов совета директоров компании с зарубежным капиталом¹⁴.

Вопросы защиты интеллектуальных прав собственности учитывают обязательства стран в рамках Соглашения ВТО по торговым аспектам интеллектуальных прав собственности (ТРИПС). Хотя законодательство Индии построено с учётом норм ТРИПС, но на практике существует слабый правоприменительный механизм, что существенно снижает реальный уровень защиты таких прав. Особенно это относится к нарушению авторских прав, прежде всего, в компьютерном обеспечении и издательском деле. Для примера можно привести соответствующие нормы соглашения между Индией и Японией. Соглашение исходит из обязательств стран в рамках ТРИПС по защите патентов, торговых марок, географических названий, новых сортов растений, авторских и смежных

¹³ Comprehensive economic cooperation agreement between the Government of Malaysia and the Government of the Republic of India. Chapter 6, 7.

¹⁴ Comprehensive economic partnership agreement between India and Republic of Korea. Chapter 10.

прав, защиты конфиденциальной информации, защиты провайдеров интернет-услуг. В основу таких обязательств положен национальный режим и принцип прозрачности. Другая группа проблем защиты ИПС связана с функционированием в странах-партнёрах механизмов эффективной защиты ИПС на основе применения пограничных мер как мер контроля за товаром при пересечении таможенной границы, а также штрафных санкций и уголовного наказания¹⁵.

Перемещение лиц означает упрощённый порядок временного пребывания иностранных физических лиц, осуществляющих инвестиции или проводящих торговые операции по товарам или услугам на территории другой страны-партнёра на основе упрощённого порядка выдачи виз. В соответствии с РТС между Индией и Малайзией, виза предоставляется индийским предпринимателям на срок до 30 дней (одноразовая) или до пяти лет (многократная) Малайзией, и малайзийским предпринимателям на срок до 108 дней (одноразовая) или до двух лет (многократная) Индией¹⁶.

Нормы регулирования государственных закупок включают национальный режим и режим недискриминации, правила оценки стоимости контрактов, порядок проведения тендеров и порядок участия в них. В соглашении подробно описаны правила осуществления госзакупок, в том числе необходимые критерии участия, адрес и сроки проведения тендеров¹⁷. Таковы, например, положения соглашения Индии и Японии.

Влияние региональных торговых соглашений на внешнюю торговлю Индии

По оценкам индийских экспертов, средний уровень использования РТС равен лишь 27% [10, р.3], что связано (1) со слабой заинтересованностью компаний в их использовании¹⁸; (2) с невысоким уровнем понимания преимуществ соглашений о свободной торговле; (3) с высокими издержками получения сертификата соответствия качества продукции, которые превышают таможенные преимущества; (4) с нехваткой консультационных служб для разъяснения тех или иных положений и преимуществ РТС экспортёрам, импортёрам и грузоперевозчикам.

Экспорт Индии в страны-члены РТС возрос с 45,51 млрд долл. до 109,08 млрд долл., или на 239,6% за 2005-2015 гг. Тогда как совокупный индийский экспорт увеличился с 100,4 млрд долл. до 264,4 млрд долл., или на 263,3%. Таким образом, совокупный экспорт страны развивался более динамично в отличие от вывоза в страны-члены региональных торговых соглашений. В результате доля стран-партнёров по РТС в индийском экспорте снизилась с 45,3% до 41,3% за рассматриваемый период (см.табл.3).

¹⁵ Comprehensive economic partnership agreement between Japan and the Republic of India. Chapter 9.

¹⁶ Comprehensive economic cooperation agreement between the Government of Malaysia and the Government of the Republic of India. Chapter 9. Annex 9.1.

¹⁷ Comprehensive economic partnership agreement between Japan and the Republic of India. Chapter 10.

¹⁸ В современный период основные торговые барьеры – не таможенные пошлины, а нетарифные ограничения. Регулирование последних носит ограниченный характер в РТС с индийским участием.

Табл. 3 Экспорт Индии в страны-участницы региональных торговых соглашений, млрд долл.

Table. 3 India's exports to the member countries of regional trade agreements, \$ bln

Страна	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Прирост за 2005-2015
Шри-Ланка	1,94	3,31	4,45	3,81	4,75	6,43	5,50	+283,5%
Бангладеш	1,72	3,02	3,4	4,94	5,99	6,26	5,52	+320,9%
Бутан	0,09	0,16	0,22	0,17	0,16	0,2	0,38	+422,2%
Непал	0,39	0,51	0,51	0,31	0,38	0,56	0,49	+125,6
Афганистан	0,15	0,39	0,5	0,48	0,51	0,44	0,53	+353,3%
Япония	2,46	4,81	5,59	6,42	7,33	5,76	4,53	+184,1%
Республика Корея	1,52	3,63	4,55	4,08	4,49	4,79	3,61	+237,5%
Сингапур	5,43	9,07	15,63	13,55	14,19	9,68	7,8	+143,6%
Малайзия	1,14	3,56	3,8	3,79	5,5	4,64	4,89	+428,9%
Таиланд	1,06	2,14	2,77	3,45	4,2	3,44	3,11	+293,4%
Чили	0,14	0,48	0,51	0,65	0,7	0,62	0,67	+478,6%
АПТА	12,4	27,4	29,1	27,6	31,7	30,9	24,3	+195,9%
АСЕАН	10,3	22,9	34,5	32,3	37,9	31,3	26,4	+256,3%
Меркосур	1,37	4,32	6,29	7,13	7,27	8,19	4,05	+295,6%
САФТА	5,4	11,1	12,9	13,7	16,9	19,8	17,3	+320,4%
Всего по РТС	45,51	96,8	124,72	122,38	141,97	133,01	109,08	+239,6%
Экспорт Индии в целом	100,4	220,4	301,5	289,6	336,6	317,5	264,4	+263,3%
Доля РТС в экспорте Индии, %	45,3	43,9	41,4	42,3	42,2	41,9	41,3	

Источник: Trade statistics for international business development. URL: <http://www.trademap.org/Index.aspx>.

В разрезе по соглашениям наиболее динамичные темпы прироста индийского экспорта характерны для РТС с Чили, Малайзией, Бутаном, Бангладеш и САФТА (более 300%). Участие в перечисленных соглашениях оказало эффект создания торговли для индийского экспорта. Вместе с тем, членство в ряде иных соглашений не дало ожидаемых результатов для индийского экспорта. Сказанное относится к РТС с Японией, Республикой Корея, Сингапуром, Непалом, а также к соглашению АПТА, у которых темпы прироста взаимного экспорта за 2005-2015 гг. ниже совокупного прироста по всем РТС с участием Индии.

Как видно из табл.4, импорт Индии из стран-партнёров по РТС возрос с 45,78 млрд долл. в 2005 г. до 186,5 млрд долл. в 2015 г., или на 407,4%, тогда как совокупный импорт – с 140,9 до 390,7 млрд долл., или на 277,3%. В результате удельный вес РТС в индийском импорте увеличился с 32,5% до 47,7% за 2005-2015 гг. Наиболее динамично рос импорт Индии из Меркосур, Бангладеш, Афганистана, Чили, Таиланда и стран АПТА, т.е. перечисленные страны получили эффект создания торговли, а Индия – эффект отклонения торговли.

Табл. 4. Динамика импорта Индии из стран-участниц РТС, млрд долл.**Table. 4. Dynamics of imports of India from the countries participating in the RTAs, \$ bln**

Страна	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Прирост за 2005-2015 гг.
Шри-Ланка	0,57	0,52	0,72	0,67	0,52	0,59	0,85	+113,3
Бангладеш	0,1	0,36	0,58	0,57	0,53	0,52	0,64	+640,0
Бутан	0,1	0,19	0,21	0,17	0,14	0,14	0,19	+190,0
Непал	0,84	1,9	2,56	2,59	3,18	4,19	3,19	+379,8
Афганистан	0,05	0,14	0,12	0,08	0,21	0,24	0,32	+640
Япония	3,68	8,27	11,22	12,36	10,49	9,96	9,64	+261,9
Республика Корея	4,41	9,92	12,36	13,68	12,43	13,44	13,09	+296,8
Сингапур	3,16	7,26	8,16	7,8	7,0	7,1	7,4	+234,2
Малайзия	2,44	5,99	9,11	10,49	9,33	10,93	9,56	+391,8
Таиланд	1,2	3,94	5,06	5,5	5,48	5,68	5,65	+470,8
Чили	0,38	1,57	1,83	2,49	3,24	3,18	2,16	+568,4
АПТА	15,3	52,1	69,2	69,2	65,2	72,8	76,3	+498,7
АСЕАН	10,6	29,6	40,3	42,7	42,3	44,5	41,5	+391,5
Меркосур	1,55	9,28	10,91	18,77	19,96	20,83	13,11	+845,8
САФТА	1,4	2,1	2,5	2,3	2,2	2,6	2,9	+207,1
Всего по РТС	45,78	133,14	174,84	189,37	182,21	196,7	186,5	+407,4
Импорт Индии в целом	140,9	350,0	462,4	488,9	466,0	459,4	390,7	+277,3
Доля РТС в импорте Индии, %	32,5	0,38	37,8	38,7	39,1	42,8	47,7	

Источник: Trade statistics for international business development. URL: <http://www.trademap.org/Index.aspx>.

Таким образом, темпы прироста импорта Индии из стран-партнёров по РТС превышают соответствующие показатели для экспорта, что означает преобладание эффекта отклонения торговли над эффектом создания торговли.

Участие Индии в региональных торговых соглашениях привело к изменению товарной структуры её экспорта и импорта в отдельные страны-партнёры. Так, экспортная специализация Индии в страны АСЕАН эволюционировала от полуфабрикатов к потребительским товарам (35% в 2015 г.), в Республику Корея – от потребительской продукции к полуфабрикатам (46%). Товарная структура индийского импорта из Республики Корея сменила акцент от капиталоемкой продукции на полуфабрикаты (46% в 2015 г.), что стимулировало включённость Индии в региональные цепочки поставок [10, p.10].

Таким образом, большинство РТС с участием Индии имеют эффект отклонения торговли, хотя и нацелены на содействие национальному экспорту. Эффект создания торговли получают индийские торговые партнёры, а преимущества для индийского экспорта – несущественные. Сказанное подтверждает

индекс торговой интенсивности¹⁹. Его значение меньше 1 в торговле Индии с Японией (0,55) и Республикой Корея (0,84). Для торговли Индии с Сингапуром, Малайзией, АСЕАН и САФТА данный показатель не превышает 1,5%, что подтверждает невысокий объём преимуществ для индийской экономики в рамках РТС с упомянутыми партнёрами²⁰.

Есть потери и для промышленности Индии вследствие сокращения конкурентоспособности продукции из-за отмены таможенных пошлин. С учётом более высоких ставок пошлин в индийской экономике объём преимуществ для партнёров по РТС выше, чем для Индии.

Ускоренная торговая либерализация отношений с экономически менее развитыми государствами приносит немалые преимущества индийской экономике, хотя возможности расширения экспорта развивающихся государств-партнёров по РТС на индийский рынок ограничены имеющимися производственными мощностями.

Что касается участия в интеграционных соглашениях с экономически более развитыми странами, то оно приносит эффект отклонения торговли для Индии. Причина связана с особенностями таможенно-тарифного регулирования в Индии, когда полуфабрикаты подлежат обложению более высокими таможенными пошлинами в отличие от готовой продукции. В рамках таких соглашений индийский импорт отличается более динамичными темпами роста по сравнению с экспортом, что увеличивает дефицит торгового баланса страны как, например, с Японией и Республикой Корея. В результате экономические преимущества членства в РТС с развитыми государствами для экономики Индии ограничены. Но в долгосрочной перспективе будут сказываться эффекты масштаба экономики и экономической эффективности.

Индийский опыт функционирования региональных торговых соглашений позволяет извлечь основные уроки: (1) необходимость выбора партнёров по соглашению с учётом предварительной оценки потенциальных преимуществ и издержек, что важно для оптимального их использования; (2) при всей важности торговли товарами в положения соглашения о зонах свободной торговли следует включать и другие вопросы, как либерализация торговли услугами, инвестиции, госзакупки, защита прав интеллектуальной собственности, конкурентная политика, нетарифные ограничения. Но последние не часто включаются в РТС с индийским участием. Вместе с тем они позволили бы расширить интеграционный эффект и на торговлю услугами и инвестиции.

Полученные результаты, по мнению авторов, будут способствовать не только ознакомлению с историей и тенденциями индийского участия в региональ-

¹⁹ Индекс торговой интенсивности определяет долю внешней торговли страны в удельном весе совокупного товарооборота страны-партнёра. Если значение больше 1, то это значит, что взаимная торговля между странами больше, чем ожидалось.

²⁰ ARIC Database. URL: https://aric.adb.org/integrationindicators/result?sort=country&filter=all&r_indicators%5B0%5D=TCTRAINR_DOT&r_reporters%5B0%5D=59&r_partners%5B0%5D=258&r_partners%5B1%5D=263&r_years%5B0%5D=2000&r_years%5B1%5D=2005&r_years%5B2%5D=2010&r_years%5B3%5D=2015 (дата обращения: 01.04.2017)

ных торговых соглашениях, но и дальнейшему более глубокому осмыслению общего и особенного в данной форме сотрудничества как Индии, так и других государств.

Данная статья может стать основой для последующих исследований по заявленной проблематике с учётом таких факторов, как: (1) возможная эволюция индийской торговой политики и, соответственно, расширение приоритетов в развитии внешнеэкономических связей; (2) расширение количества действующих РТС с участием Индии; в настоящий момент продолжаются переговоры по 14 интеграционным проектам; (3) необходимость расширения охвата РТС, в том числе для получения большего объёма преимуществ для индийской экономики, углубления её участия в международном разделении труда.

Список литературы

1. Костюнина Г.М. Современные концепции формирования зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. №6. С. 31-42.
2. Bhagwati J. The World Trading System at Risk. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. 166 p.
3. Grossman G., Helpman E. The politics of free trade agreements // American Economic Review. 1995. Vol. 85. No. 4. Pp. 667-690.
4. Lipsey R.G. The Theory of Customs Union: A General Equilibrium Analysis. L.: Westfield and Nicolson, 1970. 176 p.
5. Meade J. The Theory of Customs Unions. Amsterdam: North Holland Co., 1955. 121 p.
6. Nataraj G. Regional Trade Agreements: Good or Bad for India? // Eastasiaforum.org, 22.03.2011. URL: <http://www.eastasiaforum.org/regional-trading-agreements-good-or-bad> (дата обращения: 30.04.2017).
7. Nataraj G. Regional Trade Agreements in the Doha Round: Good for India? // ADB Institute Discussion Paper No. 67. Tokyo: Asian Development Bank Institute, May 2007. 20 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156705/adbi-dp67.pdf> (дата обращения: 30.04.2017).
8. Panagariya A. Regionalism in Trade Policy: Essays on Preferential Trading. Singapore: World Scientific, 1999. 244 p.
9. Summers L. Regionalism and the world trading system // Policy Implications of Trade and Currency Zones. Federal Reserve Bank of Kansas City, 1991. 316 p.
10. Singh S. India's Approach towards Bilateral, Regional and Multilateral Negotiations // CUTS International. Development Paper, October 2015. 12 p.
11. The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy / Ed. by D.M. Malone, C. Raja Mohan, and S. Raghavan. Oxford, 2015. 700 p. URL: DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198743538.001.0001
12. Viner J. The customs union issue // Economic Analysis of Regional Trading Arrangements. Ed. by R. Pomfret. Edward Elgar, 2003. 608 p.

Об авторах:

Владимир Иванович Баронов – к.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, адвокат Московской городской коллегии адвокатов. Зелёный проспект, 3/1, 111141 г. Москва, Российская Федерация. E-mail: baronov46@mail.ru.

Галина Михайловна Костюнина – д.э.н., профессор кафедры МЭО и ВЭС МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, России. E-mail: galina_kostynina@yahoo.com.

INDIA'S PARTICIPATION IN THE REGIONAL TRADE AGREEMENTS

V.I. Baronov, G.M. Kostyunina
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-90-108

Moscow Chamber of Attorneys, Law Firm 25
Moscow State Institute of International Relations (University)

The main objective of the proposed study is to identify the specifics of India's participation in the regional trade agreements (RTAs), a comparative analysis of the main provisions of the RTAs and the impact of membership in the integration agreements on the country's foreign trade relations.

In the world economic literature there is no unity of opinions on the economic effect of the participation of states in RTAs. The author's thesis is that the final effect of membership in the RTAs depends on the amount of customs duties on the date of signing the agreement (the higher they are, the greater the effect of trade creation), and also on the place of the partner country in the trade of another participating state (the greater is mutual turnover, the greater effect of trade creation). Of course, other factors affect, such as geographical proximity, transportation and other transaction costs.

India's participation in the regional trade agreements (RTA) was one of the tasks of implementing the policy "Look East", which was approved in 1991. The countries of Southeast Asia have been identified as a regional priority, which was caused by the geo-strategic and economic reasons. Later, regional coverage has been extended to the countries of Northeast and South Asia because of increasing the role of China in the world economy and politics, which has become a strategic challenge and economic opportunities for the Indian economy.

India is a participant of 13 RTAs, the majority of which are bilateral. In India's integration practice, one of four types of RTAs is applied: (1) agreement on comprehensive economic partnership, which differ in the widest scope of mutual economic relations; (2) agreement on comprehensive economic cooperation; (3) free trade agreement; (4) preferential trade agreement. Most often, there is used classical integration model (of preferential or free trade area). Initially, the Indian policy of RTA dominated the political factor (taking into account the geographical proximity of the States), subsequently economic factor became the prevalent one.

Most of the regional trade agreements, especially with developed countries (Japan, Republic of Korea and Singapore) entail trade diversion effect for India, which is particularly reflected in the reduction of the share of the RTA's member countries in the Indian exports from 45.1% to 41.3% in 2005-2015. The growth rates of India's exports to the partner states less than that for imports from RTAs members. At the same time, the effect of trade creation provide agreements with less developed countries as Sri Lanka, Afghanistan, and Nepal.

Lessons from the Indian practice of the RTA's membership include: (1) the need for a more careful approach to choosing a potential partner; (2) the importance of a broad scope of issues of liberalization of mutual economic relations in order to obtain larger economic benefits for the Indian economy.

The results of this study will contribute not only to acquaintance with the history and tendencies of India's participation in RTAs, but also to a further deeper understanding of this form of cooperation of not only in India but also in the other states.

Key words: India, regional trade agreements (RTA), free trade zones (FTZ), foreign trade policy, "Look East" policy.

References

1. Kostyunina G.M. Sovremennye kontsepsii formirovaniya zoni svobodnoy trgovli v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The Modern Concepts of formation of Free Trade Zone in the Asia-Pacific Region]. *Rossiiskiy vneshneekonomicheskii vestnik - The Russian Foreign Economic Journal*, 2011, no. 6, pp. 31-42. (In Russian)
2. Bhagwati J. *The World Trading System at Risk*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. 166 p.
3. Grossman G., Helpman E. The politics of free trade agreements. *American Economic Review*, 1995, vol. 85, no. 4, pp. 667-690.
4. Lipsey R.G. *The Theory of Customs Union: A General Equilibrium Analysis*. L.: Westfield and Nicolson, 1970. 176 p.
5. Meade J. *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam: North Holland Co., 1955. 121 p.
6. Nataraj G. Regional Trade Agreements: Good or Bad for India? *Eastasiaforum.org*, 22.03.2011. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/regional-trading-agreements-good-or-bad> (Accessed: 30.04.2017).
7. Nataraj G. Regional Trade Agreements in the Doha Round: Good for India? *ADB Institute Discussion Paper*, no. 67. Tokyo: Asian Development Bank Institute, May 2007. 20 p. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156705/adbi-dp67.pdf> (Accessed: 30.04.2017).
8. Panagariya A. *Regionalism in Trade Policy: Essays on Preferential Trading*. Singapore: World Scientific, 1999. 244 p.
9. Summers L. Regionalism and the world trading system. *Policy Implications of Trade and Currency Zones*. Federal Reserve Bank of Kansas City, 1991. 316 p.
10. Singh S. India's Approach towards Bilateral, Regional and Multilateral Negotiations. *CUTS International. Development Paper*, October 2015. 12 p.
11. *The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy* / ed. by D.M. Malone, C. Raja Mohan, and S. Raghavan. Oxford, 2015. 700 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198743538.001.0001
12. Viner J. The customs union issue. *Economic Analysis of Regional Trading Arrangements*. Ed. by R. Pomfret. Edward Elgar, 2003. 608 p.

About the authors:

Vladimir I. Baronov – Lawyer of Moscow Chamber of Attorneys, Candidate of Science (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation. 3/1 Zeleniy Prospect, Moscow, 111141, Russia E-mail: baronov46@mail.ru.

Galina M. Kostyunina – Professor of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations MGIMO-University, Doctor of Science (World Economy), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: galina_kostyunina@yahoo.com.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ИНДИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ И БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ

К.А. Ибрагимова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Усиление влияния Индии в Азиатском регионе и мире требует обращения к опыту модернизации этой страны, в частности развития её энергетического сектора. За историю своего самостоятельного существования индийскому государству удалось добиться определённых успехов, в том числе за счёт развития энергетики. Процесс электрификации начался в колониальный период с крупных городов и промышленных предприятий. После обретения независимости республика поставила задачу развития собственной инфраструктуры, электрификации сельской местности и самообеспечения промышленности энергоресурсами. Индия сегодня входит в первую десятку стран по выработке электроэнергии на душу населения. При этом одновременно сосуществуют мускульная сила человека и животных и современная энергетическая инфраструктура. Завершение электрификации всех сельских районов страны стало одним из обещаний правительства Н.Моди.

В статье рассматриваются основные этапы развития, современное состояние электрификации сельской местности и дальнейшие планы. В исследовании применяются принципы научной объективности и системности в рамках международных отношений и политической науки. Усиление влияния Индии в мировой экономике требует увеличения использования энергоресурсов, что может привести к четырёхкратному росту спроса на электроэнергию в ближайшие 25 лет. Электрификация всей территории страны даёт шанс населению городов и сельской местности приобщиться к современным технологиям и разорвать порочный круг нищеты. Перед страной стоят задачи достижения высокой энергоэффективности, организации грамотного управления энергетическим комплексом, создания соответствующих стандартов и организации замещения импортных энергоносителей, а также активного внедрения альтернативных источников энергии и осуществления перехода на чистую электроэнергетику (увеличение использования потенциала водных ресурсов за счёт развития российско-индийского сотрудничества и солнечной энергетики).

Ключевые слова: энергетика, Индия, история, атомная энергетика, электроэнергетика, планы развития, электрификация, сельская Индия, чистая энергетика, ТЭС, ГЭС, АЭС, Н. Модии.

Энергетика занимает большое место в жизни человечества. С древнейших времён энергия была необходима людям для существования.

Сегодня проблемы развития и борьбы с бедностью находятся на повестке дня ООН, Всемирного банка, ОЭСР. Реализация программ развития и борьба с бедностью невозможна без повышения доступности электроэнергии в сельских регионах и тем самым уменьшения разрыва в уровнях доходов между теми, кто имеет доступ к достижениям цивилизации и теми, кто его не имеет. Если в одних регионах распространение технологий идёт быстро, то в других, даже имеющих тот же культурно-цивилизационный код, этот процесс сталкивается с большими трудностями [20; 16].

Между тем, доступность электричества облегчает ирригацию, переработку сельскохозяйственной продукции и позволяет отказаться от сжигания биомассы, а также воспользоваться информационными технологиями для развития современных образовательных, информационных и финансовых услуг [7].

Рассмотрим, каким образом в Индии используется опыт электрификации для решения проблем развития и борьбы с бедностью.

Для исследования автор проанализировал несколько групп источников: индийские нормативные документы в сфере энергетики, отчёты Министерства энергетики, отчёты Всемирного банка, ОЭСР и др.

Теоретической основой исследования стали работы: 1) «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» американских неоинституционалистов Д.Аджемоглу и Дж. Робинсона [20]; 2) «Экономика бедных. Радикальное переосмысление путей борьбы с бедностью в мире» исследователей из Массачусетского технологического института А.Банерджи, Э.Дюфло [22]; 3) «Образ новой Индии. Эволюция преобразующих идей» соучредителя крупнейшей индийской компании по производству программного обеспечения Infosys Technologies Ltd. Н. Нилекани [13]. Во всех этих работах анализируются причины, мешающие проводить эффективную политику в области развития и по борьбе с бедностью. Вопросы сочетания научно-технической модернизации и перехода на новые модели развития с конкретным культурным контекстом также рассматриваются в работах исследователей из МГИМО [9, 16, 17].

В работах учёных из ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова даются прогнозы развития энергетики в мире и в Азии [1]. Исследования МГИМО посвящены проблемам международных энергетических отношений, энергетической дипломатии в целом [5, 6, 18]. Сюда же относятся и статьи по проблемам политизации мировой энергетики и энергетической безопасности [4, 26, 34].

Вопросам экономического развития Индии посвящены работы сотрудников Института востоковедения РАН [2, 3, 11], материалы конференции по проблемам энергетики и энергетической безопасности Индии, организованной Центром индийских исследований 16 мая 2013 г. [17], на которой обсуждались как международные аспекты энергетической проблемы кооперации и диверси-

фикации источников энергии [15, с. 75], так и социальные последствия крупных энергетических проектов. Последние затрагивают вопрос о цене прогресса [15, с. 141-150], энергоэкономике индийской повседневности в условиях бурно развивающейся урбанизации [15, с. 93-113], энергетической ситуации на примере индийского штата Нагаленд [15, 128-140]. Положение далитов как отдельной группы населения получило освещение в работе Е.С. Юрловой [19].

Пока затрагиваются лишь в отдельных статьях проблемы исторического развития и опыта электрификации Индии в целом [29, 34], проблемы бедности [24], электрификации трущоб [21, 33] и отдельных сельских штатов [25, 30], а также роли возобновляемых источников [26].

Особого внимания заслуживает тема сотрудничества с Россией [23, 30].

За время своего существования человечество научилось приручать энергию, накопленную природой. По всему миру от использования собственной мускульной энергии животных человечество постепенно перешло к применению энергии огня, воды и ветра. В XVIII в. в Европе была изобретена паровая машина, в которой тепловая энергия, полученная в результате сжигания угля или древесины, превращалась в энергию механического движения. В XIX в. было изобретено электричество и разработаны способы его получения и использования. Появившиеся затем тепловые, гидравлические и атомные электростанции огромной мощности привели к созданию линий передачи электрической энергии высокого, сверх- и ультравысокого напряжения, развития технологий чистой и альтернативной энергетики. Электричество стало рассматриваться как жизненно важное инфраструктурное благо. Всё вышесказанное характерно и для Индии. Когда-то здесь самым мощным источником энергии был буйвол [10], а для обогрева жилища использовались только дрова и навоз¹ (некоммерческие источники энергии в колониальной Индии составляли 80%) [12, с. 152]. Сегодня же страна обладает современной энергетической инфраструктурой и входит в первую десятку по выработке электроэнергии на душу населения².

Характерным явлением для энергетики Индии является энергодефицит³, поскольку растущий спрос на электроэнергию опережает предложение. Именно поэтому важной задачей остаётся совершенствование источников получения и увеличение эффективности использования полученной энергии.

Положение Индии и роль Азиатского региона в мире потребовало от неё развития собственных энергоресурсов. Сегодня наиболее перспективными областями российско-индийского сотрудничества остаются энергетические отрасли.

¹ Навоз мог бы предотвратить уничтожение лесов. URL: <http://dobroweb.ru/secrets/649> (дата обращения: 27.12.2011).

² Производство электроэнергии в странах мира по данным 2007-2009 гг. URL: <http://iformatsiya.ru/tab1/27-vyrabotka-yelektroyenergii-v-stranax-mira.html>(дата обращения: 27.12.2011).

³ Electricity in India. Providing Power for the Millions. IEA, 2005. P.32. URL: http://www.iea.org/work/2006/gb/publications/india_electricity.pdf (дата обращения: 27.12.2011)

Проследим историческое развитие и эволюцию электрификации страны и остановимся на трёх основных моментах: 1) основные этапы электрификации; 2) современное состояние; 3) планы развития.

Развитие электрификации Индии

Развитие электроэнергетики в Индии можно разделить на несколько этапов:

- 1) колониальный (до 1947 г.);
- 2) постколониальный (до 1991 г.);
- 3) современный (после 1991 г.)

На первом этапе произошла электрификация трёх крупных городов – Калькутты, Бомбея и Дели и были открыты первые индийские филиалы британских и американских компаний. В 1910 г. был принят первый законодательный акт, регулирующий управление индийской энергетикой. Началась электрификация железных дорог.

На втором этапе в 1948 г. был принят закон об основных задачах электрификации после обретения независимости. К 1950 г. было электрифицировано только 3 тыс. деревень, к 1965 – более 45 тыс., к 1990 г. – 220 тыс.

На третьем этапе произошла реструктуризация энергетического сектора, стала развиваться атомная электроэнергетика, и был поставлен вопрос об использовании альтернативных источников энергии.

Колониальный этап (до 1947 г.)

Электрификация города Калькутты состоялась через семнадцать лет после электрификации Нью-Йорка (1882), и через одиннадцать лет после электрификации Лондона (1888)⁴. The Calcutta Electric Supply Corporation (CESC) первоначально называвшаяся Kilburn&Co., получила лицензию на электрификацию 7 января 1897 г. В 1905 г. была учреждена Bombay Electric Supplies&CTramways Co. Ltd., филиал British Electric Traction Company (BET), ставшей позднее частью англо-американской Brush Electric Light Corporation, которая управлялась из Лондона. Brush Electric Light Corporation, которая занималась производством оборудования [34, с. 108].

Учёный из Университета Дьюка С. Кале полагает, что появление в Индии электричества в 1880-х гг. не было связано с «новым империализмом» [29, с. 455].

В конце XIX в. в Индии началось строительство гидроэлектростанций. В 1898 и 1902 гг. одними из первых в Азии были построены гидроэлектростанции «Дарджилинг» и «Шимша» (Шиванасамудра). ГЭС возле Шивасамудрам в

⁴ History and Evolution of Power Sector. Reliance Power Ltd., 2010. URL: http://www.reliancepower.co.in/power_industry/indian_power_sector/history_and_evolution.htm (дата обращения: 27.12.2011).

штате Карнатака на реке Кавери стала первой крупной гидроэлектростанцией в Индии, мощностью 4,5 МВт.⁵

Закон 1910 г.⁶ установил основные рамки для создания электроэнергетической системы и работ по созданию сети электроснабжения в Индии. Развитие сектора предполагалось за счёт государственного лицензирования компаний, которым передавалось право на электроснабжение определенных областей. Этим документом определялись отношения между лицензиатом и потребителем, стандарты безопасности использования электроэнергии в промышленности, расположенной в городских районах.

Во время Первой мировой войны Индия стала более независимой в разработке своей внутренней политики. Bombay Electric Supplies & C Tramways Co. Ltd. была передана окончательно индийским колониальным властям и стала вести дела в местной валюте. Другие же британские компании электроснабжения в Индии оставались зарегистрированными в Великобритании. Так было, например, с The Calcutta Electric Supply Corporation (CESC), на которую приходился основной объём британских зарубежных инвестиций [34, с. 108].

Такие американские корпорации, как American & Foreign Power Co. были чрезвычайно заинтересованы в прямых иностранных инвестициях в Китай и Индию. Лондон для защиты своих интересов принял 10 января 1929 г. резолюцию, ограничивающую влияние американского и любого другого иностранного капитала на компании в Индии. Иностранцы могли владеть не более чем 20% выпущенных акций любого класса. Все директора компании должны были быть британцами [34, с. 198].

Другая компания Sofina со штаб-квартирой в Брюсселе открыла в 1914 г. индийский филиал, получивший лицензию на проведение трамвайных линий и освещение в Калькутте, Мадрасе и Бомбее (ныне Мумбаи). Но планам не суждено было осуществиться из-за Первой мировой войны и возникших финансовых трудностей. В Европе же война послужила стимулом для роста государственных капиталовложений в энергетическую инфраструктуру в связи с растущим значением электричества для военных действий [29, с. 468].

По закону 1919 г. регулирование сферы электроэнергетики перешло в ведение штатов, что ликвидировало единую политику и привело к появлению нескольких моделей управления, действующих одновременно [29, с. 455]. Так, в Майсуре появилась возможность объединить всю энергетическую инфраструктуру вокруг единственной принадлежавшей государству гидроэлектростанции. В индустриальном Бомбее действовало два типа лицензий и электричество передавалось для продажи другим коммунальным предприятиям, в том числе железной дороге, военным учреждениям, которые, в свою очередь, распределяли его конечным потребителям. Соответственно практически ничего не

⁵ Electricity sector in India. Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Electricity_sector_in_India (дата обращения: 27.12.2011).

⁶ The Indian Electricity Act 1910. URL: <http://www.cercind.gov.in/IEA1910.pdf> (дата обращения: 27.12.2011).

оставалось для ирригации и для сельских потребителей [29,с.462]. В Мадрасе раздробленность местной политической власти привела к удорожанию электрификации рассеянной промышленности и боязни тамошних властей привлечения частных и иностранных инвестиций в гидроэнергетику [29,с.467]. Большая обеспокоенность была вызвана также с дальнейшим продвижением Индии путём индустриализации по западному образцу и страхом перед грядущей безработицей. В то же время сельским районам электрификация была крайне необходима [29,с.470].

К 1929 г. американская компания American Foreign Power Co. уже имела свои филиалы в Индии и Китае. Ей удалось закрепить за собой право на строительство новых ГЭС и на реконструкцию систем распределения энергии, используемых для орошения. Она приобрела бомбейскую United Eastern Agencies Ltd., часть акций которой принадлежала живущим в Бомбее индусам – владельцам акций American&Foreign Powerin Tata Hydro-Electric Agencies Ltd., обеспечивавшей электроэнергией Пуну, Бхаручу и Карачи. В 1930 г. произошла очередная реорганизация.

Крупнейшими компаниями оставались American&Foreign Power Co. и Sofina. Они сделали первые шаги по электрификации пригородного железнодорожного транспорта [34, с. 198]. Первый экспериментальный поезд между Бомбеем и Курлой был пущен ещё в 1922 г. (длина маршрута составила 9,5 миль – около 15 км). Электричество стало использоваться для перевозки грузов. Три года спустя здесь начались и пассажирские перевозки. Использование электричества привело к снижению шума и загрязнения воздуха и уменьшению ущерба дикой природе. При том что только одна треть железных дорог к тому времени была электрифицирована⁷.

Накануне Второй мировой войны Индия не имела собственной электротехнической промышленности [12, с. 58]. Также началась и электрификация рудников [29, с. 455], хотя при этом добыча угля оставалась низкоэффективной [13, с. 438]⁸.

С.Кале показывает на примере штата Майсор, что в 1944 г. основными потребителями энергии были промышленность (70% вырабатываемой электроэнергии), железные дороги (22,8%), домохозяйства (ок. 3,3%), коммерческие предприятия (ок. 3,3%), и военные службы (0,58%), сельское хозяйство (0,02% использовалось для орошения) [28, с. 461]. В Мадрасе на сельскохозяйственное использование приходилось 5,7% от общего объёма потребления электричества, в то время как в Соединённых провинциях Агра и Ауддоля достигала 16,8% [29, с. 467]. Позднее в Мадрасе инфраструктура была национализирована с поглощением частных анклавов. Похожая модель развития электроэнергетики была реализована после обретения Индией независимости.

⁷ India Energy Policy, Laws and Regulations Handbook 2011. Vol.1. Strategic information and renewable energy// International Business Publications, USA. 300 p. URL: http://books.google.ru/books?id=nB2XgE_JvWcC (дата обращения: 27.12.2011)

⁸ См. Nature. 25.06.1932. No. 3269. Vol. 129. P.935.

Таким образом, в течение колониального периода Великобритании путём распространения электрификации стремилась освоить и расширить своё влияние на всё большие территории. Приобщение местного населения к электроэнергии привело к так называемому «росту без развития» – «передаче электрического мышления» населению без необходимых навыков и культуры [29, с. 471]. Однако впоследствии это облегчило процесс приобщения хозяйства новых колониальных территорий к мировой экономике [29, с. 455].

Постколониальный этап (до 1991 г.)

После обретения независимости был принят новый Закон 1948 г.⁹, в котором были поставлены основные задачи электрификации. Одной из них было – способствовать устранению очевидных различий в энергетическом потенциале регионов с преимущественно сельским или городским населением [29, с. 472], для чего также были национализированы отдельные электростанции [12, с. 87], а в энергетику были произведены крупные государственные инвестиции [12, с. 88]. Дели решил передать развитие электроэнергетического сектора индийским штатам, создав в них так называемые электроэнергетические управления (State Electricity Boards – SEBS). Они должны были развивать электрические сети на местном уровне и увеличивать генерирующие мощности. До этого электрификация коснулась только крупных городов (Бомбея, Калькутты, Ахмедабада, Канпура, Мадраса и Дели). Теперь же с помощью управлений предполагалось электрифицировать и другие районы. Только ок. 1 тыс. деревень из почти 600 тыс. снабжалось электроэнергией [12, с. 153].

Также в 1948 г. была создана Комиссия по атомной энергии, которую возглавил физик-ядерщик Хоми Дж. Бахба, сторонник индийской атомной энергетической программы, председатель Женевской конференции по мирному использованию атомной энергии 1955 г. В конце 1950-х гг. страна начала разработку урановых месторождений, одновременно начался поиск молодых талантов с целью их привлечения к работе в атомной промышленности.

За первую пятилетку (1951-1956) на электрификацию и ирригацию было выделено 56 млрд рупий (около 6 млрд долларов). Во вторую пятилетку (1956-1961) особое внимание было уделено строительству гидроэлектростанций. В 1960-70-е гг. при содействии Советского Союза было построено 18 ТЭС и ГЭС (ГЭС «Бхакра-Нанчал», ТЭС в Нейвели, ТЭС в Балимеи, одна из крупнейших ГЭС «Техри» и др.) общей мощностью 5,2 тыс. МВт. Были построены заводы по производству энергетического и электротехнического оборудования, одновременно привлекались иностранные инвестиции – английские и американские для строительства нефтеперерабатывающих заводов [13, с.437].

⁹ The Electricity (Supply) Act 1948. URL: <http://www.cercind.gov.in/ElectSupplyAct1948.pdf> (датаобращения: 27.12.2011)

В этот период индийская атомная промышленность развивалась следующим образом: первая АЭС в г.Тарапуре, штат Махараштра (с двумя энергоблоками мощностью 160 МВт) была построена при участии американской «Дженерал электрик» и была запущена в 1969 г. (и работала на поставляемом из США обогащённом уране до 1980 г.; в 1982 г. соглашение о поставках обогащённого урана было подписано с Францией). В 1971 г. был введён в эксплуатацию завод по производству плутония [13, с.437]. Затем было принято решение о переключении атомной энергетики Индии на реакторы CANDU, не на обогащённом уране, а на природном. В 1972 г. была введена в строй первая Раджастханская АЭС с таким типом реактора (мощностью в 100 МВт). Оборудование для неё было произведено в Канаде. В 1981 г. был запущен второй энергоблок (мощностью 200 МВт).

Развитие электроэнергетики способствовало появлению нового вида транспорта, такого как метро. В силу ряда причин строительство в Калькутте пяти линий метрополитена, начавшееся в 1973 г., закончилось открытием только небольшого участка метро в 1984 г.

В 1970-х гг. из-за прямого государственного вмешательства, бесхозяйственности, производственных ошибок и т.д. многие управления штатов начали нести убытки¹⁰. Дело в том, что во время «зелёной революции» в аграрном секторе были установлены низкие тарифы на электроэнергию, а её стоимость компенсировалась за счёт более высоких тарифов в промышленности и в сфере потребления. Существовавшее субсидирование не способствовало предоставлению достоверной отчётности о доходах и потерях. Недостаток денежных средств не позволил увеличивать генерирующие мощности и поддерживать выполнение их периодического технического обслуживания, и содержать оборудование в должном состоянии. Свою отрицательную роль сыграли и энергетические и топливные кризисы 1970-х, из-за потерь практически была остановлена работа предприятий в стране [12, с.433].

Для ухудшения финансовых показателей и увеличения производительности в области создания новых генерирующих мощностей, в 1975 г. в Закон 1948 г. были внесены поправки, расширяющие полномочия центрального правительства при создании крупномасштабных проектов в штатах. Был создан Центральный хозяйственный сектор (Central Sector Utilities – CSUs) с участием двух государственных генерирующих компаний: Национальной гидрогенерирующей корпорации (National Hydro Power Corporation Limited – NHPC), Национальной теплоэнергетической корпорации (National Thermal Power Corporation Limited).

Нехватка электроэнергии и тяжёлое финансовое состояние управлений продолжали сказываться. Невозможность контроля бюджетного дефицита привела в начале 1990-х гг. к реформам и способствовала появлению на рынке частных независимых производителей электроэнергии (IPPs)¹¹.

¹⁰ History and Evolution of Power Sector. Reliance Power Ltd., 2010. URL: http://www.reliancepower.co.in/power_industry/indian_power_sector/history_and_evolution.htm(датаобращения: 27.12.2011).

¹¹ History and Evolution of Power Sector. Reliance Power Ltd., 2010. URL: http://www.reliancepower.co.in/power_industry/indian_power_sector/history_and_evolution.htm(датаобращения: 27.12.2011).

Для 6-й и 7-й пятилеток были характерны запуски энергоблоков АЭС в штате Тамил Наду и продолжение электрификации новых железных дорог, была поставлена задача их модернизации за счёт применения современных технологий. Электровозы должны были заменить паровозы. Из более 20 000 км путей более 3500 км были электрифицированы. Приоритет отдан электрификации маршрутов высокой плотности [28].

1987 г. был ознаменован созданием государственной Атомной энергетической корпорации Индии (Nuclear Power Corporation of India Limited – NPCIL), подконтрольной Департаменту по атомной энергии, в ведении которой – сооружение и обслуживание ядерных производств.

Современный этап

1992-1997 гг. (восьмая пятилетка) в Индии были ознаменованы началом либерализации и приватизации, в это же время произошла реструктуризация энергетического сектора.

В эту и последующую 9-ю пятилетку основное внимание было уделено электрификации сельских наиболее бедных районов, а также мест с преимущественным проживанием далитов [19, с. 226]. К 1996 г. было электрифицировано 85% деревень, в 13 штатах этот показатель достиг 100%, хотя во многих местах линии электропередачи так и не дошли до беднейших кварталов [26].

Закон 1998 г.¹² Комиссии по регулированию электроэнергетики (Electricity Regulatory Commission Act) предусматривал создание Центральной / Государственной комиссии по регулированию электроэнергетики на уровне штатов с полномочиями определять тарифы.

Продолжилось развитие атомной электроэнергетики. В октябре 1998 г. началось строительство двух более мощных энергоблоков (на 540 МВт) Тарапурской АЭС с реакторами на тяжёлой воде, запущенных в конце 2005-2006 гг. В 2000 г. было запущено два энергоблока на Раджастанской АЭС (по 220 МВт).

По данным переписи 2001 г., в Индии более 139 млн (72% от всех домашних хозяйств) использовали традиционные источники энергии для приготовления пищи (почти 100 млн готовили на костре, 26 млн – на сжиженном газе, 12,5 млн – на керосине). Из них более 124 млн находилось в сельской местности, а остальные 15 млн – в городах. Электричество практически не использовалось для приготовления пищи (0,5 млн), они использовали электричество только для освещения. В сельских районах вне зависимости от их местонахождения чаще использовались традиционные источники энергии, при этом просматривалась тенденция взаимосвязи потребления электроэнергии на душу населения с доходами потребителя [24, с.388].

¹² The Electricity Regulatory Commissions Act 1998. URL: <http://www.cercind.gov.in/ElectReguCommiAct1998.pdf> (дата обращения: 27.12.2011)

В 2003 г. был принят новый закон¹³, отменивший практику лицензирования, оставивший лицензирование лишь в области гидроэнергетики, где для проведения капиталоемких проектов требовалось разрешение правительства и согласование с Центральной администрацией электроэнергетики (Central Electricity Authority). Этот закон привлёк частные компании к электрификации сельских районов. В стране, отстававшей в 10 раз от других государств [12, с. 153], была создана единая Государственная комиссия по управлению электроэнергетикой (State Electricity Regulatory Commission) с задачами единого планирования. При ней для рассмотрения жалоб был создан Апелляционный трибунал. Закон способствовал электрификации сельских районов, привлекая для распределения электроэнергии в деревне по панчаятам с использованием кооперативов и общественных организаций, а также франшиз. Закон должен был содействовать созданию конкурентного рынка электроэнергетики в местностях со слаборазвитой или отсутствующей электросистемой. Иностранным компаниям было разрешено продавать электроэнергию населению. Закон способствовал привлечению иностранных инвестиций в ГЭС, а также ТЭС, работающих на угле, нефти и газе. К сожалению, цели 9-й и 10-й пятилеток были выполнены менее, чем на половину [12, с. 155].

Развитию электрификации сельских районов должны были способствовать не только принятие новых законов, но и создание таких фильмов как «Возвращение на Родину (Swades: We, the People)» 2004 г., в котором описывается как молодой индиец, работающий в исследовательском центре NASA над запуском спутника, приезжает из США за возлюбленной в деревню Чараннпур, и в итоге разрабатывает инженерный проект электрификации, реализованный совместными усилиями всей деревни.

План электрификации Раджива Ганди (RGGVY), начало реализации которого относится к апрелю 2005 г., предусматривал обеспечение каждой индийской деревни до 2010 г. электротрансформатором. Предполагалось бесплатное подключение к электричеству всех домохозяйств, находящихся за чертой бедности, и круглосуточное электроснабжение деревни. Панчаяты (сельские общины) и НПО при успешной реализации проекта могли получать от федерального правительства до 90% компенсации в виде грантов, но зачастую у них отсутствовали необходимые навыки и организационная структура. Стоимость программы оценивалась в 160 млрд рупий (3,8 млрд долл.) [24, с. 3392]. Не обошлось без критики программы, поскольку существовали сомнения в возможности субсидий и грантов дойти в полном объёме до целевых потребителей. Вопросы вызвали также необходимость и качество электроснабжения, реализация мер по стимулированию развития сельского хозяйства [24, с. 3396].

Одиннадцатый пятилетний план (2007-2012) хоть и ставил цель обеспечить подключение к электричеству и бесперебойное круглосуточное электро-

¹³ The Electricity Act 2003. URL: <http://cercind.gov.in/08022007/Act-with-amendment.pdf>(датаобращения: 27.12.2011).

питание для всех сел и домохозяйств, ещё не перешедших черту бедности (BPL) к 2009 г., основные усилия были направлены на удешевление электроэнергии, на сокращение потерь, на оптимизацию производственных мощностей и топливного баланса, на модернизацию и использование нетрадиционных источников энергии (солнца и ветра) [12, с. 155]. По одиннадцатому пятилетнему плану должно было быть введено около 78,7 ГВт новых мощностей.

В 2010 г. были запущены два очередных энергоблока на Раджистанской АЭС. Всего в 1991-2011 гг. было запущено восемь энергоблоков в штатах Уттар Прадеш, Гуджарат, Карнатака, а общая мощность всех АЭС Индии составила 4780 МВт.

Двенадцатый пятилетний план (2012-2017) ориентирован на достижение роста ВВП на 9% в год, для этого требуется рост производства электроэнергии не менее 6%¹⁴, в то время как потребление энергоресурсов Индии увеличивается в среднем на 6,5% в год. С учётом тенденций требуется повышение энергоэффективности экономики, увеличение импорта топлива для производства электроэнергии, упорядочение её ценообразования [15, с. 80]. 12-й план предполагает и увеличение частных инвестиций в энергетическую инфраструктуру.

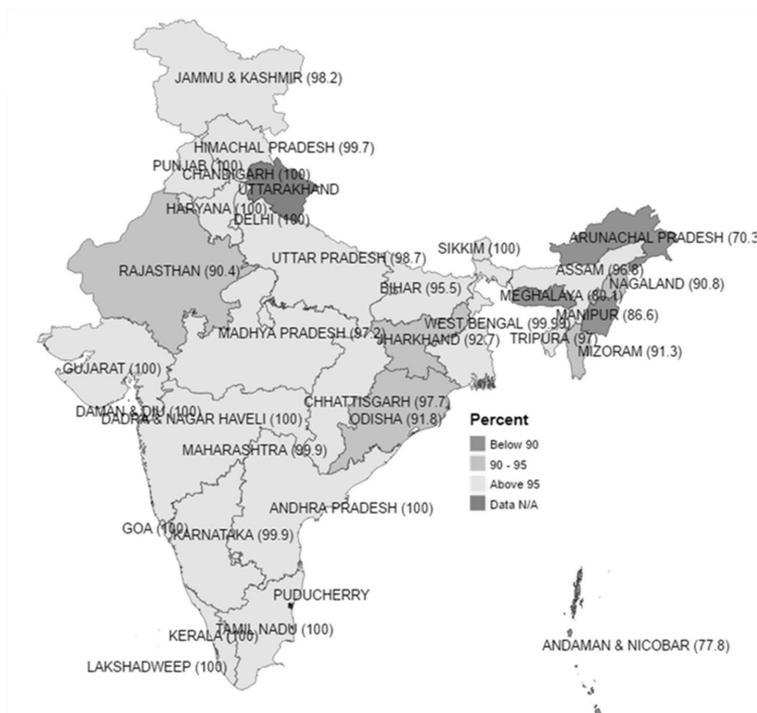

Рис. 1. Современное состояние электрификации сельской Индии

Fig. 1. Status of Village electrification in India (by 28.02.2015)

Источник: Портал открытых данных правительства Индии. URL: <https://community.data.gov.in/status-of-village-electrification-in-india-as-on-28-02-2015/>

¹⁴ XII Пятилетний план 2013 – Twelfth Five Year Plan (2012–2017). Economic Sectors. Vol. 2 New Delhi: Government of India. SAGE Publications India Pvt Ltd.

В конце февраля 2015 г. большинство деревень (96,7%) в Индии было электрифицировано. Показателя в 100% достигли 14 штатов (Андхра-Прадеш, Гоа, Гуджарат, Харьяна, Керала, Пенджаб, Сикким, Тамил Наду, Чандигарх, Дадра и Нагар Хавели, Даман и Диу, Лакшадвип и Пондичерри). В 31 штате было электрифицировано более 90% сел. Аруначал-Прадеш оставался единственным штатом в Индии, который отставал в гонке электрификации с показателем в 70,3% электрифицированных деревень. Андаманский и Никобарский острова были электрифицированы менее чем на 80%. Таким образом полностью электрифицированными являются только южные и северные штаты, а также Гуджарат.

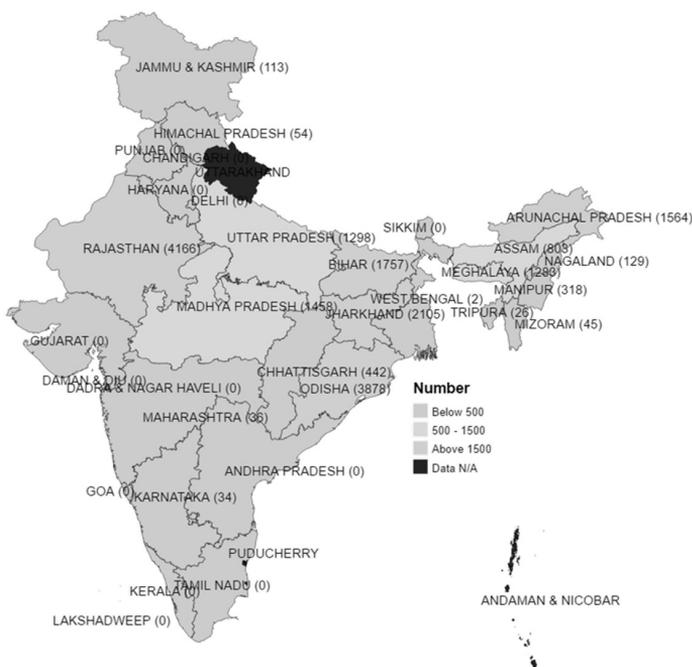

Рис. 2. Неэлектрифицированные деревни Индии
Fig. 2. The un-electrified villages of India (31.05.2015)

По данным Министерства энергетики Индии на конец мая 2015 г. оставались неэлектрифицированными около 4 тыс. деревень в Раджастане и в Ориссе, около 2 тыс. в Бихаре, около 1,5 тыс. в Аруначал-Прадеше, Мадхья-Прадеше, около 1,3 тыс. в Уттар-Прадеше.

Вышеприведённая статистика не в полной мере раскрывает ситуацию, сложившуюся в индийских деревнях, поскольку показатель «подключённости» рассчитывается там формально, то есть по наличию трансформатора и линии электропередачи, к которым подключены в основном общественные здания – больницы, школы, панчаяты и др.¹⁵ Фактически 40% сельских домаш-

¹⁵ Narendra Modi's electricity push fails to light rural India // Bloomberg. 25.01.2017. URL: <http://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/power/narendra-modis-electricity-push-fails-to-light-rural-india/articleshow/56776273.cms> (дата обращения: 27.03.2017)..

них хозяйств не имеют доступа к электричеству вообще¹⁶. Кроме того, наличие подключения не означает бесперебойной подачи электричества, которое может реально пропадать на целый день. По статистике Всемирного банка, доступность электричества в домохозяйствах Индии с 1990 по 2012 г. увеличилась с 50,9% населения до 78,7%¹⁷. При этом проблема решилась за счёт того, что при переселении из сельской местности в городские трущобы население получало доступ к электричеству¹⁸, так как в них ситуация значительно лучше (70%), чем в сельских районах (50%), и более надёжно [21, с. 203]. При этом сохраняются и региональные различия.

Учёные из Мичиганского университета в 2013 г. на основе анализа спутниковых снимков за 20 лет (с 1993 г.) выявили сильные расхождения официальной индийской статистики с реальной ситуацией в полностью электрифицированных штатах¹⁹. Совет по энергетической среде и воде при поддержке Департамента политических наук Колумбийского университета в 2015 г. провёл исследование по доступности чистой энергии и воды для приготовления пищи²⁰ в штатах Мадхья-Прадеш, Уттар-Прадеш, Бихар, Джхаркханд, Западная Бенгалия и Одиша (было исследовано 714 деревень в 51 округе, в том числе 8566 домашних хозяйств), показавшее, что доступность электроэнергии сильно варьируется. Так, в штате Бихар ситуация обстоит в пять раз хуже, чем в Западной Бенгалии, что свидетельствует о проблемах надёжности оборудования даже в подключённых штатах²¹.

Наиболее бедное население не может платить по 2-3 тыс. рупий за подключение своего дома к электричеству, а затем ещё ежемесячно генерирующим компаниям. Оно либо пользуется керосиновыми лампами, что усиливает риск возникновения пожаров, либо незаконно подключается к трансформаторам, используя ненадежное оборудование²².

Одним из обещаний Нарендры Моди стало завершение электрификации всех сельских районов Индии. В своей речи на День независимости он объявил об электрификации всех индийских деревень через 1000 дней²³. Было запущено

¹⁶ Cp Chandrasekhar Jayati Ghosh. Are Modi government's power promises being fulfilled? // The Hindu Business Line. 30.01.2017. URL: <http://www.thehindubusinessline.com/opinion/columns/c-p-chandrasekhar/modi-government-and-rural-electrification-programme/article9509973.ece> (дата обращения: 27.03.2017)

¹⁷ World Bank, Sustainable Energy for All (SE4ALL) database from World Bank, Global Electrification data base. Access to electricity (% of population). URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.ACCS.ZS> (дата обращения: 27.03.2017)

¹⁸ По данным переписи 2011 г. в трущобах проживало около 68 млн индийцев (более 5% всего индийского населения и 17% городского населения). При этом электрификация трущоб представляется сложной задачей вследствие низкого качества жилья, отсутствия юридически определённых прав собственности и проблем с безопасностью.

¹⁹ Twenty Years of India at Night. URL: <http://india.nightlights.io> (дата обращения: 27.03.2017)

²⁰ Jain A., Ray S., Ganesan K., Aklin M., Cheng Ch., Urpelainen J. Access To Clean Cooking Energy And Electricity. Council on Energy, Environment and Water, 2015. 98 p. URL: <http://ceew.in/pdf/CEEW-ACCESS-Report-29Sep15.pdf> (дата обращения: 27.03.2017)

²¹ Mallapur Ch. 96% Villages Electrified. Yet (In 6 States) 31% Homes Lack Electricity// IndiaSpend, 01.10.2015. URL: <http://www.indiaspend.com/cover-story/96-villages-electrified-yet-in-6-states-31-homes-lack-electricity-85393> (дата обращения: 27.03.2017)

²² Katia connections bane of transformers // The Times of India, 15.05.2002. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/lucknow/Katiaconnectionsbaneoftransformers/articleshow/12900972.cms> (дата обращения: 27.03.2017)

²³ Powering India's Growth. URL: http://www.pmindia.gov.in/en/government_tr_rec/powering-indias-growth/ (дата обращения: 27.03.2017)

специальное мобильное приложение, позволяющее отслеживать процесс в реальном времени²⁴. Успех штата Гуджарат, главой правительства которого Моди был долгое время, в сельской электрификации даёт надежду, что ситуация в сельской местности с обеспечением электроэнергией улучшится [25]. Опыт Бихара (одного из самых отсталых штатов) показывает, что из-за географической удалённости деревень здесь необходимо развитие местных сетей на основе использования возобновляемых источников энергии [30].

Ресурсы

К источникам первичной энергии или первичным энергоресурсам (ПЭР) относятся нефть, газ, каменный и бурый уголь, вода, урановые и другие руды. В структуре потребления первичных энергоресурсов Индии первое место по доле занимают каменный или бурый уголь (51%), на втором и третьем месте находятся нефть (36%) и газ (9%), далее идут вода 2% и урановые руды 2%²⁵.

Около 70% энергии в Индии получается в результате сжигания топлива. 40% составляет уголь, 24% нефть и 6% природный газ²⁶.

Для удовлетворения своих энергетических потребностей Индия в определённой степени зависит от импорта ископаемого топлива. Она богата запасами угля (22 450 млн т нефтяного эквивалента), но запасы нефти не столь велики (около 739 млн т), поэтому значительную часть потребляемой нефти обеспечивает импорт (около 70%). В 2009-10 гг. страна импортировала 159,3 млн т сырой нефти, которая составила 80% её внутреннего потребления и 31% от общего объёма импорта страны²⁷. Запасы природного газа – 4076 млн т нефтяного эквивалента. Доля природного газа в энергоресурсах Индии составляет 8,9%. Более 50% природного газа направляется в те отрасли промышленности, где он используется в качестве топлива вместо нефти, остальное идёт в энергетический сектор на замену углю. Таким образом, объём добываемого природного газа частично замещает нефтепродукты, так как он дешевле и экологически чище. В стране самое низкое в мире потребление природного газа на душу населения – 29 куб.м. Поэтому местные месторождения на шельфе и на суше на 90% удовлетворяют потребности страны.

Индия обладает значительными запасами ядерного топлива. Запасы урановой руды оцениваются в 61 000 т. Ториевой – 150 000 т²⁸. Но для использования

²⁴ Garv Grameen Vidyutikaran. Rural Electrification Corporation Limited. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.phonegap.kyrovityut> (дата обращения: 27.03.2017)

²⁵ Electricity sector in India. Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Electricity_sector_in_India(дата обращения: 27.03.2017)

²⁶ Electricity sector in India. Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Electricity_sector_in_India(дата обращения: 27.03.2017)

²⁷ Обзор энергетического сектора Индии по отраслям // Сайт конфедерации индийской промышленности. URL: http://newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/energy_naturalres.pdf (дата обращения: 27.12.2011)

²⁸ Ibid.

тория в коммерческих целях в стране не хватает технологий для переработки. Согласно расчётам экспертов, разведанных запасов урановой руды в стране хватит на обеспечение 10000 МВт электроэнергии установленных на 40 лет эксплуатации при 80% загрузке мощностей, работающих на тяжеловодных реакторах²⁹. Если же будут обнаружены новые урановые месторождения, то возможно расширение использования данной технологии.

Индия занимает пятое место по наличию гидроресурсов в мире. Согласно оценке Центрального управления электроэнергетики (СЕА), суммарная мощность вырабатываемой здесь электроэнергии составляет 148700 МВт. На сегодняшний день в стране используется лишь 17% от общего потенциала, 5% осваивается, остаются свободными 78%. Зачастую использование ГЭС ограничено географическим положением.

Электроэнергетика

Сегодня около 65,34% электроэнергии, потребляемой в Индии, вырабатывается ТЭС, 21,53% – ГЭС, 2,70% – на АЭС. На нетрадиционные источники приходится около 10% [14, с. 20].

На угле работает 18 ТЭС: восемь в штате Уттар-Прадеш, две в штате Андхра-Прадеш, три в штате Орисса, четыре в Чхаттисгарх, одна в Дели, две в Западной Бенгалии, четыре в Бихаре, одна в Ассаме и одна в штате Махараштра. На газе работает семь ТЭС в штатах Раджастан, Уттар-Прадеш, Гуджарат, Керала и Харьяна, общей мощностью 3995 МВт.³⁰ Эффективность работы ТЭС на данный момент составляет 30,5%³¹.

Действующие мощности ГЭС в Индии оцениваются в 32 135 МВт.³²

Индия обладает на сегодняшний день 20 атомными реакторами. Четыре энергоблока расположены в Тарапуре, штат Машараштра, шесть – в Рават-бхата, штат Раджастан, два энергоблока в г.Нарора, штат УтарПрадеш, ещё два – в г.Какрапар, штат Гуджарат, четыре энергоблока в г.Каида, штат Карнатака. На стадии строительства находится еще шесть энергоблоков в перечисленных выше городах³³.

Для обеспечения бесперебойного электроснабжения на АЭС, предполагается использование трёх типов реакторов: с тяжеловодным замедлителем и теплоносителем под давлением; на быстрых нейтронах; в дальнейшем – реакторов, основанных на применении цикла «уран-233 – торий 232».

²⁹ Ibid.

³⁰ Indian Power Sector - Challenges and Opportunities. URL: <http://www.indiapower.org/images/ipsco.pdf> (дата обращения: 27.12.2011)

³¹ Обзор энергетического сектора Индии по отраслям // Сайт конфедерации индийской промышленности. URL: http://newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/energy_naturalres.pdf (дата обращения: 27.12.2011)

³² Ibid.

³³ NTPC Ltd. URL: http://www.ntpc.co.in/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=83&lang=en (дата обращения: 27.03.2017)

Реакторы второго типа работают на плутонии, полученном путём обеднения урана, а также используют отработанный уран от тяжеловодных реакторов для получения дополнительного плутониевого топлива. В реакторах второго типа из изотопов тория получают уран-233. Предполагается, что для выработки дополнительной энергии будут применяться легководные реакторы³⁴. В рамках соглашения о сотрудничестве с Российской Федерацией от марта 2010 г. несмотря на протесты местного населения³⁵ были установлены два таких реактора (ВВЭР-1000) мощностью по 1000 МВт на АЭС Куданкулам в штате Тамил Наду. Необходимо отметить, что в связи с новизной технического проекта, и с решением индийской стороны о самостоятельном проведении строительных и монтажных работ в отсутствие достаточного опыта по возведению АЭС с легководными реакторами, реализация проекта затянулась. В долгосрочном периоде планируется, что страна будет разрабатывать данное направление самостоятельно.

Руководствуясь дорожной картой в области использования атомной энергии в мирных целях, руководство Индии предложило России возвести ещё шесть энергоблоков в Харипуре (штат Западная Бенгалия)³⁶. Однако вследствие прихода к власти оппозиционеров проект был на долгое время заморожен³⁷.

Основные тенденции рынка первичных энергоносителей Индии до 2030 г.

Ожидается, что в ближайшие 25 лет произойдёт четырёхкратное увеличение спроса на электроэнергию, что связано с ростом населения, промышленным развитием и с урбанизацией. Предполагается, что к 2026 г. население Индии увеличится до 1,2 млрд чел., 33% которого будет проживать в городах³⁸. Зависимость страны к 2030 г. от импорта энергоносителей превысит 53%.

Добыча угля фактически находится в руках мафии. Она малоэффективна и отсутствует государственное регулирование [13, с. 445-446]. По прогнозам экспертов, при ежегодном росте добычи на 5% запасы угля иссякнут через 40 лет при сохранении необходимого импорта. Уголь остаётся основным энергоресурсом, однако для удовлетворения спроса на электроэнергию будут активно внедряться и прочие источники, такие как атомная энергетика и альтернативные ресурсы.

³⁴ Обзор энергетического сектора Индии по отраслям // Сайт конфедерации индийской промышленности. URL: http://newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/energy_naturalres.pdf (дата обращения: 27.12.2011)

³⁵ Первый блок АЭС «Куданкулам» может быть запущен через две недели, второй – через полгода. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/299312.html> (дата обращения: 27.03.2017)

³⁶ Обзор энергетического сектора Индии по отраслям // Сайт конфедерации индийской промышленности. URL: http://newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/energy_naturalres.pdf (дата обращения: 27.12.2011)

³⁷ Харипур – вторая попытка. URL: http://www.atominform.ru/archive_india.htm (дата обращения: 27.03.2017).

³⁸ India: Strategies for Low Carbon Growth. Residential Consumption Of Electricity In India: Documentation of Data and Methodology. Background Paper. The World Bank, 2008. P.5. http://moef.nic.in/downloads/public-information/Residential_power_consumption.pdf (дата обращения: 27.12.2011)

Страна стремится стать лидером по развитию ветряной энергетики [15, с. 118], при том что сегодня от энергии ветра она получает 452 тыс. МВт. Дополнительно здесь получают 150 тыс. МВт от малых ГЭС, 50 тыс. МВт – от термической энергии океана, 50 тыс. МВт – за счёт применения биомассы, 27 тыс. МВт – от утилизации бытовых и промышленных отходов, [15, с. 124]. В стране имеется 12 млн биогазовых установок.

Поэтому, по мнению Н.Нилекани, существует возможность совершить быстрый переход на чистую электроэнергетику [13, с. 435], однако из-за отсутствия стандартов чистоты энергетических технологий «Индия стала свалкой для грязных производств, некачественных светодиодов и некондиционных линий электропередачи» [13, с. 439].

Экономический рост способствует увеличению спроса на нефть. Ожидается, что в 2024-2025 гг. потребность в нефти будет составлять около 250 млн метрических тонн.

К 2025 г. Индия будет конкурировать с Китаем и Японией по величине спроса на природный газ, прогнозируемый объём спроса в каждой из этих стран составляет порядка 350 млн станд. кубометров в сутки и этот объём за счёт поставок сжиженного газа и строительства газопроводов можно увеличить.

Авария на АЭС «Фукусима» в марте 2011 г. дала повод для проверки безопасности АЭС по всему миру. Предполагается, что атомная энергетика будет развиваться за счёт внедрения реакторов на быстрых нейтронах, использующих уран в качестве топлива, и тяжеловодных, работающих на тории, которым богата Индия. В этом может помочь Россия, имеющая опыт по данному направлению. Всего в ближайшие два десятилетия планируется соорудить в Индии 12 энергоблоков АЭС по российскому проекту. Предполагается строительство и ввод в эксплуатацию ещё четырёх тяжеловодных энергоблоков в Гуджарате и Раджастане по 630 МВт. Также планируется приступить к строительству АЭС «Джайтапур» в штате Махараштра или АЭС «Коввада» в Андхра-Прадеш.

Предполагается значительное увеличение возможностей использования водных ресурсов. Планируется строительство новых ГЭС в штатах Аруначал Прадеш, Джамму и Кашмир, Химачал Прадеш, Сикким, Уттар Прадеш, Манипур и Бихар. «РусГидро» разрабатывает проект ГЭС в Западной Бенгалии на реке Субашири³⁹, против которого выступает проживающее ниже по течению население из-за неизбежного затопления деревень вследствие реализации проекта⁴⁰.

По подсчётам КРМГ, рациональное использование электроэнергии в промышленности, в уличном освещении и в домашних хозяйствах позволит сэкономить до 87 млн т нефтяного эквивалента в 2031-2032 гг., или 5,3% от объёма общей потребности. Энергоэффективность остаётся и приоритетом российско-

³⁹ Major Hydro Power Plants in India. URL: <http://www.mapsofindia.com/maps/india/hydropowerproject.htm> (дата обращения: 27.03.2017)

⁴⁰ Kangkan K. Protesters renew stir against Subansiri dam. URL: http://m.timesofindia.com/city/guwahati/protesters_renew_stir_against-subansiri_dam/articleshow/58139982.cms (дата обращения: 12.04.2017)

индийского сотрудничества, Меморандум о взаимопонимании в области энергоэффективности был подписан в Кремле в 2014 г. [20].

Энергетика всегда имела ключевое значение для жизни человечества. Прогресс многократно увеличил потребление энергии.

В вопросах развития энергетики Индии удалось добиться значительных успехов. Начав с электрификации крупных городов и промышленных предприятий с использованием иностранных инвестиций в колониальный период, Индия после независимости поставила задачу развития собственной инфраструктуры, электрификации сельской местности и обеспечения промышленности энергоресурсами. Наибольший прогресс был достигнут в развитии электроэнергетики и атомной энергетики.

Сегодня страна обладает огромным потенциалом развития. Его эффективное использование требует решения проблем с импортом энергоносителей и энергоэффективностью.

Список литературы

1. Азиатские энергетические сценарии 2030 / под ред. С.В. Жукова. М.: Магистр, 2012. 336 с.
2. Акимова А.В., Маляров О.В. Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. М.: Восточная литература, 2010. 743 с.
3. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. 368 с.
4. Боровский Ю. Политизация мировой энергетики // Международные процессы. 2008. № 1. Т. 6. С. 19-28.
5. Воскресенский А.Д. Большая Восточная Азия: мировая политика и энергетическая безопасность. М: ЛЕНАНД, 2006. 128 с.
6. Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии. М.: МГИМО МИД России, 2013. 140 с.
7. Зиновьева Е.С. Российские интересы в сфере управления интернетом // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 19. С. 101-108.
8. Ивашенцов Г. Азиатский вектор российской энергетики // Международная жизнь. 2010. № 3. С. 62-72.
9. Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №6 С. 242-249.
10. Лунев С.И. Индийская цивилизация в глобализирующемся мире. М., ИМЭМО РАН, 2005. 229 с.
11. Маляров О.В. Государственный сектор экономики Индии. М.: Институт Востоковедения РАН, Институт стран Востока, 2014. 360 с.
12. Медовой А.И. Экономика Индии: монография / А.И.Медовой, Н.В.Галищева. М.: МГИМО-Университет, 2009. 352 с.
13. Нилекани Н. Образ новой Индии: Эволюция преобразующих идей. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 508 с.
14. Скалон Ю. Атомная проблема Индии. URL: <http://nuclearno.ru/text.asp?3933>(дата обращения: 27.03.2017)
15. Современная Индия: энергетика и энергетическая безопасность. Материалы научной конференции. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 152 с.
16. Харкевич М.В. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 122-129.
17. Шестопад А.В. Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №6. С. 168-171.
18. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А.В.Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. 1040 с.
19. Юрлова Е.С. Индия: от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. 394 с.
20. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York, Crown Publishers, 2012. 571 p.

21. Aklin M., Bayer P., Harish S.P., Urpelainen J. Quantifying slum electrification in India and explaining local variation // *Energy*. 2015. No. 80. Pp. 203-212.
22. Banerjee A., Duflo E. *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. New York, Public Affairs, 2011. 320 p.
23. Barabanov O. *Russia and India* / O. Barabanov, K. Ibragimova // *Russian Federation* 2014. Karmo Tüür (Eds.). *Short-term Prognosis*. Vol. 16. University Press of Estonia, 2014. Pp. 202 - 204.
24. Bhattacharyya S.C. Energy access problem of the poor in India: Is rural electrification a remedy? // *Energy Policy*. 2006. No. 34. Pp. 3387-3397.
25. Chindarkar N. Beyond power politics: evaluating the policy design. *Process of rural electrification in Gujarat, India* // *Public Administration and Development*. 2017. No. 37. Pp. 28-39.
26. Cust J., Singh A. and Neuhof K. *Rural Electrification in India. Economic and Institutional aspects of Renewables*. URL: http://nexus.som.yale.edu/design-selco/sites/nexus.som.yale.edu/design-selco/files/imce_imagepool/IndianRuralElectrification.pdf (дата обращения: 27.12.2011)
27. *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*. Woodrow Wilson Center Press. Ed. by Kalicki J.H., Goldwyn D.L. Washington, 2005. 604 p.
28. Gupta Anirban Das. *A Brief History of Railway Electrification in India*. URL: <http://www.irfca.org/articles/electric-1.html>
29. Kale S.S. *Structures of Power. Electrification in Colonial India* // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2014. Vol. 34. No. 3. Doi: <http://dx.doi.org/doi:10.1215/1089201x-2826037> (дата обращения: 27.03.2017)
30. Oda H., Tsujita Y. The determinants of rural electrification: The case of Bihar, India. // *Energy Policy*. 2011. No. 39. Pp. 3086-3095.
31. *Power Ministers Conference Rural Electrification under DDUGJY*. Ministry of Power, Government of India. 16-17th June 2016, Goa.
32. Puri S. *Bridging the Divide. The Role of Renewable Energy-based Rural Electrification in India*. *Refocus*. 2006. July/August. Pp. 40-42.
33. Urpelainen M.G.S.J. *Rural Electrification and Groundwater Pumps in India: Evidence from the 1982-1999 Period*. // *Resource and Energy Economics*. 2016. 39 p. DOI: <http://dx.doi.org/doi:10.1016/j.reseneeco.2016.05.004> (дата обращения: 27.03.2017)
34. William J. Hausman, Peter Hertner, Mira Wilkins. *Global electrification: multinational enterprise and international finance in the history of light and power, 1878-2007*. Cambridge University Press, 2008. 487 p.
35. Yergin D. *Ensuring Energy Security* // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 2 (March - April). Pp. 69-82. DOI: 10.2307/20031912

Об авторе:

Ксения Александровна Ибрагимова – соискатель кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России, e-mail: enigmaticxenia@gmail.com. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

ENERGY SECTOR OF INDIA: PAST AND PRESENT

K.A. Ibragimova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-109-130

Moscow State Institute of International Relations (University)

Strengthening the influence of India in the Asian region and in the world requires for re-sorting of the modernization experience of this country, including the development of its energy sector. India today is among the top ten countries to generate electricity per capita. At the same time, both traditional sources of energy production coexist in India (using the muscular strength of man and animals) with the conditions for the development of modern

energy infrastructure through foreign investments. The article attempts to trace the main stages of the formation and development of energy industry in India; the modern state of energy is analyzed and plans for its development are considered. The research is based on a complex of traditional methods and approaches based on the principle of scientific objectivity and systemic method used in research in the framework of international relations and political science. For more than a century of history of the development of energy sector in India significant success has been achieved. Starting with the electrification of large cities and industrial enterprises due to foreign investments in the colonial period, India, after gaining the independence, set the task of developing its own infrastructure, electrifying the countryside and providing the industry with energy resources. The greatest progress in the development of electric power and nuclear energy was made. Indian economic growth will increase India's energy needs and quadruple the demand for electricity over the next 25 years. For this, India needs to solve the problems of energy efficiency, energy complex management, lack of standards and energy imports, as well as actively introduce alternative energy sources and move to clean electricity (increased use of water resources and solar energy), which can be done through the development of Russian-Indian cooperation.

Key words: Energy, India, history, nuclear power, electricity, development plans, clean energy, TPP, HPP, nuclear power plant.

References

1. *Aziatskie energeticheskie stsenarii 2030* [Asian Energy Scenarios 2030]. Ed. by S.V. Zhukova. Moscow, Magistr Publ., 2012. 336 p. (In Russian).
2. Akimova A.V., Maliarov O.V. *Nezavisimaia India: evoliutsiia sotsial'no-ekonomicheskoi modeli i razvitie ekonomiki* [Independent India: the evolution of the socio-economic model and the development of the economy]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2010. 743 p. (In Russian).
3. Belokrenitskii V.Ia., Moskalenko V.N., Shaumian T.L. *Iuzhnaia Aziia v mirovoi politike* [South Asia in world politics]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2003. 368 p. (In Russian).
4. Borovskii Iu. Politizatsiia mirovoi energetiki [Politization of world energy]. *Mezhdunarodnye protsessy – Journal of International Relations theory and world politics*, 2008, no. 1, vol. 6, pp. 19-28. (In Russian).
5. Voskresenskii A.D. *Bol'shaia Vostochnaia Aziia: mirovaia politika I energeticheskaiia bezopasnost'* [Greater East Asia: world politics and energy security]. Moscow, LENAND Publ., 2006. 128 p. (In Russian).
6. Zhiznin S.Z. *Osnovy energeticheskoi diplomatii* [The Fundamentals of energy diplomacy]. Moscow, MGIMO Publ., 2013. 140 p. (In Russian).
7. Zinovieva E.S. Rossiiskie interesy v sfere upravleniia internetom [Russian interests in the field of Internet governance]. *International processes*. 2009, vol. 7, no. 19, pp. 101-108. (In Russian).
8. Ivashentsov G. Aziatskii vector rossiiskoi energetiki [The Asian vector of Russian energy]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2010, no. 3, pp. 62-72. (In Russian).
9. Konnov V.I. Vliianie kul'turnogo konteksta na razvitie nauki v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskii vzgliad [Influence of the Cultural Context on the Development of Science in Russia: Social-Psychological Perspective]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no. 6. pp. 242-249. (In Russian).
10. Lunev S.I. *Indiiskaiatsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire* [Indian civilization in a globalizing world]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2005. 229 p. (In Russian).
11. Maliarov O.V. *Gosudarstvennyi sektor ekonomiki Indii* [Public sector of the economy of India]. Moscow, Institut Vostokovedeniia RAN Publ., Institutstran Vostoka Publ., 2014. 360 p. (In Russian).
12. Medovoi A.I. *Ekonomika Indii: monografiia* [The Economy of India].

- Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2009. 352 p. (In Russian).
13. Nilekani N.M. *Imagining India: The Idea of a Renewed Nation*. Penguin Press HC, 2009. 528 p. (Russ. ed: Nilekani N. *Obraz novoi Indii: Evoliutsiia preobrazuiushchikh idei*. Moscow, Al'pina Publisherz Publ., 2010. 508 p.).
 14. Skalon Iu. *Atomnaia problema Indii*. Available at: <http://nuclearno.ru/text.asp?3933> (Accessed: 27.03.2017) (In Russian).
 15. *Sovremennaia Indii: energetikai energeticheskai bezopasnost'*. *Materialy nauchnoi konferentsii* [Modern India: Energy and Energy Security. Materials of the scientific conference]. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2014. 152 p. (In Russian).
 16. Kharkevich M.V. Politicheskoe usilenie gosudarstva cherez ego ontologicheskoe oslablenie [Political strengthening of the state through its ontological weakening]. *Polis. Political studies*, 2012, no 5, pp. 122-129. (In Russian).
 17. Shestopal A.V. Silant'eva M.V. «Miagkaia sila» kul'turnykh modulatorov sovremennykh modernizatsionnykh protsessov [Intercultural Communication in the Light of Current Modernization Process, "Soft Power" Cultural Modulators]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no. 6, pp. 168-171. (In Russian).
 18. *Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii bezopasnosti v Vostochnoi Azii* [Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia]. Ed. By A.V. Torkunov. Moscow, MGIMO Publ., 2007. 1040 p. (In Russian)
 19. Iurlova E.S. *Indii: otneprikasaemykh k dalitam. Ocherki istorii, ideologii i politiki* [India: from untouchables to Dalits. Essays on history, ideology and politics]. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2003. 394 p. (In Russian)
 20. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York, Crown Publishers, 2012. 571 p.
 21. Aklin M., Bayer P., Harish S.P., Urpelainen J. Quantifying slum electrification in India and explaining local variation. *Energy*, 2015, no. 80, pp. 203-212.
 22. Banerjee A., Duflo E. *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. New York, Public Affairs, 2011. 320 p.
 23. Barabanov O. Russia and India / O.Barabanov, K. Ibragimova. Ed. By Karmo Tüür. *Russian Federation 2014. Short-term Prognosis*. Vol. 16. University Press of Estonia, 2014. Pp. 202 - 204.
 24. Bhattacharyya S.C. Energy access problem of the poor in India: Is rural electrification a remedy? *Energy Policy*, 2006, no. 34, pp. 3387-3397.
 25. Chindarkar N. Beyond power politics: evaluating the policy design. Process of rural electrification in Gujarat, India. *Public Administration and Development*, 2017, no. 37, pp. 28-39.
 26. Cust J., Singh A. and Neuh of K. *Rural Electrification in India. Economic and Institutional aspects of Renewables*. URL: http://nexus.som.yale.edu/design-selco/sites/nexus.som.yale.edu/design-selco/files/imce_imagepool/IndianRuralElectrification.pdf (Accessed: 27.03.2017)
 27. *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*. Woodrow Wilson Center Press. Ed. by Kalicki J.H., Goldwyn D.L. Washington, 2005. 604 p.
 28. Gupta Anirban Das. *A Brief History of Railway Electrification in India*. URL: <http://www.irfca.org/articles/electric-1.html> (Accessed: 27.12.2011)
 29. Kale S.S. Structures of Power. Electrification in Colonial India. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 2014, vol. 34, no. 3. DOI 10.1215/1089201x-2826037 (Accessed: 27.03.2017)
 30. Oda H., Tsujita Y. The determinants of rural electrification: The case of Bihar, India. *Energy Policy*, 2011, no. 39, pp. 3086-3095.
 31. Power Ministers Conference Rural Electrification under DDUGJY. *Ministry of Power*, Government of India. 16-17th June 2016, Goa.
 32. Puri S. Bridging the Divide. The Role of Renewable Energy-based Rural Electrification in India. *Refocus*, 2006, July/August, pp. 40-42.

33. Urpelainen M.G.S.J. Rural Electrification and Groundwater Pumps in India: Evidence from the 1982-1999 Period. *Resource and Energy Economics*, 2016. 39 p. DOI: <http://dx.doi.org/doi:10.1016/j.reseneeco.2016.05.004>
34. William J. Hausman, Peter Hertner, Mira Wilkins. *Global electrification: multinational enterprise and international finance in the history of light and power, 1878-2007*. Cambridge University Press, 2008. 487 p.
35. Yergin D. Ensuring Energy Security. *Foreign Affairs*, 2006, vol. 85, no. 2 (March - April), pp. 69-82. DOI: 10.2307/20031912 (Accessed: 27.12.2011)

About the author:

Ksenia A. Ibragimova – PhD-student at the Department of Integrational processes at MGIMO-University. E-mail: enigmaticxenia@gmail.com, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ЗАПАДНОЙ БЕНГАЛИИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В БАНГЛАДЕШ

А.А. Немова

Посольство Российской Федерации в Народной Республике Бангладеш

В статье на примере Бангладеш рассматривается проблема бедности и анализируются пути её преодоления. Первостепенное внимание уделяется положению сельского населения, так как для этой категории данная проблема стоит особенно остро. Автор исходит из того, что основной причиной сельской нищеты является исторически сложившееся неравенство в распределении земельной собственности в Бангладеш, в связи с чем очевидна необходимость проведения аграрной реформы. В рамках поиска возможных путей преодоления бедности автор использует сравнительно-исторический метод и сопоставляет опыт Бангладеш и индийского штата Западная Бенгалия в проведении аграрных реформ, направленных на улучшение положения обездоленного населения.

Бангладеш рассматривается как модель со слабым правительством и сильными НПО, а Западная Бенгалия (в период пребывания коммунистов у власти в штате) как модель с сильным правительством. Оцениваются сильные и слабые стороны радикальных аграрных преобразований в Западной Бенгалии в 1970-1980-х гг., а также перспективы проведения соответствующих реформ в Бангладеш.

В заключение автор приходит к выводу, что для выхода из бедности нужен комплексный подход и, в первую очередь, глубокие структурные реформы, направленные на перераспределение земельной собственности и обеспечение юридического и экономического равенства, которые позволили бы беднейшим слоям населения продуктивно встроиться в жизнь общества. Опыт Бангладеш и Западной Бенгалии показывает, что важнейшей составной частью таких реформ должно быть наделение бедного населения реальными гражданскими правами.

Ключевые слова: аграрные реформы, Индия, Бангладеш, бедность, микрокредитование, микрофинансирование, неправительственные организации, нищета, развивающиеся страны, социальное неравенство, социальный бизнес.

УДК 332 JEL O15, R11

Поступила в редакцию 14.03.2017 г.

Принята к публикации 01.04.2017 г.

Бангладеш – небольшое по площади, но густонаселённое мусульманское государство Южной Азии – вот уже почти столетия пытается решить проблему бедности. Оказавшись на грани выживания после войны за независимость 1971 г. (по некоторым оценкам, в 1970-е гг. более 80% населения находилось по ту сторону черты бедности), страна проделала уникальный путь по преодолению нищеты и голода и даже стала рассматриваться в академических кругах как модель успешного решения этих проблем. Так, в 2016 г., согласно официальной бангладешской статистике, уровень бедности достиг 23,6%¹, хотя уже озвучиваются и более низкие показатели. Однако, несмотря на рост доходов населения, в стране усугубляется социальное неравенство, которое обостряет проблему бедности. Особенно актуально это для бангладешской деревни. Прежние методы борьбы с бедностью (микрофинансирование и социальный бизнес, использование иностранной финансовой помощи, упор на отправку трудовых мигрантов за рубеж и т.п.) ещё не до конца исчерпали себя, но уже обнаружили свою недостаточность. В частности, доказал свою непригодность подход к бедности как к низкому уровню доходов, при котором для её искоренения предлагается стимулировать экономический рост либо оказывать финансовую помощь нуждающемуся населению. Представляется, что для искоренения бедности необходимы структурные преобразования, которые изменили бы основы существования низших слоёв населения и в первую очередь крестьян, расширили бы их права и возможности.

Социально-экономические трудности, с которыми сталкивается Бангладеш, являются типичными для всех стран Южной Азии. В этой связи для Бангладеш мог бы быть полезен опыт её ближайшего индийского соседа – штата Западная Бенгалия, с которым до 1947 г. они составляли единое целое в рамках Британской Индии, а потому имеют похожую общественную структуру. Во второй половине 1970-х гг. западобенгальский «Левый фронт» во главе с Коммунистической партией Индии (марксистской) – КПИ (м) – провёл масштабную земельную реформу, которая считается самой успешной в Индии с точки зрения улучшения положения беднейших слоёв населения деревень. Возможно, данный опыт, не лишённый ошибок, но проведённый на родственной почве, мог бы пригодиться борцам с бедностью в Бангладеш.

Проблема бедности является ключевой для Бангладеш, поэтому научная литература по ней весьма обширна. В научной среде Бангладеш рассматривается как образцовая модель для изучения этой проблемы, хотя многие её механизмы до сих пор не поняты, а рецепты решения остаются малоэффективными.

Исследованию сельской бедности в Бангладеш посвящено большое число аналитических докладов международных финансовых институтов, являющихся непосредственными донорами страны, например, Азиатского банка развития,

¹ Marching towards Growth, Development, and Equitable Society, Budget Speech 2016-17 (Abul Maal Abdul Muhith, Minister, Ministry of Finance, Government of the People's Republic of Bangladesh). URL: http://www.mof.gov.bd/en/budget/16_17/speech/BS_English_Final_1.6.16.pdf

организаций, входящих в систему ООН, и т.д. Различные аспекты этого вопроса были хорошо изучены в исследовании «Системы ведения сельского хозяйства в Бангладеш. Пути избавления от бедности и улучшения условий жизни» бангладешского учёного М.Ю. Али [3]. Проблема неравенства в бангладешской деревне была подробно раскрыта в статьях С.Р. Османи и Б. Сена [9]. Исследователи не только продемонстрировали с использованием математических и экономических методов усугубление проблемы неравенства в бангладешской деревне, но и предложили своё видение его причин.

Безусловно, большое значение в изучении бедности в Бангладеш с точки зрения эмпирического материала имеет книга «Банкир для бедных» лауреата Нобелевской премии мира М. Юнуса [15], хотя в ней главным образом затрагивается проблема отсутствия доступа к банковским кредитам на микроуровне.

Бангладешский политолог и экономист Р. Собхан в своих работах [13] активно проводит мысль о необходимости институциональных реформ в Бангладеш, считает их ключевыми для преодоления бедности в сельской местности. К подобным выводам приходят и многие другие современные исследователи, занимающиеся этой темой.

Проблема бедности в Бангладеш остаётся малоизученной в российской научной литературе. Подробнее всего данная тема раскрыта в книге Н.В. Галищевой «Экономика Южной Азии» [1].

Довольно хорошо изучена история Западной Бенгалии в период пребывания у власти в штате КПИ (м). В книге М. Росса «Политика коммунистического правительства по содействию развитию: Западная Бенгалия с 1977 г.» [10] даётся глубокий анализ социально-экономических преобразований, совершённых правительством КПИ (м). Большую ценность имеют критические взгляды, представленные в книге американского историка бенгальского происхождения П. Чаттерджи «Современная история Бенгалии: политическая критика в форме эссе» [6]. П. Чаттерджи приводит глубокий анализ социальной структуры бенгальского общества и предыстории коммунистического движения в Бенгалии. Социально-экономические особенности развития штата анализируются в работах А. Кохли, например, в книге «Государство и редиистрибутивное развитие в Индии» [8]. В отечественной литературе наиболее подробно политика первых правительств «Левого фронта» рассмотрена в книге Ф.Н. Нилова «Леводемократические правительства в штатах Индии» [2].

В то же время полноценных научных работ, посвящённых сравнению опыта Бангладеш и индийского штата Западная Бенгалия в проведении аграрных преобразований в интересах бедных, фактически не имеется.

Большинство современных исследователей признают, что бедность является сложным, многогранным явлением, что это не только экономическая, но и социокультурная категория, и призывают не сводить её к низкому уровню доходов, а изучать её в комплексе проявлений. Многогранность данного явления определяет обилие теоретических подходов к её изучению.

Первостепенное значение в формировании авторского методологического подхода к проблеме принадлежит трудам лауреата Нобелевской премии по экономике А.Сена [11, 12], который внёс большой вклад в изучение социальных проблем бедности и голода.

А. Сен, основоположник концепций потенциальных возможностей (*capability*) и правомочий (*entitlement*), рассматривает бедность не столько как недостаток материальных ресурсов, сколько как недостаток свободы и возможностей вести нормальный образ жизни (т.е. такой образ жизни, который ценится в данном обществе и рассматривается людьми как приемлемый). А. Сен указывает на взаимосвязь понимания бедности как наличия низких доходов и отсутствия базовых возможностей. Учёный при этом видит причину не в естественных противоречиях условий существования людей, а в несовершенстве общественной организации.

Идеи, близкие к взглядам А. Сена, высказывают П. Визард (бедность как депривация основных свобод человека) [14], М.П. Ауэрбах (бедность как отсутствие социального капитала) [4] и многие другие исследователи.

А. Сен показывает, что для выхода из бедности необходимо предоставление человеку прав и возможностей по реализации своего потенциала. Главный способ решения проблемы, предложенный учёным, сводится к проведению реформ, направленных на расширение возможностей населения (реформ в сфере образования, здравоохранения и т.д.).

Очевидно, что анализ институциональных условий проживания, которые ограничивают возможности людей, является первоочередным для понимания причин бедности и поиска путей её искоренения. В этой связи в данной статье рассматривается сельская бедность в Бангладеш с точки зрения прав и возможностей сельских жителей, предусмотренных законами и действующих в реальной жизни.

В работе наряду с общенаучными методами индуктивного и дедуктивного анализа задействованы инструментарий исторического и сравнительного методов при использовании системного подхода. Проведение сравнительного исследования опыта преодоления сельской бедности в индийском штате Западная Бенгалия и в Бангладеш представляется автору логичным и целесообразным, так как рассматриваемые общества являются не просто сходными, а родственными, разделёнными во многом искусственным образом, и имеют общую историю и культуру.

Сельская бедность в Бангладеш и необходимость реформ

В Бангладеш бедность была всегда в большей степени сельским явлением. По данным за 2010 г., в сельской местности проживало 75% всего населения и 84% всех бедных страны². Уровень бедности в сельской местности всегда был

² Asian Development Bank Country Partnership Strategy: Bangladesh, 2011–2015. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-ban-2011-2015-pa.pdf> (дата обращения: 20.08.2016).

выше, чем в городах (см. Таблицу 1). При этом в период независимого развития страны разрыв между городом и деревней сильно увеличился. Если в 1974 г. для Бангладеш была характерна ситуация, когда все её население жило почти одинаково плохо, то в 2015 г. бедных в городах стало на 12% меньше, чем в деревнях. Уровень крайней бедности в 2010 г. среди крестьян был равен 21,1%, то есть почти в три раза выше, чем среди горожан (7,7%)³.

Табл. 1. Изменение уровня бедности в Бангладеш в 1971-2015 гг. (в процентах к общей численности населения)

Table 1. Changes in poverty level in Bangladesh in 1971-2015 (as a percentage of total population)

Год	Сельская бедность	Городская бедность	В целом по стране
1974	82,9	81,4	82,15
1982	73,8	66	69,9
1992	58,7	42,7	56,6
1996	54,5	27,8	50,1
2000	52,3	35,2	48,9
2005	43,8	28,4	40
2010	35,2	21,3	31,5
2015	25,42	13,6	24,3

Источники: 1. Asian Development Bank Country Partnership Strategy: Bangladesh, 2011–2015; 2. Poverty and Inequality in Bangladesh: Journey Towards Progress (2014-2015). Dhaka: Macroeconomic Wing, Finance Division, Ministry of Finance, Government of the People's Republic of Bangladesh, 2015.

Source: 1. Asian Development Bank Country Partnership Strategy: Bangladesh, 2011–2015. 2. Poverty and Inequality in Bangladesh: Journey Towards Progress (2014-2015). Dhaka: Macroeconomic Wing, Finance Division, Ministry of Finance, Government of the People's Republic of Bangladesh, 2015.

Среди причин масштабной бедности в сельской местности Бангладеш наиболее часто упоминают неблагоприятные географические условия, из-за которых ведение сельского хозяйства в Бангладеш является рискованным, а также большую плотность населения и его продолжающийся быстрый рост, в результате чего страна испытывает нехватку земельных ресурсов.

По иронии судьбы страна, расположенная в одном из наиболее плодородных мест мира – дельте рек Ганг и Брахмапутра, действительно теряет значительную часть урожая в результате наводнений и циклонов. Тезис о дефиците земельных ресурсов, безусловно, также справедлив: на 160-миллионное население Бангладеш приходится лишь 8 млн га обрабатываемых сельскохозяйственных земель [3] (для сравнения: фонд сельскохозяйственных земель России составляет

³ Там же.

400 млн га). Однако проблемы бенгальской деревни более фундаментальны. В этом контексте представляется необходимым исторический анализ положения бедного населения бангладешских деревень.

Прежде всего, обращает на себя внимание степень социального неравенства внутри бангладешской деревни. Так, по статистике за 2010 г., коэффициент Джини⁴ по уровню доходов составил 0,46 [3]. Более того, уровень неравенства в деревне постоянно рос. Так, в период в 2000 г. коэффициент Джини по уровню доходов составлял 0,35 [3].

В первую очередь рост социального неравенства в бангладешских деревнях связан с неравномерным распределением земли. В руках экономических элит концентрируется всё больше земли, а бедные крестьяне продолжают беднеть.

Согласно сельскохозяйственной переписи 2008 г., 11,4% всех сельских хозяйств было безземельными. По оценкам экспертов ФАО, в 2010 г. около 80% бангладешских крестьян считались малоземельными, при этом средний размер участка составлял 0,35 га⁵. Согласно переписи 2008 г., как минимум 27,8% крестьян для выживания брали землю в аренду⁶. По другим данным, более 50% крестьян в Бангладеш являются «функционально безземельными» (они не владеют землей, но обрабатывают чужую землю за часть урожая)⁷. По данным Агентства США по международному развитию, в сельской местности Бангладеш 89% землевладений имеет размер менее 1 га, а 39% – менее 0,2 га⁸. Крупные землевладельцы (более 2,5 га) составляют совсем небольшую прослойку, при этом степень неравенства среди них так же велика (0,52 по коэффициенту Джини в 2010 г.) [9].

Среди других факторов, которые одновременно привели к росту аграрного сектора Бангладеш и к росту неравенства, выделяют денежные переводы трудовых мигрантов, работающих за границей и (в меньшей степени) городах, а также доходы от самостоятельной предпринимательской деятельности (несельскохозяйственные доходы) [9]. Объясняется это тем, что только относительно обеспеченные могут позволить себе уехать на заработки, в том числе за границу.

Крестьяне-издольщики, вынужденные арендовать землю для обработки, представляют собой крайне незащищенную социальную группу – прежде всего, из-за отсутствия работающих законов, регулирующих отношения между ними и арендодателями: к сожалению, ни одна из земельных реформ, предпринятых за последние 50 лет в Бангладеш, не была толком реализована.

⁴ Коэффициент Джини – статистический показатель степени расслоения какого-либо общества. Коэффициент Джини изменяется от 0 до 1. Чем ближе его значение к нулю, тем более равномерно распределены доходы населения.

⁵ *Eroding Rivers, Eroding Livelihoods In Bangladesh // On Solid Ground: Addressing Land Tenure Issues Following Natural Disasters*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2010. 12 p. URL: <http://www.fao.org/docrep/013/i1255b/i1255b03.pdf> (дата обращения: 21.09.2016).

⁶ Там же.

⁷ Shahid Ullah M. Peasant And Land Question In Bangladesh. URL: <https://excludedvoices.wordpress.com/2016/03/29/peasant-and-land-question-in-bangladesh/> (дата обращения: 11.08.2016).

⁸ Bangladesh: Food Security and Land Governance Factsheet. URL: <http://www.landgovernance.org/assets/2014/09/Bangladesh-Factsheet-20121.pdf> (дата обращения: 21.09.2016).

Шейх Муджибур Рахман, основатель Бангладеш, «отец нации и друг бенгалцев», почти сразу после прихода к власти ввёл потолок землевладения, который составил 13,3 га на человека. Однако всерьёз заняться изъятием земель у богатых помещиков тогда не удалось, что, по-видимому, было обусловлено политическими причинами. К тому же владеющие избытком земли всегда без труда находили способы уклониться от соблюдения закона: кто-то давал взятки, кто-то переписывал часть имущества на родственников и т.д.

Земельные реформы 1984 г., проведённые при президенте Х.М. Эршаде, модернизировали арендное законодательство, но всё же почти не затронули крупных землевладельцев. Единственным нововведением в этом плане был запрет на новые приобретения участков больше 8 га. Примечательно, что, как показало исследование, проведённое в 1991 г., около 90% сельских жителей совершенно не знали о реформах 1984 г. и жили в соответствии со старыми представлениями о правилах землевладения⁹. Эти реформы и по сей день остаются нереализованными.

Навести порядок в сельском хозяйстве пытались и временное правительство, поддерживаемое военными, в 2007-2008 гг. В результате регистрацией земельной собственности наконец стал заниматься один орган – Министерство земельных ресурсов, а также начала создаваться единая база данных о земельных владениях в стране. Однако существенных изменений в жизнь крестьян это не привнесло.

Законы, регулирующие отношения между землевладельцами и издольщиками, ограничивающие размеры землевладений и определяющие порядок наделения крестьян землей, до сих пор остаются чрезвычайно востребованным в Бангладеш. Не решена проблема наделения участками безземельных крестьян (наделение крестьян землёй за счёт фонда государственных земель *кхаш*¹⁰ дало лишь ограниченные результаты¹¹), незащищёнными остаются права *баргадаров*¹² (издольщиков) и т.д. Иными словами, после отмены системы *заминдари*¹³ в 1951 г. кардинальных изменений в системе землевладения в Бангладеш так и не произошло. Примечательно, что в стране до сих пор при регистрации собствен-

⁹ Shahid Ullah M. Peasant And Land Question In Bangladesh. URL: <https://excludedvoices.wordpress.com/2016/03/29/peasant-and-land-question-in-bangladesh/> (дата обращения: 11.08.2016).

¹⁰ *Кхаш* – это большая категория земель, находящихся в государственной собственности, которая включает в себя изъятые у крупных землевладельцев излишки земли, пустыри, земли, оставшиеся по тем или иным причинам без законного владельца, земли, находящиеся в собственности государства с колониальных времен, земли, купленные государством.

¹¹ Земли *кхаш*, как правило, прилегают к водоёмам, что небезопасно в случае наводнений, и часто захватываются представителями местных криминализованных элит для установления контроля над водоёмами.

¹² Категория *баргадаров* была известна уже в XVI-XVII вв. Это низшая, беднейшая прослойка крестьян-арендаторов, арендующих землю по системе издольщины у помещиков, а также у крестьянской верхушки и выплачивающих ренту натурой (обычно от 1/3 до 1/2 урожая). *Баргадары* были основной движущей силой крестьянских выступлений в Бенгалии в 1946-1949 гг.

¹³ *Заминдари* – система землевладения и землепользования, введённая в некоторых частях Британской Индии, в том числе в Бенгалии, на рубеже XVIII-XIX вв. Работавшие на земле крестьяне выплачивали арендодателям-феодалам (*заминдарам*) налог, а те, в свою очередь, передавали определённую часть этого налога колониальным властям. Во времена Империи Великих Моголов *заминдари* называли наследственных откупщиков налогов, но они не являлись земельными собственниками. В 1950-х гг. система *заминдари* была ликвидирована.

ности на землю используются устаревшие законы, доставшиеся Бангладеш в наследство от колонизаторов, – Закон о передаче прав собственности 1882 г. и Закон о регистрации 1908 г. Не говоря о том, что процедуры, предусмотренные этими законами, давно изжили себя, регистрация земельной собственности в соответствии с ними ещё и очень дорого обходится её владельцам (им приходится платить сбор в размере 8-10% стоимости самой земли, не считая взяток и поборов), из-за чего многие крестьяне не могут позволить себе оформить землю в собственность.

Микрофинансовые НПО, являющиеся визитной карточкой Бангладеш, в ликвидации сельской бедности играют неоднозначную роль. Они в определённой степени заполнили административно-организационный вакуум и помогли обеспечить доступ к услугам банковского сектора широких слоёв сельского населения, что стало поистине революционным нововведением для Бангладеш. Микрокредитование исключительно производственных проектов способствовало накоплению у бедных заёмщиков навыков мелкого предпринимательства, а это, безусловно, помогало им вырваться из замкнутого круга бедности.

Как считают С.Р. Османи и Б. Сен, микрокредитование помогло нивелировать негативный эффект роста неравенства в доходах деревенского населения, сохранив неравенство по потреблению на уровне 0,28 по индексу Джини [9]. В этом, по их мнению, проявилась смягчающая функция микрокредитования, которое давало возможность даже самым бедным сохранять приемлемый уровень потребления.

Однако воплощение идей микрофинансирования и социального бизнеса в бангладешских реалиях зачастую далеко от идеала. Несмотря на то, что первые микрофинансовые организации появились в Бангладеш в 1972 г., разговоры о необходимости поставить их под тщательный государственный контроль начались лишь недавно. В итоге процентные ставки по микрокредитам могут достигать до 30%, что превращает эту деятельность в обыкновенное ростовщичество. Круговая порука, которую используют микрокредитные организации, подразумевает, что шанс на получение кредита зависит от того, насколько добросовестно выплачивают его те, кто его уже получил (как правило, в «группу солидарности» входит пять человек, из которых только двое получают кредит, а трое следят за его погашением). Иногда это выливается в самоубийства заёмщиков, которые не смогли справиться с большим психологическим давлением. Опыт работы микрокредитных организаций в Бангладеш, таким образом, показывает необходимость в регулирующей роли государства.

Использование иностранной финансовой помощи и доходы от сезонной трудовой эмиграции привели к существенному повышению уровня благосостояния населения, однако эти факторы имеют и многие негативные стороны, не говоря уже о том, что они являются экстенсивными способами решения внутренних социально-экономических проблем.

Таким образом, решение проблемы сельской бедности требует кардинальных структурных реформ, предоставления широким крестьянским массам реальных прав и возможностей их юридической защиты.

Земельные реформы в Западной Бенгалии

Проблемы в Западной Бенгалии и Бангладеш являются сходными: ведь до 1947 г. они составляли единое целое в рамках Британской Индии и заселены одним народом (бенгальцами). Система *заминдари* в Западной Бенгалии была ликвидирована, однако земля так и не перешла к крестьянам. К моменту прихода КПИ (м) к власти в штате в 1977 г. не был реализован Закон об изъятии земельных владений в Западной Бенгалии 1953 г. и Закон о земельных реформах в Западной Бенгалии (поправка) 1971 г., по которым должны были изыматься излишки земли. Большое распространение получила регистрация земель на подставных лиц (*бенами*), произвол крупных землевладельцев не знал границ, так как при желании они могли согнать крестьян со своей земли. К 1977 г. в Западной Бенгалии 61% населения был занят в сельском хозяйстве [2, с. 228], 84% сельскохозяйственных рабочих не имели земельной собственности и работали на основе подённой договорённости с землевладельцем [2, с. 231], а на одного человека в среднем приходилось лишь 0,32 акра (в целом по Индии – 0,7 акра) [2, с. 228].

В этой ситуации КПИ (м) выступила с лозунгом «землю – тем, кто её обрабатывает» и попыталась максимально претворить его в жизнь. Аграрные реформы правительства «Левого фронта» в Западной Бенгалии вошли в историю как операция «Барга».

Суть операции заключалась в регистрации *баргадаров* и последующем превращении их в законных арендаторов земли с предоставлением им гарантированных прав. Для осуществления регистрации правительство «Левого фронта» использовало принцип народного участия и коллективного действия: по специально разработанной методике организовывались «лагеря переориентации», или «поселенческие лагеря»¹⁴, где крестьяне рассказывали представителям власти о своих проблемах, и где проходила регистрация *баргадаров*.

Главной целью создания «лагерей переориентации» была мобилизация крестьянства. Опираясь на коммунистические крестьянские организации *кисан сабха*, широко освещая деятельность лагерей, организаторы реформ обеспечили им огромную популярность. Крестьяне с энтузиазмом участвовали в их работе, так как верили, что это поможет улучшить их положение. Отсутствие отклика крестьян могло провалить реформы, а активное участие в них широких

¹⁴ Впервые с идеей проведения «курсов» для сельскохозяйственных рабочих выступил Национальный институт труда в Дели. Под его эгидой такого рода курсы проводились в 1975 г. в штатах Андхра Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар, Орисса и Раджастан, однако дальнейшего развития идея в данных штатах не получила и к конкретным результатам не привела.

масс населения, напротив, помогло нивелировать сопротивление реформам со стороны крупных землевладельцев, которое доходило иногда до насилия по отношению как к крестьянам, так и к чиновникам.

Проведение регистрации и выдача регистрационных документов непосредственно в лагерях значительно ускоряли процесс и помогали крестьянам избежать бюрократических проволочек, которые их сильно пугали. Кроме того, «лагеря переориентации», где крестьяне фактически впервые получили возможность рассказать о своих нуждах, позволили в кратчайшее время собрать большой объём информации о положении в деревне. Ещё одной функцией лагерей была просветительская: в них крестьяне узнавали о своих правах.

Были ликвидированы прорехи в законах, позволявшие крупным землевладельцам уклоняться от их исполнения. В результате операции «Барга» было запрещено отнимать землю у крестьян за её необработку (ранее этот предлог часто использовали помещики). Сгон крестьян с земли стал уголовно наказуемым преступлением. Реформа привела к улучшению правового и социально-экономического положения *баргадаров*, которых в штате в 1971 г. насчитывалось по разным оценкам около 3-3,5 млн (с членами семей – 15-17 млн) из 44,3 млн населения штата [2, с. 234].

Правительство штата установило крестьянам гарантированную норму прибыли (от 50% до 75% в зависимости от финансового участия землевладельцев в процессе использования участка), в результате чего удалось повысить доходы крестьян-арендаторов, что было крайне важно в условиях, когда деревенская элита провоцировала жёсткую конкуренцию между *баргадарами* и безземельными рабочими.

Баргадары получили возможность передавать своё право на обработку земельных участков. Добровольность этого акта должна была подтверждаться официальным лицом. Более того, если добровольный характер данного решения подтверждался, помещик не имел права перейти к собственноручной обработке участка, а обязывался предоставить его другому *баргадару*. Законом также устанавливалось, что землевладельцы должны были давать расписки за получаемые от *баргадаров* продукты. Такая расписка представляла собой документ, подтверждавший право *баргадара* на обработку земли и защищала его от сгона. Те, кто не давал расписок, могли быть подвергнуты тюремному заключению на срок до шести месяцев или штрафу в 1 тыс. рупий.

Помимо регистрации издольщиков, правительству «Левого фронта», удалось сделать то, что так и не получилось в Бангладеш: изъятые у помещиков земли были перераспределены между 2,4 млн безземельных и *паттадарами* (крестьяне, которые получили право собственности – *патта* – на участки, ранее принадлежавшие крупным землевладельцам).

Другими направлениями аграрной политики КПИ (м) было поощрение различных кооперативных форм хозяйствования, которые должны были сбалансировать негативные эффекты уменьшения размера крестьянских зе-

мельных владений; предоставление крестьянам семян по субсидированным ценам и т.п.

Правительство штата не стало ограничиваться экономическими реформами в деревне. В КПИ (м) понимали, что необходимо создать политические институты, в которых крестьяне могли бы самостоятельно решать проблемы. Для этого было решено возобновить практику выборов в *панчаяты*¹⁵, которые не проводились около 20 лет¹⁶. Выборы были назначены на июнь 1978 г., причём проведены они были на партийной основе. Выборы были чрезвычайно популярны. «Красные панчаяты», как их стали называть, превратились в один из основных элементов режима КПИ (м) в Западной Бенгалии, главным инструментом по осуществлению пакета аграрных мер «Левого фронта».

Панчаяты наделялись реальными полномочиями, и административная власть должна была с ними считаться. Они распоряжались выделенными на нужды развития деревни средствами, обсуждали и выбирали проекты, находили исполнителей для одобренных инициатив, решали вопрос о закупочных ценах на местном уровне и т.д. В их компетенцию входила реализация на местах основных программ по преодолению сельской бедности – «Интегрированной программы сельского развития», по которой бедным предоставлялись льготные кредиты, а также программ по типу «Продовольствие за труд», не говоря о различных социальных схемах (оказание помощи престарелым, пострадавшим от стихийных бедствий, строительство жилья для бедных и т.п.). Стоит отметить, что нигде в Индии, кроме Западной Бенгалии, панчаяты не участвовали в перераспределении земельной собственности. Чтобы повысить эффективность работы панчаятов, их члены проходили специальные курсы, на которых они получали базовые навыки административной и бухгалтерской работы.

Главное достижение аграрной политики КПИ (м) – это значительное перераспределение земли в пользу крестьян. Индекс Джини в сельских районах штата постепенно снижался вплоть до первой половины 2000-х гг. (в 1974 г. – 0,30, в 1978 г. – 0,29, в 1983 г. – 0,28, в 1993 г. – 0,25, в 1999 г. – 0,22 и в 2004 г. – 0,24)¹⁷. О том, что в аграрной сфере «Левому фронту» действительно многого удалось добиться, свидетельствует хотя бы тот факт, что в Западной Бенгалии, в отличие от других штатов, на протяжении всего правления КПИ (м) практически не отмечалось случаев самоубийств среди крестьян или голодных смертей в деревне. За годы правления «Левого фронта» удалось решить проблему обеспечения штата продовольствием, возросла производительность труда в аграрном секторе и урожайность (второе место по стране). Этого удалось добиться благодаря реализации крупных и малых ирригационных проектов и значительному – по

¹⁵ Панчаят – орган сельского самоуправления в Индии.

¹⁶ Первые выборы в панчаяты состоялись в Западной Бенгалии в 1960 г., а в 1964 г. состоялись выборы в панчаяты на уровне дистриктов. Однако в состав первых панчаятов крестьяне фактически не попали: в них заправляли помещики, ростовщики, торговцы и т.п.

¹⁷ Databook for Deputy Chairman, Planning Commission. 03.12.2008. 19 p. URL: <http://ru.scribd.com/doc/13813950/Gini-Coefficient> (дата обращения: 21.09.2016).

сравнению с другими штатами – удешевлению поливной воды. Перераспределение земель позволило решить проблему безработицы в деревне и совпало с резким ростом производительности труда.

Западная Бенгалия наряду с Кералой, Пенджабом, Андхра Прадеш и Тамилнадом вошла в число тех штатов, которые смогли значительно снизить уровень бедности. В рейтинге штатов по степени решения ими проблемы бедности в период с 1958 г. по 2000 г. Западная Бенгалия заняла второе место после другого «красного» штата – Кералы [8]. По некоторым данным, за период с 1973 г. по 1999 г. уровень бедности в сельской местности снизился с 73% до 31,85%¹⁸.

Об эффективности решения проблемы свидетельствует также такой показатель, как эластичность бедности по росту¹⁹. В Западной Бенгалии, как, впрочем, и в Керале, он больше единицы (1,17 для Западной Бенгалии и 1,23 для Кералы в период с 1958 г. по 1997 г.), что приближает эти штаты к показателям развитых стран [5], причём Западная Бенгалия занимала второе место по эластичности бедности по росту в Индии, тогда как Керала – первое место [8].

Что касается темпов роста производства, то большинство источников, в том числе статистика Министерства сельского хозяйства Индии, показывают, что Западная Бенгалия традиционно обгоняла остальные штаты примерно на 3%. Аграрные реформы в штате помогли сгладить негативные последствия наводнения 1978 г., засух 1979 г. и 1983 г. [8].

Не менее важным итогом реформ стало увеличение юридической защищённости крестьян, а также вовлечение их в политическую жизнь.

Косвенным доказательством успешности проведённых преобразований можно считать то, что КПИ (м) удавалось сохранять власть в штате на протяжении почти 40 лет.

Тем не менее, в связи с рядом объективных трудностей, а главное – из-за постепенной деградации коммунистического режима в штате многое из планируемого так и не было реализовано. КПИ (м) не смогла, к примеру, организовать покупку крестьянами полученных в пользование земель («земельная корпорация» для финансирования таких покупок не была создана ввиду отсутствия средств). В 1990-х гг. импульс реформ стал сходиться на нет, и западнобенгальские коммунисты больше не смогли предложить ничего кардинально нового, сопоставимого по эффективности операции «Барга».

В 2000-х гг. западнобенгальская КПИ (м) столкнулась с проблемой старения кадров. Ветераны коммунистического движения начали уходить из жизни,

¹⁸ West Bengal Human Development Report 2004. Development and Planning Department, Government of West Bengal, 2004. URL: http://hdr.undp.org/en/reports/nationalreports/asiathepacific/india/India_West%20Bengal_2004_en.pdf (дата обращения: 21.09.2016).

¹⁹ Эластичность – мера чувствительности одной переменной к изменению другой, показывающая, на сколько процентов изменится первый показатель при изменении второго на 1%. Эластичность бедности по росту означает то, как уровень бедности соотносится с экономическим ростом, выражающимся как рост доходов на душу населения. Если увеличение душевого дохода влечёт снижение уровня бедности, то показатель эластичности имеет положительное значение. В случае если такая зависимость не наблюдается, показатель приобретает отрицательное значение. Для развитых стран показатель эластичности бедности по росту варьируется от 1,5 до 5.

а молодое поколение коммунистов, готовых продолжать реформы, отсутствовало. В 2003 г. Институт по изучению панчятов и сельского развития в штате Западная Бенгалия (West Bengal State Institute of Panchayats & Rural Development (SIPRD)) опубликовал доклад, в котором говорилось о том, что 14,37% зарегистрированных *баргадаров* и 13,23% *паттадаров* с течением времени потеряли возможность обрабатывать свою землю, а 26,28% чувствовали экономическую незащищенность и боялись в будущем потерять свои участки²⁰. Непотизм и коррупция разрушали партию изнутри. В результате в мае 2011 г. «Левый фронт» проиграл выборы в штате.

Опыт Западной Бенгалии показывает, что при наличии политической воли и вовлеченности широких масс в процесс реформ можно многого добиться в решении социально-экономических проблем. Однако как только политическая элита деградирует и подменяет общественно значимые цели своими личными, любые её прошлые достижения могут сойти на нет.

Перспективы проведения земельных реформ в Бангладеш

В Бангладеш по многим причинам (противодействие богатых землевладельцев, отсутствие политической воли и крепкой вертикали власти, коррупция в политических партиях и т.п.) не были в своё время проведены централизованные реформы, подобные западнобенгальским.

Правительства Бангладеш на протяжении многих лет ограничивались полумерами, хотя нельзя принижать их ценность для улучшения положения населения. Элементами правительственных программ по ликвидации бедности в деревне неизменно являются распределение среди безземельных крестьян принадлежащих государству земель *кхаиш*, предоставление семян, удобрений по субсидированным ценам и т.п. Всё это, безусловно, даёт определенный положительный эффект, однако носит ограниченный характер и не решает глубинных проблем бангладешской деревни.

Определённые надежды в бангладешском обществе сегодня возлагаются на проект Закона о земельной реформе, предложенный правительством партии «Народная лига» в 2014 г., который во многом напоминает закон 1984 г. Согласно проекту, в частности, вводится потолок землевладения, равный 60 бигхам земли (около 9,6 га), запрещается сгонять крестьян с обрабатываемых ими участков, предусматривается распределение земель *кхаиш* среди безземельных и заключение договоров между владельцами земли и издольщиками и т.д. Принятие этого закона могло бы стать первым шагом к улучшению положения крестьян. Однако осторожное отношение правительства к данному законопроекту, который был представлен для обсуждения и о котором мало пишут и говорят, вынуждает делать вывод о том, что власти не считают возможным реализовать

²⁰ Databook for Deputy Chairman, Planning Commission. 03.12.2008. 19 p. URL: <http://ru.scribd.com/doc/13813950/Gini-Coefficient> (дата обращения: 21.09.2016).

его в полной мере в ближайшей перспективе. Как бы то ни было, попытки принять соответствующие законы свидетельствуют о наличии у политиков Бангладеш желания облегчить положение крестьянства и понимания глубины имеющихся в обществе проблем.

На сегодняшний день разработано немало методов преодоления бедности и неравенства. Все они нацелены на увеличение доходов нуждающегося населения, но нередко «пробуксовывают» из-за отсутствия соответствующих условий. Опыт Бангладеш и Западной Бенгалии подсказывает, что важнейшими из них являются наличие у бедного населения реальных возможностей и прав наравне с другими социальными группами.

Опыт Западной Бенгалии не является идеальным, но эффективность многих мер по улучшению положения бедного населения, опробованных в этом штате, признаётся значительным числом как теоретиков, так и практиков. В Бангладеш, где, в отличие от Западной Бенгалии, не были реализованы аграрные реформы по ограничению крупного землевладения, не были введены нормы арендного законодательства, защищающие интересы крестьян-издольщиков, и т.д., не наблюдалось такого повышения уровня благосостояния сельского населения, как в Западной Бенгалии. Нельзя отрицать, что на это повлияли и другие направления политики «Левого фронта» в индийском штате, особенно в сфере здравоохранения и образования. Однако это, скорее, только подчеркивает идею, развиваемую в том числе выдающимся индийским экономистом А. Сенном, о том, что для выхода из бедности необходимы комплексные социальные реформы, повышающие уровень жизни населения и производительность труда индивидов.

Бангладеш в последние годы удалось добиться высоких темпов экономического роста и увеличения доходов населения. Однако комплексные институциональные реформы, прежде всего в аграрной сфере, в этой стране остаются крайне востребованными.

Список литературы

1. Галищева Н.В. Экономика стран Южной Азии. М.: МГИМО-Университет, 2009. 768 с.
2. Нилов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии. М.: Наука, 1987. 323 с.
3. Ali M.Y. Farming Systems of Bangladesh. Poverty Escape Pathways and Livelihoods Improvement. Dhaka: Muktochinta Prokashona, 2014. 103 p.
4. Auerbach M.P. The Poverty Line // The Effects of Poverty & the Welfare State. Pasadena: Salem Press, 2011. 147 p.
5. Besley T., Burgess R., Esteve-Volart B. Operationalising Pro-Poor Growth: India Case Study. London, London School of Economics, 2005. 104 p.
6. Chatterjee P. The Present History of West Bengal: Essays in Political Criticism. Oxford, 1997. 223 p.
7. Kaplan R.D. Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power. Random House Trade Paperbacks, 2011. 400 p.
8. Kohli A. State and Redistributive Development in India. Princeton University, 2007. 44 p.
9. Osmani S. R., Sen B. Inequality in Rural Bangladesh in the 2000s: Trends and Causes // Bangladesh Development Studies. 2011. December. Vol. XXXIV. No. 4. Pp. 1-36.
10. Ross M. Development Policy of a Communist Government: West Bengal since 1977.

- Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 236 p.
11. Sen A. Development as Freedom. Oxford University Press, 2014. 366 p.
 12. Sen A. Poverty and Famines. An Essay on Entitlement and Deprivation. New Delhi: Oxford University Press, 2015. 257 p.
 13. Sobhan R. Challenging the Injustice of Poverty: Agendas for Inclusive Development in South Asia. New Delhi: Thousand Oaks, 2010. 486 p.
 14. Vizard P. Poverty and Human Rights: Sen's "Capability Perspective" Explored. Oxford: Oxford University Press, 2006. 275 p.
 15. Yunus M., Jolis A. Banker to the Poor: Micro-lending and the Battle Against World Poverty. Public Affairs, 2003. 273 p.

Об авторе:

Анастасия Александровна Немова – третий секретарь посольства Российской Федерации в Народной Республике Бангладеш. Дакка-1212, Гульшан-2, улица 79, дом НИ (Джей) 9, Бангладеш.
Email: nastiya-nemova@ya.ru.

THE SIGNIFICANCE OF EXPERIENCE OF WEST BENGAL FOR POVERTY ALLEVIATION IN BANGLADESH

A.A. Nemova
DOI 10.24833/2071-8061-2017-2-53-131-146

Embassy of the Russian Federation in the People's Republic of Bangladesh

The article analyzes socio-economic problems and ways of eliminating poverty in Bangladesh. The focal point of the research is poverty among rural population which is the most vulnerable one. The author's assumption is that the main reason for rural poverty is historical inequality of land property distribution in Bangladesh. The existing measures of poverty alleviation in Bangladesh (micro crediting among others) have made the country a role model for development. However, due to the limited potential of micro crediting a broader program of socio-economic reforms is required for any country striving to provide inclusive development.

Using comparative-historical method the article compares the experience of Bangladesh and Indian state of West Bengal in implementing agricultural reforms aimed at improving life of the poor. West Bengal under the CPM rule is considered as a state with strong government whereas Bangladesh is considered as a state with weak government but rather strong non-governmental actors (NGOs).

The article makes a conclusion that a weak institutional power of Bangladesh is one of the main reasons why agricultural reforms have not been adopted in this country and that poverty elimination there requires structural reforms to redistribute land property and to guarantee rural population legal and economic equality.

Key words: agricultural reforms, India, Bangladesh, developing countries, microcredit, microfinance, poverty, non-governmental organizations, severe poverty, social business, social inequality.

References

1. Galishcheva N.V. *Ekonomika stran Iuzhnoi Azii* [Economy of South Asian Countries]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2009. 768 p. (In Russian).
2. Nilov F.N. *Levodemokraticheskie pravitel'stva v shtatakh Indii* [Left Democratic Governments in Indian States]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 323 p. (In Russian).
3. Ali M.Y. *Farming Systems of Bangladesh. Poverty Escape Pathways and Livelihoods Improvement*. Dhaka, Muktochinta Prokashona Publ., 2014. 103 p.
4. Auerbach M.P. *The Poverty Line. The Effects of Poverty & the Welfare State*. Pasadena, Salem Press Publ., 2011. 147 p.
5. Besley T., Burgess R., Esteve-Volart B. *Operationalising Pro-Poor Growth: India Case Study*. London, London School of Economics, 2005. 104 p.
6. Chatterjee P. *The Present History of West Bengal: Essays in Political Criticism*. Oxford, 1997. 223 p.
7. Kaplan R. D. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. Random House Trade Paperbacks, 2011. 400 p.
8. Kohli A. *State and Redistributive Development in India*. Princeton University, 2007. 44 p.
9. Osmani S. R., Sen B. Inequality in Rural Bangladesh in the 2000s: Trends and Causes. *Bangladesh Development Studies*, 2011, December, vol. XXXIV, no. 4, pp. 1-36.
10. Ross M. *Development Policy of a Communist Government: West Bengal since 1977*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1993. 236 p.
11. Sen A. *Development as Freedom*. Oxford University Press Publ., 2014. 366 p.
12. Sen A. *Poverty and Famines. An Essay on Entitlement and Deprivation*. New Delhi, Oxford University Press Publ., 2015. 257 p.
13. Sobhan R. *Challenging the Injustice of Poverty: Agendas for Inclusive Development in South Asia*. New Delhi, Thousand Oaks Publ., 2010. 486 p.
14. Vizard P. *Poverty and Human Rights: Sen's "Capability Perspective" Explored*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2006. 275 p.
15. Yunus M., Jolis A. *Banker to the Poor: Micro-lending and the Battle Against World Poverty*. Public Affairs Publ., 2003. 273 p.

About the author:

Anastasia A. Nemova – the third secretary of the Embassy of the Russian Federation in the People's Republic of Bangladesh. House NE(J) 9, Gulshan-2, Road 79, Dhaka-1212, Bangladesh. Email: nastiya-nemo@ya.ru.

ВЛИЯНИЕ АНТИЯДЕРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ ИНДИИ

А.А. Бойко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Атомная энергетика является одной из ключевых отраслей мировой энергетики. Индия уже длительный период времени страдает от острого энергодефицита. Для преодоления этой проблемы Дели делает существенную ставку на развитие «мирного атома». После снятия ограничений по линии Группы ядерных поставщиков на поставку оборудования и технологий ядерного топливного цикла в 2008 г., страна получила более широкие возможности по развитию национальной атомной энергетики и преодоления энергодефицита. В результате на национальном энергетическом рынке активизировали свою деятельность зарубежные ядерные поставщики. В 2011 после аварии на АЭС Фукусима по республике прокатились антиядерные протесты, поддерживаемые различными НПО, в том числе финансируемыми из-за рубежа, и индийскими политическими партиями. Ввиду того факта, что в организации антиядерных выступлений участвуют финансируемые из-за рубежа НПО, возникает вопрос: какое политическое значение имеют выступления оппозиции против атомной энергетики? Согласно сформировавшемуся мнению в прессе и среди отдельных исследователей, протесты носят экономический характер и организовываются конкурентами с целью подорвать деятельность Росатома в Индии. Однако подобные выступления имеют место на территории всей страны. Протесты являются лишь одним из отражений борьбы различных политических сил внутри самой Индии, в политической жизни которой атомная энергетика занимает значимую роль.

Ключевые слова: Индия, атомная энергетика, политические партии, антиядерные протесты, внутривнутриполитическая борьба, Куданкулам, Росатом.

В условиях современного мира обеспеченность электроэнергией является одним из важнейших параметров социального и экономического благосостояния стран. Этот фактор влияет на промышленное и экономическое развитие, здравоохранение, социальное благосостояние и качество жизни. Наиболее остро вопрос энергообеспечения стоит в развивающихся странах. Согласно данным Всемирного энергетического агентства, более чем миллиарду человек – 16% мирового населения – электроснабжение недоступно¹. Такие крупные развивающиеся страны, как Китай и Индия, решали проблему энергообеспечения путем развития дешевой угольной генерации. Принимая во внимание высокую зольность угля в данных странах, как следствие, повышенного количества вредных выбросов в атмосферу, им всё-таки удалось повысить продолжительность и качество жизни лишь за счет прогресса в области национальной системы здравоохранения и снижения детской смертности. В то же самое время возникают другие проблемы, решение которых не менее важно для развития. С другой стороны, перед страной, достигшей определенного уровня развития, открываются новые возможности. Одним из таких направлений является атомная энергетика.

В связи с ростом потребностей развивающихся стран в электроэнергии увеличивается спрос на электричество. На конец 2016 г. во всем мире в выработке электроэнергии задействовано 450 атомных реакторов, 60 энергоблоков находятся на этапе строительства и лишь два выводятся из эксплуатации. Большинство этих реакторов размещено в Северной Америке и Западной Европе. Однако в Азии и отдельных странах Восточной Европы идёт их активное строительство. Наиболее характерно это для Китая и Индии². Но в каждом случае существует достаточно выраженная страновая специфика.

В Индии ядерная отрасль сегодня развивается в большей степени за счёт крупнейших зарубежных поставщиков, которые являются конкурентами в экономическом и политическом плане. В стране существует политическое противодействие «мирному атому». Какое политическое значение имеют выступления оппозиции против атомной энергетике? Она действительно оказывает противодействие развитию отрасли, но её влияние далеко не самое значимое. В первую очередь против развития атомной энергетике выступают жители сельскохозяйственных районов, в образе жизни которых сохранились элементы традиционализма. Зачастую их протесты основываются на внутривнутриполитических и социальных противоречиях. Размещение атомных электростанций приводит к конфликтам с местными жителями. Они основаны на столкновении традиционализма и модернизма в конкретной политической проекции, недоверии к урбанизму и модернизации и на страхе, возникшем после крупной катастрофы

¹ IEA. Energy access database. URL: <http://www.worldenergyoutlook.org/resources/energydevelopment/energyaccessdatabase/> (дата обращения: 30.04.2017).

² Amano Y. Nuclear power after Fukushima. Statement by IAEA director general. Johannesburg, 08.02.2013. URL: <http://www.iaea.org/newscenter/statements/2013/amsp2013n02.html> (дата обращения: 30.04.2017).

на химическом заводе «Бхопал» в Индии в 1984 г., Чернобыльской АЭС в 1986 г. и АЭС «Фукусима» в 2011 г. Жители деревень не владеют достаточной информацией, чтобы на основании выступлений сторонников и противников, сделать собственные выводы об опасности или безопасности ядерной отрасли. Им ничего не остаётся, кроме как полностью довериться какому-либо информационному источнику. Так экологи, которые выступают против правительственной политики строительства АЭС, вызывают у селян наибольшую симпатию.

Протесты вокруг строящейся Росатомом АЭС «Куданкулам» породили среди исследователей и прессы мысль о том, что они могли быть организованы западными конкурентами с целью подрыва имиджа российской компании. Политолог П.А. Цыганков утверждал, что в «...международно-политической практике последних десятилетий всё более заметной становится тенденция использования правительствами евроатлантического сообщества финансируемых ими НГА (негосударственных акторов) в целях усиления своего влияния на политические процессы в незападных государствах» [3, с.15], приводя в пример протестные движения вокруг АЭС «Куданкулам». Такая точка зрения действительно имеет под собой основание, так как НПО, которые «работали» с местными населением и подогревали протестные настроения, получали финансирование из западноевропейских стран и США от частных лиц и неправительственных фондов. Однако многие считают, что такая точка зрения не верна и доказывают, что выступления имеют под собой более сложную, глубокую основу и противоречат интересам не только российских поставщиков, но и, даже в большей степени, западных.

Такая точка зрения фактически опровергается трудами К. Гупты, Дж. Рипбергера, С. Коллинз [7][8], Анупама Джха [9], где указывается, что протесты имеют под собой внутривнутриполитическую основу. Таким образом оппозиционные политические группы пытаются найти потенциальных сторонников среди населения.

Развитие атомной отрасли в Индии исследовалось и ранее. Такие учёные, как В.И.Рыбаченков [1], В.И.Сотников [2], А.А. Шилин [3], М.В. Рамана [13], М. Ману [10], С. Мишра [11] и др., в той или иной степени описывали развитие мирной ядерной программы в регионе, её сложности и проблемы. Анализ влияния атомной энергетики на внутривнутриполитическую обстановку в Индии, проводился К. Гуптой, Дж. Рипбергером, С. Коллином [7][8], Анупамом Джха [9] и др. Авторы полагают, что противодействие развитию «мирного атома» может рассматриваться индийской оппозицией как способ борьбы за политическое влияние. Несмотря на то, что такая точка зрения была растиражирована в прессе и высказывалась отдельными исследователями, воздействие западных игроков на политическую атмосферу в стране как инструмент конкурентной борьбы против российских ядерных поставщиков исследован недостаточно.

В данной статье при анализе энергетических систем, существующих на глобальном и внутривнутригосударственном уровнях, использовался метод сравнитель-

ного анализа. При изучении состояния атомного энергетического комплекса Индии, структуры конкурентной среды применён метод системно-структурного анализа. Институциональный подход был задействован для анализа политических и корпоративных институтов, имеющих отношение к атомной энергетике Южной Азии.

По сравнению с Китаем, Индия в гораздо большей степени страдает от нехватки электроэнергии. 31 июля 2012 г. в стране произошла крупнейшая в мире авария в системе электроснабжения. В результате непредвиденного отключения электроэнергии без света осталось около 600 млн человек – половина населения Индии. Было нарушено транспортное сообщение, парализована работа многих предприятий. Десятки тысяч человек оказались заблокированы в метро, лифтах и добывающих шахтах. Причина аварии – чрезмерная перегруженность энергосети.

Поэтому перед Дели стоит задача решить проблему энергетического обеспечения, повышения объёмов производства электроэнергии, при общем сдерживании роста выбросов парниковых газов в атмосферу. На сегодня более 70% электричества вырабатывается с использованием низкокачественного угля с повышенной зольностью³ [12, с.19, с.28, с.31]. В то же время, страна намерена сократить выбросы, подписав и ратифицировав в 2016 г. у Парижское соглашение⁴, поддержав Копенгагенское договоренности в 2010 г.⁵, сделав соответствующие заявления на саммите G8+5 в Германии в 2007 г.⁶. Уже к 2040 г. Индия планирует, что половина электроэнергии будет производиться из «чистых» источников, таких как возобновляемая и атомная энергетика [12, с.13].

Для удовлетворения своих энергетических потребностей стране необходимо решить проблемы:

- высокий рост населения;
- слаборазвитая энергетическая инфраструктура;
- быстрое промышленное развитие;
- большой объём хищения электроэнергии.

Что касается первого, то за последние 20 лет к 2017 г. население Индии выросло приблизительно на 350 млн человек и составляет около 1,340 млрд⁷. Для почти 1/5 населения страны – 244 млн человек – электричество недоступно⁸.

³ OECD/IEA. India Energy Outlook 2015. World Energy Outlook Special Report, 2015. URL: <https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/india-energy-outlook-2015.html> (дата обращения: 30.04.2017).

⁴ Paris Agreement. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-7-d&chapter=27&clang=_en#EndDec (дата обращения: 30.04.2017).

⁵ Accord C. Decision 2/CP.15 Copenhagen Accord. FCCC/CP/2009/11/Add.1, 2009. URL: http://unfccc.int/documentation/documents/advanced_search/items/6911.php?preref=600005735#beg (дата обращения: 30.04.2017).

⁶ Summary of G8+5 Country Climate Change Positions. Climatico Independent Analysis of Climate Policy. Last Updated: November 2012. URL: <http://www.climaticoanalysis.org/wp-content/uploads/downloads/2012/11/Summary-of-G8+5-Climate-Change-Positions.pdf> (дата обращения: 30.04.2017).

⁷ Worldometers. URL: <http://www.worldometers.info/world-population/india-population/> (дата обращения: 30.04.2017).

⁸ IEA. Energy Access Database. URL: <http://www.worldenergyoutlook.org/resources/energydevelopment/energyaccessdatabase/> (дата обращения: 30.04.2017).

Лишь это доказывает, что степень электрификации Индии крайне недостаточна.

Вторая проблема – это устаревшие индийские тепловые электростанции, чья эксплуатационная эффективность самая низкая среди самых крупных стран-потребителей электроэнергии⁹ и содержание многих из них порой просто экономически нецелесообразно¹⁰.

Третья проблема – это проблема обеспечения быстроразвивающейся промышленности. По прогнозам Мировой энергетической ассоциации, к 2040 г. потребности вырастут более, чем в два раза, при этом выработка электроэнергии на душу населения будет на 40% меньше среднемирового [12, с.11].

Четвёртая проблема – хищение электроэнергии. Общеизвестно, что при доставке электроэнергии её потеря неизбежна, и в развивающихся странах она гораздо больше, чем в развитых из-за слабой инфраструктуры. Если в развитых странах она составляет 2-4%, то в развивающихся эта цифра может достигать 12%. В Индии потеря составляет более 30% вырабатываемой электроэнергии. Даже если допустить, что индийская инфраструктура крайне неэффективна, то можно заключить, что страна теряет около 1/5 производимой энергии по причине банальных хищений [6, с.128].

В прошлом десятилетии индийское правительство оптимизировало свою энергетическую политику, в частности, на основе планов по расширению доли «мирного атома» в энергетическом балансе страны. В обмен на возможность развернуть неограниченное сотрудничество в сфере «мирного атома» Дели обязался вычленив мирную ядерную инфраструктуру и поставить её под гарантии МАГАТЭ, о чём в 2006 г. было подписано соответствующее «Соглашение 123» с США. В 2008 г. с Индии были сняты ограничения Группы ядерных поставщиков на поставки топлива, технологий и оборудования ядерного топливного цикла, тем самым открылись большие возможности для развития атомной энергетики в стране. У Дели и ранее были необходимые технологии для строительства ядерных реакторов, однако отсутствие больших запасов собственного урана создавало серьёзные ограничения для развития национальной мирной ядерной программы. Мощность индийских реакторов была порядка 220 МВт и, несмотря на их количество – 17 единиц – суммарная установленная мощность составляла всего 4 ГВт, что крайне мало для страны с более чем миллиардным населением. У республики появилось ещё одно окно возможностей для устранения национального энергетического дефицита, без ущерба экологии.

Атомная энергетика способна обеспечить страну большим количеством «чистой» электроэнергии, однако она требует огромных капиталовложений и и больших временных затрат. За время своей истории развитие отрасли часто под-

⁹ The International Energy Efficiency Scorecard. India. American Council for an Energy-Efficient Economy. URL: <http://aceee.org/files/pdf/country/india.pdf> (дата обращения: 30.04.2017).

¹⁰ Rajesh Kumar Singh. India Seeks to Shut 12% of Power Capacity in Anti-Pollution Move // Bloomberg, 06.05.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-05-06/india-seeks-to-shut-12-of-power-capacity-in-anti-pollution-move> (дата обращения: 30.04.2017).

вергалось жёсткой критике и противодействию со стороны определённых групп населения. После аварии на АЭС «Фукусима» подобная оппозиция заметно выросла и в Индии. К ней можно отнести такие организации, как «Народное движение против атомной энергетики» (PMANE), «Комитет помощи побережья Конкан» (Konkan Bachao Samiti), «Комитет обеспечения благосостояния» (Janahit Seva Samiti), Католическая церковь Индии, «Гринпис», которые считают атомную энергетику не только дорогой, но и крайне опасной. Неправительственные организации активно работают с местным малоинформированным населением, убеждая людей в опасности атомной энергетики, а люди не имеют достаточного представления о предмете, чтобы сформировать свою точку зрения и ориентируется на те источники информации, которые вызывают большее доверие [11, с.1]. Самое активное и продолжительное противодействие имело место вокруг на тот момент готовящейся к пуску российской АЭС «Куданкулам», что дало повод предположить, что протесты были французской компанией Areva и американской Westinghouse и GE Hitachi – с целью подорвать имидж России. И хотя некоторые исследователи придерживаются такой точки зрения [3, с.15], существуют и другие мнения. Так, протестные движения против на тот момент ещё советской АЭС начались задолго до выраженных намерений США и Франции выйти на индийский рынок, а их лидером был местный пастор римско-католической церкви Есудиан Дэвид, который в 1989 г. смог привлечь около 10 тыс. человек. Движение довольно быстро потеряло популярность, причём многие участники, следуя указаниям местного пастора, выходили на митинги, не до конца понимая причины. На строительстве АЭС были созданы рабочие места для местных жителей, ранее протестовавших против строительства. В 2001 г. работы возобновились, и новый лидер местного антиядерного движения С.П. Удайкумар прибыл в Иддингхакари для привлечения на свою сторону противников строительства АЭС среди местного населения. Однако был встречен очень враждебно местными жителями и изгнан из деревни. Спустя 10 лет (после аварии на АЭС «Фукусима») Удайкумар повторил попытку, на этот раз ему удалось привлечь местное население вместе с епископом Римско-католической епархии Тутикоруна Ивоном Амбрози. Оппозиция направляет в Верховный суд Индии гражданский иск о защите общественных интересов с целью не допустить пуск электростанции, к концу 2011 г. начались массовые беспорядки. Утверждалось, что движение направлено не против России или российских АЭС, а против атомной энергетики в целом. В том же году Удайкумар создал «Народное движение против атомной энергетики». Возглавляя его, он заявлял: «Это традиционная борьба Давида и Голиафа, борьба простого народа с индийским правительством, поддерживаемым транснациональными компаниями, империями и международной ядерной мафией. Мы требуем безопасную электроэнергию, жизнь без заболеваний, незагрязненные природные ресурсы, устойчивое развитие и безопасное будущее.»¹¹

¹¹ Harvey F., Vidal J., Carrington D. Dramatic fall in new nuclear power stations after Fukushima // The Guardian, 08.03.2012. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2012/mar/08/fall-nuclear-power-stations-fukushima> (дата обращения: 30.04.2017).

Деятельность «Народного движения против атомной энергетики» совместно с Католической церковью Индии носит локальный характер и направлена, в большей степени именно против АЭС «Куданкулам», однако их антиядерная риторика носит всеобъемлющий характер¹². Стоит заметить, что такие организации, как «Комитет помощи побережья Конкан», «Коалиция за ядерное разоружение и мир», «Гринпис» их поддержали, но и одновременно выступили против проекта французской АЭС «Джайтапур» (тамошние протесты переросли в массовые беспорядки), и американо-японских АЭС «Коввада» (Андхра-Прадеш), АЭС «Митхивирди» (Гуджарат). Последний проект индийское правительство планировало передать американской компании Westinghouse, тогда как на площадке в Ковваде в качестве подрядчика должна была выступать GE Hitachi, но, в итоге, Westinghouse определили в Ковваду, а реализация проекта АЭС в Митхивирди отложена на неопределенный срок. Министр энергетики штата Андхра Прадеш Аджай Джайн заявил, что причиной были протестные движения в штате Гуджарат¹³. Однако, помимо антиядерных выступлений была масса других более серьезных оснований отложить реализацию строительства АЭС, предлагаемой GE Hitachi. Компания планировала установить энергоблоки с легководными кипящими реакторами ESBWR, но Индия требует, чтобы к моменту заключения договора о строительстве АЭС, уже был запущен в эксплуатацию референтный энергоблок. Поскольку у GE Hitachi нет ясных планов по строительству демонстрационного реактора ESBWR, то в обозримой перспективе заключить договор вряд ли получится.

Тот факт, что отдельные НПО финансируются из американских неправительственных источников, не означает, что их протесты носили адресный характер. Внимание СМИ и, как следствие, антиядерного движения, удалось сфокусировать на российском проекте не из-за протестов якобы организованных конкурентами в своих интересах, а из-за практической завершенности проекта, по причине чего работу на готовой АЭС было гораздо проще саботировать, нежели на французских и американских площадках, где не было даже определенных планов по началу подготовки земли к строительным работам. Попытки не допустить ввод в эксплуатацию уже построенного и многообещающего для страны проекта через народные протестные выступления имеют крайне низкий шанс на успех. К тому же, проекты Areva, Westinghouse и GE Hitachi в 2011 г. были только на этапе переговоров, поэтому финансирование конкурентами подобных волнений не только нецелесообразно, но и опасно для своих же собственных позиций на рынке, так как отказаться от атомного проекта на переговорном этапе гораздо менее затруднительно, чем от готовой к пуску АЭС. Самым результативным достижением оппозиции стала не блокада АЭС, а за-

¹² Train Yatra. A Train Campaign for 'Nuclear-Free India': from Koodankulam to Dibrugarh // DiaNuke.org, 19.02.2015. URL: <http://www.dianuke.org/a-train-campaign-for-nuclear-free-india-from-koodankulam-to-dibrugarh/> (дата обращения: 30.04.2017).

¹³ India Rules Out GE Reactors Lacking Working Plant Elsewhere // Bloomberg, 29.06.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-06-29/india-won-t-buy-untested-ge-hitachi-reactors-atomic-chief-says> (дата обращения: 30.04.2017).

тянувшееся рассмотрение иска, направленного в Верховный суд Индии, которое задержало проведение работ по запуску станции. Таким образом, учитывая категорическую антиядерную риторику, создающую риски для всех поставщиков индийского атомного рынка, можно сделать вывод, что эти протестные движения не были инспирированы конкурентами, потому что это противоречит их же интересам. Временно саботировать работы на российской АЭС удалось лишь по той причине, что на тот момент, в отличие от американских и французских компаний, Росатом их активно проводил. В то же время, резонанс фукусимских событий привлёк внимание, как мировой прессы, так и значительной доли индийского населения к ситуации, которая сложилась вокруг российской АЭС [11, с.2].

К противникам атомной энергетики можно отнести и политические партии, имеющие существенное влияние на индийской внутривнутриполитической арене. К таким партиям относится КПИ (марксистская) – ведущая сила коалиции индийских коммунистов «Левый фронт». Основной мотивацией марксистов являются не экологические аспекты, а социально-экономические. Партия представляет интересы преимущественно сельского населения и считает важным развитие сельского хозяйства, а не проведение индустриализации. Несмотря на слабую поддержку на общенациональном уровне, у партии лидирующие позиции в штатах Керала и Трипур, также, у неё есть неплохая поддержка в Гуджарате, Тамилнаде, Андхра-Прадеш, Бихаре и Джарханде. Соответственно, КПИ (марксистская) участвует либо поддерживает митинги против строительства американских АЭС «Коввада» (Андхра-Прадеш)¹⁴ и АЭС «Митхивирди» (Гуджарат), российской АЭС «Куданкулам» (Тамилнад)¹⁵, объясняя свою позицию в первую очередь, защитой интересов местного населения, и уже во вторую – защитой экологии. Также КПИ (марксистская) отметилась в протестах, направленных против других атомных объектов, таких как французская АЭС «Джайтапур» и индийская АЭС в Горакхпуре. Коммунисты используют ситуацию, чтобы набрать электорат, но едва ли они готовы проводить антиядерную политику. «Левый фронт» находился у власти в штате Западная Бенгалия с 1977 по 2011 гг., где всё-таки поддерживал строительство АЭС, таким образом выступая против интересов собственного электората, что последним воспринималось как предательство [5, с.240]. В 2011 г. к власти пришла другая партия «Триманул конгресс», которая выступила решительно против строительства АЭС в Харипуре, хотя её позиция не носит антиядерный характер. «Триманул конгресс» выступает против выкупа земель у местных крестьян под промышленные объекты. При выкупах крестьяне практически никогда не получают адекватной денежной компенсации, что наряду с экономическим упадком в штате, привело к рез-

¹⁴ CPI(M). C.C. Report on Political Developments, 24.06.2016. URL: <https://cpim.org/documents/cc-report-political-developments> (дата обращения: 30.04.2017).

¹⁵ CPI(M). Stop Repression at Koodankulam. The statement of The Polit Bureau of the Communist Party of India, 23.03.2012. URL: <https://cpim.org/content/stop-repression-koodankulam> (дата обращения: 30.04.2017).

кому падению популярности КПИ (марксистская) в Западной Бенгалии. Это же одновременно является и причиной отказа от строительства АЭС – политика «Триманул конгресс» не подразумевает «агрессивное» промышленное развитие. Таким образом, нельзя утверждать, что эти политические партии используются в качестве инструмента борьбы конкурентов – это атомная энергетика является полем борьбы индийских политических партий за политическое влияние.

Следует отметить особую роль «Партии простого человека» (Aam Aadmi Party или ААП) – зарождающейся политической силы, которая потенциально может оказать влияние на развитие атомной энергетике. Партия была основана 26 ноября 2012 г. Партийная идеология строится на противопоставлении себя сложившемуся индийскому политическому истеблишменту и борьбе с коррупцией. Одним из сооснователей партии был Прашант Бхушан – антиядерный активист, противник «Американо-индийской ядерной сделки», следствием которой явилось снятие ограничений ГЯП с Индии в 2008 г., и атомной энергетике как таковой. ААП почти не представлена в Нижней палате, но смогла занять 67 из 70 мест в законодательном собрании Дели. Её позиция в отношении атомной энергетике неоднозначна, однако она официально высказалась против строительства АЭС Джайтапур в связи с тем, что станция строится в сейсмически опасном районе¹⁶. Партия продвигает «зелёные» инициативы, среди её членов множество известных антиядерных активистов, экологов, некоторые из них баллотировались в Нижнюю палату парламента. В 2012 г. в партию вступил С.П. Удайкумар. Он привлёк в партию своих соратников по «Народному движению против атомной энергетике». Он вступил в партию только после того, как высшее руководство согласилось на его условия, в числе которых обязательство «учитывать мнение народа по вопросам установки атомных реакторов»¹⁷. Удайкумар баллотировался от округа Каньякумари штата Тамилнад, но набрал лишь 1,5% голосов. Вместе с ним в штате из числа членов движения PMANE баллотировались М. Пушпарайан от округа Тутикорин и М.П. Сэсурадх от округа Тирунелвели, однако тоже проиграли выборы. Сама АЭС «Куданкулам» расположена в округе Тирунелвели и в непосредственной близости от округов Тутикорин (30 км) и Каньякумари (25 км). В 2014 г. от партии пытался пройти в Нижнюю палату антиядерный активист Канубхай Каласарья, чтобы представлять интересы округа Бхавнагар штата Гуджарат, в котором планировалось строительство американской АЭС Митхивирди. Он проиграл выборы, получив лишь 5,4% голосов. Среди участников партии были и другие известные антиядерные активисты.

«Партия простого человека», участвуя в избирательной кампании в Нижнюю палату парламента, делала серьёзную ставку на голоса противников разви-

¹⁶ Arvind Kejriwal to lead AAP Rally and Sabha in Roha (District Raigad) // Aam Aadmi Party Official Site. 02.12.2012. URL: <http://www.aamaadmi-party.org/news/arvind-kejriwal-to-lead-aap-rally-and-sabha-in-roha-district-raigad-2nd-december-2012> (дата обращения: 30.04.2017).

¹⁷ Sudakar P. Anti-Kudankulam activist Udayakumar joins AAP // The Hindu, 19.05.2016. URL: <http://www.thehindu.com/news/national/antikudankulam-activist-udayakumar-joins-aap/article5736964.ece> (дата обращения: 30.04.2017).

тия атомной энергетики, особенно это было заметно в штате Тамилнад. Однако со временем ряды антиядерщиков серьёзно поредели. Сам Прашант Бхушан в 2015 г. был исключен из партии за «грубую недисциплинированность, действия, направленные против интересов партии и нарушение норм внутреннего распорядка». ААП тему атомной энергетики старается в последнее время не поднимать в своих официальных заявлениях и манифестах.

Вышеназванные политические силы являются лишь наиболее заметными, из тех, что поддерживали антиядерные движения, но далеко не единственными. Среди других значимых партий с антиядерной риторикой активно выступали ультраправая «Шив Сена» (митинги против АЭС «Джайтапур» в штате Махараштра), Всеиндийская федерация дравидского прогресса имени Аннадурай (АИАДМК) в штате Тамилнаду (АЭС «Куданкулам»), «Партия земель народа Телугу» (ТДП) в штате Андхра-Прадеш (АЭС «Коввада») [9, с.105]. Также существует значительное количество других менее значимых политических организаций, в том числе запрещенных, с подобной позицией.

Авария на АЭС «Фукусима» вновь подняла вопрос о целесообразности атомной энергетики. По всему миру прокатились антиядерные протесты, зачастую хаотичные и не имеющие общего центра или какой-либо прагматичной основы. Если в большинстве развитых стран атомная отрасль утрачивает своё значение, становится чрезмерно дорогостоящей, а их экономика не нуждается в вводе в строй большого количества энергетических мощностей, то политикам не составило труда отказаться от «мирного атома» и пойти навстречу протестным движениям. В развивающихся индустриальных странах, где необходимо бороться и с острым энергетическим дефицитом, и с экологическими проблемами, атомная энергетика остаётся одной из неотъемлемых составляющих энергетической политики.

Такой страной является Индия, где «мирный атом» оказывает влияние на поведение политических партий и неправительственных организаций, но не наоборот. У одних неправительственных акторов эти протесты носят хаотичный характер, что касается других, таких как «Гринпис» – то антиядерная риторика является частью их общей идеи, третьи, такие как Церковь, заняли антиядерную позицию по причине сложившихся настроений среди прихожан.

Представляется, что массовые протестные настроения, которые свойственны малообразованным слоям населения, используются исключительно как аргумент слабых, но значимых оппозиционных сил против действующей власти [8]. Оппозиция стремится нарушить статус-кво и отказаться от развития «мирного атома» [7]. Все влиятельные группы интересов осознают важность атомной энергетики для индийского экономического развития и в большинстве случаев не готовы сворачивать ядерные программы, оказавшись у власти.

Антиядерные протесты, периодически проходящие в Индии, противоречат интересам всех внешних участников атомного энергетического рынка – Франции, США и России, не говоря уже о национальных интересах самой Индии как

импортёра. Эти протесты не направлены против конкретного игрока на рынке «мирного атома» и не являются инструментом конкурентной борьбы среди наиболее крупных участников индийского атомного энергетического рынка. При анализе рынка атомной энергетики следует учитывать расстановку политических сил международных игроков как один из мирополитических аспектов в сфере мирного атома. Так, причины массовых беспорядков на площадке «Куданкулам» объясняется деятельностью конкурирующих компаний, хотя после анализа информации, выяснилось, что дело касается внутривнутриполитических проблем страны и не связана с Росатомом, а западные конкуренты не представляют серьёзной угрозы российскому предприятию [1, с.197].

Протестные настроения способны затормозить динамичный рост индийской ядерной энергетики, но несущественно, так как антиядерные настроения за последние годы утратили былую популярность. Они являются инструментом борьбы слабых, хоть и значимых игроков, за определённые сферы влияния в процессах внутривнутригосударственного управления. Деятельность антиядерных групп не вызывают серьёзной обеспокоенности зарубежных партнёров Индии, не приведут к перераспределению системы внешнего партнёрства и не повлияют на внешние профильные интересы ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе.

Список литературы

1. Захаров А.И. Стратегическое партнерство США и Индии: вызовы для России // *Власть*. 2016. №. 8. С. 195-198. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-ssha-i-indii-vyzovy-dlya-rossii> (дата обращения: 30.04.2017).
2. Рыбаченков В.И. Нераспространение ядерного оружия и запрет на ядерные испытания. Режим инспекций МАГАТЭ. Стенограмма лекции в МФТИ. 25.03.2003. URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/vir30325a.htm> (дата обращения: 30.04.2017).
3. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // *Обозреватель-Observer*. 2013. Т. 9. С. 5-13. http://www.observer.materik.ru/observer/N9_2013/005_017.pdf (дата обращения: 30.04.2017).
4. Шилин А.А. Ядерные программы Индии и Пакистана. Стенограмма лекции в МФТИ. 23.03.2006. URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures06a/aas060323.pdf> (дата обращения: 30.04.2017).
5. Bhadra M. Fighting Nuclear Energy, Fighting for India's Democracy // *Science as Culture*. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 238-246. (дата обращения: 30.04.2017). URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09505431.2013.786986?src=rcs&journalCode=csac20> (дата обращения: 30.04.2017).
6. Gaur V., Gupta E. The determinants of electricity theft: An empirical analysis of Indian states // *Energy Policy*. 2016. Vol. 93. Pp. 127-136. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.02.048. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421516300878> (дата обращения: 30.04.2017).
7. Gupta K., Ripberger J.T. Nuclear Facility Siting and the Advocacy Coalition Framework: Institutions, Opportunity Structures, and the Formation of Revisionist Coalitions. 15.07.2015. DOI: 10.13140/RG.2.1.4756.8485
8. Gupta K., Ripberger J., Collins S. The strategic use of policy narratives: Jaitapur and the politics of siting a nuclear power plant in India // *The Science of Stories: Applications of the Narrative Policy Framework in Public Policy Analysis*. Ed. by M.D. Jones, E.A. Shanahan, M.K. McBeth. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Pp. 89-106.
9. Jha A. The Fukushima Effect on India's Science, Technology (Nuclear Energy), and Environmental Governance // *The Fukushima*

- Effect: A New Geopolitical Terrain. 2015. Pp. 101-120.
10. Mathai M.V. Nuclear power, economic development discourse and the environment: The case of India. Routledge, 2013. Vol. 2. 230 p.
 11. Mishra S. Public acceptance of nuclear power in India // National Defence and Aerospace Power. Issue brief. No. 57. 2011. Pp. 1-4.
 12. OECD/IEA. India Energy Outlook 2015. World Energy Outlook Special Report, 2015. 191 p. URL: <https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/india-energy-outlook-2015.html> (дата обращения: 30.04.2017).
 13. Ramana M.V. Nuclear power and the public // Bulletin of the Atomic Scientists. 2011. Vol. 67. No. 4. Pp. 43-51. DOI: 10.1177/0096340211413358. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0096340211413358> (дата обращения: 30.04.2017).

Об авторе:

Александр Александрович Бойко – аспирант кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 76, 119454 Москва, Российская Федерация. Email: alexiurs@gmail.com.

THE NUCLEAR ENERGY FACTOR IN INDIAN POLITICS

A.A. Boyko
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-147-159

Moscow State Institute of International Relations (University)

Nuclear energy is a key branch of the world power system. The nuclear energy development is viewed by India as one of the ways to resolve the problem of the energy supply. In 2008 the country gained more opportunities for developing nuclear power sector and solving the national power deficit problem after NSG lifted restrictions on nuclear trade. This resulted in foreign companies emerging on the Indian nuclear market. In 2011 after the major emergency at Fukushima Daiichi Nuclear Power Plant in Japan India faced numerous anti-nuclear protests backed by NGOs, including those with foreign funding, and political parties. The article deals with the question of the political role this anti-nuclear opposition plays in India. According to some researchers the protests are organized by the competitors in order to compromise the business of a Russian company Rosatom in India. However, such demonstrations are spread throughout the country and directed against the competitors of Rosatom as well. The article comes to conclusion that the protests are just a reflection of the political fights in India where nuclear energy is a significant political factor.

Key words: India, nuclear energy, political parties, anti-nuclear protests, political in-fighting, Kudankulam, Rosatom.

References

1. Zakharov A.I. Strategicheskoe partnerstvo SShA i Indii: vyzovy dlia Rossii. [US and India strategic partnership: challenges for Russia]. *Vlast*, 2016, no. 8, pp. 195-198. (In Russian). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-ssha-i-indii-vyzovy-dlya-rossii> (Accessed 30.04.2017).
2. Rybachenkov V.I. Nerasprostranenie yadernogo oruzhiya i zapret na yadernye ispytaniya. *Rezhim inspektsiy*

- MAGATE [Non-Proliferation and Nuclear Test Ban. IAEA Inspections Mode]. *Lecture at MIPHT*, 25.03.2003. Available at: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/vir30325a.htm> (In Russian). (Accessed 30.04.2017).
3. Tsygankov P.A. Negosudarstvennye uchastniki mirovoi politiki [Nongovernmental actors of the world politics]. *Obozrevatel' – Observer*, 2013, vol. 9, pp. 5-13. (In Russian). Available at: http://www.observer.materik.ru/observer/N9_2013/005_017.pdf (Accessed 30.04.2017).
 4. Shilin A.A. Yadernye programmy Indii i Pakistana [Nuclear Programs of India and Pakistan]. *Lecture at MIPHT*, 23.03.2006. Available at: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures06a/aas060323.pdf> (Accessed 30.04.2017). (In Russian)
 5. Bhadra M. Fighting Nuclear Energy, Fighting for India's Democracy. *Science as Culture*, 2013, vol. 22, no. 2, pp. 238-246. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09505431.2013.786986?src=recsys&journalCode=csc20> (Accessed 30.04.2017).
 6. Gaur V., Gupta E. The determinants of electricity theft: An empirical analysis of Indian states. *Energy Policy*, 2016, vol. 93, pp. 127-136. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.02.048. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421516300878> (Accessed 30.04.2017).
 7. Gupta K., Ripberger J.T. *Nuclear Facility Siting and the Advocacy Coalition Framework: Institutions, Opportunity Structures, and the Formation of Revisionist Coalitions*. 15.07.2015. DOI: 10.13140/RG.2.1.4756.8485
 8. Gupta K., Ripberger J., Collins S. The strategic use of policy narratives: Jaitapur and the politics of siting a nuclear power plant in India. *The Science of Stories: Applications of the Narrative Policy Framework in Public Policy Analysis*. Ed. by M.D. Jones, E.A. Shanahan, M.K. McBeth. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Pp. 89-106.
 9. Jha A. The Fukushima Effect on India's Science, Technology (Nuclear Energy), and Environmental Governance. *The Fukushima Effect: A New Geopolitical Terrain*, 2015. Pp. 101-120.
 10. Mathai M. V. *Nuclear power, economic development discourse and the environment: The case of India*. Routledge, 2013. Vol. 2. 230 p.
 11. Mishra S. Public acceptance of nuclear power in India. *National Defence and Aerospace Power. Issue brief*, no. 57, 2011, pp. 1-4.
 12. OECD/IEA. *India Energy Outlook 2015. World Energy Outlook Special Report*, 2015. 191 p. Available at: <https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/india-energy-outlook-2015.html> (Accessed 30.04.2017).
 13. Ramana M. V. Nuclear power and the public. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 2011, vol. 67, no. 4, pp. 43-51. DOI: 10.1177/0096340211413358. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0096340211413358> (Accessed 30.04.2017).

About the author:

Boyko Alexander Alexandrovich – Postgraduate Student of World Politics, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: alexiurs@gmail.com.

ИНДИЙСКАЯ ДИАСПОРА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Л.В. Кулик

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Автор рассматривает историю формирования индийской диаспоры в Великобритании, оценивает тенденции, характеризующие состояние диаспоры на современном этапе. В статье анализируется роль диаспоры в эволюции двусторонних отношений между Великобританией и Индией, влияние индийской диаспоры на внутреннюю и внешнюю политику Соединённого Королевства, а также участие диаспоры в процессах, развивающихся сегодня в Индии.

Автор приходит к выводу, что диаспоре не только принадлежит уникальная роль живого моста между двумя странами, она также стала фактором, оказывающим воздействие на внутривнутриполитическую, социальную и экономическую обстановку как в Великобритании, так и в Индии. Так, среди британских государственных деятелей и политиков сегодня всё больше граждан индийского происхождения. Индийцы в Британии занимают заметные посты во многих сферах деятельности, в том числе в области финансов и бизнеса, что способствует развитию экономических связей двух стран, приобретающих особое значение в связи с предстоящим выходом Великобритании из ЕС. Что касается внутривнутриполитических вопросов, то, несмотря на существующие потенциальные проблемы, например, возможный перенос на британскую почву сложностей индийских межкастовых отношений, несбалансированный, с индийской точки зрения, подход к преподаванию колониального периода в британских школах, индийская диаспора в силу своей собственной ей толерантности и умеренности в целом является фактором стабильности в Соединённом королевстве, особенно на фоне радикализации других национальных общин. В свою очередь для Новой Индии соотечественники за рубежом – это не только источник финансов, важный носитель компетенций и технологий, но и значительный инструмент лоббирования и продвижения «мягкой силы» Индии в странах Запада, в том числе в Великобритании.

Данная статья – часть более широкого исследования, посвящённого отношениям между Индией и Великобританией на современном этапе. Индийская диаспора – неотъемлемая часть особых отношений, которые связывают две страны на протяжении столетий. Она останется важным фактором взаимозависимости и сотрудничества Лондона и Нью-Дели в обозримом будущем.

Ключевые слова: индийская диаспора в Великобритании, история формирования, колониальный и постколониальный период, тенденции развития, политическое и экономическое влияние диаспоры, фактор внешней и внутренней политики, отношения между Великобританией и Индией.

УДК 94

Поступила в редакцию 16.01.2017 г.

Принята к публикации 15.04.2017 г.

Феномен индийской диаспоры в зарубежных странах привлекает повышенное внимание специалистов, и он достаточно хорошо изучен. В рамках исследований Индии диаспора традиционно рассматривалась как составная часть процесса распространения индийской религии и культуры, а также развития международных торговых связей Индии. Процесс формирования диаспоры изучался и в контексте анализа взаимоотношений метрополии с колонией. После распада Британской империи и обретения Индией независимости, с формированием новых границ и более жёстких миграционных правил в странах бывшей империи расширение индийской диаспоры приобрело новый масштаб и новые формы. К концу XX в. диаспора заявила о себе как о влиятельном экономическом факторе, что заставило руководство Индии внимательнее подойти к выработке согласованной политики в отношении диаспоры и привлекло внимание специалистов в сфере международных экономических отношений.

Индийскую диаспору в составе южноазиатской общины подробно рассматривали культурологи и этнографы. Данная публикация – часть широкого исследования, посвящённого отношениям между Великобританией и Индией. В ней оцениваются характерные тенденции развития индийской диаспоры в Великобритании и её влияние как на Великобританию, так и на Индию, а также на эволюцию двусторонних отношений между этими государствами.

Общая численность индийской диаспоры в мире по состоянию на 2015 г. оценивается в 27 млн человек. Индийская диаспора уступает по численности только китайской [2, с. 54]. Денежные переводы индийцев на родину составляют около 70 млрд долл. в год, что превышает объём прямых иностранных инвестиций, привлекаемых Индией, и ежегодно добавляет 3,5% к ВВП Индии¹.

В Великобритании проживают около 1,5 млн человек индийского происхождения². Данные британского статистического ведомства на 2016 г. показали, среди лиц, проживающих в Великобритании, но родившихся за её пределами, граждан Индии впервые стало меньше, чем граждан Польши (807 тыс. индийцев и 831 тыс. поляков)³. До 2008 г. в Великобритании ежегодно подданными Её Величества становились порядка 164 тыс. человек, 9% которых были выходцами из Индии [1, с. 280]. В настоящее время лидерами этого процесса стали Польша, Румыния и Болгария. Общая численность диаспоры учитывает граждан индийского происхождения, родившихся на территории Соединённого Королевства, т.е. из мигрантов второго, третьего и четвёртого поколений. По этому показателю диаспора выходцев из Индии по-прежнему остаётся крупнейшей в Британии. Считается, что количество индийцев в Великобритании давно превысило число англичан, проживавших в Индии в годы колониального правления [10, с.

¹ The diaspora. The worldwide web // The Economist. 23.05.2015.

² Britain and India. Marriage a-la-Modi // The Economist. 14.11.2015.

³ Poland overtakes India as country of origin, UK migration statistics show // BBC.com. 25 August 2016. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-37183733> (дата обращения: 20.01.2017)

452]. Хотя общая численность индийской диаспоры в Великобритании меньше, чем в Малайзии или в США, по своему влиянию и статусу она занимает уникальное положение. Можно без преувеличения говорить о том, что индийская диаспора в Великобритании стала одним из катализаторов недавнего выхода отношений между двумя странами на качественно новый уровень. Кроме того, диаспора – это значительный фактор влияния на экономику и внутреннюю политику как в Великобритании, так и в Индии. Несмотря на меняющиеся численные показатели, индийская диаспора в Великобритании всегда находилась и будет находиться в уникальном положении, объединяя и во многом определяя будущее двух стран, которые связывает полная драматизма и противоречий общая история.

Когда в XVII в. британская Ост-Индская компания начала расширять своё присутствие на индийском субконтиненте, первыми в Британии оказались индийцы, которых англичане привозили в качестве домашней прислуги. Кроме того, между колонией и метрополией было налажено регулярное судоходство, для обслуживания которого Ост-Индская компания в больших количествах привлекала индийских матросов (ласкаров) и чернорабочих. Несмотря на тяжёлые условия жизни, многие из них остались в Англии; их присутствие стало заметно в Лондоне и в других крупных портовых городах на рубеже XVII–XVIII вв. [16]. На протяжении многих десятилетий, особенно в XIX в., метрополия стимулировала миграцию наёмных рабочих из Индии в другие колонии. Официально эти меры преподносились как проявление заботы о малоимущих слоях индийского населения [14, с. 640]. На деле с помощью различных миграционных схем решалась проблема острой нехватки рабочих рук на плантациях и в производствах во всех уголках империи – от Южной Африки до Фиджи. Деиндустриализация, планомерное удушение метрополией традиционных индийских производств, таких как ткачество, и волны массового голода, регулярно сотрясавшие Индию в период господства англичан, были первыми двигателями индийской миграции [19 с. 190]. Начиная с правления королевы Виктории, то есть примерно с середины XIX в., стало значительным и количество приехавших в Англию представителей правящих элит Индии. К тому же времени относится резкое увеличение числа индийских работников, а также индийских моряков, обслуживавших британские суда [8 с. 19]. Постепенно увеличивалось и количество индийских студентов в британских университетах. Если в 1845 г. их было всего четверо, то в 1890-х гг. – более 200, а к 1910 г. – уже около 700 человек [20, с. 336]. В британских учебных заведениях обучались многие выдающиеся индийцы, в том числе лидеры индийского национально-освободительного движения. Среди них – М.К. Ганди (изучал юриспруденцию в Университете Лондона), Дж. Неру (обучался в элитной частной школе Хэрроу и в Колледже Св. Троицы Кембриджского университета), основатель Пакистана М.А. Джинна, парламентарий Ш. Саклатвала, автор конституции Индии Б.Р. Амбедкар и многие другие. Кроме того, между Индией, метрополией и другими колониями Британской им-

период всегда существовало значительное движение индийцев, состоявших на службе в британской армии. Индийские войска принимали активное участие и несли значительные потери в обеих мировых войнах. Во время Первой мировой войны раненые индийские солдаты проходили лечение в специально построенном для них госпитале в г. Брайтон. Большинство из них по окончании войны вернулись в Индию и рассказали своим землякам о жизни в метрополии. В межвоенный период миграция не носила массового характера, особенно в годы Великой депрессии, когда британская экономика протухала и в стране был высокий уровень безработицы. Немногочисленные вакансии быстро заполнялись рабочими из Ирландии или других европейских стран. Ситуация изменилась лишь после Второй мировой войны.

В период существования Британской империи все жители колоний – рядовые граждане, моряки, военные или махараджи – теоретически имели одинаковые возможности свободного передвижения внутри владений империи, будучи подданными короны. После обретения Индией независимости 15 августа 1947 г. свободному передвижению внутри империи был положен конец. В 1948 г. был принят закон о британском гражданстве (British Nationality Act), в котором проводилось различие между гражданами государств, имевшими право въезжать в Великобританию и селиться в Соединённом Королевстве (белые поселенцы Канады и Австралии), и остальными гражданами бывших британских колоний.

Раздел Индии по религиозному признаку на Пакистан и Индию спровоцировал столкновения, резню и многомиллионную миграцию из районов смешанного проживания мусульман и индуистов. Кроме того, возникла путаница с гражданством и документами у многочисленных индийцев, находившихся в момент раздела за пределами Индии, прежде всего у матросов-мусульман из Пенджаба, Кашмира и Силхета. Многие из них осели в Англии. Другой не столь многочисленной группой, фактически оказавшейся в то время без родины, были так называемые англо-индийцы, дети от смешанных браков индийцев и англичан. Традиционно в колониальную эпоху они занимали престижные посты в индийской системе железнодорожного сообщения и в почтовой службе. В независимой Индии их привилегированное положение оказалось под угрозой. В первые годы независимости посольство Великобритании в Дели содействовало таким гражданам в получении британских документов и их переселении в Англию, но с начала 1950-х гг. правила были ужесточены, и для англо-индийцев больше не делалось послаблений. Британские политики, озабоченные проблемами цветной миграции, в том числе из Индии, искали пути для её ограничения без ущерба либеральному имиджу страны. Вопрос активно дебатировался как в период правления лейбористского правительства К. Эттли (1945–1950, 1950–1951 гг.), так и с возвращением в кресло премьера консерватора У. Черчилля (1951–1955 гг.).

В послевоенные годы уровень безработицы в Великобритании не превышал в среднем 2%. Вакансии в горнорудном секторе, сельском хозяйстве и тя-

жёлкой промышленности заполнялись за счёт внутренних ресурсов. К началу 1960-х гг., по мере того как крепла экономика и восстанавливалась потребительская активность, в Великобритании стала расти потребность в рабочих руках в таких отраслях, как транспорт, медицина, лёгкая промышленность и производство бытовой техники. Особенно остро нехватка рабочих рук ощущалась на юге и севере Англии, а также в центральных графствах. Именно там в конце 1950-х – начале 1960-х гг. были заложены главные центры индийской диаспоры. Мигранты этой волны прибыли в основном из Пенджаба.

В настоящее время выходцы из Пенджаба составляют до 45% всей индийской диаспоры Великобритании⁴. Исторически сложилось, что жители именно этого региона составляли основную часть индийских военнослужащих британской армии и полиции. Часто они возвращались после службы на родину не только со сбережениями, но и с рассказами о жизни в других частях империи. Жизненный опыт и финансовая возможность позволяли им решиться на переезд в Англию. В Пенджабе одним из основных источников миграции стал старинный Джаландхар⁵, до 1953 г. административный центр Пенджаба. Тот факт, что большая часть индийских мигрантов в Англии родом именно из этого города, объясняется характером миграции – на новое место жительства переезжали целые семейный кланы, а во многих пенджабских семьях на протяжении нескольких поколений могло быть более десяти детей. Крепкие кастовые и семейные социальные связи значительно снижали издержки по обустройству и позволяли мигрантам легче адаптироваться на новом месте.

Переезд был непростой задачей. Часто мигранты были вынуждены приобретать в Индии поддельные документы или использовать лазейки в миграционных правилах. Например, британское законодательство того времени разрешало обращение за британским паспортом после 12 месяцев проживания на территории британской колонии. Поэтому колонии (например, Кения) стали промежуточным пунктом массовой миграции из Индии, в основном из Пенджаба.

Пенджаб традиционно был поставщиком мигрантов рабочих специальностей. Штат Керала и крупные города – Калькутта, Бомбей, Дели – обеспечивали Великобританию медицинским персоналом низшего и среднего звена и даже учителями. Чаще всего в Великобритании индийские доктора, медсестры и учителя занимали вакантные должности в отдалённых неблагополучных районах или в районах компактного проживания мигрантов.

Процесс становился настолько масштабным и вызывал столь неоднозначную реакцию в Британии, что появился термин «обратная колонизация» [7, с. 62]. В 1962 г. консервативным правительством Г. Макмиллана был принят Закон об иммиграции в рамках Содружества (Commonwealth Immigration Act),

⁴ Доклад Комитета высокого уровня по вопросам индийской диаспоры // Indiandiaspora.nic.in. 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm> (дата обращения 20.01.2017)

⁵ История успеха одной из наиболее известных индийских фамилий в Британии и свидетельство времени – в мемуарах лорда Свараджа Пола. Paul S. Beyond Boundaries: A Memoire. New Delhi: Penguin Books India, 1999. 228 p.

направленный на ограничение миграции из Индии, Пакистана и стран Карибского бассейна. Гражданам Содружества, намеревавшимся переселиться в Великобританию, требовалось иметь на руках специальное разрешение (ваучер) о трудоустройстве, выданное министерством труда Великобритании. Ваучер давал его владельцу право на получение работы на всей территории Соединённого Королевства, за исключением Северной Ирландии. Ваучер мог быть выдан в следующих случаях: при наличии у потенциального иммигранта документально подтверждённого предложения о работе в Великобритании; владельцам востребованных в Великобритании профессиональных навыков; низкоквалифицированным рабочим по квотам, отражавшим общую потребность в занятости. Ужесточение иммиграционного законодательства было поддержано большинством британцев [15, с. 80].

Предвыборный манифест лейбористской партии, победившей на всеобщих выборах 1964 г. содержал отдельный пункт, касавшийся миграции из Содружества. Лейбористы провозгласили готовность содействовать странам Содружества в решении проблем неравенства и бороться с проявлениями расовой дискриминации в самой Британии. В соответствии с данными обещаниями, правительство направило последнего вице-короля Индии лорда Маунтбэттена в страны Карибского бассейна и Южной Азии с тем, чтобы побудить их правительства к активным шагам по ограничению эмиграции. Миссия не оправдала ожиданий, и в 1965 г. правительство выпустило Белую книгу по вопросам иммиграции из Содружества, ставшую основой политики в этой области не только для лейбористов, но и для консерваторов. Важными нововведениями этого документа были отмена третьей категории ваучеров (для рабочих низкой квалификации) и сокращение количества ваучеров для квалифицированных рабочих с 20,8 до 8,5 тыс. в год. По прибытии на территорию Великобритании мигрант теперь был обязан пройти медицинский осмотр, после которого властями принималось окончательное решение о его допуске в Соединённое королевство. Таким образом, к середине 1960-х гг. закончилась первая волна миграции из Индии, связанная с нехваткой рабочих рук в Англии. В последующие годы небольшой приток мигрантов из Индии был обусловлен воссоединением семей и заключением браков (в основном это было характерно для сикхских семей из Пенджаба); кроме того, мигранты прибывали по квотам на квалифицированные категории работников (главным образом из Гуджарата, Кералы, Западной Бенгалии, Карнатаки и Пенджаба). Однако столь значительных переселений из Индии, как в начале 1960-х гг., уже не было.

Третья волна миграции началась в 1967 г., её пик пришёлся на 1972 г. Тогда в Великобританию начали массово переселяться индийцы из Восточной Африки, из Кении, Уганды, Танганьики (после 1964 г. Танзания), где к тому времени уже существовали сформировавшиеся в XIX–XX вв. многочисленные общины выходцев из Индии, в основном занимавшихся торговлей. Среди них также было много клерков и ремесленников. В целом эту группу можно охарактеризовать как ква-

лифицированную рабочую силу из категории мигрантов, которую Великобритания принимала охотно. Кроме того, у этих людей были политические основания к миграции, которая была для них спасением от реальной опасности, угрожавшей не только их собственности, бизнесу, но и семьям. После деколонизации во многих странах Восточной Африки был провозглашён курс на африканизацию, означавший активное выдавливание из общественной и экономической жизни представителей других народностей. Проводилась национализация собственности, или, как в Кении, строгое лицензирование торговой деятельности. Основной индийской общиной в Восточной Африке были выходцы из Гуджарата, традиционно влиятельная и преуспевающая группа; много было пенджабцев. Они всегда поддерживали тесные связи с родными регионами Индии и с Великобританией, многие имели британские паспорта. Осознав масштаб надвигавшегося переселения из Восточной Африки, в марте 1968 г. британское правительство спешно приняло второй Закон об иммиграции в рамках Содружества, перенаправив поток мигрантов в Австралию, Канаду и США. По новому закону, в Великобританию могли переселиться только те владельцы британских паспортов, чьи родители имели такие паспорта. В итоге в 1970-е гг. сначала Канада, а затем США опередили Великобританию по количеству мигрантов из Индии.

Когда в 1972 г. президент Уганды Иди Амин объявил о высылке из страны в 90-дневный срок, без имущества, всех граждан азиатского происхождения, большинство из которых были выходцами из Гуджарата и имели британские паспорта, правительство консерваторов под руководством Э. Хита (в отличие от своих предшественников лейбористов) не стало применять закон 1968 г. слишком жёстко, разрешив въезд в Великобританию примерно 29 тыс. переселенцам [20, с. 69]. Предшественник И. Амина, свергнутый им в результате переворота в 1971 г. Милтон Оботе, хоть и не решался на слишком радикальные меры, также стремился к ограничению влияния в стране британских граждан азиатского происхождения. Его действия в отношении владельцев паспортов Соединённого Королевства были реакцией на британскую попытку организации государственного переворота в Уганде в 1966 г. В 1974 г. британская собственность в стране была национализирована. В ответ Великобритания прекратила оказание финансовой и технической помощи, заморозила угандийские активы в британских банках, отозвала своих специалистов. Конфликт между двумя странами сопровождался организованной Лондоном информационно-психологической кампанией по международной изоляции Уганды [3, с. 546]. В таких обстоятельствах Лондон не мог отказаться от приёма части беженцев.

Всего по некоторым оценкам [20, с. 338] в Великобританию в конце 1960-х – в начале 1970-х гг. прибыло до 50 тыс. переселенцев из Восточной Африки, в основном из Уганды и Кении. Хотя большинству этих семей пришлось оставить в Африке всё имущество и бизнес, они успешно адаптировались на новом месте и вскоре стали самой преуспевающей частью индийской диаспоры в Великобритании, её деловой и культурной элитой.

Географически индийская община сосредоточена в основном в крупных и средних городах центральных графств Соединённого королевства и северной Англии, таких как Лондон, Бирмингем, Ковентри, Лутон, Лестер, Шеффилд, Ливерпуль, Манчестер, Лидс, Брэдфорд. Более 40% индо-британцев проживают в Лондоне и его предместьях. В Лестере почти четверть населения города (22,3%) – индийского происхождения⁶. В сельской местности Великобритании проживает незначительное число индийцев. Скорее всего, такое распределение диаспоры сохранится и в будущем [4, с. 80].

В 1980-е гг. Индия ассоциировалась для Британии с прошлым, Япония с настоящим, Китай – с будущим. В сравнении с «новыми индустриальными странами» Индия казалась тогда менее привлекательным партнёром. Политические взаимоотношения двух стран подчас принимали напряжённый характер из-за серьёзных расхождений в подходах Лондона и Дели к актуальным международным проблемам, как то борьба против колониализма и расизма, война и мир, разрядка, положение на Ближнем Востоке, диалог Север–Юг и т.д. В Содружестве две страны чаще всего оказывались по разные стороны баррикад. Международный авторитет Индии, её активная роль в Движении неприсоединения, тесные связи с Советским Союзом раздражали Лондон. М. Тэтчер с досадой отмечала в мемуарах, что на переговорах с Индирой, а позже с Радживом Ганди ей не удалось уговорить Индию отказаться от союза с СССР или осудить войну в Афганистане, сблизиться с США. Британский премьер побывала в Индии с визитами в 1981–1982 гг., а также весной 1985 г. С конца 1984 г. англо-индийские отношения были по существу заморожены из-за нежелания Лондона пресечь деятельность в стране сикхских группировок, причастных к убийству И. Ганди 31 октября 1984 г. Лишь в ходе визита Р. Ганди в Великобританию в октябре 1985 г. была достигнута договорённость о выдаче совершивших преступление террористов или их обязательном привлечении к уголовной ответственности, расчистившая путь к нормализации отношений. В тот период Великобритания была четвёртым по значению торговым партнёром Индии, важным источником капиталовложений и помощи этой стране. Однако во внешнеторговом обороте Соединённого королевства доля Индии снижалась, составив в 1987 г. менее 1% [3, с. 635].

В 1990-е гг. приток мигрантов в Великобританию из Индии продолжился. Это были преимущественно молодые профессионалы, заполнявшие вакансии в отраслях, испытывавших острую нехватку кадров, главным образом в Национальной системе здравоохранения, в секторе Интернет-технологий и телекоммуникаций. За период с 1995 г. по 1999 г. число разрешений на работу в Великобритании, выданных индийцам, стабильно росло – с 1 997 до 5 663 разрешений в год. Большая часть из них приходилась на IT-специалистов. Примерно две трети всех программистов, приехавших на работу в те годы в Великобританию, были из Индии. В 2000 г. таких специалистов в Британии было уже более 11 тыс.

⁶ Доклад Комитета высокого уровня по вопросам индийской диаспоры. [Indiandiaspora.nic.in](http://indiandiaspora.nic.in). 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>, (дата обращения 20.01.2017)

человек⁷. Такая профессиональная высококвалифицированная новая миграция в сочетании с высоким уровнем образования и предпринимательской активности мигрантов второго и третьего поколения определили современное лицо многочисленного среднего класса индийской диаспоры в Великобритании.

История формирования индийской диаспоры повлияла на её сегодняшние отличия от общин выходцев из других стран Южной Азии, прежде всего из Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки. Для большинства мигрантов из Индии характерно, что вне зависимости от региона происхождения и кастовой принадлежности из поколения в поколение передаются не только уважение к традиционным ценностям. Большое значение придаётся образованию детей, ценятся взаимопомощь, стремление открыть собственное дело, карьерные достижения. Такой подход сформировался под влиянием скорее неблагоприятных внешних условий, чем исконной этики [5, с. 165]. Например, стремление к организации собственного дела у выходцев из крестьянских семей Пенджаба продиктовано постепенным исчезновением рабочих профессий, которыми они изначально занимались в Великобритании, а также дискриминацией, сохраняющейся в британском обществе и тем «стеклянным потолком», в который часто упираются даже самые успешные специалисты индийского происхождения. Потомки мигрантов во втором или третьем поколении наследуют и развивают бизнес, основанный их родителями, или, преодолевая дискриминацию и расовые предрассудки, начинают осваивать новые профессии, такие как юриспруденция, бухгалтерское дело, творческие специальности (архитектура, искусство, журналистика), становятся инженерами, учёными. В настоящее время одна пятая часть всех студентов-медиков в Великобритании – выходцы из индийских семей [15, с. 6]. Хотя можно привести многочисленные примеры социального, экономического и даже политического успеха представителей всех южноазиатских диаспор (так, в 2016 г. мэром Лондона был избран Садик Хан, родившийся в семье выходцев из Пакистана), по показателям восходящей социальной мобильности и влияния ни одна из них не может сравниться с индийской общиной.

Среди британских индийцев два нобелевских лауреата – Амартья Сен (премия по экономике, 1998 г.) и Видьядхар Сурадхипрасад Найпул (премия по литературе, 2001 г.). В рейтинги богатейших и наиболее успешных граждан Великобритании индийцы входят уже многие годы, и всё чаще они возглавляют эти списки. Наиболее известные и крупные представители бизнеса в индийской диаспоре – это братья Шричанд и Гопичанд Хиндуджа, Робен Сингх, Лакшми Миттал, Пракаш Лохиа Джасминдер Сингх, Манубхаи Мандавани, Гулу Лалвани. В Палату общин британского парламента избирались уже более 15 представителей индийской диаспоры. Более 20 индо-британцев были удостоены места в Палате лордов. Среди них: барон Багри, барон Десаи, барон Билимория, лорд Тарсем Кинг, лорд Вахид Алли, лорд Пол и лорд Гадхия – самый молодой пэр, получив-

⁷ Доклад Комитета высокого уровня по вопросам индийской диаспоры. Indiandiaspora.nic.in. 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>, (дата обращения 20.01.2017)

ший это звание в 2016 г. в возрасте 46 лет за достижения в сфере бизнеса, в частности в сфере британско-индийского сотрудничества. Среди других публичных фигур, представляющих сегодня Великобританию, – Аниш Капур, один из самых известных современных художников индийского происхождения. В университетах и исследовательских центрах Британии выходцы из Индии занимают примерно 30 постоянных профессорских позиций в таких областях, как инженерное дело, компьютерные технологии, биохимия, химия, аэрокосмическая сфера⁸. Как правило, в Британии индийцы имеют более высокий образовательный уровень, чем представители других этнических меньшинств. В 2007 г. около 5% молодых индо-британцев в возрасте 15–24 лет получали высшее образование. Среднегодовой доход представителя индийской диаспоры в Великобритании составлял около 15,68 тыс. фунтов стерлингов в год⁹, что сопоставимо со средними показателями Британии. По оценкам Лондонского института азиатских профессионалов (The Institute of Asian Professionals) ежегодный вклад представителей индийской диаспоры, составляющей 2,5% населения Великобритании, в формирование британского ВВП составляет в среднем около 10% [1, с. 282].

Иностранцу, оказавшемуся в Великобритании, очевиден высокий процент некоренного населения среди местных жителей. Возможно, приезжий выделит из пестрой ткани современного британского общества выходцев из Южной Азии и, скорее всего, назовет их «индийцами», что не всегда верно. Сложности вокруг национальной идентификации хорошо иллюстрирует пример индийских ресторанов. Они давно стали одним из символов туманного Альбиона и любимы не только туристам или представителями диаспоры, но и коренными британцами. Первый индийский ресторан «Хиндустани кофихаус» был открыт в Лондоне ещё в 1809 г. Один из самых известных индийских ресторанов, сохранившийся до сих пор, «Вирасвами», был основан в 1926 г. В 1948 г. в Великобритании было шесть индийских ресторанов. К 1960-м гг. распространение индийской кулинарии стало массовым явлением. В 2000 г. в Великобритании уже насчитывалось примерно 8 600 ресторанов индийской кухни, из них около 3 800 в Лондоне. При этом большая часть индийских ресторанов принадлежат бангладешцам, в основном мигрантам из округа Силхет [13].

Примечательно, что сегодня выходцы из Бангладеш и Пакистана, услышав в свой адрес термин «индийцы», редко исправляют его, а часто ради престижа именно так себя и представляют. Индийцы предпочитают избегать подобных обобщений, нивелирующих существенные отличия в вероисповедании, ценностях, культуре и уровне образования. На фоне растущей криминализации и радикализации диаспор из Бангладеш и Пакистана усиливается разобщённость и разделение внутри азиатской общины на диаспору собственно индийскую и на остальных выходцев из Южной Азии. Преуспевающие индийцы, представи-

⁸ Доклад Комитета высокого уровня по вопросам индийской диаспоры. [Indiandiaspora.nic.in](http://indiandiaspora.nic.in). 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>, (дата обращения 20.01.2017)

⁹ Там же.

тели среднего класса, стремятся перебраться из депрессивных районов с преобладающим южноазиатским населением в более престижные кварталы Лондона, Бирмингема, Лестера и других городов.

По образу жизни типичные представители индийской диаспоры сегодня ближе к традиционному представлению о благополучной британской семье, чем большинство самих англичан. Большая семья, участие старшего поколения в воспитании детей, уважение к старшим, семейные фотографии на камине в гостиной, вечерний чай и дом с лужайкой, где играют дети, – это не пасторальная идиллическая картинка викторианской эпохи, а стандарт, к которому стремятся семьи выходцев из Индии в Великобритании, вне зависимости от того, расположен ли их дом – на одной из самых дорогих улиц Лондона, или в квартале Бирмингема, где живут представители среднего класса, или в Лемингтон Спа. Среди британских индийцев популярен традиционный английский спорт (крикет, сквош, хоккей на траве, поло), не вызывающий былого массового энтузиазма среди англичан. Индийцами, особенно элитой, возмущается то, что почти утрачено в английском обществе: иерархия, клановость, субординация и уважение к старшим.

В силу общей истории социальный прогресс индийской диаспоры воспринимается британским обществом практически безболезненно. Когда роскошный дом в Кенсингтоне или на Итон сквер покупает семья выходцев из Индии, это не так задевает чувства англичан, как возможный переход собственности в руки русских олигархов или арабских шейхов. На фоне растущей озабоченности религиозным экстремизмом и миграцией из стран Ближнего Востока и Северной Африки индийская диаспора всё чаще воспринимается британским обществом как неотъемлемая часть собственной истории и культуры, элемент стабильности и противовес миграционным потокам сегодняшнего дня.

В совместной декларации о стратегическом партнёрстве между Великобританией и Индией, подписанной 20 сентября 2004 г. британским премьером Тони Блэром и его индийским коллегой Манмоханом Сингхом, говорилось следующее: «Сегодня через индийскую общину в Великобритании, а также напрямую, индийская культура становится важным компонентом многоэтнической Британии. Мы приветствуем это явление и будем стремиться к укреплению культурных связей между нашими странами».¹⁰

Укрепление связи диаспоры с британским обществом происходит в большей степени именно благодаря взаимному проникновению культур, а не традиционной ассимиляции. Хотя таких примеров всё больше, смешанные браки не становятся массовым явлением. По состоянию на 2001 г. смешанные браки в среде индийской диаспоры составляли всего 6% [20, с. 345].

Сегодня в Великобритании наблюдается новый всплеск интереса к колониальной эпохе. Специалисты высказывают разные, часто критические оценки колониальной политики Великобритании в Индии. Пока для английского

¹⁰ Совместная индийско-британская декларация 20.09.2004. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7462> (дата обращения 20.01.2017).

обывателя интерес к Британской империи – лишь мода, вплетённая в массовую культуру и замешанная на идеалистической ностальгии по славному прошлому. Тема колониальной политики Великобритании, в т.ч. в Индии, до сих пор не включена в обязательную программу обучения британских школ. Однако тот факт, что дискуссия по этим вопросам с участием видных деятелей Индии и Великобритании развивается, вызывая интерес индийской диаспоры, даёт основание предположить, что в будущем ситуация изменится.

Жизнь диаспоры сегодня – это по-настоящему живой мост между двумя странами. Десятки городов Индии и Великобритании связывает прямое авиационное сообщение. В Великобритании существует большое число газет, телевизионных каналов и интернет-сайтов, ориентированных на диаспору, которые пользуются популярностью и в Индии. В Британии и в Индии смотрят одни и те же фильмы, слушают одну и ту же музыку, читают одни и те же книги и газеты. В кругу ближайших родственников британские индийцы говорят на родном языке, чаще всего на пенджаби, бенгали или гуджарати, хотя не только молодёжь, но и старшее поколение хорошо владеет английским языком. Уровень сохранения родных языков в среде диаспоры в Великобритании значительно выше, чем, например, в США.

Тесные, как часто говорят, «интимные» связи между Великобританией и Индией, прежде всего между элитами двух стран, существовали всегда. В колониальную эпоху они проявлялись среди прочего в том, что многие общественные деятели индийского происхождения играли важную роль в политической жизни Соединённого Королевства.

Первым парламентарием индийского происхождения в Великобритании стал Д. Наороджи. Он был избран в палату общин от либеральной партии (округ Финсбери Централ, северный Лондон) в 1892 г. и оставался в этой должности до 1895 г. Наороджи был также одним из отцов-основателей Индийского национального конгресса и принимал участие в работе Второго интернационала. Своей главной политической миссией он считал продвижение среди британских политиков и общественности идей самоопределения Индии.

Противоположных взглядов придерживался парламентарий от партии консерваторов М. Бхоунагри, избранный в нижнюю палату британского парламента в округе Бетнал Грин в Лондоне в 1895 г. и переизбранный на эту должность в 1900 г. Бхоунагри был приверженцем британского правления в Индии.

Яркий политик индийского происхождения Ш. Саклатвала прошёл в парламент, одержав убедительную победу в округе Баттерси Норс в Лондоне в 1922 г. Саклатвала, родственник основателя бизнес-империи Tata Industries, подобно своим предшественникам-индийцам в британском парламенте, был представителем парсов¹¹. Ш. Саклатвала был одним из немногих членов Коммунистиче-

¹¹ На протяжении многих веков представители данной этноконфессиональной группы выступали посредниками в торговле между европейцами и индийцами. Этим объясняется привилегированное положение общины в колониальную эпоху.

ской партии Великобритании, когда-либо избранных в британский парламент. Он же стал одним из двух кандидатов-коммунистов, получивших официальную поддержку лейбористской партии на выборах 1922 г. Саклатвала активно боролся за независимость Индии, участвовал в рабочем движении в Великобритании и в Индии, в 1926 г. был арестован в Англии на два месяца за выступления в поддержку всеобщей стачки. Посетил СССР в 1934 г. Следующим политиком индийского происхождения в палате общин, уже в 1987 г., стал К. Ваз. Он сохраняет свою позицию до сегодняшнего дня, будучи единственным парламентарием азиатского происхождения, столь долго занимающим парламентский пост. К. Ваз работал на различных должностях в лейбористской партии, был министром по делам Европы в 1999–2001 гг.

В 1990–2015 гг. в британский парламент избирались и другие политики индийского происхождения. Как правило, на всеобщих выборах в Великобритании свои кандидатуры выставляют несколько выходцев из индийской диаспоры, но их число не пропорционально доле диаспоры в общей численности населения Великобритании. Иначе обстоят дела в органах местного самоуправления, советах и в муниципальных органах власти, где традиционно много выходцев из индийской диаспоры. Это объясняется тем, что представители диаспоры скорее склонны заниматься делами общины, т.е. малыми политическими формами, чем пробиваться на общенациональный уровень. Кроме того, по долгу службы многие индийцы (например, врачи) общаются с широкими кругами населения, что способствует работе в органах местного самоуправления. Более 300 индо-британцев, членов местных советов, объединились в специальную Ассоциацию. По состоянию на 2001 г. 12 индо-британцев возглавляли советы, были мэрами городов¹². Представители диаспоры избирались и в Европейский парламент.

В отличие от палаты общин, в палате лордов на протяжении XX в. и в последние 10–20 лет было существенное количество представителей индийской диаспоры. В период правления лейбористской партии в 1997–2013 гг. правительство предприняло усилия по расширению представительства различных этнических групп в составе палаты лордов. Например, членом палаты лордов стал известный экономист, почётный профессор Лондонской школы экономики, член лейбористской партии, барон М. Десаи. Лорд Дхлоакья стал первым политиком индийского происхождения, возглавившим британскую партию: в 2001–2004 гг. он был президентом партии либеральных демократов, в настоящее время – заместитель руководителя фракции либеральных демократов в палате лордов.

Что касается партийных предпочтений диаспоры, то в послевоенные годы выходцы из Индии, в массе своей представители рабочего класса, чаще и охотнее голосовали за лейбористов. Одновременно такой выбор демонстрировал неприятие позиции консерваторов по вопросам колониализма и иммиграционной

¹² Доклад Комитета высокого уровня по вопросам индийской диаспоры. indiandiaspora.nic.in. 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>, (дата обращения 20.01.2017)

политики. До недавнего времени в обеих палатах парламента среди лейбористов было больше представителей индийской диаспоры, чем среди представителей других партий. Выходцы из Индии также принимали участие в деятельности Коммунистической партии Великобритании и других немногочисленных левых движений. Однако созданные по национальному признаку ассоциации рабочих не смогли объединиться с массовым профсоюзным движением, поскольку профсоюзы видели в них своих конкурентов.

На сегодняшний день в Великобритании зарегистрировано более 1000 индийских организаций, из которых около 200 считаются активными. Их можно разделить на общественные, религиозные, этническо-региональные и политические, среди которых есть организации, связанные как с индийским, так и с британским политическим процессом. В Великобритании действуют более 15 деловых и коммерческих ассоциаций индийских предпринимателей¹³.

Во многом в силу демократических традиций Индии представители диаспоры политически активны и в Великобритании. В конце 1990-х гг. до 65% индо-британцев поддерживали лейбористскую партию. В частности, это проявилось в ходе всеобщих выборов 1997 г., на которых со значительным преимуществом победили лейбористы. Тогда поддержку этой партии оказал не только крупный индийский бизнес (одним из основных спонсоров лейбористской партии выступил сталелитейный магнат Л. Миттал), но и рядовые члены диаспоры. В числе приоритетных задач, на решение которых рассчитывали избиратели из диаспоры, было улучшение отношений с Индией. Им также импонировал социально ориентированный посыл новых лейбористов под руководством Т. Блэра, их готовность к сотрудничеству с этническими меньшинствами.

В настоящее время лейбористская партия утратила «монополию» на голоса британских индийцев. Все основные партии парламента сформировали группы «Друзей Индии». Существует и Парламентская ассоциация индо-британцев (British-Indian Parliamentary Association), известная как «Карри клуб». Британские политики вынуждены прислушиваться к окрепшему голосу индийской диаспоры, и теперь этот голос консервативен в таких вопросах, как иммиграция, отношение к сексуальным меньшинствам, семейная политика. В парламентских выборах 2015 г. принимали участие 59 кандидатов индийского происхождения, из них 17 выступали от партии консерваторов, 14 – от лейбористов, 14 – от либеральных демократов, 4 – от партии зелёных, 3 – от партии независимости Великобритании, двое были независимыми кандидатами и по одному представляли небольшие партии, такие как партия молодёжи, национальная партия и другие. В парламент были избраны: от партии консерваторов Саджид Джавид (в настоящее время занимает пост министра по делам общин и местного самоуправления в кабинете Мэй, в правительстве Кэмерона был министром по делам бизнеса), Шайлеш Вара (парламентский заместитель министра труда и пенсий),

¹³ Доклад Комитета высокого уровня по вопросам индийской диаспоры. indiandiaspora.nic.in. 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>, (дата обращения 20.01.2017)

Прити Патель (министр международного развития), Алок Шарма (возглавляет направление Азии и Тихоокеанского региона британского МИДа). Впервые от консервативной партии в выборах участвовал и был избран в парламент Риши Сунак¹⁴. Также от консервативной партии избрана Суэлла Фернандес. От партии лейбористов в своих округах победили и стали членами парламента Кит Ваз, его сестра Валери Ваз, Вирендра Шарма и Сима Мальхотра. Таким образом, в кабинете Мэй двое индо-британцев – Прити Патель и Саджид Джавид, а в парламенте в настоящее время 10 индо-британцев, больше, чем когда-либо прежде. Среди других громких назначений выходцев из индийской диаспоры – недавнее назначение Раджеша Агравала заместителем нынешнего мэра Лондона С. Хана по вопросам отношений с бизнесом.

В 2013 г. Прити Патель была назначена Дэвидом Кэмероном Чемпионом индийской диаспоры в Великобритании (UK Indian Diaspora Champion). Именно она возглавила британскую делегацию на очередном всемирном съезде индийской диаспоры Праваси бхартия дивас в 2015 г., состоявшемся в г. Гандинагар, шт. Гуджарат. В своём выступлении перед деловой аудиторией в ходе той поездки, представительница британской общины гуджарати Прити Патель активно убеждала своих индийских соплеменников-бизнесменов в необходимости более тесного сотрудничества с Великобританией по всему спектру двусторонних отношений¹⁵. В январе 2016 г. Алок Шарма занял пост специального посланника премьер-министра по инфраструктурным проектам в Индии (Prime Minister's Infrastructure Envoy to India). Лондон проявляет большой интерес к возможности инвестиций в масштабные инфраструктурные проекты в Индии. Таким образом, Великобритания теперь в значительной степени использует возможности индийской диаспоры для расширения своих позиций в Индии, особенно в торгово-инвестиционной сфере, что, учитывая, экономическую конъюнктуру и предстоящий выход страны из ЕС, приобретает для британского правительства первостепенное значение.

При голосовании на референдуме о выходе Великобритании из ЕС среди индо-британцев не было консолидированного мнения, хотя оба лагеря – «за» и «против» выхода – вели активную агитацию в диаспоре. Многие публичные фигуры выступали против выхода из Евросоюза, в то время как Ассоциация индийских рабочих убеждала соотечественников голосовать за выход из ЕС. Прити Патель к тому времени стала одним из основных спикеров консервативной партии по вопросам, связанным с Индией, и в одном из своих выступлений, которое подхватили индийские СМИ, высказалась о том, что выход Британии из ЕС будет способствовать укреплению британско-индийских отношений [17, с.179].

¹⁴ Зять Нараяна Мурти – выдающегося индийского предпринимателя и общественного деятеля, одного из основателей индийской компании-гиганта в сфере IT-технологий Infosys.

¹⁵ Выступление Прити Патель в Торговой палате Гуджарата 07.01.2015 "New opportunities are now opened up for deeper ties between the UK and India". URL: <http://www.gov.uk/government/speeches/new-opportunities-are-now-opened-up-for-deeper-ties-between-the-uk-and-india> (дата обращения 20.01.2017).

Примером того, что индийская диаспора становится фактором внутренней политики как в Великобритании, так и в Индии, может также служить проблема межкастовых отношений в рамках индийской общины, в частности, по вопросу о положении далитов (представителей низших каст и неприкасаемых). Лидер лейбористов Дж. Корбин, защитник притесняемых индийцев, выступает в поддержку законодательного запрета дискриминации на основе кастовой принадлежности. Его оппоненты (активисты индуистских организаций и консерваторы) говорят о том, что в Британии действующих законодательных мер против дискриминации вполне достаточно, а наличие дискриминации по кастовому признаку не доказано, и принятие подобных законов было бы оскорблением для индийской диаспоры. Высказывается мнение, что успешные примеры борьбы против дискриминации на основе кастовой принадлежности в Соединённом Королевстве позволяют надеяться, что характерные для Индии проблемы не будут перенесены на британскую почву, и, более того, поспособствуют улучшению положения далитов и других ущемляемых в правах граждан в самой Индии [6].

Индийские партии в полной мере осознают масштаб влияния диаспоры Великобритании и стремятся заручиться её поддержкой, прежде всего финансовой. Свои отделения во многих городах Великобритании имеют все основные индийские политические силы, прежде всего Индийский национальный конгресс и Бхаратия джаната парти, сегодня уверенно контролирующая парламент Индии и пользующаяся массовой поддержкой населения как в Индии, так и за её пределами.

Вопросы защиты прав индийцев за рубежом были одной из важнейших тем на этапах формирования «Индийского национального конгресса» (эта старейшая партия была основана в 1885 г.) вплоть до обретения Индией независимости. Однако на современном этапе большей поддержкой индийского бизнеса и широких кругов индийцев за рубежом, в том числе в Великобритании, пользуется «Бхаратия джаната парти» [18, с. 23].

Так было не всегда. Индийская диаспора в Великобритании долгое время не воспринималась властями Индии в качестве союзницы. В 1947 г. после раздела на враждующие государства Индию и Пакистан индийские лидеры поначалу дистанцировались от диаспоры. В 1955 г. в Индии был принят закон о гражданстве, в отличие от аналогичного закона в Пакистане не предполагавший двойного гражданства. Таким образом, представителям индийской диаспоры во всех бывших британских колониях пришлось делать выбор, и те, кто уже успел получить паспорта других стран, перестали быть гражданами Индии.

Индийские власти всегда беспокоило, что Великобритания остаётся гаванью многих радикальных и экстремистских группировок, целью которых является Индия. Наиболее известные из них – это сепаратисты, требующие создания сикхского государства Халистан и независимого Кашмира. У индийских властей вызывает озабоченность возможная финансовая подпитка из-за границы сепаратистских группировок северо-восточных штатов. В Великобритании

значительное число сторонников имеют региональные индийские партии, такие, например, как пенджабская партия «Акали Дал» [10, с. 578]. Существуют и общественные организации по кастовому признаку, например, «Сеть солидарности далитов». Общее настроение индийских властей ранее выражалось в излишней забюрократизированности работы индийских ведомств с представителями диаспоры, отсутствии чёткой политики относительно взаимодействия с ними. Ситуация начала меняться в 1990-е гг., и многие проблемы, копившиеся годами, удалось решить.

Произошедшее на рубеже веков изменение подхода индийских властей к отношениям с диаспорой связано с ростом благосостояния и влияния её представителей. С увеличением в начале 1980-х гг. объёма денежных переводов в Индию от родственников, проживающих и работающих за рубежом, термин «нерезидент индийского происхождения» стал использоваться шире и вошёл в официальный лексикон индийских чиновников. Чёткого определения этого термина, как и понятия «лицо индийского происхождения», тогда не было.

В годы правления Р. Ганди были сделаны первые шаги по институционализации отношений с диаспорой и более активному участию Индии в делах индийских общин разных стран, предоставлена помощь в решении актуальных проблем индийцев, например, в Фиджи в 1987 г. [20, с. 87]. Индийское правительство оказало содействие в организации и проведении в Нью-Йорке в 1989 г. Первой всемирной конвенции зарубежных индийцев. В 1990–1991 гг., во время войны в Персидском заливе, Индия организовала эвакуацию тысяч соотечественников, оказавшихся в зоне боевых действий в Ираке и Кувейте. Это были первые признаки потепления отношения индийского правительства к диаспоре. На фоне острого экономического кризиса, охватившего Индию в 1990-е гг., в индийских политических и в академических кругах заговорили о том, что правительство упускает из виду важный потенциальный фактор роста, а именно индийскую диаспору за рубежом [11]. На диаспору стали смотреть с надеждой, понятие «нерезидент индийского происхождения» получило массовое распространение и вошло в обиход. Правительство «Бхаратия джаната парти» под руководством Атала Бихари Ваджапаи стало действовать в этом направлении заметно активнее. В 1998 г. индийскими властями был введён новый документ – карточка «лица индийского происхождения», которая выдавалась индийцам, проживающим в определённых странах, в том числе в Великобритании. Владельцы этого документа пользовались правом безвизового въезда в Индию, имели некоторые льготы в сфере инвестиций и образования в Индии. В настоящее время по индийской официальной классификации к «лицам индийского происхождения» относятся выходцы из Индии (в том числе из колониальной Индии за исключением территорий, входящих в современные Пакистан и Бангладеш), проживающие за рубежом и не являющиеся гражданами Индии. К «нерезидентам индийского происхождения» относятся ин-

дийские граждане, пребывающие за пределами Индии свыше 182 дней в год. Общая численность таких трудовых мигрантов из Индии (нерезидентов индийского происхождения) составляет более 11 млн человек. По этому показателю Индия занимает второе место после Мексики [1, с. 289]. Сегодня среди индийских трудовых эмигрантов растёт доля квалифицированных работников (медиков, программистов, менеджеров), выезжающих в основном в США, Канаду и в страны Западной Европы, в то время как раньше среди мигрантов преобладали рабочие строительных специальностей, массово направлявшиеся в страны Персидского залива. Доля таких лиц в общем объёме трудовой миграции из Индии упала, в числе прочего, из-за снижения нефтяных цен и замедления темпов роста экономики стран Залива в 2014–2016 гг.

В 2000 г. Министерство иностранных дел Индии учредило Комитет высокого уровня по делам индийской диаспоры под председательством доктора Л.М. Сингхви, парламентария и бывшего посла Индии в Великобритании. Комитету было поручено подготовить доклад о положении индийской диаспоры в различных странах мира, о проблемах представителей диаспоры и об их ожиданиях от индийского правительства. Доклад был представлен премьер-министру в январе 2002 г.¹⁶ Он стал первым публичным масштабным исследованием диаспоры, проведённым по заказу индийского правительства. В январе 2003 г. правительство Индии изменило закон о гражданстве 1955 г.: впервые двойное гражданство разрешено получать индийцам в Великобритании, Канаде, Финляндии, Ирландии, Италии, Австралии, США и Нидерландах. Закон подвергся критике со стороны диаспоры стран, не вошедших в список. Лишь в 2004 г. правительство под руководством М. Синха «Индийский национальный конгресс», продолжившее курс на восстановление связей с диаспорой, взятый ранее «Бхаратия джаната парти», приняло решение о предоставлении двойного гражданства всем индийцам, находящимся за границей, эмигрировавшим после 26 января 1950 г.¹⁷ Гражданство предоставляется без права голоса на выборах и в соответствии с законами о двойном гражданстве стран проживания. В мае 2004 г. в Индии было сформировано Министерство по делам индийцев, проживающих за рубежом. В январе 2016 г. оно было упразднено, его функции вернулись к Министерству иностранных дел, а его руководитель Сушма Сварадж возглавила МИД Индии, что стало дополнительным свидетельством того, какое большое значение придаёт Индия работе с диаспорой. День диаспоры отмечается 9 января, начиная с 2002 г. Этот день выбран не случайно: именно 9 января в 1915 г. Махатма Ганди вернулся в Индию из Южной Африки. Обычно к этому дню приурочены масштабные конференции диаспоры. С 2003 по 2015 г. такие конференции проводились ежегодно в крупных городах Индии. Конферен-

¹⁶ Доклад Комитета высокого уровня по вопросам индийской диаспоры. indiandiaspora.nic.in. 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>, (дата обращения 20.01.2017)

¹⁷ Дата принятия первой конституции Индии и провозглашения Республики Индии вместо Индийского союза.

ция 2015 г. состоялась в Гандинагаре, в штате Гуджарат, на родине премьера Нарендры Моди. Начиная с 2017 г. конференции диаспоры будут проводиться раз в два года. Первая конференция прошла в Нью-Дели в 2003 г. В присутствии более тысячи делегатов, среди которых были выдающиеся представители диаспоры разных стран мира, премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджпаи тогда сказал: «Многие из вас – или ваши предки – покинули Индию в поисках счастья или лучшей доли. Сегодня сама Индия стала территорией возможностей. Мы хотим поделиться с нашей обширной семьёй нашими достижениями, надеждами, заботами, планами и целями... Мы приглашаем вас не только разделить с нами наше представление об Индии в новом тысячелетии, но и помочь нам сформировать его очертания. Мы не хотим только лишь ваших инвестиций. Мы хотим услышать и ваши идеи. Нам не нужны ваши богатства, нам нужно богатство вашего опыта» [20, с.88].

Отношения между Великобританией и Индией существенно изменились на рубеже веков, когда Лондон стал наращивать активность на международной арене в рамках стратегии «глобального вовлечения». Лейбористское правительство Т. Блэра объявило о курсе на стратегическое партнёрство с Индией в 2005 г. В мае 2010 г. в своей тронной речи Елизавета II заявила о намерении установить «расширенное партнёрство» с Индией, не упомянув при этом никакую другую страну [3, с. 783]. Индия к тому времени сделала заметный рывок вперёд: росла не только её экономическая, но и политическая мощь. Великобритания не была в то время для Индии единственным приоритетом – интенсификация контактов Индии шла по всем направлениям, в том числе и с Вашингтоном, что заставило Великобританию действовать решительнее. Был применён весь арсенал средств, в том числе влияние и добрая воля индийской диаспоры в Великобритании.

В июле 2010 г. британский премьер Д. Кэмерон посетил Нью-Дели в предверии Игр Содружества. Этот визит стал самым представительным за всю историю поездок британских премьер-министров в Индию [3, с. 782]. Кэмерона сопровождала делегация из 68 человек, включавшая шесть членов кабинета, в том числе министров финансов и иностранных дел, а также представителей бизнеса, «капитанов» британской промышленности, видных деятелей культуры и спорта. Банковский сектор, а также индийскую диаспору в делегации представлял Аншу Джайн, в то время один из руководителей Дойче банка. По итогам переговоров был подписан ряд двусторонних соглашений и меморандумов о взаимопонимании в области транспорта, образования, экологии, инвестиций, культуры, а также в военной сфере. Было принято решение поднять англо-индийские отношения до уровня «расширенного партнёрства ради будущего».

Сегодня крупный бизнес многих стран с надеждой наблюдает за стремительным ростом в Индии среднего класса, который, по некоторым оценкам, к 2030 г. будет самым многочисленным в мире¹⁸. Конкуренция за этот рынок в

начале XXI в. похожа на лихорадочный поиск новых торговых путей в Индию в XV в. Как Индия распорядится повышенным к себе вниманием влиятельных мировых держав, включая бывшую метрополию? Сегодня Индия – один из главных внешнеполитических приоритетов Британии. После финансового кризиса 2008 г. и учитывая предстоящий выход из ЕС, Лондон ищет новые драйверы роста и с особым чаянием смотрит на свою бывшую колонию, развивающуюся опережающими темпами. Британские компании рассчитывают, что уникальные отношения, всегда связывавшие две страны, трансформируются во взаимовыгодное приоритетное партнёрство и в экономической сфере. Роль проводника в развитии качественно новых связей отводится индийской диаспоре, причём не только её тяжеловесам, таким как Л. Миттал и братья Хиндуджа, но и предпринимателям среднего звена. Британский бизнес, значительная доля которого находится в руках выходцев из Индии, делает ставку на растущий индийский рынок. Такие оптимистичные ожидания привели к тому, что Великобритания стала лидером по объёму прямых инвестиций в Индию среди стран «двадцатки», вложив в экономику страны более 20 млрд долл. На британских предприятиях в Индии в 2015 г. трудились 700 тыс. человек¹⁹.

В свою очередь, Индия стала одним из крупнейших источников инвестиций в Великобританию: в 2007 г. по этому показателю она была на втором месте после США. Более 50% индийских инвестиций в ЕС приходилось на Великобританию. Товарооборот осуществлялся с отрицательным для Великобритании сальдо [3, с. 783]. Великобритания позиционировалась и рассматривалась бизнесом обеих стран как окно в Европу для индийских компаний. В 2005–2010 гг. индийские (и китайские) инвесторы активно приобретали компании по всему миру, в том числе и в Великобритании. Громкой сделкой стало приобретение британских компаний Jaguar Land Rover и Cogus индийским конгломератом Tata Industries за 1,15 и 5,75 млрд фунтов стерлингов соответственно. В 2016 г. часть сталелитейных активов, принадлежащих Tata Steel, выкупил предприниматель индийского происхождения, владелец компании Liberty House Санджив Гупта, стремящийся консолидировать находящуюся в глубоком кризисе британскую сталелитейную отрасль и реанимировать производство на основе новых экологически чистых технологий²⁰.

Индия заинтересована в сотрудничестве с Великобританией в таких сферах, как финансы, инфраструктура, цифровая экономика. Сейчас Индия прилагает большие усилия по стимулированию и развитию высокотехнологичного производства на своей территории, в том числе совместно с британскими компаниями. Между двумя странами заметно интенсифицировался обмен визитами на уровне глав руководителей министерств и ведомств. Первую международную

¹⁸ Britain and India. Marriage a-la-Modi // The Economist. 14.11.2015.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Индийский бизнесмен спасает британские металлургические заводы. Vedomosti.ru. 23.12.2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/12/23/670908-biznesmen-spasaet>, (дата обращения 20.01.2017)

двустороннюю встречу за пределами Европы премьер-министр Великобритании Т. Мэй провела именно с индийским лидером, в Дели, приняв участие в индийско-британском технологическом саммите и конференции по сотрудничеству в сфере высоких технологий (ноябрь 2016 г.).

Среди вопросов, омрачающих ренессанс двусторонних отношений – ужесточение политики выдачи британских виз индийским студентам. Количество индийцев, зачисленных в британские вузы, стабильно росло с 2001 г., составив к 2010 г. почти 40 тысяч. С последовавшим введением более строгих правил выдачи учебных виз число зачислений уменьшилось вдвое. Сегодня по этому показателю Великобритания значительно уступает США, наоборот, сделавшим ставку на привлечение в свои университеты талантливой молодежи из Индии. Рост выдачи студенческих виз индийцам наблюдается и в Австралии²¹. Индийская диаспора в США на сегодняшний день более чем в 2 раза превосходит по численности диаспору в Великобритании, но в отличие от Великобритании, где диаспора складывалась десятилетиями, если не сказать столетиями, в США более чем половина проживающих индийцев прибыла после 2000 г.²². В большинстве своём это высококвалифицированные профессионалы среднего возраста, в том числе бывшие студенты, приехавшие на учёбу в США. Индия придаёт большое значение международной мобильности своих профессиональных кадров и возможностям индийских студентов обучаться в лучших университетах мира, поэтому вопрос доступности виз сохранит свою актуальность.

Великобритания, во многом из соображений экономической выгоды, а также под влиянием индийской общины, значительная часть которой (750 тыс. человек) – выходцы из Гуджарата [1, с. 81], ослабила критику в адрес националистической позиции Н. Моди и обвинения в притеснениях мусульман, которые громко звучали в западной прессе, особенно в Великобритании, во время пребывания Моди на посту руководителя этого штата. При посещении стран с многочисленной индийской диаспорой Моди ввёл за правило обращаться к соплеменникам напрямую. Масштабный ралли-митинг на стадионе «Уэмбли» – встреча харизматичного премьера с индо-британцами во время его визита в Лондон в ноябре 2015 г. – по оценкам, собрал свыше 55 тыс. человек, то есть больше, чем на аналогичном мероприятии в Нью-Йорке в «Мэдисон Сквер Гарден» в 2014 г. Среди представителей диаспоры в Великобритании индийский премьер пользуется популярностью и поддержкой едва ли не большей, чем у себя на родине. К этому не могут не прислушиваться британские политики. Принимая Н. Моди, Д. Кэмерон оказал ему все возможные почести.

Существует мнение, что предстоящий выход Великобритании из ЕС, а также последовавшая за референдумом девальвация фунта стерлингов не только больно ударят по объёмам взаимной торговли между Великобританией и Индией²³, но и нанесут значительный урон двусторонним отношениям. Ожидает-

³¹ | Britain and India. Marriage a-la-Modi // The Economist. 14.11.2015.

²² The diaspora. The worldwide web // The Economist. 23.05.2015.

ся, что сильнее всего могут пострадать индийские фармацевтические гиганты и автопроизводители, для которых Великобритания была главной площадкой для расширения присутствия на европейском рынке. С другой стороны, слабый фунт расширил возможности тем индийским предпринимателям, кто обдумывал возможную покупку активов в Британии. Можно предположить, что Великобритания будет с удвоенной силой агитировать Индию за дальнейшую либерализацию двусторонней торговли и важным проводником её позиции будут именно представители диаспоры.

Хотя все последствия выхода Британии из ЕС в сочетании с общим замедлением мировой экономики (в том числе в странах БРИКС) и меняющимися политическими реалиями пока сложно поддаются всесторонней оценке, не вызывает сомнений, что индийская диаспора продолжит оказывать воздействие на внутривнутриполитическую, социальную и экономическую обстановку в Великобритании, а также останется важным фактором взаимосвязи, сотрудничества и взаимозависимости двух стран. Новая Индия также нуждается в своих соотечественниках за рубежом. Диаспора для неё – не только источник финансов, фактор влияния на экономику, но и важный носитель компетенций и технологий. Кроме того, индийская диаспора – это ещё и значительный инструмент лоббирования, прежде всего в Лондоне и в Вашингтоне. Известно, что диаспора играла важную роль в отмене санкций, введённых США в отношении Индии после ядерных испытаний 1998 г., и в последующем заключении между двумя странами договоренностей о сотрудничестве в сфере атомной энергетики [9 с. 256]. Что не менее важно, диаспора является одним из главных проводников «мягкой силы» Индии в странах Запада, прежде всего, в Великобритании, и её влияние в Соединённом Королевстве продолжит расти.

Список литературы

1. Галищева Н.В. Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М.: Буки Веди, 2013. 502 с.
2. Галищева Н.В. Депозиты диаспоры – еще один двигатель экономики Индии // Азия и Африка сегодня. 2012. №. С. 54–59.
3. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016. 840 с.
4. Котин И.Ю. Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
5. Brown J.M., The role of modern diaspora in the UK-Indian relationship // Johnson, Kumar eds. Reconnecting Britain and India. New Delhi: Academic Foundation, 2012. 284 p.
6. Dalwai S. Caste on UK shores. Legal lessons from the diaspora // Economic and Political Weekly. 2016. No. 51 (4). Pp. 19–23. SCOPUS
7. Ferguson N. Empire: the rise and demise of the British world order and the lessons for global power. London: Penguin Group, 2004. 400 p.
8. Jayaram N. The Indian Diaspora. Dynamics of Migration. New Delhi: Sage Publications, 2004. 255 p.
9. Jha N.N. Singh S. Modi's Foreign Policy. Challenges and Opportunities. New Delhi: Pentagon Press, 2016. 350 p.
10. Keay J. India. A history: from the earliest civilisations to the boom of the twenty-first

²³ Trade between UK and India to suffer double hit, says business chief // Guardian.co.uk. 05.11.2016.

- century. London: Harper Press, 2000. 608 p.
11. Lall M.C. India's Missed Opportunity. India's relationship with the Non Resident Indians. Ashgate Publishing, 2001. 249 p.
 12. McCartney M., Gill A. From South Asia to Diaspora: Missing Women and Migration // School of Oriental and African Studies University of London. School of Social Science Roehampton University. Working papers. No. 152. November 2007. 33 p.
 13. Palat R.A. Empire, Food and the Diaspora: Indian Restaurants in Britain // Journal of South Asia Studies. 2007. No. 38 (2). Pp. 171–186. DOI: 10.1080/00856401.2015.1019603
 14. James L. Raj. The making of British India. London: Abacus, 1998. 768 p.
 15. Ray J.K. India's Foreign Relations, 1947-2007. Routledge India, 2013. 830 p.
 16. Rozina V. Ayahs, Lascars and Princes: Indians in Britain 1700–1947. London: Pluto Press, 1986. 304 p.
 17. Scott, D. India's rise: UK perspectives. International Affairs (Chatham House), 93.1, Jan.2017, Pp.165-188.
 18. Sharma Sh. The Life of Hindus in Britain // IIAS Newsletter. 2002. No. 27. P. 23.
 19. Tharoor Sh. An Era of Darkness. The British Empire in India. New Delhi: Aleph, 2016. 360 p.
 20. The Encyclopedia of the Indian Diaspora. Ed. by Lal B.V. Oxford: Oxford University Press, 2006. 416 p.

Об авторе:

Лидия Викторовна Кулик – соискатель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: lkulik@scp.ru.

INDIAN DIASPORA IN THE UK

L.V. Kulik

DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-160-183

Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The author traces the history of formation of the Indian diaspora in the UK, evaluates the key trends that characterize the current state of diaspora. The article highlights the level of involvement and participation of diaspora in the evolution of the bilateral relations, as well as the influence of diaspora over home and foreign policy in the UK and India.

The diaspora today is not just a unique vibrant connection between the two countries, it has also become a factor of influence over domestic, social and economic affairs in both the UK and India. There is a growing number of Indians among British statesmen and politicians. Indians occupy significant posts in various sectors in Britain, including business and finance. This contributes to strengthening of economic ties between the two countries, particularly important considering Britain's forthcoming exit from the EU. As to internal political matters, though potential issues exist (those include, for instance, the possible transfer from India into Britain of problematic inter-caste relations, India's criticism over unbalanced approach to teaching colonial history in British schools), the Indian diaspora due to its' inherent tolerance and moderation generally plays a stabilizing role in the UK, especially on the background of radicalization of other ethnic communities. For the new India the diaspora today is not just an important source of financing, competences and know-how, it is also a significant lobbying and soft-power instrument.

This article is part of a broader research, related to the contemporary relations between the United Kingdom and India. Indian diaspora in the UK is an integral part of the unique centuries-long history that connects the two countries. It is poised to remain a strong factor contributing to interdependence and cooperation between Britain and India in the XXI century.

Key words: Indian diaspora in the UK, history of formation of diaspora in colonial and postcolonial period, key trends in development, political and economic influence, factor in domestic affairs and foreign policy, relations between Britain and India.

References

1. Galishcheva N.V. *Indiia v mirovom khoziaistve na rubezhe vekov* [India in world economy between the centuries]. Moscow, BukiVedi Publ., 2013. 502 p.
2. Galishcheva N.V. Depozity diasporы – eshche odin dvigatel' ekonomiki Indii [Diaspora's deposits – one more engine of India's economy]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2012, no. 7, pp. 54–59.
3. Kapitonova N.K., Romanova Ye.V. *Istoriia vneshnei politiki Velikobritanii* [History of foreign policy of Great Britain]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2016. 840 p.
4. Kotin I.Y. *Tiurbani "Union Dzhek". Vykhodtsy iz Iuzhnoi Azii v Velikobritanii* [Turban and "Union Jack". Descendants from South Asia in Great Britain]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 228 p.
5. Brown J.M., *The role of modern diaspora in the UK-Indian relationship*. Johnson, Kumar eds. *Reconnecting Britain and India*. New Delhi: Academic Foundation, 2012. 284 p.
6. Dalwai S. *Caste on UK shores. Legal lessons from the diaspora*. Economic and Political Weekly. 2016. No. 51 (4). Pp. 19–23.
7. Ferguson N. *Empire: the rise and demise of the British world order and the lessons for global power*. London. Penguin Group, 2004. 400 p.
8. James L. *Raj. The making of British India*. London. Abacus, 1998. 768 p.
9. Jayaram N. *The Indian Diaspora. Dynamics of Migration*. New Delhi. Sage Publications, 2004. 255 p.
10. Jha N.N., Singh Sudhir. *Modi's Foreign Policy. Challenges and Opportunities*. New Delhi. Pentagon Press, 2016. 350 p.
11. Keay J. *India. A history: from the earliest civilisations to the boom of the twenty-first century*. London. Harper Press, 2000. 608 p.
12. Lall M.C. *India's Missed Opportunity. India's relationship with the Non Resident Indians*. Aldershot, 2001. 249 p.
13. McCartney M., Gill A. *From South Asia to Diaspora: Missing Women and Migration*. School of Oriental and African Studies University of London. School of Social Science Roehampton University Working Papers, no. 152, November 2007. 33 p.
14. Palat R.A. *Empire, Food and the Diaspora: Indian Restaurants in Britain*. *Journal of South Asia Studies*, 2015, 38 (2), pp. 171–186.
15. Ray J.K. *India's Foreign Relations, 1947-2007*. Routledge India, 2013. 830 p.
16. Rozina V. *Ayahs, Lascars and Princes: Indians in Britain 1700–1947*. London, Pluto Press Publ., 1986. 304 p.
17. Scott, D. *India's rise: UK perspectives*. *International Affairs* (Chatham House), 93.1, Jan.2017, Pp.165-188.
18. Sharma Sh. *The Life of Hindus in Britain*. *IIAS Newsletter*, 2002, no. 27, p. 23.
19. Tharoor S. *An Era of Darkness. The British Empire in India*. New Delhi, Aleph Publ., 2016. 360 p.
20. *The Encyclopedia of the Indian Diaspora*. Ed. by Brij Lal. Oxford. Oxford University Press, 2006. 416 p.

About the author:

Lydia Viktorovna Kulik – PhD student, department of History and politics of the European and American countries of MGIMO University, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo 76. E-mail: lkulik@scp.ru.

MEXICO ON A CRIMINAL TRAFFIC SCENARIO

B.F. Martynov, M.P. Moloeznik

Moscow state institute of international relations (MGIMO-University)
University Center for Social Sciences and Humanities of the University of Guadalajara

The article describes the problem of organized crime in modern Mexico. It addresses the activities of criminal clans, which profoundly evolved since the 1930s. The US-Mexican extensive border length and the stable demand for drugs in the United States leads to the continuous flow of illegal migrants and drugs from Mexico to the US and American firearms back to Mexico. First, the authors address the issue of interconnectedness of crime in the neighboring countries. Second, they describe the geographical distribution of crime activity. It shows the influence of organized crime on the political life in Mexico and ways of its adaptation to law enforcement pressure, namely division and disaggregation.

The authors state that the fight against organized crime was ineffective in Mexico in 2006-2012, because it ignored political and cultural realities, it used exclusively force and almost did not involve civil society. In addition, it only increased the level of violence in the country and contributed to the growth of corruption in the ranks of law enforcement. Moreover, it increased the level of violence in the country and contributed to the growth of corruption in the ranks of law enforcement. Many of its components had a pronounced «pre-election» character, aimed at attracting the voter with the promise of an «early and decisive victory» over criminals.

The article proposes new approach to the problem of organized crime in Mexico. To start with, government should refuse to use unilateral, as well as politicized and opportunistic actions. The involvement of civic society is of ultimate importance.

Key words: Mexican organized crime, drug cartels, illegal immigration, drug traffic, US-Mexican relations.

*“State and Mafia are two powers occupying the same territory:
or they make war or they make an agreement”*

Paolo Borsellino (1940-1992)

Italian judge assassinated by Mafia

The level of organized crime in contemporary Mexico is unbelievably high. Mexico and the United States are connected by one of the longest borders in the world (3.200 km), which encourages trafficking of all kind that actually began in the 19th century and was boosted during the years of the Mexican revolution (1910 – 1917).

The second half of the 1920's and early 1930's, the Prohibition years in the US history, witnessed the start of Mexican smuggling of alcohol to the north¹, so that by the end of the 1930's the main flow of the trafficking shifted completely to the US side of the border. It contributed to the growth and diversification of Mexican criminal cartels, which spread their activities along both sides of the border. The oldest and the most notorious one of them was the *Cartel del Golfo* (*Cartel of the Gulf*) flourishing precisely on bootlegging.

The present stage of evolving criminal activities in Mexico is shaped by extension of trafficking over two new “goods”: people and drugs [8, p. 120]. This diversification has greatly increased the overall level of violence in the country. It can hardly be called simply “crime” because some big clans, such as *Los Zetas* and *Los Caballeros Templarios* among others, have characteristics of terrorist organizations, practicing executions, propagating terror, struggling to change local and municipal authorities. The wave of criminality moves to the South, spreading to the states of the country that earlier enjoyed relative political stability. The wave of criminality expands further to the South – to the Central American and Caribbean countries.

The growing migration of Mexican workers to the north brings to life different illegal facilities for border crossing: special people (“*los pollos*”), secret gathering points, transport and logistics services etc. The tariffs for the would-be migrants are constantly growing, increasing from about \$ 1000 per person in the 1990s to \$3000-20000 (!) per person in 2014. Such facilities either merge with the bigger criminal groups, or evolve into “independent” full-scale gangs.

The newest feature in this criminal business is the *juvenile traffic*, when children cross the border without documents and not accompanied by parents. Only in 2014 the US border guards prevented the trafficking of around 70 thousands (!) of such transgressors², the greater part of them originating not from Mexico, but from the other Central and South America countries. Mexico serves as a transit county for traf-

¹ This phenomenon has acquired even greater size in Cuba, where the bootlegging contributed to the creation of the local criminal clans and their cooperation with the branches of the US mafia. The Cuban Revolution of the 1959 put an end to these activities in both countries.

² González J. EEUU desbordado por la “crisis humanitaria” de los niños sin papeles. BBC Mundo. 21.06.2014. Available at: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/06/140620_eeuu_crisis_humanitaria_menores_indocumentados_jg (accessed: 23.02.2017).

ficking to the US, which, on the one hand, exacerbates the US – Mexican relations, and, on the other, makes it necessary for Mexico to secure its southern borders.

A substantial part of trafficking in human is prostitution. Young women from Mexico are “invited” to work in night clubs and brothels on the US territory. This “industry” is especially developed in the northern states of Mexico, where disappearing and killing of women have become notorious, the most known cases being the Mexican cities of *Ciudad Juarez* and *Veracruz*³. In 2012 “white slave” trade earned Mexican criminal cartels around \$10 bln⁴.

Trafficking in humans and drugs to the north is the most profitable business for Mexican criminal groups. A Russian scientist M. Chumakova notes that in the period from 2000 to 2009 the number of crimes connected with the drug traffic in Mexico has increased 2.6 times [2]. Simultaneously, Mexico and the Central American countries receive large stocks of the US firearms, which are used in the criminal wars among Mexican gangs.

Until recently around 95% of illegal firearms confiscated in Mexico have the US origin. “The US demand for narcotics and the Mexican – for the American firearms formed the bases of the Mexican drug cartels”, – notes Shannon O`Nail of the Council for Foreign Relations [7, p. 7]. According to FBI, “the ramifications of those extremely powerful criminal gangs can be found nowadays in thousands of American cities”⁵.

Mexico differs from other Latin American countries in production of drugs. Its climatic and natural conditions allow it to cultivate both cannabis (marijuana) and opium. The newest trend is a dramatic rise in the production of the synthetic drugs, which is greater than in other Latin American countries (except Argentina). The geographic proximity to the US increases the role of Mexico as an important transit territory for the South American cocaine (from the Andean countries) [10, p. 90]. In this respect the evolution of the Mexican drug cartels from mere bootlegging structures in the 1930's to the contemporary gangster conglomerates with “diversified” business interests is illustrative of a continuous criminalization trend.

Mexico begins 21st century with the predominance of four big drug organizations: the *Gulf Cartel*, *Los Carrillo Fuentes*, *La Federación* and the *Arellano Felix*. In 1980's and 1990's they were nothing more, than mere groups of criminals, supplying the US market with cocaine and marijuana from South America. As it turned out later they used that time to sophisticate their modus operandi and to accumulate the initial financial base for the subsequent growth.

The accumulated capital allow them to expand their influence in the informal economy and create diversified criminal social networks, including business and government bodies to protect their business. They engage in government and public af-

³ Drug violence in Mexico. Data and Analysis through 2015. Special report. Justice in Mexico. University of San Diego. Available at: <https://justiceinmexico.org/wp-content/uploads/2016/04/DrugViolenceinMexico-Final-2015.pdf> (accessed: 23.02.2017).

⁴ Pérez Salazar J.C. México y el infierno de la trata de mujeres. BBC Mundo. Available at: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2013/11/131111_mexico_trata_mujeres_prostitucion_jcps (accessed: 23.02.2017)

⁵ 6. Federal Bureau of Investigation (FBI). National Drug Treatment Assessment: Emerging Trends. Washington D.C., 2011. P.6.. Available at: <https://www.fbi.gov/file-repository/stats-services-publications-2011-national-gang-threat-assessment-2011-national-gang-threat-assessment-emerging-trends> (accessed: 23.02.2017)

fairs establishing networks in local communities and municipalities to safeguard their profits.

Over the last twenty-five years Colombia and Mexico are the two cases of successful criminal organizing of trafficking. Both in Mexico and Colombia the cocaine profits in the 1980s and early 1990s stimulated the growth of countries' major criminal networks and unleashed a wave of violence in them. In mid 2012 the Mexican criminal gangs began to gradually follow the Colombian pattern of dispersion and fragmentation. In 2000 the *Tijuana* cartel (belonging to the *Arrellano Félix* family) and the *Juárez* cartel (*Carrillo Fuentes* family) were the two largest and the most powerful drug trafficking organizations in Mexico. Since 2000, after the measures taken by the administration of Vicente Fox, first the *Tijuana* and then the *Juárez* entered the process of fragmentation. In their place there appeared at least four new major trafficking organizations: the *Sinaloa* cartel, the *Familia Michoacana*, the *Beltrán Leyva* and the *Los Zetas*, besides other smaller and less known groups. This dispersion of criminal networks in Mexico resembles the pattern that took place in Colombia in the 1990s. [1, p. 8].

This trend if continues should be welcomed by the Mexican government, because the smaller and the less powerful groups would hardly challenge the interests of the state bureaucracy in the same manner as the greater ones usually did.

Table 1. Mexican Cartels, 2006-2010

2006	2007-2009	2010
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Pacífico Cartel</i> 2. <i>Juárez Cartel</i> 3. <i>Tijuana Cartel</i> 4. <i>Cartel del Golfo</i> 5. <i>La Familia Michoacana</i> 6. <i>Milenio Cartel</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Pacífico Cartel</i> 2. <i>Beltrán Leyva Cartel</i> 3. <i>Juárez Cartel</i> 4. <i>Tijuana Cartel</i> 5. <i>El Teo Faction</i> 6. <i>Golfo-Zetas Cartel</i> 7. <i>La Familia Michoacana</i> 8. <i>Milenio Cartel</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Pacífico Cartel</i> 2. <i>Pacífico Sur Cartel</i> 3. <i>Acapulco Independent Cartel</i> 4. <i>La Barbie Cartel</i> 5. <i>Juárez Cartel</i> 6. <i>Tijuana Cartel</i> 7. <i>El Teo Faction</i> 8. <i>Golfo Cartel</i> 9. <i>Zetas Cartel</i> 10. <i>La Familia Michoacana</i> 11. <i>La Resistencia Cartel</i> 12. <i>Jalisco Cartel – Nueva Generación</i>

Source: [3].

In 2012 the financial growth of the Mexican drug market stimulated the increase in number of organizations capable to export drugs internationally from four to nine. The information obtained from the Mexican law enforcement structures, enabled us to set out a list of them (see table 1.). It is headed now by the *Sinaloa* cartel and followed by the *Cartel Jalisco Neva Generación* (CJNG), the *Beltran Leyva*, the *Carrillo Fuentes*, the *Gulf Cartel* (CDG), the *Los Zetas*, the *Arellano Felix*, the *Familia Michoacana* and the *Caballeros Templarios*.

A former Attorney General Rafael Macedo de la Concha presented in 2005 to the Public Security Commission of a Mexican Senate a list of 490,000 (!) complaints related to drug sales across the country during the administration of Vicente Fox. This allowed identifying more than 10,000 retail drug points active only in Mexico City. 2,000 of them were revealed in the state of Baja California and 2,000 – in the states of Sinaloa, Chihua-

hua, Tamaulipas and Jalisco. One thousand points were discovered in the states of Nuevo Leon, Guerrero, Quintana Roo, and about 500 – in the rest of the states of the Union⁶.

Spatial Dimension

Was there any result of the “war on drugs” declared by the president F. Calderon still at play in 2006? We believe, that the results were rather untraceable. According to the latest official report of the Attorney General: “From 2014 to 2016 the organized crime groups remained in Mexico almost intact. The *Jalisco Nueva Generación* cartel lost its presence only in one single entity: in Mexico City. This criminal group currently maintains its presence in eight states: more than any other criminal organization in this country. Its operations seem to be highly centralized and its presence does not depend on other criminal cells, but rather – on its own structure. In five states - Jalisco, Colima, Guanajuato, Nayarit and Veracruz – it is the only criminal group. Their presence is noticeable in Morelos, Guerrero and Michoacán. Those areas are actively claimed by rival cartels⁷. Official data register presence of the organized crime in 19 of 31 Mexican states. Nine of those states have at least two opposing drug cartels in their territory. The most problematic are the states of Morelos and Guerrero, where there are even three rival groups: the *Beltran Leyva*, *La Familia Michoacana* and *Jalisco Nueva Generación*.

Table 2. Spatial Dimension of Mexican Cartels

Criminal Organizations	States of Mexico	Number of entities
<i>Pacífico</i>	Sinaloa, Chihuahua, Baja California, Sonora, Durango, Colima, Jalisco, Nayarit, Quintana Roo, Guerrero, Chiapas, Yucatán and Campeche.	14
<i>Zetas</i>	Coahuila, Nuevo León, Veracruz, Tamaulipas, Tabasco, Quintana Roo, San Luis Potosí, Zacatecas, Guanajuato, Puebla, Hidalgo and Oaxaca.	12
<i>CDG</i>	Tamaulipas, Nuevo León, Coahuila, Quintana Roo, Zacatecas, San Luis Potosí, Aguascalientes, Guanajuato, Oaxaca and Morelos.	10
<i>Beltrán Leyva</i>	Guerrero, Sinaloa, Sonora, Morelos, Nayarit, Estado de México, Aguascalientes, Chiapas and Oaxaca.	9
<i>Familia Michoacana</i>	Estado de México, Guerrero, Morelos, Guanajuato, Michoacán, Jalisco and Colima.	7
<i>Caballeros Templarios</i>	Michoacán, Guanajuato, Jalisco, Querétaro, Estado de México and Guerrero	6
<i>CJNG</i>	Jalisco, Colima, Guanajuato, Michoacán and Veracruz.	5
<i>Carrillo Fuentes</i>	Chihuahua and Sinaloa.	2
<i>Arellano Félix</i>	Baja California and Baja California Sur.	2

Source: [5].

⁶ Factsheet on Drug Dealers in Mexico. Public Safety Commission of the Senate of the Republic. Second Year of the LX Legislature. February 2008.

⁷ Attorney General's Office (PGR). National Center for Planning, Analysis and Information for Combating Organized Crime. 30.06.2016. Political Animal. Radiography of narco: Pacific and Jalisco Cartels, they dominate; Templars and Zetas are retracted. Available at: <http://www.animalpolitico.com/2016/07/asi-se-reparten-carteles-de-la-droga-en-mexico/> (accessed: 23.02.2017)

We can point out now the states that are: 1) centers of the management and production of drugs (cultivation of opium and marijuana, production of methamphetamine): Sinaloa, Guerrero, Michoacán and Jalisco; 2) centers of the global/local-global transfer (control of the main routes, access to the ports): Colima, Michoacán and Chiapas; and, 3) centers of money-laundering and criminal capital with a local-global dimension: Baja California, Sonora, Chihuahua, Tamaulipas, Distrito Federal (DF), Jalisco and Quintana Roo. The Mexico City remains the center of convergence of all the organizations, either for import and export of drugs and/or for money-laundering.

We can also name the principle drug cartels, acting in some of those states:

- Nuevo Leon: *the CDG, the Zetas and the Beltran Leyva.*
- Guerrero: *the Beltran Leyva, the Zetas and the Pacífico.*
- Jalisco: *the Pacífico, CJNG, Los Caballeros Templarios and the Familia Michoacana.*

The dissemination of the criminal gangs in Mexico is no longer limited to the northern states along the US border. Over the last 10 years they spread to the southern states (Jalisco, Guerrero and even Quintana Roo), showing the ability to resist the government measures. More to that, they started to evolve into *mafia* structures with their own visible political aspirations.

Table 3. Mexican Cartels centers

Organization	Epicenter of management -production local global	Epicenter of the development from globally or local-global transfer	Epicenter for consolidation and expansion in local/global dimension
Pacífico	Sinaloa, Chihuahua and Durango	Colima, D.F., Jalisco Sonora and Sinaloa	Sinaloa and Jalisco
Los Zetas		Tamaulipas, Quintana Roo, Tabasco, Campeche, D.F.	Veracruz, Tamaulipas and Coahuila
CDG		Tamaulipas, Quintana Roo	Tamaulipas, Nuevo León, Coahuila
Beltrán Leyva	Guerrero, Sinaloa	Chiapas, Guerrero, D.F.	Nuevo León, Morelos and Guerrero
Familia Michoacana	Michoacán	Michoacán	Estado de México
Caballeros Templarios	Michoacán	Michoacán	Michoacán
CJNG	Jalisco	Colima, Jalisco	Jalisco
Los Carrillo Fuentes		Chihuahua and D.F	Chihuahua
Los Arellano Félix		Baja California and D.F	Baja California

Source: [5].

Besides the process of convergence of the criminal structures, the states of Jalisco, Michoacán and Guerrero witness now the process of their organizational reconfiguration.

From the drug cartels to mafias

As it was noted by a recognized expert in the field of criminal organizations, “Mexican drug cartels have already transformed themselves into a mafia, that is to

say, structures with strict collective rules and hierarchies that do not respond instinctively with violence («if you do not pay, you die»), but follow their proper “codes” and economic strategies. This complexity makes Mexican cartels mature enough to define them as mafias. There can be no mafia without links with politicians, employers, judiciary power; ties that go beyond simple bribery and corruption”⁸.

It's true that mafias cannot exist without a link with politics and vice versa. Evident links between mafia and politics exceed the traditional methods *manu militari* with massive human rights violations and the overall violent crime increase. If so, then the militarization of drug struggle is an evidence of the institutional weakness of the state, and widespread corruption.

In this situation “old institutions – police, courts, prisons, intelligence agencies, parties, and elections – don't work anymore. Indeed, they are clearly corrupt and broken, and very few new institutional mechanisms can be used to replace them.

Moreover, all efforts to reform them, as a rule, can be completely thwarted by institutional corruption and criminal violence. There were of course significant institutional reforms proposed or currently implemented in Mexico at the end of the 2006-2012 term of Felipe Calderón, but the implementation of reforms need a lot of time, and they were not sufficiently implemented to stop the growth of drug trafficking, crime, violence and corruption associated with them” [1, p. 12].

There was a deep contrast between the «war on drugs», declared by F. Calderón, and the refusal to continue the investigations begun CISEN – the *Center for Investigation and National Security*, a Mexican civil intelligence agency. According to a former senior officer in CISEN, this “war” was a kind of simulation: “during my stay in CISEN, – he noted, – I could see that the corruption of power is precisely one of the sources of organized crime and uncontrolled violence. I realized that more than half of the governors directly or through its partners associated with drug trafficking or at least turn a blind eye to them. The same thing happened with many mayors, councilors and deputies, both on the local and federal levels. CISEN had data to prove my point, but to my disappointment, nobody used it. My conclusion is that political demands should never dominate the state. Unfortunately, we tend to think first about elections, budgets, balances between parties, etc., before thinking about Mexico *as such*. Those who govern are not politicians, but they are not *Statesmen* either.” [9, p. 204-208].

The biggest mistake in the «war on drugs» in the decision on the adoption of it into election plans of the «pseudo-president», said F. Calderon. Because after the election he had to proclaim this «The Reason of the State», trying to fight crime in the shortest time and using (quite naturally) the most brutal methods. Among other shortcomings of the President's plan, which finally spoiled everything, we can highlight the following:

⁸ Saviano, R. Se escapó un mafioso (A mobster Escaped) (The Lord of the tunnels). El Universal. 20.07.2015. Available at: <http://www.eluniversal.com.mx/articulo/nacion/seguridad/2015/07/20/el-chapo-la-fuga-de-un-mafioso#imagen-1> (accessed: 23.02.2017)

- the mass is a selective approach, where decisions are taken in the absence of or wrong information about the adversary;
- the prevalence of quantity over quality, when they were concentrated fully on the fight against petty crime, while the more serious were simply ignored;
- excessive legislation, when the adoption of new laws was done in detriment to the effective implementation of the old ones;
- abundance of declarations in the absence of results;
- primacy of electoral and political interests over practical matters.

The worst results of a failed campaign, in our opinion, in addition to the complete consolidation and diversification of criminal organizations, are:

- militarization of the public security, when the military got the opportunity to act on the basis of established legal rules;
- introduction of the «united police procedure», which resulted in continuous militarization of state structures;
- arbitral selection and firing of the police personnel, experts, etc. ignoring established procedures;
- excessive international cooperation, particularly with the United States that affect the state sovereignty and the ability of the autonomous action;
- systematic human rights violation during the de facto creating an emergency situation in open contradiction with democratic norms and the “State of law”.

Our conclusion is rather simple. In its main features it coincides with the main conclusions after struggling with the Sicilian mafia in Italy. They can be synthesized in a “theory of the two-wheeled wagon”. If one wheel is justice (law, police, courts, prisons), and another wheel is civil society (responsible citizens), it is necessary that both wheels move together and with the same speed that the wagon was moving forward, not in a circle [4]. Formulating the necessary synergy between these “wheels”, we must put an end to *the impunity of the political class* – to maintain «zero tolerance» for those politicians who use their position for personal or group interests.

The experience of Mexico, confronted with the offensive of the powerful criminal drug and mafia structures in the beginning of the 21 century, should not be overseen by specialists in other countries. The power of the drug and its ability to dispute the authority of the state, is evident enough to be ignored. The “modality” of the liaison “demand – offer”, formed along the entire U.S. – Mexico border, is not unique and can be repeated anywhere.

The increase in the drug consumer market and rising demand engenders the emergence of a large number of manufacturers. Some examples of ties can be: Argentina – Brazil, Afghanistan – the Central Asian States – Russia and Burma – China. The “vicious circle” of drug trafficking, violence and corruption must be recognized in all these countries as a full-scale threat to national security, which is already reflected in security doctrines of some of them (Argentina, Brazil).

While speaking about the proper methods of fighting against the organized crime, it should be borne in mind that the Mexican experience 2006 – 2012 proved that in

this field nothing can be done without complex *anti-crime strategy based not on short-term electoral, political, economic or other considerations, but persistent and continuous elimination of deep rooted socio-cultural and psychological causes of crime.*

According to Mexican experts, such strategy to be preemptive, must be based on permanent cooperation of the government, law enforcement agencies with civil society, and not to be limited with slogans of presidential campaigns. It should represent the collective will and commitment of all Mexicans who are concerned about the problems of their country⁹.

The contemporary technical means or the professionalization of the law-enforcement structures can and, of course, must *help* in this task, but not replace it. The same can be said about the problem of “violent” or “non-violent” methods of struggle. It is quite obvious that only the rational combination of both methods depending on each specific case can be justified as the proper measure in this difficult struggle. In this respect the Mexican people will have to ask a lot of questions to their authorities, the police and the whole prison system of the country.

References

1. Bagley, B. *Drug Trafficking and Organized Crime in the Americas: Major Trends in the Twenty-first Century*. Washington, D.C., Wilson Center, 2012. 22 p.
2. Chumakova, M. Bor`ba s prestupnost`yu: uroki dlia Meksiki i dlia Rossii [Struggle with the Criminality: Lessons for Mexico and for Russia]. *Russian International Affairs Council*. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2990#top-content (accessed: 23.02.2017).
3. Góngora J.-A., Moloeznik M.-P. *Evolución del crimen transnacional organizado: un enfoque global para su combate. Separate papers*. Universidad de Guadalajara (México). 2015. Pp.
4. Leoluca O. *Towards a Culture of Legality (The Sicilian experience)*. Mexico, Metropolitan Autonomous University Publ., 2004. Pp.
5. Martínez Sánchez T. Jalisco Nueva Generación: an Epicenter of the Local-global Drug Trafficking. In: Moloeznik M.- P., Sumano A.R. (Org.) *Security and Justice in Jalisco: Scenarios and Proposals*. Mexico, University of Guadalajara Publ., 2016. Pp. 202-230.
6. Moloeznik M.-P. Apuntes críticos sobre las márcientes iniciativas de reformas legislativas del Presidente Felipe Calderón Hinojosa en material de seguridad y modelo policial. *Letras Jurídicas*. 2011. No. 12. Available at: <http://letrasjuridicas.cuci.udg.mx/sitio/index.php/revista-numero-12-primavera-marzoseptiembre-de-2010?download=151> (accessed: 23.02.2017)
7. O`Neil S.K. *Two Nations Indivisible: Mexico, the United States, and the Road Ahead*. New York, Oxford University Press Publ., 2013. 264 p.
8. Protsenko A. Meksika: evolutsiya kriminal`nykh klanov [Mexico: The Evolution of the Criminal Clans]. In: *Sovremennaya organizovannaya prestupnost: liki, spetsifika y metody protivodeystviya ei v stranakh Latinskoi Ameriki* [Contemporary Organized Criminality: Faces, Specifics and the Methods of Fight with it in Latin America]. Moscow, ILA RAN Publ., 2017. pp. (in Russian)
9. Tamez M. *Politics and Corruption*. Mexico City. 2016. P.?
10. *Transnatsional`nuy narcobiznes: novaya globalnaya ugroza* [Transnational Narcobusiness; a New Global Threat]/ Moscow: ROSSPEN. 2002. 360 p. (In Russian).

⁹ González J. EEUU desbordado por la “crisis humanitaria” de los niños sin papeles. BBC Mundo. 21.06.2014. Available at: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/06/140620_eeuu_crisis_humanitaria_menores_indocumentados_jg (accessed: 23.02.2017).

About the authors:

Boris F. Martynov – Professor of the MGIMO University, the Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia. av. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: bfmartynoff@gmail.com.

Pablo Marcos Moloeznik – Research Professor (Ph.D), Department of Political Studies, University Center for Social Sciences and Humanities of the University of Guadalajara, Mexico. Guanajuato No. 1045, C.P. 44260. Guadalajara, Jalisco, Mexico. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

КРИМИНАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ ДЛЯ МЕКСИКИ

Marcos P. Moloeznik, Б.Ф. Мартынов
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-184-194

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Центр социально-гуманитарных наук Университета Гвадалахары

В статье излагается состояние проблемы оргпреступности в современной Мексике, связанной с деятельностью криминальных преступных кланов, которые зародились в этой стране ещё в 30-е гг. прошлого столетия. Существование границы между Мексикой и США протяженностью в 3 200 км и постоянного спроса на наркотики в соседней стране обуславливает постоянный приток на американский рынок нелегальных мигрантов и наркотиков из Мексики, которая «в обмен» продолжает получать партии американского огнестрельного оружия. Растущая материальная и финансовая «подпитка» криминальных банд ведёт к попыткам срачивания их с местными органами власти, при том что организационные структуры криминального бизнеса распространяются не только по обе стороны от американо-мексиканской границы, но и продвигаются южнее – на ещё не охваченные ими штаты Мексики, а также на государства Центральной Америки. В статье выделяются наиболее «освоенные» криминалитетом штаты этой страны, анализируется степень его воздействия на политическую жизнь государства, методы и приемы «мимикрии» оргпреступности под давлением правоохранительных структур (деление, разукрупнение).

Борьба, которая велась с оргпреступностью в Мексике в период 2006-2012 гг., не оправдала себя, поскольку она не опиралась на чёткое знание реалий этой страны, использовала исключительно силовые методы и почти не задействовала силы гражданского общества. Кроме того, она лишь увеличила уровень насилия в стране и способствовала росту коррупции в рядах правоохранителей. Многие её составляющие носили ярко выраженный «предвыборный» характер, направленный на привлечение избирателя обещанием «скорой и решительной победы» над криминалитетом. Ожидать такой победы можно лишь в случае терпеливой и последовательной борьбы с оргпреступностью всех здоровых сил мексиканского общества на основе выработки долгосрочной стратегии такой борьбы, которая предполагала бы отказ от использования односторонних, а также политизированных и конъюнктурных подходов.

Ключевые слова: мексиканская организованная преступность, латиноамериканские наркокартели, незаконная миграция, наркотрафик, американо-мексиканские отношения.

References

1. Bagley B. Drug Trafficking and Organized Crime in the Americas: Major Trends in the Twenty-first Century. Washington, D.C., Wilson Center, 2012. 22 p.
2. Чумакова М. Борьба с преступностью: уроки Мексики для России / РСМД. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/borba-s-prestupnostyu-uroki-meksiki-dlya-rossii> (дата обращения: 23.02.2017).
3. Góngora J.-A., Moloeznik M.-P. Evolución del crimen transnacional organizado: un enfoque global para su combate. Separate papers. Universidad de Guadalajara (México). 2015.
4. Leoluca O. Towards a Culture of Legality (The Sicilian experience). Mexico, Metropolitan Autonomous University Publ., 2004.
5. Martinez Sanchez T. Jalisco Nueva Generación: an Epicenter of the Local-global Drug Trafficking. In: Moloeznik M.- P., Sumano A.R. (Org.) Security and Justice in Jalisco: Scenarios and Proposals. Mexico, University of Guadalajara Publ., 2016. Pp. 202-230.
6. Moloeznik M.-P. Apuntes críticos sobre las márcientes iniciativas de reformas legislativas del Presidente Felipe Calderón Hinojosa en material de seguridad y modelo policial. Letras Jurídicas. 2011. No. 12. Режим доступа: <http://letrasjuridicas.cuci.udg.mx/sitio/index.php/revista-numero-12-primavera-marzoseptiembre-de-2010?download=151> (дата обращения: 23.02.2017)
7. O'Neil S.K. Two Nations Indivisible: Mexico, the United States, and the Road Ahead. New York, Oxford University Press Publ., 2013. 264 p.
8. Проценко А. Мексика: эволюция криминальных каналов // Современная организованная преступность: лики, специфика и методы противодействия ей в странах Латинской Америки. М.: ИЛА РАН, 2017.
9. Tamez M. Politics and Corruption. Mexico City. 2016.
10. Транснациональный наркобизнес. Новая глобальная угроза. М.: РОСПЭН, 2002. 360 с.

Об авторах:

Борис Фёдорович Мартынов – профессор МГИМО МИД России, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики. 119454, Москва, пр. Вернадского, д.76, Россия.

Молоезник Маркос Пабло – профессор кафедры политических наук Университета Гвадалахары (Мексика), Центр социальных и гуманитарных наук. Халиско г. № 1045, С. П. 44260. Гвадалахара, Халиско, Мексика.

ТРАМП И «КУБИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ» ОБАМЫ

Х.Ш. Улугова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

После победы революции на Кубе в 1959 г. американо-кубинские отношения долгое время характеризовались жёстким антагонизмом двух противоборствующих систем, который не удалось преодолеть даже с завершением холодной войны и распадом биполярной системы международных отношений. Надежда на нормализацию отношений между США и Кубой появилась с приходом к власти Барака Обамы, признавшего несостоятельность политики санкций в отношении Кубы и провозгласившего «новое начало» в американо-кубинских отношениях.

С избранием Дональда Трампа 45-м президентом США все ранее предпринятые усилия могут сойти на нет, если новый президент не изменит своим предвыборным обещаниям и отменит прежние договоренности о нормализации отношений между США и Кубой в случае отказа последней пойти на уступки Вашингтону.

Будут ли сохранены успехи, достигнутые предыдущей администрацией на данном направлении, или команде Трампа всё же удастся обратить вспять процесс сближения США и Кубы, в возможность которого чуть более двух лет назад верилось с трудом? Что в итоге возьмёт верх: прагматизм Трампа-бизнесмена, понимающего выгодность продолжения прокубинской политики Обамы, или принципиальность Трампа-политика, в ходе предвыборной кампании пообещавшего кардинально пересмотреть политику предыдущей администрации в отношении Гаваны?

В статье проведён анализ запущенного в декабре 2014 г. процесса нормализации американо-кубинских отношений и предпосылки сближения двух стран после полувекового противостояния, а также представлены сценарии возможного развития событий и шагов администрации Трампа на данном направлении внешней политики США.

Ключевые слова: США, Куба, Барак Обама, Дональд Трамп, американо-кубинские отношения, отмена санкций, выборы, кубинское лобби.

УДК 327 JEL F5

Поступила в редакцию 28.03.2017 г.

Принята к публикации 06.04.2017 г.

20 января 2017 г. официально вступил в должность 45-й президент США – Дональд Джон Трамп. Его победа на выборах в ноябре 2016 г. стала большой неожиданностью как для самих американцев, так и для всей мировой общественности. Пока сложно дать однозначный ответ, насколько кардинальными окажутся перемены во внутренней и внешней политике США при новом хозяине Белого дома, насколько последовательным будет Трамп в реализации нового курса и будет ли проводимая им политика в полной мере соответствовать его предвыборным заявлениям и обещаниям.

Однако первые шаги, которые Трамп уже сделал, будучи президентом, говорят о его решительном настрое. Только за первую неделю в Белом доме Трамп подписал целый ряд президентских указов и меморандумов, большей частью направленных на отмену инициатив его предшественника, демократа Барака Обамы. Строительство стены вдоль границы с Мексикой, отмена реформы здравоохранения (т.н. *Obamacare*), выход США из Транстихоокеанского экономического партнёрства (ТТП), ограничение въезда в страну для иностранцев из семи стран с мусульманским большинством – все эти меры отражают предвыборные обещания нового президента.

Поэтому некоторые риски и неопределённость сохраняются и в отношении дальнейшего развития американо-кубинского диалога, возобновление которого стало одним из весомых достижений Барака Обамы на фоне многочисленных внешнеполитических провалов его администрации.

Главный вопрос, который сейчас стоит перед исследователями американо-кубинских отношений, равно как перед автором данной статьи, – как эти отношения будут развиваться при Трампе.

Дальнейшее рассмотрение политики, проводившейся Обамой в рамках процесса нормализации, показывает, что ни одно его решение на кубинском направлении не проходило через Конгресс. Все шаги реализовывались исключительно с помощью президентских указов, которые могут быть так же легко отменены, как и были введены. В этой связи в исследовательских кругах допускают, что Трамп вполне может воспользоваться такой возможностью и аннулировать решения предыдущей администрации, если кубинские власти не пойдут на уступки¹.

Вероятность уступок с обеих сторон представляется сомнительной. Так, в одной из недавних статей британского исследователя С. Уилкинсона отношения между Кубой и США на данном этапе характеризуются как тупиковые [6]. С одной стороны, Вашингтон не отменит санкции, пока на Кубе сохраняется однопартийная система с плановой экономикой. С другой стороны, Гавана не откажется от своей нынешней политико-экономической системы, пока не будут сняты санкции. Уступка в данном случае для обеих сторон будет равнозначна

¹ Kaufman P. The Future of US-Cuba Relations. Council on Foreign Relations. 17.11.2016. URL: <http://www.cfr.org/cuba/future-us-cuba-relations/p38509> (дата обращения 05.04.2017).

признанию поражения. Поэтому Уилкинсон ставит под сомнение вероятность отмены санкций Трампом и даже допускает возможность их ужесточения.

Фейнберг и Пикконе также довольно скептически относятся к вероятности отказа сторонами от своих принципиальных претензий. Однако они всё же видят возможности сотрудничества между двумя странами по другим направлениям, где компромисс возможен, например, в сфере безопасности и борьбы с терроризмом [5].

Если же администрация Трампа вернётся к агрессивной политике, это, как полагает политолог из Международного университета Флориды Майкл Бустаманте, будет выгодно только сторонникам «жёсткого курса» в отношении Кубы, но в целом не будет отвечать интересам США. Кроме того, не следует забывать, что после смерти Фиделя Кастро в островном государстве созданы предпосылки для углубления и некоторого ускорения процесса реформ [5].

Важно также отметить и то, что и в США всё меньше сторонников антикубинской политики. По данным опроса The New York Times, по состоянию на март 2016 г. шесть из десяти американцев поддерживают нормализацию отношений с Кубой². Схожие результаты были получены Международным университетом Флориды, которые показали, что 69% американцев кубинского происхождения также выступают за нормализацию³.

Особо заинтересованы в продолжении курса Обамы представители бизнеса и агропромышленного сектора США⁴. С открытыми обращениями к Трампу в поддержку процесса нормализации также выступили американские конгрессмены⁵ и «кубинское» лобби, которые видят в политике «вовлечения» возможность создания в США новых рабочих мест, а также развитие частного сектора и гражданского общества на Кубе⁶.

Таким образом, дальнейшее ужесточение политики в отношении Кубы в целом невыгодно для администрации Трампа. В то же время надо понимать, что политика санкций не будет отменена, поскольку это будет означать полную капитуляцию США. Возможны некоторые послабления, но и они маловероятны, учитывая довольно жёсткие заявления Трампа по данному вопросу.

В этой связи имеются основания полагать, что нынешняя администрация на данном этапе будет стараться сохранить статус-кво. Тем более, что ни Куба,

² Sussman D. Most Americans Support Ending Cuba Embargo, Times Poll Finds // The New York Times. 21.03.2016. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/projects/cp/international/obama-in-cuba/most-americans-support-ending-cuba-embargo-nyt-poll-finds> (дата обращения 05.04.2017).

³ Grenier G., Gladwin H. 2016 FIU Cuba Poll. How Cuban Americans in Miami View US Policies Towards Cuba. Florida International University. 2016. 36 p. URL: <http://cri.fiu.edu/research/cuba-poll/2016-cuba-poll.pdf> (дата обращения 05.04.2017).

⁴ Frank M. U.S. farmers ask Trump to stay the course on Cuba // Reuters. 12.01.2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-cuba-farming-idUSKBN14W359> (дата обращения 05.04.2017).

⁵ Zengerle P., Spetalnick M. U.S. lawmakers, Cuban business owners urge Trump to preserve detente // Reuters. 07.12.2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-cuba-idUSKBN13W1ZW> (дата обращения 05.04.2017).

⁶ A Memo to President Trump and His Incoming Administration. US Policy Toward Cuba: The Case for Engagement / Cuba Study Group. 4 p. URL: <https://static1.squarespace.com/static/55806c54e4b0651373f7968a/t/587d1312f5e231c4f37e1daf/1484603879179/Memo+to+President+Trump.pdf> (дата обращения 05.04.2017)

ни Латинская Америка на данный момент не входят в число внешнеполитических приоритетов Трампа.

Ещё один момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что необходимость в пересмотре кубинской политики и объективные причины для этого назревали задолго до президентства Обамы. Он же решился сделать первый шаг и тем самым запустил процесс, который был неизбежен.

С каждым годом Вашингтону становилось сложнее игнорировать усиливавшееся давление со стороны стран Латинской Америки. Проводимая США антикубинская политика объединила вокруг Гаваны всех членов латиноамериканского сообщества, включая даже наиболее преданных Вашингтону союзников. В декабре 2008 г. Куба была принята в Группу Рио (Grupo de Río), куда входят свыше 20 стран Латинской Америки и Карибского бассейна; в марте 2009 г. о возобновлении дипломатических отношений с Кубой объявили Коста-Рика и Сальвадор (последние две страны в регионе, которые восстановили отношения с островом, разорванные в 1961 г. под давлением США); а в начале июня 2009 г. на Генеральной ассамблее Организации американских государств (Organización de los Estados Americanos, OEA) в г. Сан-Педро-Сула (Гондурас) была отменена резолюция 1962 г., на основании которой Куба была исключена из ОАГ. Своего апогея латиноамериканская консолидация вокруг Кубы достигла на Саммите Америк в 2012 г. (Картахена, Колумбия), когда Обаме был, по сути, выдвинут ультиматум: либо в 2015 г. саммит в Панаме состоится с участием Кубы, либо он не состоится вообще.

Другим не менее значимым фактором стал уже упомянутый дрейф общественного мнения самих граждан США в сторону нормализации двусторонних отношений с Кубой.

При этом важно отметить, что и американцы кубинского происхождения также пришли к пониманию того, что политика США, проводимая на протяжении 50 лет в отношении Кубы, провалилась, так и не приведя к каким-либо значимым результатам. Однако сдвиг произошёл большей частью среди американской молодёжи кубинского происхождения, тогда как старшее поколение в большинстве своём продолжает придерживаться антикастровской бескомпромиссной позиции.

По сути, именно об этой поддержке шла речь в докладе, подготовленном Брукингским институтом накануне переломного саммита Америк в Тринидаде и Тобаго. В нём авторы указывали на то, что в распоряжении нового президента есть все необходимые возможности и ресурсы, включая поддержку как самих американцев, так и международного сообщества, чтобы переключиться с политики, направленной на смену режима в Республике Куба, на политику «вовлечения» южного соседа, и тем самым восстановить свой авторитет в Западном полушарии в целом⁷.

⁷ Cuba: A New Policy of Critical and Constructive Engagement. Report of the Brooking Project on US Policy Toward a Cuba in Transition. April, 2009. 25 p. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0413_cuba.pdf (дата обращения 05.02.2017).

В Конгрессе США также наметилась благоприятная тенденция для пересмотра политики в отношении Кубы. 23 февраля 2009 г. республиканцами из сенатского комитета по иностранным делам был обнародован доклад, в котором подчёркивалось, что доказавшая свою неэффективность кубинская политика США требует пересмотра в интересах национальной безопасности. Во вступительном слове к докладу старший республиканец в комитете, его бывший руководитель Ричард Лугар отметил, что «47-летнее одностороннее торговое эмбарго в отношении Кубы не достигло заявленной цели «возвращения демократии» и что необходимо «признать неэффективность этой политики и взаимодействовать с кубинским режимом таким образом, который продвигает наши (т.е. американские – прим. автора) интересы»⁸.

В частности были выявлены четыре слабых места проводимой на момент прихода к власти Обамы политики.

Во-первых, ввиду символической важности Кубы в Латинской Америке, введённое США торгово-экономическое эмбарго против острова и другие сопутствующие ограничения постоянно становились предметом межамериканских разногласий и в итоге в определенном смысле изолированным оказался скорее Вашингтон, чем Гавана.

Во-вторых, препятствия на пути к американо-кубинскому сотрудничеству по миграционным вопросам и проблемам борьбы с наркоторговлей наносят ущерб в первую очередь интересам национальной безопасности США.

В-третьих, попытки американцев добиться демократического транзита на Кубе на самом деле сыграли на руку кубинскому руководству в его пропагандистских целях. США были представлены в качестве главной причины всех экономических трудностей Острова свободы.

В-четвёртых, санкционная политика лишает США возможности непосредственно влиять на политический курс Кубы и иметь полную картину происходящих там событий.

В докладе также отмечается, что на Кубе высока вероятность преемственности власти, поэтому руководству США следует уже сейчас налаживать отношения с будущими кубинскими лидерами, чтобы в дальнейшем иметь возможность продвигать на острове американские интересы.

С приходом Обамы к власти заметно изменился и тон кубинского руководства к США. Если до его избрания братья Кастро высказывали своё мнение о перспективах отношений с США с заметной осторожностью и даже в первые месяцы президентства Обамы не связывали с ним особых надежд в том, что касается коренного изменения отношений с Кубой, постепенно и Рауль и Фидель Кастро стали благосклоннее отзываться о хозяине Белого дома и его возможностях.

⁸ Changing Cuba Policy - In the United States National Interest. Staff Trip Report to the Committee on Foreign Relations, United States Senate. S.Prt.111-5. 29.02.2009. 15 p. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CPRT-111SPRT47260/html/CPRT-111SPRT47260.htm> (дата обращения 05.02.2017).

При анализе предпосылок нормализации американо-кубинских отношений необходимо учитывать фактор Венесуэлы, главного союзника Кубы в регионе, страны, которая на протяжении последних десятилетий фактически являлась единственным донором нестабильной кубинской экономики, в основном за счёт поставки нефтепродуктов по льготным тарифам. Однако после смерти Уго Чавеса Боливарианская Республика всё сильнее стала увязать в политико-экономическом кризисе: резкое падение цен на нефть, высокий уровень инфляции, продовольственные проблемы, перебои с медикаментами, водой, энергообеспечением, рост преступности – всё это усилило недоверие к правительству Николаса Мадуро и привело к дестабилизации обстановки в Венесуэле. Очевидно, что в этих условиях кубинское руководство вынуждено искать новые источники поддержания экономической и социальной стабильности на Кубе. Перспектива нормализации отношений с США, да ещё и без риска выйти из затянувшегося кризиса проигравшей стороной, определённо сыграла роль при принятии братьями Кастро уже ставшего историческим решения.

Заметным фактором, повлиявшим на кубинскую политику США, стало и сближение Кубы с Россией на фоне общей активизации российской дипломатии в Латинской Америке. В июле 2014 г. в ходе своего латиноамериканского турне президент В.В. Путин посетил в том числе и Кубу. В ходе визита он отметил заинтересованность России в образовании технологических альянсов с государствами континента в области нефтегазовой промышленности, гидроэнергетики, атомной энергии и биофармакологии. По итогам визита стороны подписали внушительный пакет документов о двустороннем сотрудничестве в самых разных сферах⁹. Кроме того, буквально накануне визита российским президентом было подписано распоряжение о списании 90% кубинского долга в объёме 35 млрд долларов и инвестировании оставшихся 10% в различные инвестиционные проекты на острове. Свидетельством успеха состоявшегося визита стали слова кубинского лидера Р.Кастро, который отметил, что «мы [кубинцы] полностью поддерживаем ту политику, которую проводит российская сторона в настоящий момент на международной арене... мы уверены, что мы и дальше будем едины с российским народом и с той политикой, которую проводит российское правительство»¹⁰.

Конечно, нельзя сказать, что причиной принятого Обамой в декабре 2014 г. решения о восстановлении дипломатических отношений с Гаваной стало российско-кубинское сближение, особенно учитывая тот факт, что секретные переговоры между США и Кубой начались ещё в июне 2013 г. Однако улучшение российско-кубинских отношений и, в целом, укрепление позиций России в Латинской Америке, где всё чаще стала звучать критика кубинской политики

⁹ Документы, подписанные по итогам российско-кубинских переговоров 11 июля 2014 г. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4735> (дата обращения 05.02.2017).

¹⁰ Заявления для прессы по итогам российско-кубинских переговоров 11 июля 2014 г. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46201> (дата обращения 05.02.2017).

США, ускорили нормализацию отношений Вашингтона с Гаваной. Не исключено, что отчасти этот шаг Вашингтона был направлен на то, чтобы сохранить Латинскую Америку в зоне своего угасающего влияния на фоне усиления стратегической значимости региона и растущего влияния «внешних» игроков [2].

Примечательно, что о «новом начале» в отношениях с Кубой Обама говорил ещё до избрания на пост президента в ходе своей предвыборной кампании. И данный ход оказался стратегически верным. Ведь победу в штате Флорида, одном из т.н. «неопределившихся штатов», он одержал во многом благодаря голосам молодых американцев кубинского происхождения. Однако первые шаги Обамы на этом направлении носили ограниченный характер, что было обусловлено как необходимостью на тот момент больше сосредоточиться на проблемах в других регионах, так и особенностями американской внутривластной «кухни», которая зачастую осложняет принятие определённых внешнеполитических решений.

Тем не менее, уже на начальном этапе, до публичных заявлений о начале процесса нормализации в декабре 2014 г., Обама инициировал некоторые послабления в отношении Кубы. В частности, американцы, имеющие родственников на острове, получили возможность ездить к ним раз в год на неограниченное количество дней и тратить до 170 долларов в сутки. Кроме того, были созданы необходимые финансовые условия, упрощающие реализацию на Кубе медицинских и продовольственных товаров. Но ещё тогда отмечалось, что введённые послабления вовсе не означают полного пересмотра политики по отношению к Кубе.

Между тем, кубинский вопрос продолжал оставаться важным пунктом повестки дня как внешней политики США в целом, так и в рамках межамериканского диалога. Проблема многолетней изоляции Кубы и необходимость отмены торгово-экономического эмбарго против острова стала ключевой в ходе состоявшегося в Картахене очередного Саммита Америк. Однако тогда процесс тормозился приближением президентских выборов, что вынуждало Обаму действовать с особой осторожностью.

Переизбрание на второй срок позволило ему решительнее двигаться в направлении нормализации американских отношений с Кубой.

Формальное начало этому процессу было положено 17 декабря 2014 г., когда Б. Обама и Р. Кастро выступили с историческим заявлением о восстановлении разорванных в 1961 г. дипломатических отношений. Взаимные обвинения и открытая враждебность, которые на протяжении более полувека характеризовали отношения двух стран, сменились позитивной риторикой.

С момента провозглашения курса на восстановление дипломатических отношений между двумя странами в Вашингтоне и Гаване состоялись несколько раундов переговоров о налаживании двустороннего взаимодействия. С той же целью была создана специальная правительственная комиссия. Результатом её работы стали соглашения в области защиты окружающей среды, здравоохране-

ния, медицинских исследований, сельского хозяйства, борьбы с наркоторговлей, в сфере туризма, гражданской авиации, прямых авиа-, сухопутных, почтовых сообщений и т.д.

Кроме того, в конце марта 2015 г. США прекратили действие санкций в отношении 60 предприятий и частных лиц, занесённых в «чёрный список» за деловое сотрудничество с Кубой.

В мае 2015 г. Куба была исключена из списка стран-спонсоров терроризма. Таким образом, был решён один из принципиальных для кубинской стороны вопросов. Данный шаг руководства США устранил препятствия на пути к полноценному восстановлению дипломатических отношений между США и Кубой. Уже в июле были открыты посольство США в Гаване и посольство Кубы в Вашингтоне. Однако США своего посла так до сих пор и не назначили.

В марте 2016 г. состоялось не менее знаменательное событие: официальный визит Обамы на Кубу, первый за 88 лет визит действующего президента США на Остров свободы. Эта поездка, однако, носила скорее символический характер и к серьёзному прорыву в двусторонних отношениях не привела.

До сих пор остаются нерешёнными принципиальные для каждой из сторон вопросы. Речь идёт о торгово-экономическом эмбарго против Кубы, о компенсациях за ущерб от этой блокады, статусе территории американской военной морской базы в кубинском Гуантанамо, а также об идеологических разногласиях, которые сводятся к проблеме отсутствия демократических свобод и ущемления прав человека на Кубе. На уступки по этим вопросам ни Вашингтон, ни Гавана пока не готовы.

Для Кубы вопрос снятия американцами блокады с острова относится к числу первостепенных. Однако в данном случае президентские полномочия ограничены, и единственный орган, который может отменить эмбарго – это Конгресс США. В ближайшей перспективе (принимая во внимание, что Конгресс полностью находится под контролем республиканцев, а хозяином Белого дома стал Трамп, грозившийся отменить все «уступки» предыдущей администрации) на снятие эмбарго можно не надеяться.

Кроме того, в президентской директиве, изданной Обамой 14 октября 2016 г. и направленной на укрепление процесса нормализации отношений с Кубой, совершенно однозначно заявлено, что США не намерены пересматривать статус-кво в отношении базы американских военно-морских сил в Гуантанамо. Кубинские власти продолжают настаивать на возвращении этой территории.

Не стоит также полагать, что, уходя от политики конфронтации с Кубой, США отказываются от своей главной цели – смены политического режима в островном государстве. По словам Артуро Лопеса-Леви, исследователя Университета Денвера и специалиста в области американо-кубинских отношений, США могут себе позволить строить отношения с Кубой, которая уже не представляет для них угрозу. Однако они «не откажутся ни от своих ценностей, ни

от продвижения иной политической системы на Кубе»¹¹. Новый курс означает не столько отказ от этой цели, сколько использование иных методов и инструментов для её достижения. Это позволит США влиять на грядущую «смену поколений» и политический режим в Гаване.

В пользу этого предположения свидетельствует и реакция в США на смерть Фиделя Кастро 25 ноября 2016 г.

«Фидель Кастро мёртв!» – написал в своём твиттере избранный президент США Д.Трампа. Позднее он отметил в своём заявлении, что Куба остаётся тоталитарным островом, однако выразил надежду, что смерть «жестоккого диктатора» Кастро знаменует собой конец многолетних ужасов, которые терпели кубинцы, и пообещал что его администрация «сделает всё возможное, чтобы кубинский народ наконец начал путь к процветанию и свободе»¹².

«Тот день, который люди внутри острова и за его пределами так ждали, наступил: тиран мёртв, и новый рассвет может встать над последним бастионом коммунизма в западном полушарии», – такой была реакция члена палаты представителей Конгресса Илеаны Рос-Лехтинен, которая, будучи американкой кубинского происхождения, никогда не скрывала свою «антикастровскую» позицию и сейчас выступает категорически против любых послаблений в отношении режима¹³.

Тем не менее, важно отметить, что смерть Фиделя никакого существенно влияния на американо-кубинские отношения оказать не может. Кубу уже на протяжении нескольких лет успешно возглавляет Рауль Кастро, не меньше своего брата приверженный идеалам революции. В ходе своего выступления на V Саммите Сообщества Латиноамериканских и Карибских государств (СЕЛАК) (25 января 2017 г., Доминиканская Республика) Р.Кастро подчеркнул, что, хотя Гавана готова к дальнейшей нормализации отношений с Вашингтоном, администрации Трампа не следует ожидать от Кубы каких-либо уступок, затрагивающих её независимость и суверенитет¹⁴.

Сместить чашу весов в процессе нормализации американо-кубинских отношений в ту или иную сторону может либо смена власти на Кубе, либо попятные действия Трампа.

Если говорить о первом факторе, то это произойдет не раньше, чем в феврале 2018 г., когда истекает срок полномочий Р. Кастро. То есть в ближайшей перспективе США вряд ли добьются каких-либо существенных уступок со стороны кубинского руководства.

¹¹ Богдановский А. США объявили о нормализации отношений с Кубой // РИА Новости, 18.12.2014. URL: <http://ria.ru/world/20141218/1038857136.html#ixzz3WZKbDpaE> (дата обращения 05.02.2017).

¹² Wootson Jr. R. C. How Donald Trump responded to the death of Fidel Castro, 'a brutal dictator' // The Washington Post. 26.11.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/11/26/here-is-donald-trumps-reaction-to-fidel-castros-death/?utm_term=.2aa54d9fc2fb (дата обращения 05.02.2017).

¹³ Робинсон Ф. Реакция в мире на смерть Фиделя Кастро // Голос Америки. 26.11.2016. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/castro-obit/3612612.html> (дата обращения 05.02.2017).

¹⁴ Acosta N. Cuba's Castro warns Trump to respect country's sovereignty // Reuters. 25.01.2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-cuba-usa-castro-idUSKBN1592OY?il=0> (дата обращения 05.02.2017).

Что касается Трампа, его действия на данном этапе предугадать довольно сложно. До сих пор (после официального вступления в должность) вопрос политики в отношении Кубы им не поднимался. Но то, как стремительно и последовательно новый президент одно за другим претворяет в жизнь свои предвыборные обещания, позволяет допускать, что любое следующее решение может коснуться Кубы. Вопрос заключается в том, каким оно будет.

Позиция Трампа по данному вопросу не раз претерпевала изменения. Изначально он положительно оценивал перспективу нормализации отношений США с Кубой и в целом поддерживал инициированную Обамой политику, с той лишь оговоркой, что полагал возможным достижение более выгодного соглашения¹⁵. В ходе праймериз он был единственным кандидатом от Республиканской партии (помимо Рэнда Пола), открыто выступавшим за американо-кубинское сближение, за что подвергался критике от своих соперников Теда Круза и Марко Рубио.

Позднее Трамп заявил, что скорее всего он бы продолжил курс на нормализацию дипломатических и экономических отношений с Кубой, и даже не исключил возможность открытия на острове своего отеля с тем условием, что кубинское руководство подпишет выгодное для США соглашение и откажется от своих требований¹⁶.

Осенью 2016 г., уже на завершающем этапе предвыборной гонки, Трамп однако выступил с диаметрально противоположной позицией. Он пригрозил отменить все указы Обамы, если кубинские власти не предоставят своему народу религиозную и политическую свободу¹⁷. Принимая во внимание тот факт, что впервые подобное заявление Трамп сделал в ходе своей предвыборной поездки во Флориду (штат с наиболее крупным и влиятельным кубинским населением), можно было бы предположить, что тогда ещё кандидат в президенты хотел заручиться голосами американцев кубинского происхождения, выступающих против нормализации американо-кубинских отношений.

Однако и после победы на выборах Трамп не раз подтвердил своё намерение положить конец процессу сближения, если с Кубой не удастся договориться¹⁸. Но спешить на данном направлении Трамп не собирается¹⁹. Ведь он бизнесмен и готов выжидать сколько потребуется подходящий момент, чтобы заключить «выгодную сделку». Вполне возможно, Трампу ещё понадобится какое-то время, чтобы взвесить все за и против, оценить риски.

¹⁵ Weinstein J. Donald Trump on His Nuclear Doctrine, Democracy Promotion And Why He Refuses To Use Term 'Supreme Leader' // The Daily Caller. 09.07.2015. URL: <http://dailycaller.com/2015/09/07/donald-trump-on-his-nuclear-doctrine-democracy-promotion-and-why-he-refuses-to-use-term-supreme-leader/#ixzz4XSjg2xlZ> (дата обращения 05.02.2017).

¹⁶ Donald Trump 2016 Online. 22.03.2016. URL: <http://www.donaldtrump2016online.com/2016/03/cnn-election-center-march-21-2016.html> (дата обращения 05.02.2017).

¹⁷ Diamond J. Trump shifts on Cuba, says he would reverse Obama's deal // CNN. 17.09.2016. URL: <http://edition.cnn.com/2016/09/16/politics/donald-trump-cuba/> (дата обращения 05.02.2017).

¹⁸ Официальный твиттер аккаунт Д. Трампа. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/803237535178772481> (дата обращения 05.02.2017).

¹⁹ The CBS4 Interview: Trump On Cuba. 23.10.2016. URL: <http://miami.cbslocal.com/2016/10/23/the-cbs4-interview-trump-on-cuba/> (дата обращения 05.02.2017).

Таким образом, в настоящий момент представляется возможным предусмотреть два сценария развития американо-кубинских отношений на краткосрочную перспективу: негативно-реверсивный и стагнационный.

Первый предполагает обращение вспять процесса нормализации. В результате полного пересмотра политики Обамы в отношении Кубы Трамп аннулирует ранее принятые решения, рассчитывая оказать давление на кубинское руководство. Уступок со стороны Р. Кастро также не последует. Напротив, как полагают некоторые эксперты, сворачивание курса на сближение повлечёт за собой ещё большее ослабление гражданского общества на острове, нанесёт серьёзный удар по растущему частному сектору и тем самым укрепит позиции консервативных сил²⁰. В итоге США потеряют Кубу и спровоцируют новую волну антиамериканских настроений в регионе, приобретающем всё большую стратегическую значимость.

Более вероятным видится стагнационный сценарий. Это означает, что каких-либо существенных сдвигов ни в негативную, ни в положительную сторону не последует. Будут сохранены достижения предыдущей администрации на данном направлении, однако курс Обамы продолжен не будет. Сохранится эмбарго против Кубы, останутся нерешёнными вопрос о статусе Гуантанамо и проблема прав человека на острове. Трамп постарается сохранить статус-кво в двусторонних отношениях до тех пор, пока Р.Кастро не уйдёт в отставку, чтобы максимально оградить себя от возможных рисков.

На сегодняшний день о реальной нормализации американо-кубинских отношений говорить преждевременно. И речь в данном случае должна идти не столько о процессе нормализации (как часто можно услышать), сколько о так называемом «процессе *к/навстречу* нормализации» этих отношений, поскольку как таковой нормализации на данный момент нет, а есть лишь намерения и ряд по сути символических шагов с обеих сторон. Обаме удалось задать необходимый «тон», но принципиальные вопросы, которые лежат в основе двусторонних противоречий, до сих пор не решены.

После избрания на пост президента США Трампа появилась угроза, что едва начавшийся процесс и вовсе может обернуться вспять, или же будет (что более вероятно) временно «заморожен».

Маловероятно, что администрация Трампа откажется от уже достигнутого – это может повлечь за собой существенные политические и экономические издержки, что неприемлемо для Трампа-бизнесмена. Однако новых позитивно-прогрессивных шагов на данном направлении ждать в ближайшей перспективе не стоит. О каких-либо изменениях, возможно, можно будет говорить лишь с приходом новой власти на Кубе в 2018 г.

²⁰ Sabatini Ch., Sopo G. Cuba Should Prepare for the Trump Hard Line. Financial Times. 21.03.2017. URL: <https://www.ft.com/content/e7f9b7e4-0b38-11e7-97d1-5e720a26771b> (дата обращения 27.03.2017).

Список литературы

1. Кодзоев М.А. США–Куба: как Барак и Рауль пишут историю // Латинская Америка. 2016. № 3. С. 51-63.
2. Сербин А., Сербин Понт А. Обама использует Кубу для сдерживания растущего влияния России, Ирана и Китая в Латинской Америке // Латинская Америка. 2015. № 6. С. 32-34.
3. Barshefsky Ch. Hill J. T. U.S.–Latin America Relations: A New Direction for a New Reality. Council on Foreign Relations Press, 2008. 85 p.
4. Bustamante M. Farewell, Fidel // Foreign Affairs, 27.11.2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/cuba/2016-11-27/farewell-fidel> (дата обращения: 05.04.2017).
5. Feinberg R., Piccone T. Here's a Blueprint for a Trump-Castro Deal on Cuba // Americas Quarterly, 08.12.2016. URL: <http://americasquarterly.org/content/heres-blueprint-trump-castro-deal-cuba> (Accessed 05.04.2017).
6. Wilkinson S. A Perfect Impasse? Cuba's Move Towards the Market and the United States' Move Towards Cuba // Economic Affairs. 2017. Vol. 37. No. 1. Pp. 19-35.

Об авторе:

Хилола Шавкатовна Улугова – аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76, Россия.
E-mail: ulugova.khilola@yandex.ru.

TRUMP AND OBAMA'S "CUBAN LEGACY"

Kh.Sh.Ulugova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-195-207

Moscow State Institute of International Relations (University)

After the triumph of revolution in Cuba in 1959 Washington and Havana have been hostile to each other for more than half a century. Even the end of the Cold War and disintegration of the bipolar international system left intact the antagonism between the two. Only after Barack Obama came to power did normalization become possible. He admitted the failure of the policy of sanctions and declared a "new beginning" in US-Cuba relations.

There is a risk now that under the new administration of Donald Trump the efforts made before can be neutralized if the US president keeps his recent pre-election promise and cancels all the previous agreements on normalization.

The question remains open – whether Obama's achievements in this regard will be preserved or Trump will manage to reverse the normalization policy of his predecessor. There will be either pragmatic Trump the businessman who understands the benefits of continuing Obama's policy, or Trump the politician who will stand firm on his pre-election pledge to roll back on once promising initiative.

The article analyzes the process of normalization initiated by Obama and Castro in 2014, explains its background motivations and builds various scenarios of further development of Cuban-American relations, as well as Trump's policy towards Cuba.

It is unlikely that the Trump administration will abandon what has already been achieved. It may entail significant political and economic costs, which is unacceptable for Trump the

businessman. However, any new progressive steps towards the normalization should not be expected in the short term.

Key words: US-Cuba relations, lifting sanctions, elections, Cuban-American lobby.

References

1. Kodzoev M.A.-M. SShA – Kuba: kak Barak i Raul' pishut istoriiu [USA-Cuba: How Barack and Raul are Writing History]. *Latinskaia Amerika*, 2016, no. 3, pp. 51-63. (In Russian)
2. Serbin A., Serbin Pont A. Obama ispol'zuet Kubu dlia sderzhivaniia rastushchego vliianiia Rossii, Irana i Kitaia v Latinskoi Amerike [Obama Uses Cuba to Stem the Increasing Role of Russia, Iran and China in Latin America]. *Latinskaia Amerika*, 2015, no. 6, pp. 32-34. (In Russian)
3. Barshefsky Ch., Hill J.T. *U.S. - Latin America Relations: A New Direction for a New Reality*. Council on Foreign Relations Press, 2008. 85 p.
4. Bustamante M. Farewell, Fidel. *Foreign Affairs*, 27.11.2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/cuba/2016-11-27/farewell-fidel> (Accessed 05.04.2017).
5. Feinberg R., Piccone T. Here's a Blueprint for a Trump-Castro Deal on Cuba. *Americas Quarterly*, 08.12.2016. URL: <http://americasquarterly.org/content/heres-blueprint-trump-castro-deal-cuba> (Accessed 05.04.2017).
6. Wilkinson S. A Perfect Impasse? Cuba's Move Towards the Market and the United States' Move Towards Cuba. *Economic Affairs*, vol.37, no. 1, pp. 19-35.

About the author:

Khilola Sh. Ulugova – PhD student at the Department of International Relations and Russia's Foreign Policy, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: ulugova.khilola@yandex.ru.

АМЕРИКАНО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРЫ О ТТИП

А.О. Мамедова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Цель статьи – выявить особенности подходов и сопоставить позиции США и Великобритании по заключению соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве (ТТИП) в контексте особых отношений Вашингтона и Лондона. В качестве источников рассмотрены официальные заявления и доклады по теме, а также полемика в СМИ.

Заключение ТТИП являлось приоритетом как для администрации Б. Обамы, так и для правительства Д. Кэмерона. Соглашение имело не только экономический, но и политический характер. С геополитической точки зрения его заключение могло привести к усилению роли Запада в утверждении стандартов торговли на глобальном уровне. Позиции руководства обеих стран оказались близки в отношении отмены тарифов и максимальной отмены нетарифных ограничений. США были заинтересованы в получении доступа к рынку госзакупок ЕС, однако британская сторона проявила осторожность в оценке возможностей получить доступ к американским госзакупкам. На момент начала переговоров позиции стран расходились по вопросу правового регулирования в сфере финансовых услуг. На официальном уровне обе стороны поддерживали включение положений об урегулировании споров между инвесторами и государством.

После победы сторонников Брексита и избрания Д. Трампа на президентский пост перспективы заключения соглашения остаются неясными, а соотношение позиций США и Великобритании в вопросе заключения ТТИП потребует дальнейшего изучения. Возможное двустороннее торговое соглашение между странами, вероятно, сохранит некоторые черты ТТИП в том, что касается либерализации торговли, отмены нетарифных ограничений и подходов к защите инвестиций, поскольку эти положения соответствуют интересам элит обеих стран.

Ключевые слова: США, Великобритания, Европейский союз, особые отношения, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство, ТТИП, соглашение о свободной торговле.

В 2013 г. Европейская Комиссия и правительство США объявили о начале переговоров о создании зоны свободной торговли между ЕС и США с учётом рекомендаций Рабочей группы высокого уровня по рабочим местам и экономическому росту, созданной в конце 2011 г. в рамках Трансатлантического экономического совета. Они стартовали на саммите G8 в Лох-Эрне в июне 2013 г. Среди заявленных целей партнёрства значились: увеличение торговли и инвестиций между США и ЕС за счёт снижения тарифов (особенно на сельскохозяйственную продукцию), согласование правил и стандартов, усиление защиты иностранных инвесторов и увеличение взаимного доступа поставщиков к рынкам услуг и государственных закупок [26, р. 2]. Переговоры носили достаточно закрытый характер, и только вмешательство европейского уполномоченного по правам человека Э. О’Рейли привело к тому, что Европейская Комиссия опубликовала некоторые документы и факты.

В случае успешного завершения переговоров ЗСТ объединила бы страны с совокупным ВВП 34 трлн долл., или около 46% мирового ВВП [22, р. 2]. Вместе с подписанным соглашением о Транстихоокеанском торговом партнёрстве (ТТП) новый мегаблок за рамками ВТО стал бы основой для дальнейшей либерализации торговли и усиления роли Запада в установлении правил международной торговли и инвестиций. В геополитическом плане договор был нацелен на дальнейшее укрепление трансатлантических отношений.

Значительные разногласия между ЕС и США по ряду вопросов привели к затягиванию переговоров. К октябрю 2016 г. (15-й раунд) сторонам не удалось согласовать следующие вопросы: санитарные и фитосанитарные стандарты, расширение доступа к ключевым рынкам услуг, облегчение доступа к рынкам госзакупок, потоки данных и электронная торговля, механизм защиты инвестиций и разрешение споров между инвесторами и государством, рынки энерго-ресурсов и защита торговых марок, непатентованные названия, наименования мест происхождения товаров и др.¹

Итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС и избрание Д. Трампа президентом внесли неопределённость в переговоры о ТТИП и, по всей видимости, открыли новую страницу американо-британских отношений. Т. Мэй стала первым главой иностранного государства, посетившим США после инаугурации Д. Трампа; в произошедших политических изменениях она увидела возможность обновить особые отношения двух стран и вместе занять лидирующие позиции в мире². Новый американский президент также высказывался в пользу двустороннего торгового соглашения с Соединённым Королевством в пике Б. Обаме, заявившему в преддверии референдума, что Великобритания окажется «в конце очереди» на заключение торгового соглашения с США, если

¹ U.S. - EU Joint Report on T-TIP Progress to Date // Office of the United States Trade Representative. January 2017. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/january/us-eu-joint-report-t-tip-progress-0> (дата обращения 11.02.2017).

² Collinson S. Trump welcomes May as US-UK relationship enters new era // CNN. 27.01.2017. URL: <http://edition.cnn.com/2017/01/26/politics/donald-trump-theresa-may-white-house-visit/> (дата обращения 11.02.2017).

покинет ЕС³. Предвыборная кампания Трампа строилась на непримиримой критике многосторонних торговых соглашений как не соответствующих интересам Америки; один из первых его указов касался выхода страны из так и не ратифицированного ТТП. Однако Великобритания вряд ли сможет заключить двустороннее торговое соглашение, пока не выйдет из ЕС, а на это может потребоваться не менее двух лет.

Каждое британское правительство по-своему выстраивает особые отношения с США, стремясь сохранить политический вес страны в ЕС/Европе и в мире. Помимо сотрудничества в военной и дипломатической сферах, очень крепки экономические связи, особенно с точки зрения прямых иностранных инвестиций. Оба правительства были заинтересованы в дальнейшей либерализации торговли в многостороннем формате, несмотря на достаточно сильную оппозицию внутри своих стран. Взгляды британского руководства по многим вопросам были ближе к американской позиции, чем других членов ЕС, что хорошо видно при сопоставлении подходов США и Великобритании к ТТИП в период нахождения у власти Б. Обамы и Д. Кэмерона.

Причины, значение и результаты возможного заключения соглашения о ТТИП продолжают изучаться и сегодня. В первую очередь, рассматриваются его экономические обоснования и результаты, к которым должно было привести заключение соглашения. Оценки западных научных центров отличаются: от отрицательных (исследование Дж. Капальдо [14]), до умеренных (доклад Центра исследований экономической политики (CEPR, Лондон) [19]) и даже положительных (доклад по заказу Фонда Бертельсмана [18], доклад CEPR об оценке экономического влияния ТТИП на Великобританию⁴). В 2016 г. по заказу Американской торговой палаты при ЕС Всемирный торговый институт (г. Берн) опубликовал прогнозы возможного развития ситуации для каждой страны ЕС, в которых в целом развеивались опасения по поводу соглашения [20]. В докладах использовался метод CGE (*Computable General Equilibrium model* – вычислимая модель общего равновесия) для оценки возможных результатов. Различия в выводах объяснялось разницей заданных параметров и допущений, на чём и строится их критика [20, 1].

Во-вторых, определяется место ТТИП и ТТП в системе ВТО [4] путём анализа существующих соглашений США о ЗСТ, а также соглашений с ограниченным членством (например, Соглашение о торговле услугами, TiSA) и устанавливается их соответствие нормам ВТО [22]. Сюда можно отнести изучение места ТТИП в глобальной экономике. Так, Б. Хейфец считает, что

³ Asthana A., Mason R. Barack Obama: Brexit would put UK 'back of the queue' for trade talks // The Guardian. 22.04.2016. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/apr/22/barack-obama-brexit-uk-back-of-queue-for-trade-talks> (дата обращения 17.06.2016).

⁴ Estimating the Economic Impact on the UK of a Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) Agreement between the European Union and the United States / Centre for Economic Policy Research // UK Government. London, 2013. 69 p. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/198115/bis-13-869-economic-impact-on-uk-of-transatlantic-trade-and-investment-partnership-between-eu-and-us.pdf (дата обращения 09.06.2016).

ТТИП – это американо-европейский тип нового мегартнёрства («либерально-экономическое торгово-инвестиционное соглашение по модели "ВТО-плюс"») ⁵ и делает вывод о положительном влиянии трансрегионализации на процессы глобализации [10].

В-третьих, ведётся изучение значения ТТИП в контексте глобального управления с учётом трансатлантических отношений, европейской интеграции и внешней политики США [5, 7]. В.М. Шавкунов и Д.А. Романюк рассматривают ТТИП как ответ на процессы деглобализации и неспособность ЕС самостоятельно выйти из экономической депрессии [11]. Авторы расценивают соглашение как шаг по спасению ЕС и строят своё исследование на анализе экономического эффекта от создания ЕС, НАФТА и прогнозов по ТТИП, не затрагивая темы возможных социальных издержек. П.А. Кадочников и М.Г. Пташкина оценивают позиции и противоречия США и ЕС в переговорах [2]. Сбалансированный анализ причин и возможных результатов заключения ТТИП, а также встающих на пути переговоров трудностей представлен в статье Э. Хэйеса [21].

В-четвёртых, важное место отводится изучению позиций отдельных стран ЕС по вопросу ТТИП. Например, Б. Зарицкий отмечает общую настороженность Германии по ТТИП. Особо выделена позиция канцлера ФРГ А. Меркель, занимавшейся активным лоббированием соглашения, представлен анализ корпоративных интересов немецких компаний, дана оценка экономического обоснования ЗСТ, подготовленного его сторонниками [1].

Довольно большое внимание уделяется анализу хода переговоров и их геополитической составляющей. Отмечается значимость ТТИП для западной цивилизации, а также угроза потери ЕС своей экономической независимости с учётом того, что экономики США и ЕС являются конкурирующими [8, 16, 3, 9]. Социально-экономические аспекты ТТИП и критика закрытого характера переговоров как проявления «постдемократии» также являются предметом научной дискуссии [15]. М.Г. Пташкина отдельно рассматривает правила происхождения товаров в контексте ТТИП [6].

Не менее интересно рассмотреть данное соглашение с исторической точки зрения, и это определило выбор источников и методов нашего исследования. Его новизна заключается в том, что мы сопоставляем интересы США и Великобритании на материале официальных заявлений, докладов по теме, и полемики в СМИ США, Великобритании и ЕС в период с 2013 по 2016 г.

Европейская комиссия вырабатывает общую торговую политику, основываясь на единой позиции всех членов ЕС, в том числе и Великобритании. Однако особые отношения между Вашингтоном и Лондоном отражаются в том, что экономики двух стран тесно переплетены, а их циклическое функционирование более синхронизировано, чем, например, у Великобритании и Германии [17, р. 129].

⁵ Другие два типа - азиатский (Всестороннее региональное экономическое партнёрство, разрабатываемое АСЕАН и Китаем) и гибридный (Экономический пояс Шанхайского пути и Морского Шанхайского пути, предложенный Китаем).

Заключение соглашения являлось приоритетом для правительства Д. Кэмерона, которое стремилось его подписать до смены администрации в США, т.е. до конца 2016 г. После начала переговоров была создана межведомственная группа. Правительство Великобритании провело круглые столы по вопросам государственных закупок, профессиональных деловых услуг, автомобильной и химической промышленности, а также деятельности малого и среднего бизнеса в контексте заключения соглашения о ТТИП⁶.

В 2013 г. по заказу британского министерства предпринимательства, инноваций и ремёсел Центр исследования экономической политики (CERP) подготовил прогноз для экономики страны после заключения соглашения о ТТИП. С помощью вычислимой модели общего равновесия были просчитаны четыре сценария уменьшения тарифов на 98–100% и различные варианты снижения нетарифных барьеров, и последовал вывод о выгоде соглашения для Лондона. Авторы доклада посчитали, что национальный доход страны увеличится на 4–10 млрд ф. ст., что соответствует увеличению ВВП на 0,14 – 0,35%⁷.

Для британской стороны заключение соглашения имело свои особенности. Общий уровень тарифных ограничений между Великобританией и США ниже, чем между США и ЕС. Гораздо более значимым для Соединённого Королевства стало бы снижение нетарифных барьеров на товары. Вместе с тем снижение барьеров в остальных странах ЕС повлекло бы за собой некоторую переориентацию торговли США на ЕС.

В 2013 г. тарифы на британский экспорт в США не превышали 3%. В наиболее значимых по объёму экспорта областях они составляли 0,5–1,5%. Самые высокие тарифы были установлены на пищевые продукты, подвергшиеся технологической обработке, однако на них приходилось менее 5% экспорта⁸. Если тарифы на британский экспорт в США составляли в среднем 0,53%, то для экспорта из ЕС эта цифра была почти в два раза выше – 1,09%. Поэтому для Великобритании было особенно важно, чтобы соглашение о свободной торговле охватывало не только тарифы на товары, от чего больше выигрывали остальные страны ЕС, но и нетарифные барьеры⁹. По оценкам авторов доклада, на отмену нетарифных барьеров пришлось бы около 90% роста ВВП, связанного с заключением соглашения о свободной торговле¹⁰. Для Великобритании либерализация привела бы к росту ВВП на 0,55%, при потере в размере 0,21% за счёт переориентации торговли США с Великобританией на ЕС¹¹.

В докладе указывалось, что данные о нетарифных барьерах менее доступны, а сами барьеры зачастую связаны с различием в подходах к регулированию.

⁶ Which groups are lobbying the UK government on TTIP? // Corporate Europe Observatory. 24.02.2015. URL: <http://Corporateurope.Org/International-Trade/2015/02/Which-Groups-Are-Lobbying-Uk-Government-Ttip> (дата обращения 10.06.2016)

⁷ Estimating the Economic Impact on the UK of a Transatlantic Trade and Investment Partnership. P.6.

⁸ Op. cit. P. 16.

⁹ Op. cit. P. 14.

¹⁰ Op. cit. P. 33.

¹¹ Op. cit. P. 35.

В структуре британского экспорта в США услуги занимают немногим менее 50%, а в экспорте ЕС – около 30%. Поэтому для Великобритании была важнее либерализация в сфере услуг, однако уровень нетарифных барьеров и возможности их снижения были бы меньше, чем по товарному экспорту¹². В докладе CERP отмечалось, что соглашение окажет наибольшее влияние на торговлю товарами, особенно на продукцию химической промышленности и машиностроения. ЕС в целом выиграет от либерализации, поскольку отменяемые тарифы выше чем в США и Великобритании, чьи рынки в большей степени открыты друг для друга¹³.

Что касается рабочих мест в Великобритании, то сокращение в одних секторах происходило бы на фоне роста спроса на рабочую силу в других. Наибольший рост занятости ожидался в автомобилестроении. По прогнозам авторов доклада, около 1% британских работников (преимущественно низкой квалификации) будут вынуждены перейти в другие сектора производства в результате роста торговли с США¹⁴.

В наибольшем выигрыше в секторе товаров окажется британское автомобилестроение, а в секторе услуг – финансовые услуги. Более масштабное соглашение обернется большими приобретениями с точки зрения производства, заработной платы и инвестиций¹⁵.

В 2014 г. Комитет по ЕС лордов положительно оценил возможное заключение соглашения о ТТИП. Подчеркивался его стратегический характер в формировании будущих стандартов торговых и инвестиционных соглашений и углублении трансатлантических отношений¹⁶. Отмечалось, что правительство Великобритании играет ключевую роль в оказании влияния на лиц, принимающих решения для продвижения этой инициативы.

Вопросы, связанные с автомобильной промышленностью и наименованиями мест происхождения товара (*geographical indications*) были выделены особо. Здесь, как рассчитывал Комитет, вероятность добиться успеха могла оказаться значительной. Сложнее было получить доступ к контрактам по госзакупкам в США, особенно на уровне отдельных штатов. Труднодостижимой целью для Великобритании считалось включение вопросов правового регулирования в сфере предоставления финансовых услуг ввиду решительных возражений США (на момент публикации доклада).

Британское правительство считало приоритетным включение в ТТИП положений об урегулировании споров между инвесторами и государством в связи с тем, что законы отдельных штатов «не так последовательны», как федеральное законодательство США¹⁷. В справочном документе, подготовленном для галаты

¹² Op. cit. P. 26.

¹³ Op. cit. P. 31.

¹⁴ Op. cit. P. 44.

¹⁵ Op. cit. P. 47.

¹⁶ The Transatlantic Trade and Investment Partnership. 14th Report of Session 2013 – 2014. // UK Parliament. London, 2014. 113 p. Режим доступа: <http://www.parliament.uk/documents/The-Transatlantic-Trade-and-Investment-Partnership.pdf> (дата обращения 17.12.2014).

¹⁷ Op. cit. Pp. 49–50.

общин в 2014 г., указывалось, что включение положений об урегулировании споров между инвесторами и государством и открытие государственной службы здравоохранения Великобритании для конкуренции могут стать необратимыми, если государство будет обязано выплачивать американским компаниям компенсацию в случае изменения законов страны [26, р. 5].

Механизм урегулирования споров между инвесторами и государством не рассматривался британской элитой как серьёзная угроза интересам государства и бизнеса, хотя существовало понимание, что его включение в соглашение о ТТИП следует лучше обосновать, чтобы снять опасения в обществе. У руководства страны было убеждение, что даже если подобные иски и возникнут, то успешно завершатся лишь немногие, поскольку в стране существует механизм защиты инвестиций по закону и на практике¹⁸. В этой связи позиция британского правительства выглядела следующим образом: «В настоящее время у Великобритании есть более 90 соглашений о защите инвестиций с другими странами. В то время как ряд британских компаний использовали механизм урегулирования споров между инвесторами и государством для получения компенсации, в отношении Великобритании не было ни одного успешного иска по этим соглашениям» [26, р. 6]. Лорд Голдсмит заявил, что «Великобритания и ЕС станут мишенью для обвинений в лукавстве, если не смогут серьёзно подойти к включению механизма урегулирования споров между инвесторами и государством в торговые соглашения с другими развитыми странами, хотя они настаивают на подобном условии в переговорах с развивающимися странами»¹⁹.

Тем не менее, Еврокомиссия приостановила переговоры по урегулированию споров между инвесторами и государством и провела общественные консультации весной и летом 2014 г. В сентябре 2015 г. С. Мальмстрём, еврокомиссар по торговле, предложила создать систему инвестиционных судов, призванных заменить механизм урегулирования споров между инвесторами и государством; британское правительство поддержало это предложение [25, pp. 13, 14].

Несмотря на то, что правительство Д. Кэмерона выступило сторонником ТТИП, в обществе появились опасения, что после заключения соглашения крупные корпорации получают возможность оказывать влияние в сфере общественных услуг, например, здравоохранении, и страдают права трудящихся, охрана окружающей среды и стандарты безопасности пищевых продуктов. В 2014 г. Corporate Europe Observatory²⁰ провела анализ выпущенной правительством Великобритании таблицы, в которой содержался список из 120 заинтересованных сторон в переговорах по ТТИП и их позиции²¹. Из них по меньшей мере 90 участников пред-

¹⁸ Op. cit. P. 50.

¹⁹ Op. cit. P. 49.

²⁰ Corporate Europe Observatory (CEO) – исследовательская и инициативная группа, которая ставит своей целью разоблачать и бросать вызов привилегированному доступу и влиянию, которым обладают корпорации и их группы лоббистов в рамках процесса принятия политических решений в ЕС.

²¹ Stakeholder Grid // Corporate Europe Observatory. 24.02.2015. 3 p. URL: http://corporateeurope.org/sites/default/files/stakeholder_grid.pdf (дата обращения 14.05.2015).

ставляли интересы бизнеса или промышленности, причём 85% поддерживали заключение ТТИП. С другой стороны, все профсоюзы, перечисленные в списке, а также большинство неправительственных, благотворительных и иных организаций гражданского общества выступали по большей части против или резко против соглашения. Исключение составили Европейская организация потребителей (BEUC), представляющая Великобританию в Европейской организации потребителей, Американская федерация потребителей и британская благотворительная организация *Cancer Research UK* (исследования в области онкологии), чья позиция носила «сбалансированный характер, с озабоченностью по некоторым вопросам». Крупные ТНК (*Shell, GlaxoSmithKlein (GSK), PWC, Ford, General Motors, Statoil*) с интересами как в США, так и Европе выступали за заключение ТТИП. Против соглашения или отдельных его элементов высказались торговые ассоциации из сектора продуктов питания и сельского хозяйства. Их основные опасения были связаны с возможным началом «гонки по нисходящей» в вопросах качества товаров и в итоге вытеснением качественной продукции с рынка.

В сентябре 2014 г. сообщалось, что правительство Д. Кэмерона не намерено исключать из соглашения государственную службу здравоохранения (NHS)²². Однако опасения по поводу возможной необратимой приватизации частей NHS и тяжб с американскими ТНК (уже в рамках системы инвестиционных судов) привели к тому, что 19 мая 2016 г. Д. Кэмерон был вынужден принять поправку к ежегодной тронной речи королевы на церемонии открытия парламента о предоставлении NHS особого статуса в ТТИП²³. Поправку поддержали лейбористы, Шотландская национальная партия, зелёные и 25 тори²⁴. Её принятие – редкий случай для политической жизни Великобритании. В то же время еврокомиссар по торговле С. Мальмстрём в своём запоздалом ответе на письмо Г. Картмейл, заместителя генерального секретаря профсоюза Юнайт, подтвердила, что ТТИП не представляет риска для общественных услуг в ЕС и государственная служба здравоохранения Великобритании не пострадает от соглашения, а оценка рисков, предоставленная профсоюзом, является необоснованной²⁵. Её ответ Г. Картмейл не удовлетворил²⁶.

²² Dearden N. Bring on the defeat of the EU-US free trade deal // The Guardian. 02.09.2014. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/sep/02/eu-us-free-trade-deal-ttip-transatlantic-trade-investment-partnership> (дата обращения 02.12.2014).

²³ Asthana A., Steward H. Cameron accepts TTIIP amendment to mollify rebel Tory MPs // The Guardian. 19.05.2016. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2016/may/19/cameron-accepts-ttip-amendment-to-mollify-rebel-tory-mps> (дата обращения 10.06.2016).

²⁴ Waugh P. Queen's Speech 2016: Tory MPs To Join Labour On Amendment Exempting NHS From EU-US Trade Deal // The Huffington Post. 19.05.2016. Режим доступа: http://www.huffingtonpost.co.uk/entry/queens-speech-tory-rebels-nhs-ttip-amendment_uk_573d7c47e4b058ab71e63f1c (дата обращения 10.06.2016).

²⁵ Malmström C. Cecilia Malmström, Member of the European Commission, Letter to Gail Cartmail, Assistant General Secretary Unite the Union. // European Commission. Brussels, 20.05.2016. 19 p. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/june/tradoc_154617.pdf (дата обращения 10.06.2016).

²⁶ Cartmail G. Gail Cartmail, Assistant General Secretary Unite the Union, Letter to Cecilia Malmström, Member of the European Commission, 24.05.2016 // European Commission. Brussels, 24.05.2016. 1 p. URL: https://ec.europa.eu/carol/index-iframe.cfm?fuseaction=download&documentId=090166e5a930db1b&title=TTIP_May%202016.pdf (дата обращения 20.06.2016).

Итак, на официальном уровне преобладала точка зрения, что заключение ТТИП выгодно для Великобритании, потому что у страны имеются обширные торговые и инвестиционные связи как с ЕС, так и с США, и оно соответствует долгосрочной цели страны – поддерживать прочные отношения с Европой и Америкой. Кроме того, отмечалось, что Соединённому Королевству принадлежит центральное место в трансатлантическом геополитическом мышлении. Поскольку для британцев торговля и безопасность были главными преимуществами ЕС, ТТИП подтвердил бы свою полезность²⁷.

Позиция британского правительства не всегда совпадала с точкой зрения других членов ЕС. Хотя канцлер Германии А. Меркель выступала за заключение соглашения в 2016 г., в правительстве ФРГ не наблюдалось единства: З. Габриэль, вице-канцлер и министр экономики и энергетики призывал не спешить, а министр сельского хозяйства К. Шмидт заявил, что американская сторона не идёт на серьёзные уступки²⁸. Во Франции был особенно силен скептицизм в отношении ТТИП; ещё в 2013 г. правительство страны настояло на том, чтобы аудиовизуальные услуги были исключены из переговорного мандата ЕК, чтобы продолжить субсидирование этого сектора в целях защиты европейского культурного наследия. После 13 раундов переговоров и утечки документов, опубликованных «Гринпис», Ф. Олланд высказался против нерегулируемой свободной торговли и заявил, что не примет соглашение в нынешнем виде²⁹. Правительство Испании поддерживало ТТИП, особый интерес у него вызывал доступ к рынку госзакупок всех уровней с учётом важности строительного сектора в испанской экономике; приоритетом являлась защита наименований мест происхождения товара; утверждалось, что позиции США и ЕС по защите прав потребителей и окружающей среды ближе, чем может показаться³⁰. Правительство Дании поддерживало заключение соглашения; представитель датского МИД назвал его слишком важным, «чтобы дать ему завершиться неудачей»³¹; в приоритете были более тесное сотрудничество в области нормативно-правового регулирования и выгода для предприятий малого и среднего бизнеса; прогнозировался существенный рост экспорта продукции датских фармфирм в США [23]. Польша поддерживала заключение ТТИП, хотя в министерстве сельского хозяйства вы-

²⁷ Oliver T. The British Problem Facing a Transatlantic Trade Deal // The Huffington Post. 25.10.2013. URL: http://www.huffingtonpost.com/tim-oliver/the-british-problem-facina_b_4164712.html (дата обращения 29.11.2014).

²⁸ German vice chancellor: Merkel 'wrong' about TTIP // DW.com. 29.05.2016. URL: <http://www.dw.com/en/german-vice-chancellor-merkel-wrong-about-ttip/a-19291312> (дата обращения 11.04.2017); Payton M. TTIP trade deal under threat after Germany claims US not making 'any serious concessions' // The Independent. 09.05.2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/ttip-trade-deal-under-threat-due-after-germany-claims-us-not-making-any-serious-concessions-a7019291.html> (дата обращения 11.06.2016).

²⁹ Rankin J. Doubts rise over TTIP as France threatens to block EU-US deal // The Guardian. 03.05.2016. URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/may/03/doubts-rise-over-ttip-as-france-threatens-to-block-eu-us-deal> (дата обращения 11.04.2017).

³⁰ Asociación Transatlántica sobre el Comercio y la Inversión (TTIP) // Secretaría de Estado de comercio. URL: <http://www.comercio.gob.es/es-ES/comercio-exterior/politica-comercial/relaciones-bilaterales-union-europea/america/Paginas/Asociacion-Transatlantica.aspx> (дата обращения 11.04.2017).

³¹ Will the TTIP bring any benefits to Denmark? // Danish-American Business Forum. URL: <http://dabf.dk/will-ttip-bring-benefits-denmark/> (дата обращения 11.04.2017).

сказывались опасения по поводу возможной конкуренции с дешёвой и менее качественной американской продукцией³²; члены Европарламента от Польши указывали на дешевизну энергии в США как угрозу польской химической и металлургической промышленности и другим энергоёмким отраслям, но видели перспективы для местной фармацевтической промышленности³³. В Греции правительство А. Ципраса изначально было негативно настроено по отношению к ТТИП, но затем скорректировало свою позицию. После этого приоритетом для Греции стала защита наименований мест происхождения товара; правительство грозило заблокировать соглашение, если ключевые для греческого сельского хозяйства наименования мест происхождения товара не будут защищены³⁴.

Сравнивая подходы Великобритании и других стран ЕС к ТТИП, можно сделать вывод, что позиции британцев и американцев совпадали чаще, особенно в сфере защиты инвестиций и необходимости подписания соглашения в 2016 г.

Заключение соглашений о ТТИП и ТТП являлось приоритетом и для администрации Б. Обамы. ТТП было подписано 4 февраля 2016 г., но не было ратифицировано; правительство США стремилось заключить соглашение о ТТИП до завершения президентского срока Б. Обамы. Оба документа рассматривались администрацией как механизм продвижения американских торговых интересов.

Управление торгового представителя США на торговых переговорах опубликовало основные цели страны по заключению ТТИП³⁵. Американская сторона стремилась отменить все тарифы и иные пошлины в торговле сельскохозяйственными, промышленными и потребительскими товарами между США и ЕС, а также отменить или ограничить нетарифные барьеры. Особенно это касалось «произвольных санитарных и фитосанитарных ограничений, не основанных на науке, формальных/технических препятствий для торговли и других внутристрановых барьеров»³⁶. США надеялись добиться большей совместимости процессов разработки регламентов и стандартов. Ставилась задача расширить доступ к рынку услуг ЕС и принять всемирно признанные меры регулирования деятельности охраняемых государством монополий (*designated monopolies*) и компаний, принадлежащих государству. Американцы желали упростить условия электронной торговли товарами и услугами, в том числе за счёт обязательств не облагать таможенными пошлинами цифровую продукцию и не

³² Galea R. Polish agriculture ministry says 'no' to TTIP. 09.05.2016 // Radio Poland. URL: <http://www.thenews.pl/1/12/Artykul/252027,Polish-agriculture-ministry-says-no-to-TTIP> (дата обращения 11.04.2017).

³³ Free trade agreement with the US: a chance and threat for Poland // Ministry of Treasury Republic of Poland. 07.10.2015. URL: <https://www.msp.gov.pl/en/polish-economy/economic-news/6797,Free-trade-agreement-with-the-US-a-chance-and-threat-for-Poland.html> (дата обращения 11.04.2017).

³⁴ Michalopoulos S. Greece to block TTIP unless geographical indications are protected // Euroactiv.com. 13.05.2016. URL: <http://www.euroactiv.com/section/trade-society/news/greece-to-block-ttip-unless-geographical-indications-are-protected/> (дата обращения 11.04.2017).

³⁵ U.S. Objectives, U.S. Benefits in the Transatlantic Trade and Investment Partnership: A Detailed View // Office of the United States Trade Representative. March 2014. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2014/March/US-Objectives-US-Benefits-In-the-TTIP-a-Detailed-View> (дата обращения 11.04.2017).

³⁶ Ibid.

проводить неоправданную дискриминацию товаров, доставляемых с помощью электронной сети. Упоминалось о намерении включить условия, облегчающие трансграничное перемещение потоков данных. США выступали за включение в соглашение положений о защите инвесторов, а также стремились расширить доступ американских товаров, услуг и поставщиков товаров и услуг к рынку госзакупок ЕС³⁷.

В 2013 г. обе партии в Конгрессе поддержали проведение переговоров, подчеркнув их геополитическую значимость. Конгрессмены призвали отменить все ненужные барьеры в торговле, включить главу о защите инвестиций и способствовать открытию иностранных рынков госзакупок. В качестве одного из аргументов в пользу соглашения в отчёте Исследовательской службы Конгресса США (2014 г.) говорилось об исторической роли США и ЕС как лидеров в установлении правил международной торговли и инвестиций [12]. С другой стороны, региональные и двусторонние соглашения о ЗСТ могли бы отвлекать усилия от достижения прогресса на многостороннем уровне [12, p. 5]. Вместе с тем Конгресс США выступал в поддержку закона «Покупайте американское», а также против защиты наименований мест происхождения товара.

В июне 2015 г. Конгресс предоставил Б. Обаме право проводить переговоры по торговле в ускоренном режиме (*“fast track” negotiating authority*), хотя ранее этому помешала оппозиция демократов. Стоит отметить, что как сторонники, так и противники ТТИП в Конгрессе требовали расширения доступа к информации о ходе переговоров. Соглашение в урезанном виде (*T-TIP-light*) США не устраивало³⁸.

Как в Америке, как и в Великобритании главным преимуществом ТТИП считали устранение нетарифных барьеров. Одним из спорных вопросов для американской стороны было включение финансовых услуг в переговоры. В то время как часть конгрессменов, а также европейских чиновников и представителей бизнеса с обеих сторон поддерживали инициативу³⁹, другие группы считали, что это может привести к снижению стандартов финансового регулирования, например, ослабить защиту потребителей, предусмотренную в Законе о реформировании Уолл-стрит и защите потребителей (Закон Додда-Фрэнка)⁴⁰ [12, p. 15].

³⁷ Ibid.

³⁸ Opening Remarks by U.S. and EU Chief Negotiators from the New York Round of Transatlantic Trade and Investment Partnership Negotiations. New York, 29.04.2016 // Office of the United States Trade Representative, 29.04.2016. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/speechestranscripts/2016/april/opening-remarks-us-and-eu-chief> (дата обращения 11.06.2016).

³⁹ UK, EU, and US Regulators and Diplomats Discuss Transatlantic Regulatory Reforms and TTIIP // The Atlantic Council. 14.02.2014. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/events/past-events/financial-regulatory-reform-discussion-pinpoints-ttip-as-the-way-forward-on-coordination> (дата обращения 10.06.2016); Forum Joins U.S. and EU Entities Urging TTIIP to Include Full Coverage of Financial Services to Address Market Fragmentation // Financial Services Forum. 21.02.2016. URL: <http://financialservicesforum.org/2016/02/forum-joins-u-s-and-eu-entities-urging-ttip-to-include-full-coverage-of-financial-services-to-address-market-fragmentation/> (дата обращения 10.06.2016).

⁴⁰ Vincenti D. TTIIP will not include financial services, says US ambassador // Euractiv.com. 16.07.2014. URL: <http://www.euractiv.com/section/trade-society/news/ttip-will-not-include-financial-services-says-us-ambassador/> (дата обращения 10.06.2016).

Сначала правительство США выступало против включения финансового регулирования в переговоры, отчасти в связи с обеспокоенностью, что это может негативно повлиять на сотрудничество в других форматах, например, G20 и Совете по финансовой стабильности [12, р. 15]. Тем не менее, к 13-му раунду переговоров (апрель 2016 г.) в ТТИП была включена глава «Финансовые услуги», находившаяся на этапе согласования⁴¹.

Поддержка ТТИП в США не была безоговорочной. В частности, консервативный фонд «Наследие» выпустил две памятные записки, в которых были критически рассмотрены экономические и геополитические стороны заключения соглашения. Авторы записки об экономических выгодах и потенциальных рисках ТТИП считали, что Америка не должна вступать в соглашения, которые ведут к международной гармонизации правил и повышают роль государственного регулирования во имя продвижения свободной торговли [13, р.1]. С их точки зрения, соглашения по более узким и достижимым вопросам, возможно, были бы лучше, чем всеобъемлющие. Утверждалось, что США не должны ждать завершения переговоров по ТТИП, чтобы начать переговоры о ЗСТ с другими европейскими странами, не обременёнными громоздкой бюрократией ЕС, а также странами, которые могут выйти из ЕС, например, Соединённым Королевством. Непосредственная экономическая выгода от ТТИП оценивалась весьма сдержанно по сравнению с докладом Центра исследования экономической политики (CEPR), и сравнивалась с появлением в экономике каждой из стран компании уровня *BAE Systems* или *The Home Depot* [13, р. 5].

Консерваторы в лице Фонда «Наследие» высказались против гармонизации нетарифных барьеров в торговле: интересам США более соответствует полное их устранение, поскольку гармонизация ведёт к усилению регулирования, хотя она и может быть в интересах некоторых крупных компаний [13, р. 5]. Кроме того, консерваторы были против возможной увязки ТТИП с вопросами, продвигающими политическую повестку ЕС [13, р. 9].

Против включения в ТТИП механизма урегулирования споров между инвесторами и государством были и АФТ-КПП. Вместе с Европейской конфедерацией профсоюзов АФТ-КПП заявляли, что переговоры должны вестись в интересах общества, а не частных инвесторов⁴². Профсоюзы были обеспокоены тем, что соглашение помешает защите от системных финансовых рисков; поставит под угрозу предоставление критически важных коммунальных услуг; приведёт к повышению цен на лекарства, медицинские приборы и хирургические операции; окажет влияние на ход иммиграционной реформы.

⁴¹ The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) – State of Play // European Commission. Brussels, 27.04.2016. 10 p. Pp. 4, 9. Режим доступа: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/april/tradoc_154477.pdf (дата обращения 10.06.2016).

⁴² Declaration of Joint Principles ETUC/AFL-CIO: TTIP must work for the people or it won't work at all // European Trade Union Confederation. 4 p. P.1. URL: http://www.etuc.org/sites/www.etuc.org/files/document/files/afl-cio_tt看_report_uk_1.pdf (дата обращения 17.12.2014).

В мае 2015 г. американский юрист и правозащитник А. де Зайас, занимающий пост специального докладчика ООН по продвижению демократического и справедливого международного порядка, призвал к приостановке переговоров между США и ЕС на том основании, что создание обособленной правовой системы и тайных судов для урегулирования вопросов между ТНК и правительствами представляет угрозу фундаментальным правам человека⁴³.

Анализ материалов по ТТИП позволяет сделать некоторые выводы. Соглашение носило бы не только экономический, но и политический характер, так как прирост ВВП оказался бы относительно скромным. Позиции руководства США и Великобритании сходились в вопросах отмены тарифов и максимальной отмены нетарифных ограничений. Америка была заинтересована в получении доступа к рынку госзакупок ЕС, однако британская сторона сомневалась в возможности получить доступ к госзакупкам США. На момент начала переговоров позиции стран расходились по вопросу правового регулирования в сфере финансовых услуг. Против включения этого пункта в ТТИП возражали США. Обе страны поддерживали включение положений об урегулировании споров между инвесторами и государством, полагая, что смогут защитить интересы своих инвесторов. Однако в обществах обеих стран соглашение вызвало негативную реакцию. В Великобритании существовали серьёзные опасения по поводу трудностей, которые может создать ТТИП при отмене решений по договорам услуг с международными медицинскими фирмами. ТТИП стало бы успехом для британской элиты, чья убеждённость в необходимости дальнейшей либерализации международной торговли совпадала с позицией США. Либерализация торговли была выгодна Великобритании, поскольку торговля составляет 59% ВВП страны⁴⁴, однако конечный итог зависел бы от масштаба доступа к рынку США. Со своей стороны, американцы стремились к расширению доступа на рынок ЕС.

Администрация Б. Обамы и правительство Д. Кэмерона, руководствуясь как экономическими, так и геополитическими соображениями, были заинтересованы в заключении соглашения о ТТИП, поскольку оно способствовало усилению роли Запада в утверждении стандартов в торговле на глобальном уровне. ТНК были также в нём заинтересованы. Позиция Лондона по ТТИП, в целом, была ближе к позиции Вашингтона, чем других членов ЕС. Однако и в США, и в Великобритании (и ещё шире – в ЕС) существовало мощное сопротивление заключению этого соглашения. В то время как канцлер ФРГ А. Меркель, так же как и британский премьер-министр Д. Кэмерон поддерживали подписание ТТИП в 2016 г., в немецком правительстве намечался раскол; Франция грозила его заблокировать; правительства многих стран ЕС видели не только выгоды от соглашения, но и угрозу своему сельскому хозяйству и другим отраслям экономики.

⁴³ Inman P. UN calls for suspension of TTIP talks over fears of human rights abuses [Электронный ресурс] / P. Inman // The Guardian. 04.05.2015. URL: <http://www.theguardian.com/global/2015/may/04/ttip-united-nations-human-right-secret-courts-multinationals> (дата обращения 05.05.2015).

⁴⁴ Trade (% of GDP) // World Bank. 2016. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (дата обращения 07.06.2016).

Совместный отчёт США-ЕС о ходе переговоров (январь 2017 г.) позволяет сделать вывод, что стороны так и не смогли сблизить позиции по наиболее чувствительным вопросам, таким как защита инвестиций, рынок энергоносителей, санитарные и фитосанитарные стандарты, наименования мест происхождения товаров и др.⁴⁵

Прошедший в Великобритании референдум о членстве в ЕС, несомненно, повлияет на ход переговоров о ТТИП, и, возможно, на формат трансатлантических отношений. Поэтому перспективы заключения соглашения остаются неясными, а соотношение позиций США и Великобритании в вопросе о трансатлантической ЗСТ потребует дальнейшего изучения. Однако уже сейчас можно предположить, что возможное двустороннее торговое соглашение между Великобританией и США сохранит некоторые черты ТТИП в том, что касается либерализации торговли, отмены нетарифных ограничений и подходов к защите инвестиций, поскольку эти положения соответствуют интересам элит обеих стран.

Список литературы

1. Зарицкий Б. Трансатлантическое партнёрство: позиция ФРГ // *Международная жизнь*. 19.11.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14155> (дата обращения 29.06.2016).
2. Кадочников П.А., Пташкина М.Г. Трансатлантическое торгово-экономическое партнёрство // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 2. С. 14–22.
3. Комаров И. Россия в системе новых глобальных торговых партнерств // *Российский совет по международным делам*. 17.07.2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6358#top-content (дата обращения 29.06.2016).
4. Кузнецов А.В., Загашвили В.С. Регулирование мировой торговли и трансатлантической инвестиционной деятельности // *Глобальное управление: возможности и риски*; под ред. В.Г. Барановского и Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 314 с. С. 70–88.
5. Носов М.Г. ЕС – США и Канада // *Европейский Союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность*; под. общ. ред. Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015. 592 с. С. 367–392.
6. Пташкина М.Г. Правила происхождения товаров в переговорах о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015. № 6. С. 72–83.
7. Рогов С.М. США // *Глобальное управление: возможности и риски*; под ред. В.Г. Барановского и Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 314 с. С.154– 78.
8. Соколянская А. ТТИП на грани срыва? // *Российский совет по международным делам*. 11.05.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7664#top-content (дата обращения 10.06.2016).
9. Тарабрин Б. Неравноправные партнёрства // *Международная жизнь*. 12.05.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15273> (дата обращения 29.06.2016).
10. Хейфец Б. Новые экономические мегапартнёрства и глобальная экономика // *Международная жизнь*. 2016. №3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1456> (дата обращения 29.06.2016).
11. Шавкунов В.М., Романюк Д.А. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство: спасение Европы или вторая Атлантида? // *Экономические науки*. 2015. № 1 (122). С. 107–126.
12. Akhtar S.I., Jones V.C. Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) Negotiations // *Federation of American Scientists. Congressional*

⁴⁵ U.S.-EU Joint Report on T-TIP Progress to Date // Office of the United States Trade Representative. January 2017. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/january/us-eu-joint-report-t-tip-progress-0> (дата обращения 18.02.2017).

- Research Service, 2014. 50 p. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R43387.pdf> (дата обращения 09.06.2016).
13. Bromund T.R., Coffey L., Riley B. The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP): Economic Benefits and Potential Risks // The Heritage Foundation Background. 17.09.2014. №2952. 16 p. URL: <http://report.heritage.org/bg2952> (дата обращения 16.12.2014).
 14. Capaldo J. The Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership: European Disintegration, Unemployment and Instability // Global Development and Environment Institute Working Paper. No. 14-03. 2014. 29 p. URL: <https://ase.tufts.edu/gdae/Pubs/wp/14-03CapaldoTTIP.pdf> (дата обращения 02.07.2016).
 15. Crouch C. Democracy at a TTIP'ing point: seizing a slim chance to reassert democratic sovereignty in Europe // IPPR. 6.12.2014. URL: <http://www.ippr.org/juncture/democracy-at-a-ttipping-point-seizing-a-slim-chance-to-reassert-democratic-sovereignty-in-europe> (дата обращения 01.07.2016).
 16. Czinkota M., Zeneli V. Why the Transatlantic Trade and Investment Partnership Is More Important Than TPP // The Diplomat. 30.01.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/why-the-transatlantic-trade-and-investment-partnership-is-more-important-than-tpp/> (дата обращения 16.06.2016).
 17. Dobson A., Marsh S. Anglo-American Relations: Contemporary perspectives. London: Routledge, 2013. 312 p.
 18. Felbermayr G., Heid B., Lehwald S. Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP); Who benefits from a free trade deal? // GED Bertelsmann Stiftung. Gütersloh, 2013. 52 p. URL: <http://www.bfna.org/sites/default/files/TTIP-GED%20study%2017June%202013.pdf> (дата обращения 02.07.2016).
 19. Francois J. Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment: an Economic Assessment. Final Report for the European Commission. London, Centre for Economic and Research Policy, 2013. 124 p. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/march/tradoc_150737.pdf (дата обращения 02.07.2016).
 20. Francois J. TTIP and the EU Member States // The World Trade Institute. Bern, 2016. 96 p. URL: <http://www.wti.org/research/publications/934/ttip-and-the-eu-member-states/> (дата обращения 16.06.2016).
 21. Hayes E. TTIP: transatlantic free trade at last? // Global Affairs. 2015. Vol.1. No. 2. Pp. 113–120. DOI: 10.1080/23340460.2015.1012914
 22. Hufbauer G.C., Cimino-Isaacs C. How will TPP and TTIP Change the WTO System? // Journal of International Economic Law. 2015. Vol. 18. No. 3. Pp. 1–18. DOI: 10.1093/jiel/jgv036
 23. Thelle M.H., Jeppesen T. The Danish pharmaceutical industry and TTIP (Novo Nordisk, Lundbeck, Leo Pharma) // Copenhagen Economics. URL: <https://www.copenhageneconomics.com/dyn/resources/Publication/publicationPDF/7/297/1455614178/the-danish-pharmaceutical-industrys-impact-from-ttip.pdf> (дата обращения 14.06.2016).
 24. Troszczyńska-Van Genderen W., Bierbrauer E. Briefing. The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP): The US Congress's positions. DG EXPO/B/PolDep/Note/2014_117 // European Parliament. Brussels, 09.09.2014. 9 p. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2014/536395/EXPO_BRI\(2014\)536395_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2014/536395/EXPO_BRI(2014)536395_EN.pdf) (дата обращения 10.06.2016).
 25. Webb D. The Transatlantic Trade and Investment Partnership. // UK Parliament Briefing paper. No. 06688. London, 04.12.2015. 30 p. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06688/SN06688.pdf> (дата обращения 17.06.2016).
 26. Webb D. The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) – Commons Library Standard Note SN/EP/6688 // UK Parliament. London, 2014. 12 p.

Об авторе:

Анастасия Октаевна Мамедова – преподаватель кафедры английского языка №1, факультет Международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru

U.S.-UK RELATIONS AND TRANSATLANTIC TRADE AND INVESTMENT PARTNERSHIP NEGOTIATIONS (2013-2016)

A.O. Mamedova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-208-225

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article compares U.S. and UK approaches to concluding the Transatlantic Trade and Investment Partnership, given the special relationship between Washington and London. The article is based on official statements and reports as well as the debate in the media.

Concluding TTIP was a priority for both U.S. President B. Obama and British Prime Minister D. Cameron. The trade agreement is both economic and political in nature. Geopolitically, the agreement may strengthen the role of the West in setting standards in global trade. U.S. and UK approaches were close when it came to the elimination of tariffs and further liberalization of non-tariff barriers. The U.S. was interested in accessing the EU procurement market; nevertheless, the British were more cautious in estimating the possibility of gaining access to U.S. procurement. Initially, the countries diverged on financial services regulation, with the U.S. being against its inclusion in TTIP. Officially, both countries supported including the ISDS mechanism in TTIP.

The Brexit victory in the UK and Donald Trump's election in the U.S. have made the prospects of TTIP even more uncertain. Thus, it is necessary to continue exploring the U.S.-UK approaches to a Transatlantic FTA. If concluded, a future bilateral agreement between the UK and the U.S. might inherit some features of TTIP regarding trade liberalization, eliminating non-tariff barriers and the investment protection mechanism, as the interests of the U.S. and the UK elites converge on many of these issues.

Key words: the U.S., the UK, the EU, special relationship, Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP, free trade agreement.

References

1. Zaritskii B. Transatlanticheskoe partnerstvo: pozitsiia FRG [Transatlantic partnership: the position of the FRG]. *Mezhdunarodnaia zhizn' – International Affairs*, 19.11.2015. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/14155> (Accessed 29.06.2016). (In Russian)
2. Kadochnikov P.A., Ptashkina M.G. Transatlanticheskoe torgovo-ekonomicheskoe partnerstvo [Transatlantic trade and investment partnership]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia – World economy and international relations*, 2015, no. 2, pp. 14–22. (In Russian)
3. Komarov I. Rossiia v sisteme novykh global'nykh torgovykh partnerstv [Russia within the system of new global trade partnerships]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council*, 17.06.2016. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6358#top-content (Accessed 29.06.2016). (In Russian)
4. Kuznetsov A.V., Zagashvili V.S. Regulirovaniemirovoitorgovliitransatlanticheskoiinvestitsionnoideiatel'nosti [Regulation of global trade and transatlantic investment activities]. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski – Global*

- governance: opportunities and risks*. Ed. V.G. Baranovskii and N.I. Ivanova. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2015. 314 p. Pp. 70–88. (In Russian)
5. Nosov M.G. ES – SshA i Kanada [The EU – the USA and Canada]. *Evropeiskii Soiuz v poiskakh global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* – *The European Union in search of a global role: politics, economy and security*. Ed. by A.I.A. Gromyko and M.G. Nosov. Moscow, Ves'mir Publ., 2015. 592 p. Pp. 367–392. (In Russian)
 6. Ptashkina M.G. Pravila proiskhozhdeniia tovarov v peregovorakh o transatlanticheskom trgovom i investitsionnom partnerstve [Rules of origin in the negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnership Agreement]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik – Russian Foreign Economic Bulletin*, 2015, no. 6, pp. 72–83. (In Russian)
 7. Rogov S.M. SShA [The USA]. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski – Global governance: opportunities and risks*. Ed. by V.G. Baranovskii and N.I. Ivanova. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2015. 314 p. Pp.154–178. (In Russian)
 8. Sokolianskaia A. TTIP na grani sryva? [Is TTIP about to collapse?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council*, 11.05.2016. Available at: http://russian-council.ru/inner/?id_4=7664#top-content (Accessed 10.06.2016). (In Russian)
 9. Tarabrin B. Neravnopravnye partnerstva [Unequal partnerships]. *Mezhdunarodnaia zhizn'* – *International Affairs*, 12.05.2016. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/15273> (Accessed 29.06.2016). (In Russian)
 10. Kheifets B. Novye ekonomicheskie megapartnerstva i global'naya ekonomika [New economic mega partnerships and global economy]. *Mezhdunarodnaia zhizn'* – *International Affairs*, 2016, no. 3. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1456> (Accessed 29.06.2016). (In Russian)
 11. Shavkunov V.M., Romaniuk D.A. Transatlanticheskoe trgovoe i investitsionnoe partnerstvo: spasenie Evropy ili vtoraia Atlantida? [The Transatlantic Trade and Investment Partnership: the salvation of Europe or the second Atlantis?]. *Ekonomicheskie nauki – Economic Sciences*, 2015, no. 1 (122), pp. 107 – 126. (In Russian)
 12. Akhtar S.I., Jones V.C. *Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) Negotiations*. Federation of American Scientists. Congressional Research Service, 2014. 50 p. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R43387.pdf> (Accessed 09.06.2016).
 13. Bromund T.R., Coffey L., Riley B. The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP): Economic Benefits and Potential Risks. *The Heritage Foundation Backgrounder*, 17.09.2014, №2952. 16 p. Available at: <http://report.heritage.org/bg2952> (Accessed 16.12.2014).
 14. Capaldo J. The Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership: European Disintegration, Unemployment and Instability. *Global Development and Environment Institute Working Paper*, no. 14-03, 2014. 29 p. Available at: <https://ase.tufts.edu/gdae/Pubs/wp/14-03CapaldoTTIP.pdf> (Accessed 02.07.2016).
 15. Crouch C. Democracy at a TTIP'ing point: seizing a slim chance to reassert democratic sovereignty in Europe. *IPPR*, 06.12.2014. Available at: <http://www.ippr.org/juncture/democracy-at-a-ttipping-point-seizing-a-slim-chance-to-reassert-democratic-sovereignty-in-europe> (Accessed 01.07.2016).
 16. Czinkota M., Zeneli V. Why the Transatlantic Trade and Investment Partnership Is More Important Than TPP. *The Diplomat*, 30.01.2016. Available at: <http://thediplomat.com/2016/01/why-the-transatlantic-trade-and-investment-partnership-is-more-important-than-tp/> (Accessed 16.06.2016).
 17. Dobson A., Marsh S. *Anglo-American Relations: Contemporary perspectives*. London, Routledge, 2013. 312 p.
 18. Felbermayr G., Heid B., Lehwald S. *Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP). Who benefits from a free trade deal?* GED Bertelsmann Stiftung. Gütersloh, 2013. 52 p. Available at: <http://www.bfna.org/sites/default/files/TTIP-GED%20study%2017June%202013.pdf> (Accessed 02.07.2016).

19. Francois J. *Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment: an Economic Assessment. Final Report for the European Commission*. London, Centre for Economic and Research Policy, 2013. 124 p. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/march/tradoc_150737.pdf (Accessed 02.07.2016)
20. Francois J. *TTIP and the EU Member States*. The World Trade Institute. Bern, 2016. 96 p. Available at: <http://www.wti.org/research/publications/934/ttip-and-the-eu-member-states/> (Accessed 16.06.2016)
21. Hayes E. TTIP: transatlantic free trade at last? *Global Affairs*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 113 - 120.
22. Hufbauer G.C., Cimino-Isaacs C. How will TPP and TTIP Change the WTO System? *Journal of International Economic Law*, 2015, vol. 18., no. 3, pp. 1–18. DOI: 10.1093/jiel/jgv036
23. Thelle M.H., Jeppesen T. *The Danish pharmaceutical industry and TTIP (Novo Nordisk, Lundbeck, Leo Pharma)*. Copenhagen Economics. Available at: <https://www.copenhageneconomics.com/dyn/resources/Publication/publicationPDF/7/297/1455614178/the-danish-pharmaceutical-industrys-impact-from-ttip.pdf> (Accessed 14.06.2016)
24. Troszczyńska-Van Genderen W., Bierbrauer E. Briefing. *The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP): The US Congress's positions*. DG EXPO/B/PolDep/Note/2014_117. European Parliament. Brussels, 09 September 2014. 9 p. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2014/536395/EXPO_BRI\(2014\)536395_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2014/536395/EXPO_BRI(2014)536395_EN.pdf) (Accessed 10.06.2016)
25. Webb D. The Transatlantic Trade and Investment Partnership. *UK Parliament Briefing paper*, no. 06688. London, 04.12.2015. 2015. 30 p. Available at: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06688/SN06688.pdf> (Accessed 17.06.2016)
26. Webb D. *The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) – Commons Library Standard Note SN/EP/6688*. UK Parliament. 2014. 12 p.

About the author:

Anastasia Oktayevna Mamedova – Lecturer at English Language Department #1, School of International Relations, MGIMO-University, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76, Russia. E-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru.

ПРОГНОЗ УГРОЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В 2017 ГОДУ¹

А.О. Безруков, Н.Ю. Силаев, А.А. Сушенцов²

Аналитическое агентство «Внешняя политика»

Статья посвящена анализу угроз международной безопасности России в 2017 г. Проводится анализ двенадцати ситуаций, развитие которых может оказать значительное влияние на интересы России в сфере международной безопасности. Для каждой ситуации выдвигается наиболее вероятный сценарий развития, предлагается перечень условий его наступления. Целью прогноза является сокращение неопределённости будущего и выдвижение обоснованной гипотезы о его вероятных сценариях. Задача прогноза – помочь людям, принимающим решения, мысленно поставить себя в ситуацию, в которой реализовался один из сценариев будущего, и побудить их просчитать свои возможные действия.

При подготовке прогноза были использованы два инструмента сценарного анализа: выделение двух ключевых переменных, соотношение которых задаёт спектр анализируемых сценариев, и метод ключевых событий, состоящий из нескольких этапов и позволяющий в реальном времени оценить перспективу реализации наблюдаемого сценария.

По мнению авторов прогноза, при новом президенте США будут вынуждены выбирать между сохранением мощи и вовлечённостью в мировые дела, а ЕС будет поглощён внутренними проблемами. В 2017 г. России важно сохранить наметившуюся позитивную динамику в Трансатлантике, Большой Евразии и на Ближнем Востоке. Для этого необходимо в первую очередь игнорировать провокации – главным образом в Европе. Источником нового кризиса могут стать отчаявшиеся от невнимания к ним со стороны США члены НАТО или российские союзники.

Ключевые слова: международные отношения, международная безопасность, прогнозирование, неопределённость будущего, сценарии будущего, российско-американские отношения, аналитическая симуляция, сценарный анализ.

УДК 327

Поступила в редакцию 02.03.2017 г.

Принята к публикации 01.04.2017 г.

¹ Настоящий прогноз был подготовлен аналитическим агентством «Внешняя политика» при поддержке гранта Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

² В работе над исследованием приняли участие В.А. Аватков, М.В. Мамонов, С.М. Маркедонов, Н.А. Мендкович, Г.В. Мирзян, Д.В. Офицеров-Бельский, Т.И. Тюкаева.

В настоящей статье мы анализируем двенадцать ситуаций, развитие которых в новом году может оказать существенное влияние на интересы России в сфере международной безопасности и стабильности. Для каждой из ситуаций мы выдвигаем наиболее вероятный сценарий развития и предлагаем перечень условий его наступления. Назначение прогноза – сократить неопределённость будущего и выдвинуть обоснованные гипотезы о его вероятных сценариях.

Попытки прогнозирования международных процессов предпринимаются и в России, и за рубежом. Ежегодный экономический и внешнеполитический прогноз публикует Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН [4]. Этот прогноз посвящён ключевым тенденциям развития мировой экономики и политики крупнейших стран мира, а также конъюнктуре основных отраслей российского экспорта. Внешнеполитическая часть прогноза построена по региональному принципу и описывает вероятное будущее в ключевых регионах мира. При этом прогноз делается на основе экстраполяции сложившихся в прошлом тенденций, а также анализа программных установок находящихся у власти политических сил. Очередной прогноз содержит оценку точности предыдущего. В 2011 г. ИМЭМО выпустил Стратегический глобальный прогноз до 2030 г., построенный по сходному принципу и содержащий оценку магистральных тенденций мирового развития [5].

Другой пример фундаментального прогноза – публикуемый каждые четыре года прогноз Национального разведывательного совета США «Глобальные тренды» [9]. В центре внимания авторов этого прогноза находятся наиболее важные тенденции мирового развития. Анализируя региональные тенденции, авторы прогноза затем агрегируют их на уровне глобальной динамики в краткосрочной (до пяти лет) и долгосрочной (до двадцати лет) перспективе. Они также используют аналитические симуляции, привлекая команды экспертов для проигрывания тех или иных международных ситуаций [9, р. 70].

Американские консалтинговые компании «Стратфор» и «Евразийская группа» выпускают ежегодные доклады с прогнозом глобальных политических рисков [8; 11]. Эти работы опираются на экспертную оценку развития наблюдаемых тенденций, выдвижение предложений о наиболее вероятных сценариях и существующий календарь политических и экономических событий.

При подготовке настоящего прогноза мы исходили из нескольких методологических предпосылок.

Во-первых, аналитическая ценность прогноза состоит не столько в точности предсказания будущих событий, сколько в том, насколько он способен активизировать размышления и дискуссию о различных сценариях будущего. Задача такого прогноза – помочь людям, принимающим решения, мысленно поставить себя в ситуацию, в которой реализовался один из сценариев будущего, и побудить их просчитать свои возможные действия. По этой причине простая экстраполяция наблюдаемых ныне тенденций или оценка осуществимости

выдвинутых ранее политических программ, вероятно, обеспечит наибольшую точность прогноза, но вместе с тем сравнительно хуже позволит оценить спектр открытых вариантов будущего.

Во-вторых, хотя мировой политический процесс, безусловно, обладает большой внутренней связностью и единством, глобальность любого прогноза в немалой степени иллюзорна. Пытаясь охватить мир как систему, мы неизбежно смотрим на эту систему из одного из её «углов», глазами одного из её действующих лиц. Рассуждая о будущем, мы не можем уйти от более или менее осознанного образа желаемого будущего. С этой точки зрения, прогнозы влиятельных интеллектуальных центров обладают не только аналитическим, но «программирующим» значением – они не только описывают будущее, но и в известном смысле создают его. Поэтому, составляя свой прогноз, мы признаём его субъективность, в том смысле, что он представляет собой взгляд на тенденции мирового развития с точки зрения интересов России и места России в мире, в центре нашего внимания оказываются лишь те ситуации и те тенденции, в которые Россия вовлечена.

В-третьих, признавая ценность долгосрочных прогнозов, мы всё же полагаем здесь и сейчас более актуальным прогноз краткосрочный. Внезапные и резкие перемены, политическая турбулентность стали фундаментальными признаками современного мира, в той точке, где находится сейчас мир, зарождаются самые разнообразные варианты будущего. Оценить их жизнеспособность можно только на длительном отрезке мировой истории, заглянув далеко вперёд. Но если мы хотим как можно шире оценить спектр лежащих перед нами возможностей, требуется «посмотреть под ноги», сосредоточившись на анализе ближайшего будущего.

Наиболее близок нашему подходу школы прикладного политического анализа, которая развивалась в России усилиями М.А. Хрусталёва, Е.М. Примакова [3] и А.Д. Богатурова [2]. Прогнозирование в рамках этого подхода осуществляется на краткосрочный период путём ситуационного анализа, в рамках которого выдвигаются условия наступления ожидаемого сценария. Методом ситуационного анализа в 1980 г. советским аналитикам под руководством М.А. Хрусталёва удалось спрогнозировать стабилизацию ситуации в Иране после исламской революции 1979 г. По оценкам аналитиков МГИМО, давление Советского Союза на «режим мулл» в связи с репрессиями против левой оппозиции не даст результата, а сам режим проявит высокую жизнестойкость [6, с. 119-128].

Независимо от российской в США развивалась оригинальная школа прогнозирования, опиравшаяся на методику симуляции и сценарных игр. Этим путём Центральному разведывательному агентству США удалось предсказать попытку госпереворота в СССР в 1991 г. под руководством ГКЧП [7, р. 28-41], а коллективу аналитиков под руководством Питера Шварца в 1980-х гг. удалось в интересах энергетической компании «Шеврон» выработать спектр сценариев, опирающихся на вероятность распада Советского Союза [10, р. 93-108].

В данном прогнозе были использованы два инструмента сценарного анализа. Первый – он представлен в разделе, посвящённом российско-американским отношениям – предполагает выделение двух ключевых переменных, соотношение которых задает спектр анализируемых сценариев. Переменные должны быть наиболее значимы для рассматриваемого явления и не должны зависеть друг от друга. При анализе российско-американских отношений мы выбрали следующие переменные: мера активности внешней политики США и вероятность успеха внутривнутриполитической программы нового президента.

Второй инструмент – метод ключевых событий. Его применение состоит из нескольких этапов. На первом мы из большого перечня международных проблем отобрали одиннадцать ключевых ситуаций, оказывающих наибольшее влияние на интересы России на данный момент (например украинский кризис). На втором в каждой из этих ситуаций был определён аспект, развитие которого в 2017 г. носит ключевой характер для всей ситуации (в случае с украинским кризисом – перспектива сохранения политической стабильности в стране). Далее для каждого из этих сценариев были сформулированы условия его наступления в виде перечня ключевых событий («ключей»). На последнем этапе мы оценили перспективу наступления указанных событий по шкале «исключено – крайне маловероятно – маловероятно – вероятно – высоко вероятно – непременно». В совокупности это позволяет в реальном времени оценить перспективу реализации наблюдаемого сценария и сделать вывод на будущее.

Контурь ближайшего будущего

Мы вступаем в первый год новой эпохи, в которой Запад больше не является безусловным глобальным лидером. При новом президенте США будут вынуждены выбирать между сохранением мощи и вовлечённостью в мировые дела. ЕС будет поглощён внутренними проблемами. Многие международные вопросы уже разрешаются без участия Запада, а те, кто стремился к прекращению диктата Вашингтона, добились своего.

Однако следствием слома старого порядка стала невыносимая неопределённость. Шоков 2016-го с лихвой хватило бы на десятилетие. В 2017-м мир будет пытаться сосредоточиться в надежде, что главные неожиданности позади.

Для внешней политики России прошедший год был успешным. В 2017 г. важно сохранить наметившуюся позитивную динамику в Трансатлантике, Большой Евразии и на Ближнем Востоке. Для этого необходимо в первую очередь игнорировать провокации – главным образом на европейском театре. Источником нового кризиса могут стать отчаявшиеся от невнимания к ним со стороны США члены НАТО или российские союзники. Россия вслед за США начинает давать неформальные гарантии безопасности солидарным с ней странам. Это может подвигнуть Сербию на активные шаги в Косово или Сербской Краине, а Сирию –

на неуступчивость в переговорном процессе по урегулированию. Маловероятный, но всё же возможный коллапс Украины не должен вызвать избыточную реакцию со стороны России.

Сценарии будущего отношений России и США

Для анализа ключевой неопределённости 2017 г. – развития российско-американских отношений – мы применяем сценарный анализ. Он используется в ситуациях, когда неопределённость не позволяет с высокой долей вероятности предсказать путь развития событий, поскольку формирующие ситуацию факторы сами подвержены большим изменениям. В таких случаях нужно говорить о нескольких возможных будущих. Каждое из них может наступить с той или иной степенью вероятности. Суть сценариев не в том, чтобы точно предсказать будущее, а в том, чтобы сформировать у принимающего решения внутреннюю готовность к любому повороту событий.

При разработке сценариев российско-американских отношений мы упростим ситуацию до нескольких переменных, составляющих ключевую неопределённость. Выбранные нами переменные будут иметь разную природу и не будут зависеть друг от друга.

По нашей оценке, главными неопределённостями для будущего отношений между двумя странами являются способность Дональда Трампа воплотить в жизнь свою программу внутри страны и степень конфликтности внешней политики США при новой администрации в Белом доме.

Способность Д. Трампа выполнить свои планы по перезапуску американской экономики зависит не только от успехов его команды или противодействия со стороны противников. Она зависит и от ряда объективных экономических и структурных факторов, которые могут значительно замедлить позитивный эффект программ Трампа и в худшем случае сорвать планируемый рост инвестиций и занятости. Это может не позволить ему превратить успехи в экономике в политический выигрыш на следующем электоральном цикле. Учитывая влияние всех факторов, спектр достижений внутриэкономической программы Трампа может варьироваться от полного успеха до полного провала.

Уровень конфликтности внешней политики США является производной от действий администрации Белого дома. В силу особого положения в международной системе США они продолжают пользоваться широкой свободой действий в мире, встречая лишь небольшое – хотя и нарастающее – сопротивление. Внешняя политика остаётся прерогативой исполнительной власти США и американский президент без консультации с Конгрессом может позволить себе резко повысить уровень конфликтности внешней политики в любой момент (это мы наблюдали с антироссийской линией администрации Барака Обамы во второй половине 2016 г.). В США внешняя политика неоднократно становилась главным инструментом исполнительной власти по управлению внутренними неурядицами.

Можно предположить, что в правление администрации Д. Трампа максимальная напряжённость будет отмечаться в отношениях США с рядом стран Ближнего Востока, Китаем и Россией – государствами, с которыми у Вашингтона объективно существуют серьёзные противоречия. Существует перспектива обострения отношений с группой «сложных союзников», которые допускают существенные отклонения от американского курса: Турцией, Саудовской Аравией и Пакистаном. Для России уровень напряжённости в отношениях с США может быть как значительно выше, так и существенно ниже текущего, в зависимости от того, какую повестку дня предложит новая американская администрация.

Расположив две выбранные переменные на осях координат, мы получим четыре сценария будущих отношения США и России.

Первый сценарий – «Вспоминая Рейгана» – предполагает успех экономической программы новой администрации и продолжение наступательной внешней политики. Этот сценарий начнёт реализовываться, если администрации Трампа за счёт резкого сокращения налогов, инвестиций в инфраструктуру и военно-промышленный комплекс удастся успешно перезапустить американскую экономику и укрепить свои политические позиции в стране. Невзирая на возражения Москвы, новая администрация может начать амбициозную программу модернизации ядерного оружия, дав начало новому этапу гонки ядерных вооружений. На волне своих внутривнутриполитических успехов, Трамп может активизировать военные действия США на Ближнем Востоке и предпринять конкретные меры по ограничению импорта, в первую очередь, из Китая. Вместе с перспективой значительного усиления военной мощи США в Азии, эта перспектива вызовет резко негативную реакцию со стороны Пекина. В Москве, несмотря на хорошие личные отношения между Трампом и Путиным, такой курс США будет воспринят как попытка сломать сложившийся военно-стратегический паритет, и отношения вернутся к прежней напряжённости. В итоге не будет урегулирован украинский кризис, а единый фронт по борьбе с терроризмом останется только на бумаге.

Рис 1. Сценарии эволюции внешней политики Д. Трампа
Figure 1. Scenarios of Trump administration's foreign policy

Второй сценарий – «Продолжение конфронтации» – развернётся на фоне провала экономической политики Трампа и усиления внутривнутриполитической борьбы. Президент, всё менее способный бороться с оппозицией в стране и в Конгрессе, попытается компенсировать свою слабость там, где он имеет реальную власть – во внешней политике. Его уязвленное самолюбие произведёт в мировой системе эффект разорвавшейся бомбы – американская военная машина включится на полную мощность на Ближнем Востоке, а наращивание сил в Азии и обвинения в демпинге резко ухудшат американо-китайские отношения. После того как попытки склонить Путина к стратегическому союзу против КНР не дадут результата, Россия вновь окажется в списке «плохих парней», со всеми вытекающими последствиями – санкциями, информационными атаками, наращиванием сил по периферии российских границ, и, самое опасное, курсом на нейтрализацию российских ядерных сил, угрожающим основам стабильности взаимоотношений.

Третий сценарий – «новый изоляционизм» – также будет происходить в условиях «пробуксовки» экономической политики Трампа и резкого ослабления его внутривнутриполитических позиций. Дополнительные инвестиции и сокращение налогов, приведшие к быстрому росту государственного долга, дадут демократам возможности обвинить президента в безответственности и некомпетентности, отвоёвав назад голоса «синих воротничков». Внутривнутриполитическая борьба администрации Трампа против нарастающего числа противников как со стороны обретающих второе дыхание демократов, так и со стороны оппонентов-республиканцев, приведёт к тому, что внешняя политика будет задвинута на задний план, а внешний мир окажется предоставлен сам себе. Кроме попыток ограничить импорт и иммиграцию, которые потонут в парализованном после промежуточных выборов 2018 г. Конгрессе, администрация Трампа не выдвинет новых инициатив ни в Европе, ни в Азии, ни на Ближнем Востоке. Это предоставит неожиданную, и, зачастую, некомфортную свободу действий союзникам и противникам США, в том числе и России.

Четвёртый сценарий – «Возвращение Ф. Рузвельта» – ставит на успех экономической программы Трампа, однако в отличие от первого сценария предполагает уменьшение конфликтности внешней политики. Такое развитие событий может произойти в том случае, если обещанный рост инвестиций в военный потенциал США не будет ставить целью сломать ядерный паритет с Россией. Позитивный опыт борьбы с ИГ, хорошие личные отношения между президентами и смена руководства в европейских столицах позволят снизить напряжённость в отношениях России с НАТО и начать урегулирование украинского вопроса. В то же время, Трамп может показать себя реалистом в вопросе торговых отношений с Китаем и Мексикой, а его неприятие Транстихоокеанского партнёрства может смениться предложением его переподписания на более выгодных для США условиях. Этот сценарий приблизит перспективу формирования международных отношений на основе прагматического сотрудничества.

С точки зрения российско-американских отношений, первые два сценария («вспоминая Рейгана» и «продолжение конфронтации») будут исходить из установки на игнорирование интересов России. В третьем сценарии («новый изоляционизм») США будут слишком поглощены собой, чтобы обращать внимание на остальной мир. Только четвёртый сценарий предлагает по-настоящему новые приоритеты США по отношению к России – как к партнёру в борьбе с неуправляемостью международных процессов. Следует учесть, что главным аргументом в пользу этого сценария для американских реалистов служит стремление заручиться поддержкой Москвы для будущего сдерживания Китая.

Естественно, названные сценарии описывают четыре экстремальные ситуации – реальность будет сложнее. Однако для России важно как можно раньше понять, по какому из обобщённых сценариев развиваются события. С точки зрения внутренней и экономической политики, критерием успешности Трампа будет скорость, с которой ему удастся запустить законодательный механизм для налоговой реформы и инфраструктурных инвестиций вопреки противодействию демократов. С точки зрения внешней политики, главными тестами будут отход от линии на противостояние между Россией и НАТО в Восточной Европе и готовность сотрудничать в деле стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, несмотря на расхождение в целях и выборе союзников. С учётом этих критериев России можно будет выстраивать политику, которая, в любом из возможных сценариев максимально обеспечивала бы наши долгосрочные национальные интересы.

В обобщённом виде условия нормализации российско-американских отношений выглядят так:

- 1) Модернизация ядерного оружия США не поставит под угрозу ядерный паритет с Россией;
- 2) Начнётся предметная дискуссия о проблемах европейской безопасности с учётом озабоченностей России;
- 3) Будет достигнуто взаимопонимание в вопросе об урегулировании украинского кризиса и отмене санкций;
- 4) Возобновится сотрудничество по борьбе с международным терроризмом и новыми вызовами;
- 5) США не пойдут на обострение отношений с КНР или Ираном;
- 6) Россия и США будут согласованно реагировать на новые международные кризисы.

Сирия: условия прекращения прокси-войны третьих сил

Ключом к окончанию сирийского кризиса является прекращение опосредованной войны третьих сил на территории Сирии. На театре военных действий сталкиваются три коалиции: проправительственная с участием России, Ирана и «Хизбаллы», антиправительственная с участием США, Турции и государств

Персидского залива, и радикально-исламистская с участием боевиков ИГ (организация запрещённая в России) и групп их сторонников в странах Персидского залива. По мере успеха проправительственных сил в 2016 г. антиправительственная коалиция начала распадаться – Турция заключила сделку с Россией и Ираном, а США начали терять политическую инициативу и перешли к политическому давлению на Россию. Сложилась ситуация для затухания прокси-войны в Сирии. Что может привести к её прекращению в 2017 г.?

Во-первых, новая администрация США намерена изменить внешнеполитический курс в Сирии – вопрос исключительно в радикальности перемен. Отказ Вашингтона от военной поддержки оппозиции может стать вехой российско-американского сближения на почве борьбы с международным терроризмом. Формирование антитеррористической коалиции двух мировых держав в этом случае весьма вероятно. Также существует вероятность того, что Дональд Трамп снизит поддержку своих союзников в Персидском заливе и выставит счета тем из них, кто участвует в поддержке радикальных движений в регионе или потакал ИГ.

Другим условием прекращения войны является устойчивость достигнутых Россией, Турцией и Ираном соглашений о мониторинге перемирия в Сирии. Если интересы Турции в отношении курдского движения будут учтены, сделка устоит и Анкара снимет требование свержения режима Б. Асада. Испытанием на прочность для сложившегося треугольника будут действия США по давлению на Иран и побуждению Турции следовать блоковой дисциплине НАТО.

В отличие от США Россия не имеет намерений радикально менять свой внешнеполитический курс в Сирии. Такая перемена может произойти только если Москва будет вынуждена срочно реагировать на новый международный кризис вблизи своих границ. Это же касается приоритетов других ведущих внешних сил – Ирана, Турции, КСА и Катара. Возможная перемена приоритетов любого из них в Сирии существенно повлияет на динамику конфликта. Вместе с наступлением общей усталости от конфликта перемена приоритетов может способствовать прекращению прокси-войны.

Вероятность завершения российской операции в Сирии увеличивается в связи с реальной перспективой нейтрализации группировки ИГ. Учитывая активность России в районе Ракки и коалиции во главе с США в районе Мосула, высока вероятность полного уничтожения террористической группировки одновременно в Сирии и Ираке. Это, однако, не будет означать ликвидацию условий для появления радикального очага в суннитских регионах обеих стран.

На поддержание войны будет играть антагонизм КСА и Катара с Ираном, который выражается в опосредованном военном столкновении сторон на театрах в Сирии и Йемене. Нет условий, которые могли бы снизить напряжённость этой застарелой борьбы. Всполохи иранско-саудовской конфронтации будут прослеживаться и в будущем.

Табл. 1. Условия прекращения прокси-войны внешних сил в Сирии**Table 1. Conditions for the termination of the proxy war by external forces in Syria**

США прекратят военное содействие оппозиции в Сирии	Вероятно
США и Россия сформируют коалицию по борьбе с международным терроризмом	Вероятно
Соглашение России с Ираном и Турцией будет устойчивым	Вероятно
Основные внешние участники Сирийского конфликта переключат внимание на другой кризис	Маловероятно
Нейтрализация террористической группировки ИГ в Сирии и Ираке	Вероятно
КСА и Катар прекратят опосредованное военное противостояние с Ираном	Исключено

Украина: условия сохранения политической стабильности

Политическую ситуацию на Украине лишь условно можно считать стабильной: экономические трудности не преодолены, рейтинги президента и партий правящей коалиции низки, киевские элиты сотрясают коррупционные скандалы, перспектива досрочных парламентских выборов остаётся в повестке дня. Нельзя исключить, что персональный состав политического руководства Украины частично либо полностью сменится в 2017 г. Но для международной ситуации вокруг Украины значение будет иметь не сама смена лиц у власти в Киеве, а характер этого процесса. Если он пройдёт в конституционных рамках, то с большой вероятностью внешнеполитический курс новых властей будет преемственным. Маркер дестабилизации, которая может иметь серьёзные международные последствия – это новый государственный переворот в Киеве, в результате которого к власти могут прийти силы, ориентированные на расширение конфликта в Донбассе и развязывание войны непосредственно с Россией, а легитимность центральных властей страны будет, как и в 2014 г., поставлена под сомнение.

Вероятность осуществления такого сценария невелика. Хотя Украина беднеет, государству пока хватает ресурсов для поддержания своих базовых функций. Президент П. Порошенко в целом контролирует армию и спецслужбы, и многочисленные полувоенные формирования не настолько сильны, чтобы оспаривать власть у государственных силовых структур. Зарубежные доноры Украины продолжают оказывать ей помощь, которой недостаточно для роста, но пока достаточно, чтобы избежать бюджетного кризиса. Президент Порошенко продолжает саботировать урегулирование в Донбассе, избегая тем самым раздражения ультраправых сил в Киеве. Ключевые страны ЕС молчаливо соглашаются с такой политикой.

Подход новой американской администрации к украинской проблеме пока неясен. Вероятно, не менее полугода уйдёт на его выработку. Пока нет оснований ожидать, что Украина войдёт в число внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Наиболее предпочтительным решением для США по

соотношению возможных выгод и издержек будет сохранение проблемы в её нынешнем виде. Соединённые Штаты не будут усугублять украинский кризис, но и не приложат заметных усилий к его разрешению. Их позиция по Украине в значительной степени будет связана с динамикой отношений с Россией.

За неимением более выигрышной стратегии, нынешнего курса в отношении Украины будут придерживаться и ключевые страны ЕС – Франция и Германия. С тем лишь отличием, что для преемников Олланда и Меркель успех или провал Минских соглашений не будет вопросом личного престижа. Об Украине станут забывать – Берлин и Париж не будут прилагать больших усилий к урегулированию конфликта в Донбассе, но и киевским властям помогать будут без энтузиазма.

«Большая сделка» по европейской безопасности между Россией и Западом, включающая в себя внутривосточные перемены на Украине, в ближайший год не состоится. Признание Западом за Россией её места в мировых делах начнётся не с постсоветского пространства, а с Ближнего Востока. Естественно, при условии, что Россия продемонстрирует внутреннюю устойчивость и зрелость, выраженные, прежде всего, в промышленном и технологическом росте.

Табл. 2. Условия сохранения социально-политической стабильности на Украине

Table 2. Conditions for preserving socio-political stability in Ukraine

Украина перестаёт быть приоритетным вопросом для США и ЕС	Высоковероятно
Запад продолжает оказание Украине помощи для поддержания макроэкономической стабильности	Высоковероятно
Украинская экономика избегает нового кризиса	Вероятно
Государственные институты Украины сохраняют способность функциональности	Высоковероятно
Минские соглашения остаются действующим форматом урегулирования конфликта на востоке Украины	Высоковероятно
Киев продолжает затягивать переговоры об урегулировании в Донбассе	Высоковероятно
Запад молчаливо соглашается с украинской политикой по саботированию Минских соглашений	Вероятно
Киев воздерживается от вооружённых провокаций в отношении России, которые вызвали бы ответ с её стороны	Вероятно

Нагорный Карабах: условия срыва перемирия и эскалации конфликта

В 2017 г. нагорно-карабахский конфликт останется самой сложной проблемой безопасности в Закавказье. Стороны конфликта не готовы к уступкам по всему спектру имеющихся вопросов – будущий статус Нагорного Карабаха, деоккупация районов вокруг бывшей Нагорно-Карабахской автономной области, возвращение беженцев. Маловероятно, что без солидарного внешнего давления

со стороны сопредседателей Минской группы ОБСЕ (Россия, США и Франция) Баку и Ереван придут к компромиссному решению. Однако такой пресинг маловероятен в силу сложностей в отношениях между Россией и Западом, опасений того, что форсирование переговоров может способствовать не поиску мира, а попыткам конфликтующих сторон обеспечить себе преимущество. Ожидать новых прорывных идей по урегулированию конфликта в 2017 г. также не приходится. Фактически все сколько-нибудь релевантные инициативы уже озвучены.

После самой масштабной за 22 года перемирия военно-политической эскалации конфликта в начале апреля 2016 г. главной проблемой становится вопрос об условиях для срыва перемирия и нового вооружённого противостояния. Условия складываются для развития событий по негативному сценарию. Прежде всего, это торможение переговорного процесса в формате РФ–Армения–Азербайджан, которое стороны могут представить как провал. В этом случае возрастает риск дискредитации российских политических инвестиций в мирный процесс.

Однако полная калька апрельской «четырёхдневной войны» маловероятна. Москва недвусмысленно показывает, что заинтересована в сохранении имеющегося баланса сил и статус-кво. В этих условиях бросать открытый вызов Кремлю для Баку и для Еревана затруднительно, а Запад в этом вопросе России не противоречит и не мешает.

Не менее важным условием новой эскалации являются постоянные нарушения режима прекращения огня на «линии соприкосновения» в Нагорном Карабахе, а также боестолкновения вдоль международно-признанной армяно-азербайджанской границы. Война может стать результатом серии нарастающих инцидентов. Считающий себя проигравшим и потому заинтересованным в сломе статус-кво Азербайджан может проявить интерес к новому «тестированию» оппонента, что создаст основу для срыва перемирия. Тем не менее, на этом направлении стороны ограничены в своих действиях, поскольку такое демонстративное поведение станет вызовом главному инвестору мирного процесса – России, а также другим странам-посредникам.

Несмотря на улучшение отношений между Москвой и Анкарой, вероятность нового ухудшения отношений существует. Конфликт в Сирии и другие имеющиеся противоречия полностью не разрешены, а США могут вынудить Турцию отказаться от «сирийской сделки» с Россией и Ираном. Российско-турецкие разногласия могут в любой момент стать «фоновым фактором» и для ситуации в Карабахе. Однако если нормализация российско-турецких отношений продолжится (к этому есть все предпосылки), то она станет дополнительной страховкой для сдерживания конфликтующих сторон и недопущения новой эскалации.

Табл. 3. Условия эскалация конфликта в Нагорном Карабахе
Table 3. Conditions for escalation of the conflict in Nagorno-Karabakh

Торможение переговорного процесса под эгидой Минской группы ОБСЕ или в формате РФ – Армения – Азербайджан	Вероятно
Наращивание военных инцидентов на линии соприкосновения и вдоль армяно-азербайджанской границы	Высоковоероятно
Резкое изменение военного баланса между сторонами	Маловероятно
Новая конфронтация между Россией и Турцией	Маловероятно
Резкое ухудшение отношений между Москвой и Баку или Ереваном из-за Карабаха	Маловероятно
Нарастание противоречий между Россией и Западом с «переливом» на Карабах	Маловероятно
Внутриполитическая дестабилизация в Армении или Азербайджане	Вероятно
Достижение компромисса на переговорах и выход на мирное решение	Крайне маловероятно
Отказ России или других участников Минской группы от участия в мирном процессе	Исключено

Антироссийские санкции: условия снятия или облегчения

Наш прошлогодний прогноз о продлении антироссийских санкций на 2016 г. оказался верным [1, с. 32]. Однако применяя тот же перечень критериев к оценке перспективы их снятия в 2017 г., мы получаем другой вывод – складываются обстоятельства для существенного облегчения или снятия санкций в ближайшем будущем.

Ключевой особенностью вопроса об антироссийских санкциях в 2017 г. будет прекращение его увязывания с украинским кризисом. Это будет вызвано уходом украинского сюжета на периферию международной повестки дня, усталостью западных элит от своих украинских коллег и молчаливым признанием Западом того факта, что именно Киев затягивает реализацию Минских соглашений. Власти в Киеве будут стремиться вернуть себе внимание западных элит, в том числе путём попыток обострения конфликта на востоке страны. К сожалению, новый статус-кво приведёт к заморозке конфликта в Донбассе. Стремясь избежать падения внимания к ситуации в Донбассе, российское руководство в феврале 2017 г. увязало снятие контр-санкций с выполнением Минский соглашений.

В ЕС изначально существовала группа элит, настроенных против антироссийских санкций. После выборов во Франции и Германии эта группа может впервые оказаться доминирующей. Наряду с новыми приоритетами администрации Д. Трампа в отношении России это может создать условия для формирования трансатлантического консенсуса о необходимости постепенной отмены санкций.

Российское правительство указывает, что санкции и контр-санкции могут быть отменены в конце 2017 г. Посылая такие сигналы, Москва прежде всего,

готовит к новой реальности российских производителей, которые стали благоприобретателями от режима контр-санкций. Однако маловероятно, что процесс отмены санкций будет столь скоротечным – для этого есть ряд объективных политических и процедурных препятствий. Кроме того, введенные Конгрессом США санкции продолжают своё действие – для их отмены законодателями должны сложиться исключительные условия.

Тем не менее, можно рассчитывать на отмену введенных президентскими указами санкции США и – со временем – санкций ЕС. По меньшей мере, можно прогнозировать ослабление наиболее болезненных ограничений по заимствованию иностранного капитала.

Среди новых политических обстоятельств 2017 г., которые будут стимулировать отмену санкций, шесть ключевых – изменение психологического климата в отношениях России с Западом, обновление западными странами оценок о положении дел в Сирии, формирование Россией и США антитеррористической коалиции, обновление состава правительств Франции и Германии, уход украинского кризиса на периферию внимания и продвижение в вопросе о заключении мирного договора между Россией и Японией. Не исключена постановка вопроса о возвращении России в «группу семи».

Табл. 4. Условия снятия антироссийских санкций

Table 4. Conditions for the lifting of anti-Russian sanctions

В полном объеме будут исполнены пункты соглашения Минск-2	Маловероятно
Украина будет избегать военных провокаций в Донбассе	Маловероятно
На Западе наступает разочарование и глубокая усталость от Украины	Высоковероятно
В ЕС появляется группа стран, которые энергично выступают против санкций	Непременно
Противники санкций в ЕС одерживают верх над сторонниками санкций	Вероятно
ЕС будет готов отказаться от солидарности с США в вопросе о санкциях	Маловероятно
США будут готовы отменить санкции в рамках нормализации отношений с Россией	Вероятно
Россия будет готова ради отмены санкций пойти на существенные уступки Западу	Исключено

Япония: условия заключения мирного договора с Россией

Симптомы российско-японской нормализации начали просматриваться с 2013 г., когда после визита японского премьера С. Абэ в Москву российский МИД получил распоряжение активизировать контакты по выработке взаимоприемлемого варианта решения проблемы мирного договора. В ответ на запрос японской стороны Россия сигнализировала, что открыта для дискуссии и привержена формулировкам советско-японской декларации 1956 г. Согласно этому документу СССР в качестве жеста доброй воли соглашался на «передачу» островов Хобомаи и острова Сикотан Японии после заключения мирного договора. Понятие термина «передача» в документе не

раскрывалось. Наметившийся поиск решений проблемы мирного договора был ненадолго прерван украинским кризисом и присоединением Японии к санкциям против России.

Для Японии вопрос улучшения отношений с Россией выходит за рамки территориального спора. Токио озабочен усилением и наступательным настроением Китая в региональных делах. Япония стремится увидеть в России по меньшей мере нейтрального наблюдателя в японо-американском споре с Китаем. Россия также интересна Японии как экономический партнёр и источник ресурсов.

Москва стремится сохранить независимость своей внешней политики и дорожит доверительными отношениями с КНР. Россия не желает занимать сторону в территориальных спорах в Южно-Китайском море, но возражает против американского давления на Китай. Отсутствие мирного договора с Японией в Москве считают анахронизмом, а развитие экономических связей с Токио – естественным приоритетом.

Приверженность России формулировке 1956 г. о передаче двух островов не является пустой формой. Однако для реализации этого сценария Москва выдвигает ряд условий. Россия даёт понять, что не пойдёт на компромисс под нажимом, но готова к нему в ходе масштабного процесса улучшения двусторонних отношений. Первым его условием является создание доверительной атмосферы, которая исключит политизацию вопроса об островах. Однако фундаментом процесса служит масштабное расширение экономического сотрудничества. Россия высоко оценила предложенный Японией проект восьми направлений экономического сотрудничества, сосредоточенных в основном на инвестициях японских компаний в российский Дальний Восток. В Москве также отметили то обстоятельство, что, объявляя программу экономического сотрудничества с Россией, Токио фактически выходит из режима санкций и рискует подвергнуться критике со стороны партнёров по «группе семи». Россия стремится вывести отношения с Японией на стратегический уровень и застраховать достигнутый результат от влияния политической конъюнктуры.

Осложнить наметившуюся тенденцию может несколько факторов. Программа улучшения отношений с Россией — личное детище премьера С. Абэ, с которым у Путина сложились доверительные отношения. Ослабление позиций Абэ или его уход с поста премьера могут поставить под вопрос создавшуюся позитивную динамику. Деятельность коалиций «спойлеров» соглашения в России и Японии может послужить дополнительным препятствием. Наконец, на Токио может быть оказано давление со стороны США. Последние вступают в новый период отношений с Россией и оказываемое на Японию давление снизится. Однако эта тенденция может пойти вспять в случае очередного коллапса российско-американских связей.

Табл. 5. Условия заключения российско-японского мирного договора
Table 5. Conditions for concluding the Russian-Japanese peace treaty

Приверженность России советско-японской декларации 1956 г.	Высоковероятно
Сохранение доверительной атмосферы в политических консультациях на высшем уровне	Высоковероятно
Пассивность «спойлеров» процесса среди элит в России и Японии	Вероятно
Отсутствие внешнего давления на Японию по вопросу об отношениях с Россией	Вероятно
Сохранение С. Абэ на посту премьер-министра Японии	Высоковероятно
Результативность и поступательная динамика двустороннего дипломатического процесса	Высоковероятно
Развитие программы двустороннего экономического сотрудничества в обход санкций	Вероятно
Начало формирования общественного консенсуса по вопросу о мирном договоре и островах	Вероятно

ЕС: условия углубления центробежных тенденций

Сокращение среднего класса в странах ЕС продолжается. Экономические проблемы в целом ослабевают, но достигается это за счёт углубления неравенства в Европе. Это влечёт за собой политическую реакцию, прежде всего, рост правых настроений, изменения представительства в национальных парламентах, усиление недовольства Брюсселем. Поправление политических режимов уже заметно на востоке ЕС, в Венгрии и Польше. Не исключено, что уже на следующих президентских выборах эта тенденция затронет и Францию.

В 2017 г. многие страны ЕС откажутся от мер жёсткой экономии в пользу стимулирования потребления. Проект Трансатлантической зоны свободной торговли и инвестиций будет обсуждаться вновь, но маловероятно, что этот процесс может быть завершён в 2017 г.

Под влиянием миграционного кризиса страны будут искать сепаратные и двусторонние решения проблемы, откладывая необходимое реформирование Шенгенских принципов. Потенциал всеобщего консенсуса в ЕС будет снижаться и далее.

В этом году обновится руководящий уровень ЕС. На смену нынешнему главе Европарламента Мартину Шульцу пришёл ассоциируемый с С. Берлускони правый итальянский политик А. Таяни. Определённо покинет пост председателя Европейского совета Дональд Туск. Его преемником может стать бывший федеральный канцлер Австрии В. Файман. После парламентских выборов в Германии вероятна отставка и главы Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера, место которого может занять его первый заместитель из Нидерландов Ф. Тиммерманс. У этого решения могут быть и многочисленные противники. Назначение на ключевые посты ЕС всегда является плодом многочисленных компромиссов, мы указываем лишь наиболее вероятных кандидатов.

Хотя Ангела Меркель сейчас не имеет серьёзных конкурентов, на развитие предвыборной кампании повлияет множество факторов, лежащих вне сферы прогнозирования. Не исключено, что Меркель откажется баллотироваться, обеспечив поддержку своему преемнику, авторитет которого не пострадает от пересмотра миграционной политики и смягчения позиции в отношении России.

Наибольшими шансами на президентских выборах во Франции располагают правый политик Франсуа Фийон и социалист Мануэль Макрон, но уровень неопределённости вокруг выборов достаточно высок. Успех Марин Ле Пен маловероятен, но не исключён – и в этом случае он продолжит тенденцию на парадоксальные результаты референдумов и выборов в трансатлантическом регионе. Вероятны досрочные парламентские выборы в Италии, в результате которых можно ожидать усиления правых сил и дальнейшей поляризации общества.

Британия начнёт процедуру выхода из ЕС, но до конца 2017 г. переговорный процесс будет идти медленно и с большими сложностями. Стремясь добиться наилучших для себя условий, Британия вносит сумятицу в и без того расстроенный многосторонний механизм ЕС. В Брюсселе и Берлине может возобладать линия на «преподнесение Лондону урока». Сценарий «жёсткого Брекзита», сопряжённый с выходом из единого рынка ЕС и значительными международными финансовыми последствиями, нельзя исключать.

Швеция и Финляндия в 2017 г. будут активно вовлекаться в деятельность НАТО. Не исключено, что новый министр обороны США Дж. Мэттис предпочтет укреплять альянс по старой методике – путём кооптирования новых членов. Однако подготовки к членству в альянсе Швеции и Финляндии в 2017 г. ожидать не стоит. Практического развития проекта армии ЕС в 2017 г. также не будет. Элиты стран Восточной Европы, Швеции и Британии будут стремиться использовать антироссийские аргументы для возрождения консенсуса внутри ЕС.

Табл. 6. Условия углубления центробежных тенденций в ЕС
Table 6. Conditions for deepening of centrifugal tendencies in EU

Углубление экономического неравенства в странах ЕС	Высоковероятно
Новая волна миграционного кризиса и серия терактов	Высоковероятно
Усиление позиций радикальных партий	Высоковероятно
Референдум о продолжении членства в ЕС в одной из стран союза	Маловероятно
Смена канцлера Германии после парламентских выборов 2017 г.	Вероятно
Британия начинает процесс выхода из ЕС по сценарию «жёсткого Брекзита»	Вероятно
Завершение переговоров о Трансатлантической зоне свободной торговли и инвестиций	Маловероятно
Сохранение единства ЕС по вопросу антироссийских санкций	Маловероятно

БРИКС: условия сохранения значимости организации

Группа БРИКС начинает терять своё политическое и экономическое значение. Это происходит в первую очередь в связи с падением значимости международных многосторонних структур и усилением российско-китайского партнёрства в формате сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Это обстоятельство становится препятствием для российской линии на укрепление полицентричного мирового порядка.

В мире продолжается эрозия многосторонних институтов и объединений. «Группа семи» может оказывать лишь незначительное влияние на мирополитическое регулирование – отсутствие в этой группе Китая и России существенно ограничивает её политический потенциал. «Группа двадцати» аморфна и разношёрстна, чтобы выдвигать обязательные для своих участников требования в области мирового регулирования. ОБСЕ не смогла обеспечить эффективный мониторинг ситуации на Украине. Результативность саммитов НАТО, ШОС и ОДКБ нередко становится заложником позиций отдельных стран – малых и больших. У ведущих государств мира сохраняется устойчивая приверженность политике односторонних действий, которая всё меньше синхронизируется с партнёрами и сателлитами.

Замедление экономического роста в ЮАР до 1,4%, продолжающийся спад в России и Бразилии оставляют в локомотивах БРИКС только Индию (7,5%) и Китай (до 7%). Однако в Индии не приступили к реализации структурных реформ и устойчивость её роста может пошатнуться. Переход КНР к модели экономики потребления и начало Пекином наступательной внешней политики в АТР отвлекают внимание Китая от БРИКС.

Против интеграции членов БРИКС играют география, неравномерный уровень экономического развития, отсутствие значимого сотрудничества по большинству двусторонних треков и усиливающиеся индийско-китайские противоречия. Направленный на реализацию инфраструктурных проектов в странах-членах банк БРИКС имеет капитал лишь в 10 млрд долл., тогда как совокупный объём активов Всемирного банка и МВФ – свыше 2 трлн долл., уставный капитал созданного под эгидой КНР АБИИ – 100 млрд долл., а размеры сформированного уже исключительно Пекином «Фонда Шёлкового пути» – 40 млрд долл. Особенностью указанных финансовых инструментов развития является наличие у них политических задач по содействию трансформации социально-политической структуры стран-реципиентов (МВФ и ВБ) или смягчения их опасений относительно своих стратегических целей (АБИИ, ФШП для Китая). Лишённый аналогичных задач и обладающий лишь ограниченным финансовым ресурсом банк БРИКС не сможет стать важным игроком международной финансовой системы.

Переход БРИКС на систему расчётов в национальных валютах остаётся декларацией. Китай уже де-факто перешёл к такой системе – признанием этого факта стало включение юаня в валютную корзину МВФ. В остальных случаях

стоимость привлечения средств оказывается слишком высока.

Наконец, налицо и набирающие силу противоречия политических целей Китая и других государств-членов объединения. Активная реализация Китаем стратегии «пояса и пути» может вызвать трения с реализующей свой евразийский интеграционный проект Россией. Морская стратегия КНР вызывает всё больше вопросов у Индии, а Южная Африка неоднозначно относится к дальнейшей экспансии Пекина на африканском континенте. Перерастание этих трений в реальные конфликты, которые приведут к дезинтеграции объединения, практически исключено, но они же делают невозможной выработку содержательной политической повестки дня объединения.

Фронда односторонней политике США остаётся одним из краеугольных камней БРИКС. Однако эта платформа может оказаться нерелевантной, если российско-американские отношения пойдут по позитивной траектории или американо-китайские отношения обострятся до уровня, на котором России придётся делать однозначный выбор между США и КНР. Этот выбор Москва делать не хочет.

Наконец, интерес к новым рынкам поменял географическую конфигурацию роста – на смену БРИКС приходит нацеленный на развитие высоких технологий ТИКК (Тайвань, Индия, Китай, Южная Корея). В этих условиях тенденция к дальнейшей девальвации БРИКС продолжится.

Таблица 7. Условия сохранения значимости БРИКС
Table 7. Conditions for maintaining the importance of BRICS

Рост значения многосторонних институтов мирового регулирования	Маловероятно
Восстановление темпов экономического роста стран БРИКС, которые вернули бы их в центр мировой экономической повестки дня	Исключено
Появление у стран БРИКС общих политических и экономических задач	Маловероятно
Появление у стран БРИКС значимых экономических инструментов международного развития	Маловероятно
Наращение противоречий политических целей Китая и других государств-членов объединения	Вероятно

Ирак: условия восстановления управляемости страны

Ирак находится в состоянии затяжного кризиса, охватывающего все сферы государства. Его причиной служит враждебность между основными этноконфессиональными и политическими группами: шиитами, суннитами и курдами. Усугубляет ситуацию раскол внутри каждой из трёх этих групп, вызванный клановостью внутривнутриполитических и общественных отношений в стране. В государстве отсутствует какая-либо фигура, имеющая авторитет для всех или большинства политических и гражданских сил. Попытки премьер-

министра (шиита) Хайдара Аль-Абади наладить диалог и найти компромисс между основными политическими силами встречают критику со стороны не только иракских суннитских, но и шиитских лидеров. В результате на суннитских территориях западного Ирака разрастается очаг исламского радикализма, метастазы которого возникают в соседних странах. Перспективы восстановления управляемости Ирака в 2017 г. не просматриваются.

Иракские вооружённые силы в противостоянии ИГ доказали свою недееспособность. Борьбу с ИГ ведут суннитские группировки «Аль-Хашд Аль-Ватаний» «Силы национального ополчения», курдские пешмерга и действующие при поддержке Ирана шиитские формирования «Аль-Хашд Аш-Шаабий» «Силы народной мобилизации». Последние, несмотря на эффективную борьбу с ИГ, запятнали себя актами насилия в отношении суннитского населения освобождаемых районов. Все вооружённые группы на территории страны действуют автономно друг от друга, не признавая авторитетов вне собственного командования. Необходима реформа армии, нацеленная на отказ от этно-конфессионального принципа её формирования. Однако такая идея встретит противодействие со стороны курдского руководства и шиитских лидеров Ирака.

Условием консолидации власти могла бы стать сделка между этно-конфессиональными и политическими группами на основе создания единой Национальной нефтяной компании. Обсуждение проекта создания такой компании ведётся в парламенте уже не первый год. Шагом вперёд стал проект нефтепровода через суннитскую провинцию Анбар в иорданский порт Акаба, позволяющий включить в процесс распределения ресурсов суннитские племена. Однако консолидированное управление углеводородами Иракского Курдистана практически невозможно.

В 2017 г. Курдистан обдумывает проведение референдума о независимости. Кроме того, отдельные суннитские лидеры выступают за создание суннитской автономии на западе страны. Эти заявления являются популистскими, но создают дополнительные препятствия в процессе внутривосточного торга.

Турция на протяжении многих лет имеет военные базы в Северном Ираке, где осуществляется боевая подготовка курдских и суннитских бойцов. На территории Ирака также имеется ряд американских баз. Правительству в Багдаде активно содействуют иранские военные инструкторы и специалисты. Известно о попытках Тегерана навязать Ираку реформу вооружённых сил и создание вооружённых формирований по примеру КСИР и «Хизбаллы». Деятельность внешних сил в военной сфере в Ираке способствует усилению раскола не только по линии шииты–сунниты–курды, но и в рамках каждой из этих групп.

Затянувшийся многоуровневый кризис становится формой существования иракского государства. Борьба с ИГ, которая в 2017 г. будет входить в завершающую стадию, лишь отсрочивает новый передел власти внутри Ирака, начало которого уже заметно в претензиях курдистанского руководства на освобожденные силами пешмерга территории. Запланированные на 2017 г. местные

и на 2018 г. парламентские выборы послужат поводом к новой волне насилия. Следует ожидать более активных действий Ирана в наращивании своего присутствия в Ираке. Это в свою очередь будет встречать резкое противодействие со стороны части шиитских и суннитских кланов и попытки дать равносильный ответ со стороны Турции и Саудовской Аравии.

Таблица 8. Условия восстановления управляемости Ирака
Table 8. Conditions for restoring governance in Iraq

Выдвижение правительством в Багдаде платформы национального единства	Маловероятно
Отказ иракских курдов от планов по усилению собственной автономии от Багдада	Исключено
Отказ КСА, Ирана и Турции от вмешательства во внутренние дела Ирака	Исключено
Реальная кооптация суннитского меньшинства в государственные элиты	Маловероятно
Реформа армии и силовых структур на основе инклюзивности	Маловероятно
Формирование консолидированной организации в энергетическом секторе	Исключено
Эффективная модерация иракских внутривнутриполитических противоречий со стороны США и Ирана	Исключено

Миграционный кризис: условия усугубления миграции из Африки и Ближнего Востока

Захлестнувший Европу миграционный кризис стал результатом двух масштабных процессов – гуманитарной катастрофы в охваченных войной странах Ближнего Востока и демографических сдвигов на Африканском континенте.

Простого решения проблемы миграции не существует. Её корни лежат в неустроенности ближневосточных режимов, значительном разрыве между высокой рождаемостью и ограниченным количеством рабочих мест, проблемах климата и военном вмешательстве зарубежных стран. Нестабильность в регионе является константой. Она будет продолжать выплескивать наружу наиболее пассионарных и самых обездоленных людей. Потрясения, подобные «арабской весне», будут продолжаться.

Даже в случае затухания очагов конфликта в Ираке, Сирии, Ливии Афганистане, поток мигрантов не прекратится. Новым решающим фактором становится климат. При увеличении среднегодовой температуры на несколько градусов значительные части Африки, Азии и Ближнего Востока станут необитаемыми. По расчётам демографов, к концу века в движение могут прийти до 500 млн человек – начнётся самая масштабная в мировой истории миграция населения. России достанется незначительная часть этого потока – около 20 млн человек. Наблюдаемое нами сейчас – лишь слабые отголоски этого процесса.

Исходя из этого, можно говорить лишь о методах снижения остроты миграционного кризиса, а не о его урегулировании. Отдельные страны мира пытаются найти индивидуальные рецепты, например, путём размещения части бежен-

цев на территории соседних государств или строительства стен. Эти временные решения лишь откладывают необходимость глобального диалога о разработке программы стабилизации ситуации в странах-донорах и мерах адаптации мигрантов в странах-реципиентах. 2017 г. закрепит тенденцию – миграционный кризис станет нормой международной жизни.

Таблица 9. Условия усугубления миграционного кризиса
Table 9. Conditions for aggravating the migration crisis

Затягивание восстановления Сирии после гражданской войны	Высоковероятно
Обострение турецко-европейского конфликта вследствие неисполнения Евросоюзом условий миграционной сделки	Вероятно
Обострение ситуации в Египте вследствие противостояния исламистов и правительства	Вероятно
Углубление неравномерности развития в странах Африканского континента	Высоковероятно
Обострение ситуации в сирийском, иракском и турецком Курдистане	Вероятно
Продолжение процесса глобального потепления климата	Вероятно
Консервация элитарно-авторитарных систем в арабских странах Персидского залива	Высоковероятно

Афганистан: условия сохранения стабильности в стране

Кризис в Афганистане продолжает усугубляться. До 50% территории страны считаются зонами боевых действий и смешанного контроля. Это исключает нормальную хозяйственную жизнь и управление в них. И хотя на 2017 г. анонсировано масштабное наступление правительственных войск, критерием его успешности может служить только расширение зоны постоянного военного контроля, а не уничтожение живой силы противника.

Отсутствие стратегических успехов и дефицит идей у афганского командования не позволяют прогнозировать победу над оппозицией. Боеспособность армии Афганистана ограничена, несмотря на многочисленность. Многие соединения отличает низкая мобильность и слабый боевой дух. Практически единственным надёжным инструментом борьбы с «Талибан» остаются силы специального назначения. Их малочисленность (12 тыс. человек) и высокая усталость позволяют говорить только об ответных военных операциях на вылазки талибов, но не о начале масштабной кампании или постоянном удержании освобождённых от боевиков территорий.

В ходе боевых действий ряд районов постоянно переходят из рук в руки, при этом вооружённая оппозиция несёт потери в живой силе, но постепенно расширяет зону контроля. В ряде районов боевикам удаётся создать теневые властные структуры, облагать налогами население и развивать собственный криминальный бизнес на основе контрабанды.

В 2017 г. вооружённая оппозиция будет стремиться захватить один или не-

сколько региональных центров, как это случилось в Кундузе в 2015-м. Наиболее опасный сценарий – захват вместе с крупным городом парка бронетехники и авиации, и переход оппозиции к масштабной конвенционной войне. Однако условием наступления этого сценария является наличие кадров способных управлять сложной техникой и обсуживать её. Без возможности использовать военную технику даже массовое выступление талибов не будет успешно.

Новой тенденцией становится стремление талибских лидеров удерживать легитимную власть на местах – захватывая полномочия в уездных и региональных центрах, они возобновляют хозяйственную деятельность и даже участвуют в бюджетном процессе с Кабулом. Региональное двоевластие становится «новой нормой» афганского конфликта.

Опорой властей Афганистана продолжит оставаться внешняя финансовая помощь, которая позволяет сверстать бюджет силовых структур на 2017 г. без дефицита. Ряд крупных доноров – в первую очередь Япония – не имеют сколь-нибудь значимых интересов в Афганистане и могут прекратить поддержку в любой момент. Посредничество Запада будет продолжать помогать преодолевать политические конфликты в Афганистане, как это произошло в ходе кризиса легитимности правительства в результате президентских выборов 2014 г.

Проблемой также является сокращение военных контингентов союзников официального Кабула и снижение интенсивности их участия в войне, которое не удалось компенсировать реформами афганской армии. Нарращивание прямой военной помощи Кабулу со стороны НАТО сейчас практически исключено.

Основные надежды официальных властей в Кабуле возлагаются на политическое разрешение конфликта либо с Пакистаном (считающимся спонсором афганского Талибана), либо с вооружённой оппозицией без пакистанского участия. Несмотря на закрытый формат переговоров с Исламабадом, существуют предпосылки для заключения сделки ценой уступок афганской стороны в вопросах формирования правительства и внешней политики.

Таблица 10. Условия сохранения стабильности ситуации в Афганистане
Table 10. Conditions for maintaining stability in Afghanistan

Создание вооружённой оппозицией резерва специалистов, способных управлять бронетехникой	Маловероятно
Продолжение финансовой помощи Афганистану со стороны США, Японии и их союзников	Высоковоероятно
Достижение компромисса в переговорах Кабула с вооружённой оппозицией при участии Пакистана	Вероятно
Установление постоянного военного присутствия правительства в половине регионов страны	Маловероятно
Активизация участия иностранных войск в борьбе с терроризмом	Исключено
Сохранение дееспособности сил специальных операций армии Афганистана	Вероятно
Признание итогов парламентских выборов 2017 г. основными внутриполитическими силами	Высоковоероятно

Саудовская Аравия: условия дестабилизации правящего режима

Принципиальной внутренней проблемой для Саудовской Аравии является нахождение консенсуса между основными кланами королевской семьи о распределении власти ввиду предстоящего изменения принципа престолонаследия в Королевстве. В результате реформы престолонаследия сменивший своего брата в 2015 г. король Сальман бен Абдельазиз стал последним из сыновей короля-основателя. После него трон займет принц Мухаммад бин Наиф – представитель третьего поколения королевской семьи. Переход власти от сыновей к внукам короля-основателя требует не просто внесения кардинальных изменений в саудовское законодательство, но согласованной и принимаемой всеми группировками в рамках дома Аль-Сауд и духовенством схемы.

Король Сальман не только изменил очерёдность наследования трона, назначив своего молодого сына Мухаммада наследником наследного принца, но и оттеснил от власти представителей соперничающих кланов. Ввиду состояния здоровья правящего короля основные управленческие функции фактически выполняет его сын, занимающий посты министра обороны и председателя совета по экономике и развитию. Принц Мухаммад бин Сальман является главным архитектором йеменской кампании и автором ряда революционных проектов экономических реформ в стране. Активность молодого принца и его амбиции стать следующим после Сальмана саудовским правителем вызывают недовольство консервативного духовенства – второй из двух опор государства наряду с домом Аль-Сауд.

Наряду с недовольством оттеснённых от власти кланов и начавшейся конкуренции между различными группировками королевской семьи это грозит началом междоусобной войны и крушением режима Саудовской Аравии. Кризисом власти в Эр-Рияде не преминёт воспользоваться Тегеран, активизировав усилия по дестабилизации шиитских районов Королевства и других государств Залива.

Позитивным сценарием стало бы придание реальной силы Совету верности, учреждённому в 2007 г., состоящему из представителей различных кланов и занимающемуся вопросами престолонаследия, а также выработка им при общем консенсусе порядка распределения власти и престолонаследия. Однако сегодня Совет фактически утверждает решения, принятые королём.

Есть вероятность, что внешняя угроза в лице Ирана будет на короткое время способствовать отвлечению соперничающих кланов Аль-Сауд от междоусобицы. Однако поскольку амбиции Мухаммада бин Сальмана слишком велики, и он уже успел заручиться поддержкой представителей некоторых монархических семей Залива, наиболее вероятен негативный сценарий, при котором он попытается занять трон сразу после кончины своего отца. Фактически выполняя функции правящего монарха по мере ухудшения состояния здоровья короля Сальмана, Мухаммад приближает кризис власти, толкая оттеснённые от власти кланы и консервативное духовенство на резкие шаги.

Таблица 11. Условия дестабилизации правящего режима Саудовской Аравии

Table 12. Conditions for destabilizing the Saudi Arabian regime

Ухудшение состояния здоровья или кончина правящего короля Сальмана	Вероятно
Отказ от власти нынешнего наследного принца Мухаммада бин Наифа	Вероятно
Инициация принцем Мухаммадом бин Сальманом снижения роли Совета улемов	Вероятно
Расширение властных полномочий Мухаммада бин Сальмана и представителей его клана	Вероятно
Затягивание войны в Йемене	Высоковероятно
Использование неудач принца Сальмана соперничающими группировками королевской семьи	Высоковероятно
Иран стремится использовать неурядицы в КСА в своих интересах	Высоковероятно

К дальнему будущему

Через несколько лет наступит новый технологический и экономический цикл. Страны, которые войдут в него первыми, смогут диктовать условия отставшим. Конкуренция на новом витке развития потребует мобилизации огромных финансовых и человеческих ресурсов. Чтобы выжить и преуспеть, странам придется принимать решения, которые будут болезненными – в том числе и для элит. Чтобы убеждать и заставлять, потребуются сильные лидеры.

Мобилизацию невозможно осуществить по правилам политкорректности. Последняя была правилом игры элит, позволявшим за счёт медийных технологий показывать публике «правильную» политическую перспективу. Однако в 2016 г. прикрывавший проблемы Запада «купол политкорректности» рухнул. В голосовании по Брекзиту и на американских президентских выборах недовольство среднего класса дало решающий результат. Под обломками виртуального экрана был похоронен и «мейнстрим» западной медийной индустрии. Грядущая работа над ошибками в элитах США и ЕС выведет из игры большинство политиков и идеологов, выросших в эпоху холодной войны и кормившихся продажей антироссийских стереотипов.

Для внутренней мобилизации западным странам придётся расстаться с иллюзиями о том, что им обеспечено лидерство. Избрание Трампа ознаменовало расставание американских элит с такими иллюзиями. Американский бизнес громко требует от властей понятной индустриальной стратегии. Недаром обещание обеспечить рост инвестиций стало одним из ключевых для Трампа. Грядущая эпоха станет соревнованием национальных технологических и человеческих потенциалов. Космополитическим финансовым элитам повсюду громко напоминают, что им нужно выбрать страну, на которую они работают – мол, «глобализация закончилась».

Однако если Европе в 2017 г. ещё предстоит болезненное расставание с иллюзиями, то у Китая, Индии и Ирана иллюзий уже нет. Будущий год может

стать переломным в их истории, как для внутривосточного курса, так и в отношениях с Соединёнными Штатами. В России реальная мобилизация началась три года назад, и мы наблюдаем её первые внутри- и внешнеполитические плоды. Главным вопросом для России, Китая, Индии становится стратегия выхода в новый технологический цикл без полного набора необходимых для его строительства ресурсов.

Пока крупные игроки занимают лучшие позиции для старта, на их границах как между движущимися тектоническими плитами развёртывается борьба за выживание. Украина, страны Прибалтики, Сербия, Турция, Катар, Саудовская Аравия, Тайвань, Филиппины боятся стать разменной монетой в большой игре великих держав, которая уже началась. Призом в этой игре будет мировое лидерство на горизонте 2040–2050 гг. В этой перспективе проблемы малых стран покажутся второстепенными.

Список литературы

1. Безруков А.О., Мамонов М.В., Маркедонов С.М., Сушенцов А.А. Страсти по периметру // Коммерсантъ Власть. 2016. № 2. С. 32.
2. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 390 с.
3. Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы: методика проведения. Выпуск 1. М.: НОФМО-МГИМО МИД России, 2006. 28 с.
4. Россия и мир 2017. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 147 с.
5. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. Под ред. ак. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. 480 с.
6. Хрусталева М.А. Две ветви ТМО в России // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2. С. 119-128.
7. Berkowitz B. U.S. Intelligence Estimates of Soviet Collapse: Reality and Perception. In 'Blindside: How to Anticipate Forcing Events and Wild Cards in Global Politics'. Fukuyama F., ed. NY.: Brookings Institution Press, 2007. Pp. 29-41.
8. Bremmer I., Kupchan C. Top Risks – 2017: the Geopolitical Recession. Eurasia Group. URL: http://www.eurasiagroup.net/files/upload/Top_Risks_2017_Report.pdf (дата обращения: 28.02.2017).
9. Global Trends. Paradoxes of Progress. A Publication of the National Intelligence Council. January 2017. URL: <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).
10. Schwartz P., Randall D. Ahead of the Curve: Anticipating Strategic Surprise // Blindside: How to Anticipate Forcing Events and Wild Cards in Global Politics. Fukuyama F., ed. NY.: Brookings Institution Press, 2007. Pp. 93-108.
11. Stratfor Annual Forecast 2017. December 27, 2017. URL: <https://www.stratfor.com/forecast/2017-annual-forecast> (дата обращения: 28.02.2017).

Об авторах:

Андрей Олегович Безруков – советник президента ОАО «НК «Роснефть», доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76, Россия. E-mail: a.o.bezrukov@yandex.ru.

Николай Юрьевич Силаев – старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО МИД России, 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76, Россия; директор Некоммерческого партнерства «Кавказское сотрудничество». E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Андрей Андреевич Сушенцов – руководитель аналитического агентства «Внешняя политика», 109012, Москва, Новая площадь, дом 6, Cabinet Lounge; программный директор Валдайского клуба, 115184, Российская Федерация, Москва, улица Большая Татарская, дом 42; доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76, Россия. E-mail: asushentsov@yandex.ru.

FORECAST OF INTERNATIONAL SECURITY THREAT OF RUSSIA IN 2017

A.O. Bezrukov, N.J. Silaev, A.A. Sushentsov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-226-253

The Foreign Policy Analysis Group

The article analyzes the threats to international security of Russia in 2017. It presents the analysis of the twelve situations, the development of which could have a significant effect on the interests of Russia in the field of international security. There is the most probable scenario for every situation and a list of conditions of its occurrence. The objective of the forecast is reduction of uncertainty of the future and the promotion of reasonable hypotheses about its likely scenarios. The forecast task is to help decision-makers, mentally put yourself in a situation in which realized one of the scenarios for the future and to encourage them to calculate their possible actions. In the preparation of the forecast two scenario analysis tools were used: the allocation of two key variables, the ratio of which determines the spectrum of the analyzed scenarios, and the key events method, which consists of several stages and allows to evaluate the prospect of implementing the scenario observed in real time. Authors conclude that the USA with the new president will be forced to choose between maintaining global posture and keeping order at home, and the EU will be absorbed by internal issues. In 2017 for Russia is important to keep the positive dynamics in the Transatlantic and Grand Eurasia regions, and in the Middle East. For this purpose it is necessary to ignore the provocations – mainly in Europe. The source of a new crisis may be NATO members discouraged by lack of attention to them by the USA or allies of Russia.

Key words: international relations, international security, forecasting, uncertainty of the future, future scenarios, Russian-US relations, analytical simulation, scenario analysis.

References

1. Bezrukov A.O., Mamonov M.V., Markedonov S.M., Sushentsov A.A. Strasti po perimetru [Hot stuff on the perimeter]. *Kommersant Vlast*, 2016, no 2. p. 32. (In Russian).
2. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Reviewing theory and methodology of IR political analysis]. Moscow, NOFMO, 2002. 390 p. (In Russian).
3. Primakov E.M., Khrustalev M.A. *Situatsionnye analizy: metodika provedeniia* [Situational analyses: methods of organization]. Iss. 1. Moscow: NOFMO-MGIMO MID Rossii, 2006. 28 p. (In Russian).
4. *Rossia i mir 2017. Ekonomika i vneshniaia politika. Ezhegodnyi prognoz* [Russia and the world 2017. Economy and foreign policy. Annual forecast]. Moscow, IMEMO RAN, 2016. 147 p. (In Russian).
5. *Strategicheskii global'nyi prognoz 2030. Rasshirennyi variant* [Strategic global forecast 2030. Extended version]. Pod red. ak. A.A. Dynkina. Moscow, Magistr, 2011. 480 p. (In Russian).
6. Khrustalev M.A. Dve vetvi TMO v Rossii [Two schools of IR theory in Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. 2006, Vol. 4, no. 2, Pp. 119-128. (In Russian).
7. Berkowitz B. U.S. Intelligence Estimates of Soviet Collapse: Reality and Percep-

- tion. In: *Blindside: How to Anticipate Forcing Events and Wild Cards in Global Politics*. Ed. by Fukuyama F. NY.: Brookings Institution Press, 2007. pp. 29-41.
8. Bremmer I., Kupchan C. Top Risks – 2017: the Geopolitical Recession. *Eurasia Group*. Available at: http://www.eurasiagroup.net/files/upload/Top_Risks_2017_Report.pdf (accessed: 28.02.2017).
 9. *Global Trends. Paradoxes of Progress. A Publication of the National Intelligence Council*. January 2017. Available at: <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf> (accessed: 28.02.2017).
 10. Schwartz P., Randall D. Ahead of the Curve: Anticipating Strategic Surprise. In: *Blindside: How to Anticipate Forcing Events and Wild Cards in Global Politics*. Ed. by Fukuyama F. NY.: Brookings Institution Press, 2007. Pp. 93-108.
 11. Stratfor Annual Forecast 2017. *Stratfor*. Available at: <https://www.stratfor.com/forecast/2017-annual-forecast> (accessed: 28.02.2017).

About the authors:

Andrey Olegovich Bezrukov – advisor of the President OJSC “NK” Rosneft”, Associate professor MGIMO-University. E-mail: a.o.bezrukov@yandex.ru.

Nikolay Jurievich Silaev – Senior Research Fellow of the Center of problems of the Caucasus and regional security MGIMO-University, Director of noncommercial partnership Caucasus cooperation. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Andrey Andreevich Sushentsov – Program Director at the Valdai Club, the Head of the Foreign Policy Analysis Group, Associate Professor MGIMO-University. E-mail: asushentsov@yandex.ru.

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ

В.А. Смирнов

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Настоящая статья посвящена теоретическому анализу проблематики политических элит во главе малых стран. Дается аналитический обзор соответствующих концепций и литературы. Отмечается, что несмотря на повсеместное применение понятия «малая страна» в политологии и теории международных отношений, его точное определение остаётся дискуссионным вопросом. Сравниваются количественные (и соответствующие критерии) и качественные подходы к определению малой страны. Делается вывод о том, что малые страны не являются «уменьшенной копией» крупных стран, а руководствуются особой логикой при выборе внешнеполитических действий, основной характерной чертой которой является зависимость, асимметричность отношений с крупными державами. Это формируют особую специфику действий политических элит во главе малых стран, модели их действий. Формулируется определение политической элиты и малой страны. Обосновывается актуальность теоретической разработки комплекса вопросов, связанных с деятельностью политических элит во главе малых стран. На основе ряда примеров малых государств показаны различные стратегии, применяемые политическими элитами. Изучение властных групп в малых странах может быть продуктивно для развития теории элит, прежде всего, в разрезе изучения взаимосвязи между внутри- и внешнеполитическими факторами, влияющими на деятельность политических элит. Данный комплекс вопросов обретает особую актуальность на новейшем этапе развития элитологии. Рост числа малых стран, расширение инструментария по участию в международных отношениях, размытие границы между внутренней и внешней политикой государств ставят вопрос о разработке теоретических оснований для учёта «фактора размера» при изучении политических элит в различных государствах.

Ключевые слова: малая страна, политическая элита, теория элит, международные отношения, безопасность.

УДК 327.3

Поступила в редакцию 28.02.2017 г.

Принята к публикации 01.04.2017 г.

Проблематика политических элит во главе малых стран остаётся недостаточно разработанной в современной политологии. Основное исследовательское внимание традиционно уделяется политическому классу в крупных государствах. Однако в современных условиях трансформации системы международных отношений, увеличения количества акторов и свободы манёвра малых государств изучение политических элит в малых странах приобретает большую актуальность. Особый интерес вызывает проблематика «связки» внутри- и внешнеполитического контура действий политических элит, которая особенно заметна применительно к малым странам. Сегодня существует значительный недостаток научных работ в сфере изучения внешнеполитических действий политических элит малых стран. Цель настоящей статьи заключается в частичном восполнении данного пробела и выработке основ теоретического подхода к комплексному изучению политических элит в малых странах.

В настоящей статье используются методы теоретического анализа предмета исследования, включающие абстрагирование, анализ и синтез, а также метод формализации, позволяющие концептуализировать проблематику политических элит во главе малых стран, зафиксировать модели их действий и сформировать теоретические инструменты, задающие рамки для эмпирического анализа рассматриваемой проблемы.

Изначально научный интерес к малым странам был вызван возникновением движения неприсоединения в биполярной системе международных отношений. В период 1960-1970-х гг. были заложены основные концептуальные основания теории малых стран [26, 19, 10, 16]. Новый всплеск интереса к проблематике малых стран возник после распада биполярной системы, что привело к расширению пространства для манёвра малых государств и, следовательно, потенциальному расширению их возможностей по влиянию на международные отношения. Среди работ, посвящённых элитам в малых странах, можно отметить преимущественно европейские исследования, для которых данный вектор является естественным [24, 20, 13]. Научные школы по изучению элит в малых странах сложились в Северной Европе и, главным образом, в Исландии. Вместе с тем, по-прежнему отмечается существенный недостаток исследований в данной области [4].

Несмотря на то, что понятие малой страны (государства) широко применяется в политологии вообще и теории международных отношений в частности, точное определение малой страны является дискуссионным вопросом [9]. Так, существует по меньшей мере четыре критерия, на основании которых исследователи пытались определять малые страны: размер территории, численность населения, размер экономики (ВВП), военная мощь (военные расходы). Качественное определение в данном случае представляет во многом вопрос «удобства» с точки зрения целей эмпирического исследования [17] и чаще всего касается численности населения. Качественное определение может быть несколько шире по объёму, однако позволяет сформулировать более универсальное по-

нятие, критерии которого не являются ситуативными [23, 19]. Фактически речь идёт о том, чтобы определять малую страну с точки зрения не независимой, а зависимой переменной – её действий [7]. В данном случае качественные определения отталкиваются от понятий «потенциал», «влияние», «мощь» и сводятся к тому, что одни государства оказываются принципиально зависимыми от других. Более слабый участник подобных асимметричных отношений и считается малой страной. При этом малая страна может выступать как крупная держава в отношении ещё более малой страны. Таким образом, определение малого государства ставится в зависимость от отношений между государствами в международной системе, а не представляется постоянной количественной «величиной».

В данной связи ставится вопрос о моделях действий малых стран, которые не являются «уменьшенной копией» крупных стран, а руководствуются особой логикой при выборе внешнеполитических действий [25]. Речь идёт, прежде всего, о несклонности малых стран к силовым решениям [12], стремлению к многосторонним форматам решения проблем и апелляции к правовым институтам. Малые страны зависят от больших, поэтому им доступны две принципиальные роли – как участник союза с крупным государством или нейтральная сила. Причём, согласно выводам А. Тойе, малая страна, как правило, выбирает союз, если расположена в геополитическом регионе, критически важном для сохранения положения крупной державы в международной системе

Интерес исследователей на современном этапе связан с такими проблемами, как уже упомянутые модели действий (поведения) малых стран [25], малые страны в контексте проблем безопасности [22], влияние международных организаций и институтов на внешнюю политику малых стран [23], методы действий малых стран в международных организациях (ОБСЕ, ЕС и т.д.) [11, 18].

Понятие малой страны прочно вошло не только в политологию, но и экономическую науку. Так, например, Всемирный банк разграничивает работу с малыми государствами от основных проектов, исходя из их особенностей, которые являются предметом регулярных научных исследований и экспертных оценок под эгидой банка. В частности, указывается, что малые государства характеризуются малым населением, ограниченным человеческим капиталом и территорией [27]. В ряду основных особенностей малых стран отмечаются: иммиграция рабочей силы из страны (и возникающие потоки денежных переводов обратно на родину, играющие заметную роль в экономиках малых стран); в основном экспортный характер промышленности, ограниченной малой рабочей силой; более высокие затраты на производство из-за нехватки различных видов ресурсов. По мнению экспертов Всемирного банка, этим обусловлена распространённая потребность малых стран во внешнем финансировании, которое, как правило, сложно получить, если страна не является крупным экспортёром сырья или не обладает развитым сервисным сектором, замкнутым на рынки соседних крупных государств.

В отечественной политической науке элитология стала одной из весьма развитых отраслей знания с большим массивом прикладных социологических и политико-психологических исследований по федеральным и региональным элитам. Вместе с тем отмечается недостаток работ теоретико-методологического характера [3].

Автор определяет политическую элиту как группу лиц, контролирующую принятие и исполнение основных политических решений. Ретроспективный анализ развития теории элит и основных исследовательских направлений в рамках элитологии демонстрирует их глубокую связанность с социально-политическими условиями, в которых приходится работать учёным. обстоятельный анализ властных групп не будет полным в отрыве от системы международных связей и не может ограничиваться лишь внутренней политикой, учитывая тонкую границу между этими сферами. В данной связи А.Д. Богатуров ведёт речь о «размягчении суверенитета» и слиянии «миров» внешних и внутренних политик в сфере «единого мирового политического» пространства [2].

Одной из характерных черт трансформаций системы международных отношений стал не только распад империй, но и новая регионализация, образование региональных торгово-экономических объединений. Всё это происходило на фоне всё более рельефного противоречия между локальными и глобальными компонентами социально-политических систем, особенно ярко выраженного во второй половине XX в. и обострившегося в начале XXI в. на фоне финансово-экономического кризиса 2008 г., ряда кризисов в сфере безопасности.

С одной стороны, границы между внутренней и внешней политикой стали более тонкими. С другой стороны, произошла реконфигурация международных игроков – появление многочисленных транснациональных корпораций (ТНК), неправительственных организаций (НПО), а также малых государств, взрывной рост которых наблюдался после Второй мировой войны. Последний фактор обуславливает особый интерес к изучению данного феномена на современном этапе. На предыдущих этапах развития системы международных отношений военно-силовая компонента играла преобладающую, как правило, решающую роль в основных международных конфликтах. Однако в XX в., не в последнюю очередь за счёт «удорожания» открытых военных конфликтов между ведущими державами, ставшими обладательницами ядерного оружия, конфликты перестали быть столь тесно связаны с прямым применением военной силы. Это естественным образом увеличило роль малых государств в системе международных отношений. Даже учитывая тенденцию к увеличению тяготения к использованию военной силы после окончания холодной войны, на которую указывает М.А. Хрусталёв [6], элиты, стоящие во главе малых стран, получили больше опций по маневрированию в системе международных отношений. Их роль в развертывании и разрешении различных международных ситуаций возросла по сравнению с периодом до Второй мировой войны.

Существуют различные подходы к определению понятия малой страны (государства), однако большинство из них, как уже было указано выше, имеют недостаток относительности критериев, используемых для дефиниции. Так, географические и демографические критерии не позволяют зафиксировать универсальный «порог», который отделяет малые государства от средних или крупных. В данном случае наиболее работоспособным представляется классический подход Р. Ротстайна, в соответствии с которым малое государство определяется как актер, который «сознаёт, что не способен обеспечить собственную безопасность имеющимися у него возможностями и, следовательно, в основном должен опираться на помощь со стороны других государств, на различные институты, процессы и явления» [19]. Уточняя данное определение точкой зрения Й. Коломера (отмечал, что малые страны в современных международных отношениях получают возможность для развития благодаря включению в обширные пространства – «империи») [8], рассмотрим малые страны как государства, которые в силу ограниченности ресурсов неспособны самостоятельно обеспечить свою военную и экономическую безопасность, в связи с чем вынуждены вступить в асимметричные отношения, полагаясь на поддержку крупных держав или межгосударственных объединений.

Распад Организации Варшавского договора, СССР, а затем Чехословакии и Югославии привёл к возникновению множества подобных игроков в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Кроме того, в XX в. в целом, особенно во второй половине, наблюдался скачкообразный рост количества малых стран в различных регионах. Эти страны продемонстрировали разные политические траектории (некоторые из них принято считать успешными, другие – нет). Линия действий национальных элит в данном случае представляет не меньший интерес, особенно сейчас, в период набирающих всё большую систему изменений в глобальной системе мироустройства и международного экономического порядка. С одной стороны, они, в отличие от правящего класса во главе крупных держав, не имеют возможностей самостоятельно определять развитие крупных социальных групп, территорий и международных отношений на региональном и глобальном уровнях. С другой стороны, они активно участвуют в международной жизни и могут оказывать своё влияние на определённые решения и тенденции. А.Д. Богатуров справедливо подчёркивает, что «перетягивание канатов – последняя надежда ближних европейских и полувосточных соседей России – от Эстонии до Грузии, которые кажутся себе тем важнее, чем противоречивее отношения России с Евросоюзом» [2]. И в этом отношении ряд исследователей справедливо указывают, что наблюдаемый сейчас процесс реформирования правил, системы мировой политики предоставляет дополнительные возможности для властных групп малых и средних стран по повышению международных позиций, статуса их государств [1].

В данном случае речь идёт о стыке ряда проблем, которые позволяют посмотреть на теорию элит под новым углом – не только с позиций элит круп-

ных государственных игроков, но и с позиции малых игроков, вынужденных подстраиваться под существующие тренды и искать особые методы влияния. Очевидно, без этого дополнения теоретическая картина деятельности элит не может быть полной.

Вместе с тем внимание исследователей на порядок меньше концентрировалось на элитах в малых странах, тем самым *de facto* нивелируя «фактор размера», рассматривая политические элиты крупных государств как универсального субъекта [15]. В результате несколько десятков крупных государств и управляющих ими властных групп получили на порядок больше внимания, нежели более 100 современных малых государств.

Однако в последние десятилетия наблюдается рост интереса политологов и специалистов по международным отношениям к изучению малых государств. Это связано с децентрализацией системы международных отношений и распространением асимметричных моделей взаимодействия между государствами во второй половине XX в. В этих условиях расширяются возможности малых государств по влиянию на международные процессы.

Хотя в современной политической науке, несмотря на асимметрию в сторону исследования политических элит во главе крупных государств, всё же существует значительный корпус работ, посвящённых властным группам в малых странах, прежде всего, в Европе [24, 20, 13, 21], по-прежнему отмечается недостаток исследований в данной области [4]. Научные школы по изучению элит в малых странах сформировались в Исландии и Северной Европе. В центре внимания исследователей находится широкий круг вопросов, традиционный при изучении элит – паттерны рекрутирования и циркуляции элит в малых странах, проблемы внутриэлитной сплочённости и доверия, особенности поведения элит в малых государствах, участие элит малых стран в наднациональных организациях, вопросы эффективности и стабильности политических институтов, создаваемых элитами, и др.

Вместе с тем существует разрыв между теорией международных отношений и внешнеполитическим анализом, в которых изучение малых стран является устоявшейся практикой и имеется соответствующий инструментарий, и непосредственно теорией элит, методологический инструментарий которой, как представляется, не в полной мере адаптирован к изучению внешнеполитического контура деятельности политических элит в целом и элит в малых странах в частности. Устранение этого разрыва является одной из актуальных задач элитологии, учитывая обозначенные выше политические процессы, трансформирующие условия деятельности элит на новейшем этапе.

Властные группы, стоящие во главе малых государств, в различной степени вовлечены в международные политические процессы – в зависимости от своего географического и политического места в современном мире и международной системе. Рассмотрим данную проблематику на примере нескольких малых стран, находящихся в различных частях света и проводящих различающуюся внешнюю политику.

Так, между Новой Зеландией, Данией, странами Прибалтики и Сингапуром есть качественные различия в вопросах вовлечённости в международные процессы, инструментах и ресурсах, используемых властными группами при проведении внутренней и внешней политики. Так, Новая Зеландия находится на относительной географической и политико-экономической периферии, учитывая расстояние до центров «большой» политики и экономики [21]. Вместе с тем Новая Зеландия, являясь членом Британского содружества, следует в русле политики НАТО и США, участвуя в военных операциях союзников.

Дания и страны Прибалтики являются частью единого рынка ЕС, членами соответствующих наднациональных институтов, входят в военный блок НАТО, поэтому об их относительной периферийности, в отличие от Новой Зеландии, говорить не приходится. Однако внешняя политика Дании и стран Прибалтики различается существенным образом в виду того, что Прибалтика непосредственно граничит с Россией и местные политические элиты зачастую делают ставку на конфронтационную линию как в международных делах (например, в отношениях с Россией), так и во внутренних (например, реализуя негибкую политику в отношении этнических меньшинств)¹. В то время как, например, находящаяся рядом со странами Прибалтики Финляндия проводит политику нейтралитета, не являясь членом Североатлантического альянса, стремясь развивать связи и с Западом, и с Востоком.

Наконец, Сингапур находится под военным зонтиком США, однако играет иную роль в международных отношениях, нежели страны Прибалтики, извлекая множество ресурсов из выгодного географического положения, играя роль «свободного порта» (логистического и финансового) на путях международных транспортных коридоров. Находясь в непосредственной близости к Китаю, Сингапур придерживается традиционной политики балансирования, используя выгоды от сотрудничества с КНР (налаживание сотрудничества с Китаем стало одним из главных факторов экономического подъёма Сингапура), но сохраняя дистанцию с опорой на гарантии США [5].

Даже обозначенные примеры четырёх малых стран (Сингапур – фактически город-государство) демонстрируют разные условия и стратегии политических элит во внешней и внутренней политике. Страны Прибалтики представляют в этой связи особенно интересный кейс. Не только в силу близости к России на постсоветском пространстве (что также определяет актуальность кейса), но и вследствие соединения целого ряда факторов, по отдельности характерных практически для всех малых стран. Речь идёт о членстве стран Прибалтики в крупных экономических объединениях и военно-политических блоках, фактическое расположение на стыке с альтернативными евроатлантическими союза-

¹ Данный политический выбор властных групп был совершён не в последние годы с учётом кризиса вокруг Украины, а намного раньше, учитывая жёсткую политику в отношении меньшинств, курс на стратегическую переориентацию в области инфраструктуры с Востока на Запад, дискурс «секьюритизации» и т.д., о чём речь пойдёт подробнее далее в настоящей работе.

ми (ЕАЭС, ОДКБ), этнической неоднородностью и т.д. Важнейшим фактором выступает переход стран Прибалтики из одной «союзной системы» в другую в новой истории, политические и экономические реформы и, конечно, активная внешняя политика, которую проводят политические элиты этих стран. Данные условия делают страны Прибалтики одним из привлекательных, потенциально информативных, но вместе с тем и сложных объектов исследования в рамках изучения политических элит в целом и в малых странах в частности. Очевидно, обстоятельный анализ обозначенных проблем невозможен без учёта обширного корпуса литературы, посвящённой региональной специфике элитогенеза и – шире – деятельности политических элит не только внутри отдельно взятой страны, но и на региональном уровне.

На современном этапе перед теорией элит стоит ряд комплексных исследовательских проблем, большинство из которых продиктовано изменением социально-экономических реалий и системы международных отношений. Теория элит прошла несколько этапов в своём развитии. Формирование научного аппарата теории произошло в рамках классической социологии в довоенный период. Затем теория элит развивалась преимущественно в парадigmatике теории модернизации в ходе противостояния двух сверхдержав на военно-политическом и идеологическом уровне. В этот период теория элит вобрала целый ряд инструментов и теоретических положений политико-культурного, политико-психологического и институционального подходов, а также теории рационального выбора. Сложился своеобразный «альянс» теории элит и теории демократизации в рамках минималистской концепции демократии. После распада социалистического блока произошёл скачкообразный рост эмпирических исследований элит в Восточной Европе и отчасти на постсоветском пространстве при сохранении в целом базовых методологических подходов прежнего периода. На новейшем этапе теория модернизации и транзитология оказались существенно проблематизированы на фоне снижения стабильности и предсказуемости политических процессов, трансформации системы международных отношений. Это актуализирует разработку теоретико-методологических подходов, позволяющих эффективно решать новые исследовательские проблемы. Одним из наиболее перспективных направлений при этом является разработка теоретических проблем политических элит в малых странах.

Сегодня многие факторы указывают, что наблюдается очередная фаза снижения стабильности в развитии политических процессов на национальном и транснациональном уровнях, и это актуализирует роль элит. При этом основные тенденции развития политических элит носят преимущественно нелинейный, подчас разнонаправленный, сложный характер, что требует комплексного подхода к их изучению, создания комбинированных теоретико-методологических подходов на стыке нескольких направлений исследования, позволяющих найти смычки между внутренней политикой и внешнеполитической средой.

Отдельный интерес и потенциальную «точку роста» теории представляет проблема политических элит в малых странах. В данном случае приоритетное исследовательское внимание может быть направлено на анализ взаимосвязи внешне- и внутривнутриполитических факторов, влияющих на действия элит – в малых странах данная связь особенно значима и наиболее ярко проявлена. Также отдельный интерес представляет теоретизация моделей действий политических элит малых стран, анализ применяемого ими инструментария для достижения политических целей. Данный набор исследовательских проблем имеет не только сугубо теоретическую актуальность, но также и научно-практическое измерение. В частности, проблематика коллективной безопасности имеет определяющее значение для соседних с Россией государств, расположенных в ближнем зарубежье.

Список литературы

1. Байков А.А., Истомина И.А. О кризисах, странских дружбах России и новой роли малых и средних государств // *Международные процессы*. 2013. №1. С.94-112.
2. Богатуров А.Д. *Международные отношения и внешняя политика России*. М.: Аспект-Пресс, 2017. 480 с.
3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука*. 2016. № 2. С.38-73.
4. Кавешников Н. Ю. Малые и вредные // *Международные процессы*. 2008. Т. 6, № 3. С. 84-92.
5. Кашин В. Сингапур и Китай - противоречивые отношения // *Российский совет по международным делам*. 19 сентября 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8133#top-content (дата обращения: 16.10.2016).
6. Хрусталева М.А. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. М.: Аспект-Пресс, 2015. 208 с.
7. Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts // *Cooperation and Conflict*. 1976. Vol.11. No. 2. Pp. 163-182.
8. Colomer J. *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*. Routledge. 2007. 128 p.
9. Crowards T. Defining the Category of 'Small' States // *International Development*. 2002. Vol. 14. № 2. Pp.143-179.
10. East M. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // *World Politics*. 1973. Vol. 25. No. 4. Pp. 556-576.
11. *Engineering Influence: The Subtle Power of Small States in the CSCE/OSCE // Small States and Alliances*. Ed. by E. Reiter and H. Gartner. New York: Springer, 2001. Pp. 63-84.
12. Fox A. *The Power of Small States: Diplomacy in World War Two*. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. 232 p.
13. Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway // *Comparative Sociology*. 2007. № 6. Pp. 190-214.
14. Hey J. *Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior*. London, Lynne Rienner Publishers, 2003. 230 p.
15. Katzenstein P. Small States and Small States Revisited // *New Political Economy*. 2003. Vol.18. №1. Pp.9-30.
16. Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23. No. 2. Pp. 291-310.
17. Maass M. The Elusive Definition of the Small State // *International Politics*. 2009. Vol. 46. No. 1. Pp. 65-83.
18. Panke D. Small states in multilateral negotiations. What have we learned? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2012. Vol. 25. No. 3. Pp. 387-398.
19. Rothstein R.L. *Alliances and Small Powers*. New York: Columbia University Press, 1968. 331 p.
20. Ruostetsaari I. *Elite Recruitment and Coherence of the Inner Core of Power in Finland*. London: Lexington Books, 2012. 242 p.
21. *Small States in the Modern World: Vulnerabilities and Opportunities / Ed. by Baldersheim H., Keating M.* Edward Elgar Publishing, 2015. 296 p.

22. Small States and International Security: Europe and Beyond / Ed. by Archer C., Bailes A., Wivel A. Routledge, 2014. 264 p.
23. Small States in Europe: Challenges and Opportunities / Ed. by Steinmetz R., Wivel A. Surrey: Ashgate, 2010. 230 p.
24. The Europe of Elites: A Study Into the Europeanness of Europe's Political Elites / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli. New York: Oxford University Press, 2012. 314 p.
25. Toje A. The European Union as a Small Power: After the Post-Cold War. New York: Palgrave Macmillan. 2010. 300 p.
26. Vital D. The Inequality of States: a Study of Small Power in International Relations. Oxford: Oxford University Press, 1967. 198 p.
27. World Bank Small States Overview // World Bank. URL: www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview (дата обращения: 06.03.2017).

Об авторе:

Вадим Анатольевич Смирнов – к.полит.н., с.н.с. Социологической лаборатории анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 236016, Калининград, ул. А.Невского, 14. Россия. E-mail: VSmirnov@kantiana.ru.

THEORETICAL ASPECTS OF POLITICAL ELITE IN SMALL STATES

V.A. Smirnov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-254-265

Russian International Affairs Council

The article provides a theoretical analysis of political elites in small states. The author uses comparative analysis and descriptive approach to demonstrate main challenges that small countries ruling class is facing.

The article states that regardless of widespread use of small state concept in political science and international relations theory its definition is still essentially contested. The author elaborates on the quantitative and qualitative approached to the given notion. The conclusion is that small states are not a "small copy" of great powers, and their foreign policy actions are driven by a specific and unique logic. The main feature of this logic is dependency, and asymmetrical relationship with major powers. This shapes the specifics of small state elites' political preferences and interests.

The article highlights the relevancy of theoretical scrutiny of activity and behavior of political elites of small states. Presented analysis of various cases of political elites' actions and strategies can contribute to elite theory. Mainly, contribution is possible in the study of interconnection between internal and external (international) political factors that are influencing actions of elite. This area of research is especially relevant at the current stage of elite theory development. Globally, increase in number of small states, expansion of their toolkit of influence in international system, and erosion of boundary between domestic and foreign policy of states can be considered as a burning issue in Political Science. Also "factor of size" in the field of elite studies in different individual states and interstate associations can further contribute to the discussion.

Key words: small state, political elite, elite theory, international relations, security

References

1. Baikov A.A., Istomin I.A. O krizisakh, strannykh druzhbakh Rossii i novoi roli malykh i srednikh gosudarstv [On crises, weird friendship of Russia and new role of small and middle states]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2013, no. 1, pp. 94-112. (In Russian)
2. Bogaturov A.D. Mezhdunarodnye otnosheniia i vneshniaia politika Rossii [International relations and Russian foreign policy]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2017. 480 p. (In Russian)
3. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskii elity kak ob'ekt issledovaniia v otechestvennoi politicheskoi nauke [Political elites as an object of study in Russian political science]. *Politicheskaiia nauka - Political Science*, 2016, no.2, pp.38-73. (In Russian)
4. Kaveshnikov N. I. Malye i vrednye [Small and ugly]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2008, vol. 6, no. 3, pp. 84-92. (In Russian)
5. Kashin V. Singapur i Kitai - protivorechivye otnosheniia [Singapore and China has contradictory relations]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council]. 19.09.2016. Available at: http://russian-council.ru/inner/?id_4=8133#top-content (accessed: 16.10.2016). (In Russian)
6. Khrustalev M.A. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaiia ekspertiza* [The analysis of international situations and political expertise]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2015. 208 p. (In Russian)
7. Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts. *Cooperation and Conflict*, 1976, vol.11, no. 2, pp. 163-182.
8. Colomer J. *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*. New York, Routledge Publ., 2007. 128 p.
9. Crowards T. Defining the Category of 'Small' States. *International Development*, 2002, vol. 14, no. 2, pp.143-179.
10. East M. Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models. *World Politics*, 1973, vol. 25, no. 4, pp. 556-576.
11. Engineering Influence: The Subtle Power of Small States in the CSCE/OSCE. *Small States and Alliances*. Ed. by E. Reiter and H. Gartner. New York, Springer, 2001. Pp. 63-84.
12. Fox A. *The Power of Small States: Diplomacy in World War Two*. Cambridge, Cambridge University Press, 1959. 232 p.
13. Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway. *Comparative Sociology*, 2007, no. 6, pp. 190-214.
14. Hey J. *Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior*. London, Lynne Rienner Publ., 2003. 230 p.
15. Katzenstein P. Small States and Small States Revisited. *New Political Economy*, 2003, vol.18, no. 1, pp. 9-30.
16. Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*, 1969, vol. 23, no 2, pp. 291-310.
17. Maass M. The Elusive Definition of the Small State. *International Politics*, 2009, vol.46, no. 1, pp. 65-83.
18. Panke D. Small states in multilateral negotiations. What have we learned? *Cambridge Review of International Affairs*, 2012, vol.25, no. 3, pp. 387-398.
19. Rothstein R.L. *Alliances and Small Powers*. New York, Columbia University Press, 1968. 331 p.
20. Ruostetsaari I. *Elite Recruitment and Coherence of the Inner Core of Power in Finland*. London, Lexington Books, 2012. 242 p.
21. *Small States in the Modern World: Vulnerabilities and Opportunities*. Ed. by Baldersheim H., Keating M. Edward Elgar Publ., 2015. 296 p.
22. *Small States and International Security: Europe and Beyond*. Ed. by Archer C., Bailes A., Wivel A. New York, Routledge Publ., 2014. 264 p.
23. *Small States in Europe: Challenges and Opportunities*. Ed. by Steinmetz R., Wivel A. Surrey, Ashgate Publ., 2010. 230 p.
24. *The Europe of Elites: A Study Into the Europeanness of Europe's Political Elites*. Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli. New York, Oxford University Press, 2012. 314 p.

25. Toje A. *The European Union as a Small Power: After the Post-Cold War*. New York, Palgrave Macmillan Publ. 2010. 300 p.
26. Vital D. *The Inequality of States: a Study of Small Power in International Relations*. Oxford, Oxford University Press, 1967. 198 p.
27. World Bank Small States Overview. *World Bank*. Available at: www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview (accessed: 06.03.2017).

About the author:

Vadim A. Smirnov – PhD in Political Science, Senior Fellow at Laboratory of sociological analysis, modeling and forecasting of risks of Immanuel Kant Baltic Federal University. E-mail: VSmirnov@kantiana.ru.

ТАКАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ЕВРОПА

П.П. Александров-Деркаченко

Институт стратегических исследований

Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под ред. Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. М., Издательство «Весь Мир», 2015. 592 С.

Рецензируемая монография посвящена анализу внешней политики Европейского союза – крупнейшего в мире и наиболее успешного интеграционного союза. В ней в частности подчёркивается, что в отношениях России – ЕС начался новый период: осмысления нынешнего противостояния бывших партнёров и поисков в Брюсселе и Москве новой концепции взаимодействия в сферах экономики, европейской безопасности – на основе баланса прагматичных интересов».

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, Европейское объединение угля и стали, границы ЕС.

Институт Европы в сотрудничестве с издательством «Весь Мир» выпустил в свет издание, посвящённое анализу внешней политики Европейского союза – крупнейшего в мире и наиболее успешного интеграционного союза (как заявляют авторы на с. 7). В самом начале выдвигается постулат, с которым стоит согласиться: с экономической точки зрения Европейский союз самодостаточен и окружающий мир нуждается в нём больше, чем сам ЕС в окружающем мире. Это утверждение напоминает нам, что изначально ЕС создавался как организация экономической интеграции (Европейское объединение угля и стали) и определённо преуспел в экономической интеграции. Это во многом объясняет, почему в ЕС динамика экономической интеграции сегодня гораздо выше динамики внешнеполитической деятельности.

Отметим, что авторы, следуя избитому клише, называют организации и события, к которым причастен Европейский союз, «европейскими» или «проевропейскими». На наш взгляд, корректнее использовать определения «еэсовские» или «проеэсовские», по аналогии с «советским» – от СССР.

Положение дел, при котором в ЕС «экономика опережает политику», в значительной степени объясняется и тем, что после Второй мировой войны вопросы безопасности Западной Европы были прерогативой США (это, в частности,

позволило странам Западной Европы в рамках НАТО экономить на военных расходах). Авторы справедливо полагают, что позиции США и стран ЕС – участников НАТО – в вопросах мировой политики в чём-то могут и расходиться, однако залогом их единства в подходе к вопросам мировой политики выступает безусловное понимание цивилизационной атлантической общности (с. 9).

Первая часть монографии (авторы – д.и.н., акад. В.В. Журкин и д.э.н. Ю.А. Борко) посвящена роли ЕС в мировой экономике и его участию в формировании и регулировании мировой политики. Авторы напоминают нам, что первые документальные упоминания о единой внешней политике ЕС появились в Едином европейском акте 1987 г., более развёрнуто – в Маастрихтском договоре 1993 г. и, наконец, более фундаментально – в Амстердамском договоре 1999 г. Ранее, как подчёркивают авторы, евроинтеграция была главным образом экономической. К концу 1990-х гг., когда, по словам авторов, потребность в собственной военной политике ЕС «назрела и перезрела», срочно началось формирование соответствующих структур: Комитета по политике и безопасности, Военного комитета и Военного штаба ЕС. Центр руководства этими структурами (министр иностранных дел ЕС) был прописан в Конституции Евросоюза, подписанной в 2004 г. главами государств и правительств стран-членов ЕС. Однако референдумы во Франции и Нидерландах поставили крест на проекте Конституции (из-за опасения излишнего вторжения в собственные дела), после чего проект Конституции был переделан в Лиссабонский договор, который и вступил в силу 1 декабря 2009 г. (при этом министр иностранных дел был переименован в Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности). Так в очередной раз проявилась одна из родовых черт Европейского союза – столкновение национальных интересов с коллективными, которое, по мнению авторов, «было, есть и будет» и которое евробюрократы будут стараться обойти любыми способами (с. 26).

Но так выглядит первая сложность в формировании внешней политики ЕС. К ней следует добавить сложность противоречий между «атлантистами» и «европеистами», сложность групповых разногласий стран-членов ЕС, наконец, сложность излишней бюрократизации управления в ЕС, которые, как показано выше, решают прежде всего свои интересы.

Авторы не устают акцентировать внимание на точке отсчёта европейской интеграции – с Договора о создании Европейского объединения угля и стали 18 апреля 1951 г., подписанного Францией, ФРГ, Нидерландами, Бельгией, Люксембургом и Италией. Внешней политики, подчёркивают авторы, в Договоре не было. За этим последовали создание общего рынка угля и стали (1951–1957); таможенного союза и рынка товаров (1958–1968); общего внутреннего рынка (1969–1992) и, наконец, валютного союза (1992–2002). Какого-то «прорыва» по созданию Европейского оборонительного сообщества (т.е. единой европейской армии) или трансформации стран-участниц в некую федерацию или конфедерацию достичь не удалось.

Здесь мы переходим к той несообразности, при которой границы оборонительного союза НАТО не совпадают с границами ЕС и вместе они не совпадают с границами зоны евро. Этот феномен есть одновременно и сила, и слабость ЕС. С одной стороны, он позволяет избежать излишней централизации, с другой – препятствует единому пониманию и формированию внешней политики ЕС. И это – изначальное доминирующее качество евроинтеграции, ведь до 1967 г. (год начала работы единой Комиссии и единого Совета) Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество и объединение Евратом юридически функционировали как три самостоятельные организации.

Сегодня все европейские структуры более-менее объединены Лиссабонским договором, который, как известно, выделяет шесть сфер исключительной компетенции союза, 11 сфер совместной компетенции союза и государств-членов и 15 сфер, в которых союз правомочен осуществлять поддержку и координацию государств-членов. Авторы полагают, что ключевую политическую роль в жизни ЕС играет взаимодействие четырёх структур: Европейского совета, Совета министров экономики и финансов, Европейской комиссии и Европейского центрального банка (с. 43). Взаимодействие именно структур позволяет разрешать возникающие в ЕС кризисы (вспомним Грецию), и именно эти структуры иллюстрируют суть внешней политики ЕС – экономическое воздействие (помощь, давление, шантаж, санкции), ведь ЕС самодостаточен именно экономически. Однако авторы считают, что существующие политические угрозы Евросоюзу и особенно еврозоне не устранены, а лишь несколько смягчены и отодвинуты.

Вторая часть монографии (авторы – к.и.н. В.И. Мироненко, д.и.н. М.Г. Носов, д.э.н. Ю.А. Борко, к.э.н. Р.Г. Герасимова и д.и.н. А.А. Язькова) посвящена отношениям ЕС со странами постсоветского пространства.

Авторы точно подмечают, что «многообещающий процесс европейской интеграции в Восточной Европе получил импульс и новое пространство после упразднения организации Варшавского договора и выхода Белоруссии, России и Украины из Советского Союза, приведшего к его развалу, относительно быстро и легко дошёл до его бывших границ, вобрал в себя Латвию, Литву и Эстонию. Но после этого он если не остановился, то замедлился. Пока что трудно сказать, как долго эта пауза будет продолжаться и пауза ли это» (с. 58).

В отношении России авторы напоминают: когда 24 июня 1994 г. было подписано Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, эксперты предполагали различные варианты развития событий: идеальный – вступление России в ЕС; прагматический – усиление сотрудничества; так как наименее вероятный – конфронтацию. По мнению авторов монографии, события 2014–2015 гг., кризис на Украине и воссоединение с Крымом привели к тому, что победил наименее вероятный сценарий. От себя добавим, что экономический шантаж (санкции) со стороны ЕС доказал и возможность атлантической сплочённости стран ЕС, и силу воздействия экономических рычагов – санкций. Приводимая в книге статистика замечательно иллюстрирует зависимость экономики РФ от

рынка и экономики ЕС. Примечательным выглядит вывод авторов о том, что «как шагреновая кожа будет сужаться энергетическое сотрудничество» (с. 87).

Стоит отметить убедительный авторский тезис: европейские политики никогда не воспринимали Россию в качестве серьёзного партнёра в международных делах (с. 75). На наш взгляд, сегодняшнее отношение ЕС к России прекрасно иллюстрируют приводимые в книге слова председателя Европейского совета Д. Туска: «РФ не является для нас стратегическим партнёром. Россия является нашей стратегической проблемой» (с. 88). Но согласимся с авторами: хотя Россия и ЕС (НАТО) в настоящее время заняты наращиванием военного потенциала, безопасность в Европе может быть обеспечена только их совместными усилиями.

Отношения в треугольнике ЕС–Россия–Украина рассмотрены авторами, в основном, начиная с конфликта 2014 г. и рассмотрены, на наш взгляд, достаточно пристрастно. Для примера, авторы считают, что после свержения президента В. Януковича «власть перешла в руки проевропейских политиков». Что проевропейского в людях, развязавших гражданскую войну в своей стране, непонятно. Мирную инициативу президента России В.В. Путина, высказанную им после встречи 7 мая 2014 г. с президентом Швейцарии, председателем ОБСЕ Д. Буркхальтером, авторы пытаются объяснить вынужденным следствием «провала попыток повторить донецко-луганский сценарий в ряде областных центров Украины (Харьков, Днепропетровск, Одесса)» (с. 81). Откуда взята такая уверенность авторов, остаётся только гадать, нами, во всяком случае, никаких попыток «развязывания» каких-то сценариев в указанных областях не замечено. Зато всеми замечены происходящие на Украине гонения на оппозицию, беспрецедентная цензура, гибель мирных граждан (вспомним сожжённых заживо в Одессе), оскорбления в адрес российского руководства и упоминания России не иначе, как в качестве «агрессора». В книге обо всём этом – ни слова.

Очень странно авторы прокомментировали высказывание помощника президента РФ С. Глазьева о выборе, перед которым стояла Украина в 2014 г.: «”для нас это вопрос целесообразности, а для них это вопрос выживания, потому что с нами они выживут как сильная, перспективная экономика. Без нас они превратятся просто в сырьевую колонию, резервуар дешёвой рабочей силы и больше ничего”, отметим, что с исторической точки зрения всё обстояло с точностью до наоборот» (с. 94). С этим невозможно согласиться, зная, в каких руинах лежит нынешняя экономика Украины под руководством своего «провропейского» правительства.

Что касается отношений ЕС и Белоруссии, то здесь авторы справедливо, на наш взгляд, отмечают определённую асимметричность, заключающуюся в высокой заинтересованности в сотрудничестве со стороны Республики Беларусь и не слишком большой заинтересованности в этом со стороны ЕС (с. 115).

Отношения ЕС с Молдавией, «одной из беднейших стран Европы», характеризуются авторами в том ключе, что в целом стремление РМ войти в ЕС поддерживается всеми органами Евросоюза, однако, когда речь заходит о конкретных

сроках, то всё останавливается на словах, что вступление Молдавии в Европейский союз «не исключено». Правда, авторы обращают внимание на «румынский фактор» молдавской евроинтеграции. Румыния последовательно проводит политику постепенного поглощения Молдавии. Авторы приводят слова президента Румынии о том, что «Румыния всё ещё остаётся разделённой на две страны». От себя отметим, что европейские политики никак не препятствуют подобному империализму.

Что касается Закавказья, которое авторы, следуя моде, называют Южным Кавказом, то, по их мнению, в отношениях с Европейским союзом все три страны находятся на стадии выбора парадигмы развития: Грузия, как известно, подписала Соглашение об ассоциации и режиме свободной торговли с невнятным «наполнением» этого соглашения; Армения пока не определила свой выбор; Азербайджан, имея возможность экспортировать энергоресурсы в Европу, предпочитает поддерживать одинаково стабильные отношения как с ЕС, так и с Россией.

Переходя к Средней Азии, авторы отмечают, что хотя наибольшего прогресса по пути демократизации достигла Киргизия (благодаря действующему механизму сменяемости власти), наибольший интерес для Евросоюза в Средней (Центральной) Азии и с точки зрения экономики, и с точки зрения политики представляет Казахстан. Авторы полагают, что в Центральной Азии ЕС воспринимается как источник помощи, которая сопряжена с попытками насаждения западной демократии, что часто несовместимо ни с национальными укладами, ни с тоталитарными формами управления государством (с. 178).

Третья часть книги (авторы – к.п.н. Л.О. Бабынина, к.э.н. Н.В. Говорова, к.и.н. Е.П. Тимошенко, к.и.н. П.Е. Кандель и к.и.н. П.В. Шлыков) посвящена политике ЕС в отношении потенциальных членов, стран Западной Европы и Балкан, а также Турции. Авторы положительно характеризуют опыт сотрудничества ЕС с Норвегией, Швейцарией и Исландией и делают предположение, что специфика этого опыта может быть интересна при моделировании отношений между ЕС и другими партнёрами в Европе, рассчитывающими на экономическую интеграцию, но по тем или иным причинам не имеющими чёткой перспективы членства в ЕС.

Другое дело – Балканы. Вот какой диагноз авторы дают лицемерию и цинизму внешней политики ЕС на примере бывшей Югославии. Цитата довольно обширная, зато исчерпывающая: «ЕС впервые столкнулся с проблемами региона, впоследствии окрещенного Западными Балканами (бывшие республики СФРЮ, кроме Словении, Косово и Албании), когда в начале 90-х попытался урегулировать начавшийся югославский кризис. По иронии истории в то время Югославия была единственным государством прежнего социалистического мира, имевшим соглашение об ассоциации с Европейским экономическим сообществом ... Между тем, непоследовательность, отсутствие скоординированной политики, пристрастный антисербский подход, уступчивость самовольным и трудно по-

дающимся рациональному объяснению действиям ФРГ, которая вопреки прежней позиции европейских лидеров, поспешила признать независимость Словении и Хорватии, не только сорвали все попытки ЕС покончить дело миром, но и сильно способствовали разрастанию конфликтов» (с. 217). Как говорится – ни убавить, ни прибавить. В итоге, как известно, ЕС уступил лидерство в «умиротворении» Соединённым Штатам, которые с помощью НАТО проводили его в соответствии со своими геополитическими амбициями, а иной раз и просто «исходя из личных внутривнутриполитических расчётов отдельных президентов».

В целом, по мнению авторов, НАТО способствует экспансии ЕС на Балканы (с. 235).

Перспектива вступления Турции в ЕС представляется авторам всё менее реальной. В чем же причина, тем более, если принять во внимание ряд крупных успешных реформ, инициированных действующим правительством, сформированным Партией справедливости и развития начиная с 2002 г.? Причин, как считают авторы, несколько. Первая – постоянное муссирование европейскими политиками темы «допустимых пределов» расширения Евросоюза. Это вкупе с акцентом европейцев на неограниченный во времени переговорный процесс о вступлении в ЕС привело к утрате доверия к евробюрократам со стороны турецкого руководства и населения. Вторая причина – это извечный «Кипрский вопрос». Третья причина – позиция лидеров Франции и Германии, открыто выступающих против вступления Турции в ЕС. Всё перечисленное вместе делает перспективу вступления Турции в ЕС весьма иллюзорной. Поэтому не стоит удивляться сделанному в прошлом году президентом Турции Р. Эрдоганом заявлению: Турция не нуждается в уроках демократии от Европейского союза, она – не козёл отпущения. Если не хотят нас принимать в ЕС – пусть не принимают, но мы для них не прислужники» (с. 241).

Четвёртая часть монографии (автор – д.и.н. М.Г. Носов) рассматривает отношения ЕС со странами Азии. Здесь нас подводят к любопытному выводу: если окинуть взглядом, то, что лежит к Востоку от Европы, то за исключением Индии, которая получила демократию из рук англичан, и Японии с её конституцией, написанной в 1947 г. американским оккупационным штабом, особым демократизмом государства региона не отличаются (с. 266). Однако здесь есть свои тонкости.

Китай, к примеру, никогда не выступал против процесса европейской интеграции, приветствуя создание единого европейского рынка, валюты, даже военную интеграцию, поскольку считал, что всё это способствует многополярности мировой системы (с. 271). Однако с экономической точки зрения у ЕС к Китаю много претензий, и прежде всего – экспансия китайского экспорта в Европу. При этом крупнейшие государства Европы – главные торговые партнёры и инвесторы Китая. Приводимая в монографии статистика демонстрирует рост отрицательного сальдо Европы в торговле с Китаем, с –65,1 млрд евро в 2003 г. до –137,3 млрд евро в 2014 г. (с. 275).

В монографии мы можем сравнить приведённую статистику с подобной статистикой по торговле ЕС с Японией. Торговый баланс между ЕС и Японией сократился с –29,9 млрд евро в 2002 г. до –1,2 млрд. евро в 2014 г. В монографии справедливо утверждается, что Япония остаётся единственной страной Азии, которая по большинству своих показателей и по своей политической идеологии принадлежит к западному миру, что во многом определяет характер её отношений с Европой (с. 289).

Следующая – пятая часть монографии (авторы – д.и.н. М.Г. Носов и к.и.н. А.А. Канунников) – посвящена отношениям ЕС с США, Канадой и странами Латинской Америки.

Авторы сразу заявляют, что атлантические отношения с их интенсивными политическими, экономическими, военными, научными и культурными связями по своему объёму остаются крупнейшими в мире (с. 367). Насыщена и история этих отношений в прошедшем столетии – от прихода американцев на выручку Европе в двух мировых войнах, через принятие пять десятилетий спустя новой трансатлантической программы до формирующегося в наши дни общего экономического пространства, свидетелями провозглашения которого мы можем стать в ближайшее время.

Кроме того, влияние США на европейскую политику многократно усилилось после распада Советского Союза. Авторы справедливо отмечают, что если Великобритания, Франция, Германия и другие старейшие члены и учредители ЕС иногда не соглашались с решениями Вашингтона в сфере безопасности, то вступившие в ЕС бывшие советские республики и бывшие члены Варшавского договора рассматривают Вашингтон и НАТО гарантом от существующих в их исторической памяти страхов вновь оказаться лицом к лицу с Москвой. Если для ЕС процесс расширения Союза остаётся большим экономическим и социальным испытанием, то для США он открыл возможность укрепления своего влияния на континенте и расширения НАТО (с. 373). Сюда можно добавить красноречивый факт: на США приходится 45% мировых военных расходов и 73% военных расходов НАТО.

Атлантические отношения зачастую приводят их участников к грёзам о глобальном управлении миром. Так, авторы приводят вывод, сделанный газетой «Зюддойче цайтунг»: «Трансатлантическое соглашение обладает потенциалом, выходящим далеко за строгие рамки экономических проблем. Оно пошлёт сильный политический сигнал о возможностях Запада формировать наш мир» (с. 382). Подчинённость ЕС этой догме проявилась, в частности, в формировании политики ЕС в отношении Кубы – единственной страны американского континента, с которой ЕС не подписал соглашения о политическом диалоге и сотрудничестве. Несмотря на то, что 45% туристов на Кубе составляли европейцы, а ЕС был крупнейшим торговым и экономическим партнёром Кубы – Брюссель ввёл в 2003 г. санкции против Кубы – по требованию США – из-за «нарушения прав человека». Как показало время, санкции оказались абсолютно неэффективными (с. 426).

И ещё один интересный факт, уже в отношениях ЕС и Аргентины. Когда в 2014 г. ЕС ввёл санкции против России, а Россия ответила продуктовыми контрсанкциями, из Аргентины в Москву отправилась правительственная делегация для того, чтобы компенсировать торговые потери России. Так вот ЕС посчитал возможным в ультимативной форме одёрнуть своих аргентинских партнёров. Аргентинцам было сказано, что неуместно «проводить государственные инициативы по поддержке и стимулированию замещения европейских продуктов, импорт которых в Россию был запрещён» (с. 438).

Шестая часть книги (авторы – к.и.н. О.С. Кулькова, к.п.н. Л.О. Бабынина и к.и.н. В.А. Кузнецов) посвящена отношениям ЕС со странами Африки – континента, на котором европейцы исторически наживались. Действительно, не так далеки от нас времена, когда европейцы в обмен на промышленные товары приобретали в Африке рабов для продажи в Америку, а на вырученные деньги закупали товары (ром, табак, сахар). Торговцы получали прибыль каждый раз (с. 441). Главный вывод авторов заключается в том, что сотрудничеству ЕС и Африки сейчас остро не хватает политической воли и стремления взяться за решение актуальных проблем, таких как нарастание миграционных потоков из Африки в Европу, проблемы безопасности, преодоление политических разногласий и др. (с. 503).

В отдельную – седьмую часть монографии (автор – д.и.н. М.Г. Носов) выделены отношения ЕС с Австралией и Океанией.

Заключительная восьмая часть (автор – к.и.н. И.Н. Щербак) анализирует отношения ЕС с международными организациями. Здесь нам предлагается вывод, что отношения Европейского союза с ООН и международными организациями можно охарактеризовать как особые, базирующиеся на признании приоритетной роли «многосторонности» и международных институтов в глобальном управлении миром (с. 565).

В заключение хочется отметить, что формат данной статьи не позволяет описать всё содержание монографии, и мы настоятельно рекомендуем изучить её всем, кто профессионально или на любительском уровне интересуется современной Европой. Авторами, безусловно, проделана огромная аналитическая работа. Книга содержит богатейший фактологический и теоретический материал, раскрывает отношения ЕС практически со всем миром во всём их многообразии и различии в каждом конкретном случае.

Авторы в конце книги утверждают: «Понять движущие силы интеграционных процессов в Европе, дать оценку будущего ЕС, столь важного для российской политики и будущего нашей страны, невозможно без оценки Евросоюза с миром» (с. 583).

Справедливым нам кажется и другой вывод авторов книги: «Закончился 20-летний период партнёрства, сложного и противоречивого, но всё же партнёрства. Начался новый период: осмысления нынешнего противостояния бывших

партнёров и поисков, в Брюсселе и Москве, новой концепции взаимодействия в сферах экономики, европейской безопасности – на основе баланса прагматич-ных интересов» (с. 586).

Об авторе:

Пётр Петрович Александров-Деркаченко – консультант директора Российского института страте-гических исследований. 125413, г. Москва, ул. Флотская, дом 15Б, Россия. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

SUCH A GLOBAL EUROPE

P. Aleksandrov-Derkachenko
DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-266-274

Institute for Strategic Studies

The European Union in the search for a global role: politics, economics, security. Ed. A.A. Gromyko and M.G. Nosov. M., Publishing house "Ves Mir", 2015. 592 p.

A review of the publication describing the position of the European Union in the global dimension, as the foreign policy component policy of the European Union, the EU's relations with different regions of the world. The illustrative book shows the dynamics of the EU's relations both with individual countries and with major international organizations. The author of the review considers the phenomenon of European integration, in which the boundaries of the territory of the European Union, the Euro zone and the territory of the countries-participants of NATO do not coincide and the impact of this phenomenon on the formation of EU foreign policy. Also considers the prospects for the development of the EU's relations with countries and international organizations, as well as the factor of "catching up develop-ment" of the foreign policy development of the EU in comparison with foreign trade.

Key words: European Union, NATO, EU foreign policy.

About the author:

Petr P. Aleksandrov-Derkachenko – consultant to the director of the Russian Institute for Strategic Studies. 125413, Moscow, ul. Flotskaya, house 15B, Russia.
E-mail: vestnik@mgimo.ru